

А Н Н А

АХМАТОВА

М а л о е
с о б р а н и е
с о ч и н е н и й

**Малое
собрание
сочинений**

**Анна
АХМАТОВА**

**Малое
собрание
сочинений**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1+6-44-5
А 95

Текстология, составление, предисловие и примечания
Наталии Крайневой

Серийное оформление Ильи Кучмы

- © М. И. Новгородова, 2016
- © Н. И. Крайнева, составление, подготовка текстов, предисловие, примечания, 2011
- © Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2011
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-02947-7

«В ТО ВРЕМЯ Я ГОСТИЛА НА ЗЕМЛЕ...»

Анна Ахматова — литературный псевдоним. Настоящее имя поэта — Анна Андреевна Гóбенко. «Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой, ее мать была чингизидкой, татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь стать русским поэтом, я сделала своим литературным именем», — писала она в поздней автобиографической прозе.

В действительности же прабабушка Ахматовой была не татарской княжной, а русской дворянкой, но на легенде о татарских корнях Ахматова настаивала также и в своих стихах: «Мне от бабушки-татарки...» («Сказка о черном кольце», 1); «Татарское, дремучее...» («Имя»).

Анна Гóбенко родилась 11 (24) июня 1889 года под Одессой. В 1890 году семья перебралась на север: сначала на несколько месяцев в Павловск, затем — в Царское Село, где Ахматова прожила до 16 лет. «Мои первые воспоминания царскосельские». В Царском Ахматова поступила в Мариинскую гимназию, где встретила и подружилась с Вале́й (Валерией) Тюльпановой (в замужестве Срезневской), в Царском в Рождественский сочельник 24 декабря 1903 года произошло знакомство с Николаем Гумилевым, в Царском было написано первое (несохранившееся) стихотворение Ахматовой «Голос» (1900).

Каждое лето 1896—1903 годов Ахматова проводила в Крыму, недалеко от Севастополя, и «там подружилась с морем». А когда в 1905 году родители Ахматовой разошлись, мать с младшими детьми переехала в Евпаторию, где Ахматова «дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов». Своё отражение приморское детство и «херсонесская юность» нашли в первой поэме Ахматовой «У самого моря» (1914).

После Евпатории Ахматова три года жила в Киеве — окончила последний класс Фундуклеевской гимназии, начала учиться на юридическом отделении Высших женских курсов и, главное, писала стихи. В 1907 году во втором номере журнала «Сириус», издававшегося в Париже Гумилевым, появилось первое напечатанное стихотворение Ахматовой «На руке его много блестящих колец...» за подписью «Анна Г.».

В Царское Село Ахматова вернулась летом 1910 года, будучи уже женой поэта Николая Гумилева. Они обвенчались 25 апреля 1910 года в Николаевской церкви села Никольское, недалеко от Киева, и уехали на месяц в Париж, где произошла первая встреча Ахматовой с художником Амедео Модильяни.

Зима 1910/11 года была необычайно важной для Ахматовой: она училась на Высших историко-литературных курсах Раева, писала стихи, читала их на «Башне» Вяч. Иванова, печаталась в журнале «Аполлон», познакомилась с Ф. Сологубом, О. Мандельштамом, М. Кузминым; за год до этого, в апреле 1910-го, прочитала корректуру «Кипарисового ларца» И. Ф. Анненского и «кое-что поняла в поэзии». А когда в Благовещенье 25 марта 1911 года вернулся из Африки Николай Гумилев, она показала написанные в эту зиму стихи и впервые получила его одобрение: «Ты — поэт, надо делать книгу».

Первая книга Анны Ахматовой «Вечер» вышла в марте 1912 года. Отзывы критики были благосклонны: «...к нам идет новый, молодой, но имеющий все данные стать настоящим поэт» (М. Кузмин); «Ахматова — подлинный лирик... сразу выделилась... и благородством всего поэтического облика, и особенно искренней настроенностью голоса и смелыми приемами стихотворного мастерства...» (В. Гиппиус). Критики отметили и «оригинальность, отличность от других», и существование собственной манеры у молодого поэта, и «причудливые загадки» рядом с «лирической обнаженностью», «меткость эпитетов» наряду с «экономным расхождением поэтических средств», в которых присутствует «уверенная и искусно-легкая работа».

И уже не просто благосклонно, а восторженно была встречена вторая книга стихотворений Анны Ахматовой «Четки» (1914). Именно «Четки» сделали Ахматову знаменитой. Успех книги у читателей был огромный. «Это читатели заставили критиков признать Ахматову». Уже в 1960-е годы Ахматова, составляя подборку лучших, на ее взгляд, статей о своем творчестве, указала небольшую рецензию В. Ходасевича на книгу «Четки», в которой были тонко подмечены особенности ранних стихотворений Ахматовой: «очаровательная интимность», «изысканная певучесть», «хрупкая тонкость», «как будто небрежность формы», притом что сами стихи «просты и немногоречивы», а «их содержание всегда шире и глубже слов, в которых оно замкнуто».

Незадолго до выхода «Вечера» Ахматова вошла в «Цех поэтов», члены которого, в противовес символистам, объединились под знаменем акмеизма, и к выходу «Четок» она была уже «правоверной акмеисткой». (Среди других акмеистов были Н. Гумилев, С. Городецкий, О. Мандельштам, В. Нарбут, М. Зенкевич.) Теоретическая программа акмеистов зиждилась на внимании к реальному миру,

его живым, конкретным явлениям, на обращении к земному и предметному, точному значению слова. Лаконизм ранних стихов Ахматовой, внимание к простым, «сниженным» вещам, привычные сельские, городские, парковые пейзажи, множество конкретных, обыденных деталей были проявлением акмеистической доктрины ранней Ахматовой. В то время литературные установки акмеистов были наиболее близки ее собственной позиции, хотя уже в раннем периоде творчества поэзия Ахматовой не умещалась в рамки какой-либо школы.

1912—1914 годы складывались для молодого поэта Анны Ахматовой удачно: ее приглашали на публичные выступления и поэтические вечера, где она имела большой успех, печатали в журналах и альманахах; рисовали художники; ей посвящали стихи поэты. Ахматова часто выступала в открывшемся 31 декабря 1911 года модном литературно-артистическом кабаре «Бродячая собака», где собирался цвет литературного, музыкального, артистического Петербурга начала 1910-х годов.

Но вскоре зазвучал не только голос любовного чувства — охватило предчувствие надвигающейся беды:

Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

«Июль 1914», 1

В марте 1914 года вышли «Четки», в мае, как отмечено в поздней автобиографической прозе, «петербургский сезон начал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из 19 в. сразу попали в 20-й...». В начале лета 1914 года Ахматова уехала из Петербурга: сначала в Дарницу под Киевом, где навестила мать и сестру Юю, затем в Слепнево, где с бабушкой, матерью Н. С. Гумилева Анной Ивановной, жил маленький сын Ахматовой, Лева, родившийся 18 сентября (1 октября) 1912 года.

В Слепневе, имении Гумилевых в Бежецком уезде Тверской губернии, Ахматова проводила каждое лето 1911—1917 годов, там ею было написано в общей сложности более пятидесяти стихотворений. В Слепневе Ахматова узнала о начале Первой мировой войны. Патриотический порыв, вызванный известием об объявлении Германией войны России 19 июля (1 августа) 1914 года, казалось, был среди населения страны всеохватывающим. Кто не подлежал мобилизации, шел в армию добровольцем, женщины, в том числе представительницы высшего света и даже царской семьи, работали сестрами милосердия, организовывали санитарные дома. Ушли добровольцами на фронт Н. Гумилев и Б. Анреп (близкий друг Ахматовой

в 1915—1917 годах, адресат более пятнадцати ее стихотворений) и другие дороги ей люди. А. Блок, как вспоминала Ахматова, «ходил по женам мобилизованных для оказания им помощи».

В те дни Ахматовой было написано несколько стихотворений: «Можжевельника запах сладкий...», «Дай мне горькие годы недуга...», «Утешение», «Памяти 19 июля 1914», в которых определилась ее гражданская позиция поэта и начала звучать тема родной земли.

Потрясение, равное другому, давнему — от известия о поражении русских войск при Цусиме, — вызвало воспоминания о «херсонесской юности». К поэту пришла первая поэма — «У самого моря». Вместе со стихотворениями, написанными после выхода «Четок» (1914—1917), она впоследствии составила третью книгу Ахматовой, «Белая Стая», изданную осенью 1917 года. В ней традиционная любовная лирика Ахматовой стала насыщаться еще большим психологизмом. Не случайно именно после выхода третьей книги критики заговорили об истоках поэзии Ахматовой, лежащих в психологической прозе. Представляющее самостоятельный законченный сюжет, стихотворение Ахматовой само являлось звеном в сюжетной цепи из нескольких стихотворений, образующих, в свою очередь, отдельные циклы, а циклы — книгу. Каждая книга Ахматовой — психологический роман, состоящий из отдельных главок (стихотворений, циклов), связанных общими темами и мотивами, образами и героями. Поэтому так настаивала Ахматова на сохранении книг и циклов и даже категорически запретила печатать ее стихи в хронологическом порядке. «Прошу мои стихи никогда в хронологическом порядке не печатать», — записала она 14 марта 1961 года, начиная составлять свою последнюю книгу стихотворений «Бег времени», вышедшую только в 1965 году.

С «Белой Стаи» в любовной лирике Ахматовой все ярче проступают черты ее биографии. Если в «Вечере» и «Четках» лирический герой чаще всего придуманный, навеянный размышлениями, неконкретный образ, то начиная с «Белой Стаи», далее в «Anno Domini», произведениях 1920—1940-х, 1950—1960-х годов многие лирические стихотворения имеют своего адресата, посвящены или обращены к конкретному лицу, игравшему какую-либо роль в жизни Ахматовой. Другое дело, что в связи с теми или иными событиями Ахматова могла изменить имя адресата, снять посвящение или совместить в одном стихотворении реальные черты нескольких человек. Много у Ахматовой и «спрятанных» посвящений, что дает возможность для многозначной трактовки ее стихотворений.

К 1914 году осложнились личные отношения Ахматовой с Н. С. Гумилевым. В 1913-м она познакомилась с поэтом и критиком Н. В. Недоброво, автором лучшей, как она считала, статьи о ее творчестве («...а он, может быть, и сделал Ахматову...»). В доме Не-

доброво в апреле 1915 года она познакомилась с художником-мозаичистом Б. Анрепом. Сначала Недоброво, затем Анреп стали адресатами шедевров любовной лирики Ахматовой, напечатанных в «Белой Стаяе» и следующей книге — «Подорожник» (1921).

Но до выхода «Подорожника» Ахматовой предстояло пережить еще немало событий. Значительнейшее из них — 25 октября (7 ноября) 1917 года:

На разведенном мосту
В день, ставший праздником ныне,
Кончилась юность моя...

Вся дальнейшая биография и творческая жизнь Ахматовой были определены этим событием. Стал невыносимым быт, свершился развод с Н. С. Гумилевым, последовало замужество за В. К. Шилейко, гениальным востоковедом и трудным для совместной жизни человеком. Их отношения отражены в стихотворениях цикла «Черный сон», а сколько горького осталось не сказанным в стихах! Но Ахматова еще писала стихи, их еще печатали в периодической печати; она еще успела сделать свою пятую книгу. В пятой книге стихотворений Анны Ахматовой «Anno Domini MCMXXI» (1922, на титуле — «1921») одна из главных тем — переживание гибели Н. С. Гумилева, хотя его имя прямо нигде не названо. К нему обращено или его памяти посвящено несколько лучших ахматовских стихотворений: «Заплаканная осень, как вдова...», «Тот август, как желтое пламя...», «Страх, во тьме перебирая вещи...», «Не бывать тебе в живых...», «Пока не свалюсь под забором...». Не об этих ли стихах «Anno Domini» писатель и критик Б. Лавренев (в те годы печатавшийся под псевдонимом Б. Акмеев) сказал: «Небывалая острота напряженного переживания, глубина скорби, выходящей за пределы личности, становящейся общечеловеческой...» В годы написания «Anno Domini» было много потерь: в 1919 году в Ялте от туберкулеза скончался Н. В. Недоброво, 7 августа 1921 года умер А. А. Блок, 25 августа 1921 года был расстрелян Н. С. Гумилев, уехал за границу близкий друг Ахматовой композитор А. С. Лурье, уезжали друзья и знакомые — литераторы, художники, музыканты. Звали и Ахматову.

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.
«Когда в тоске самоубийства...»

В этих строках, написанных в 1917 году и тогда же высоко оцененных А. Блоком, Ахматова объявила свою позицию, которой никогда в дальнейшем не изменила. Через пять лет она повторила:

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

«Не с теми я, кто бросил землю...»

Итог этой теме, выдержав все выпавшие на ее долю удары, Ахматова подвела в 1961 году в стихотворении «Родная земля».

Книга «Anno Domini MCMXXI», сочетающая «потрясающий трагизм с огромным мастерством стиха» (Б. Лавренев), — вершина раннего творчества Ахматовой. Это последняя изданная книга перед «первым антрактом», как называла Ахматова последующие семнадцать лет своего негласного отстранения от литературы. Словно предчувствуя этот «антракт», Ахматова своей книгой подвела черты под первым периодом творчества: все лучшее из творческой манеры стало основой ее поэтического стиля, лирические «узкие» любовные темы расширились до «мировых», переросли в общечеловеческие, пробы пера стали «священным ремеслом» поэта. При этом она осталась собою, Ахматовой, всегда узнаваемой, стихи которой удивляли, завораживали, запоминались. Новые глубокие темы, появившиеся в «Anno Domini MCMXXI» («Библейские стихи», «Эпические мотивы»), перекидывали мостик к будущему творчеству, органично вытекая из прежних стихов...

Следующая после «Anno Domini» книга Ахматовой — сборник «Из шести книг» — появилась почти через двадцать лет, в 1940 году. Что пришлось пережить поэту за эти годы? Начало и разгар травли в периодической печати, Первое (негласное) постановление 1925 года о запрещении печатать стихи Ахматовой и выход в 1929 году из Союза писателей (в знак солидарности с Б. А. Пильняком и Е. И. Замятиным), «второй клинический голод... 1928—1932 (карточки, недоедание)», болезни, бедность, даже нищету. «Круглый год в одном и том же замызганном платье, в кое-как заштопанных чулках и в чем-то на ногах, о чем лучше не думать... <...> очень худая, очень бледная — вот какой я была в это время». И это Ахматова — Федра, Эвридика 1910-х годов, написать портрет которой стремились лучшие художники начала века! Но это не все. В 1934 году был арестован первый раз и выслан друг Ахматовой поэт О. Мандельштам; в 1938 году последуют его второй арест и смерть в пересыльном лагере под Владивостоком. Осенью 1933 и 1935 годов дважды арестовывались сын Ахматовой, студент 3-го курса истфака ЛГУ Л. Н. Гумилев, и третий муж, искусствовед Н. Н. Пунин. Благодаря хлопотам Ахматовой и еще «сравнительно вегетарианскому» времени их быстро освобождали, чтобы через три года снова арестовать Льва Гумилева и отправить на пять лет в исправительно-трудовой лагерь за полярный круг. С этих дней в раненой и потрясенной

душе Ахматовой начал звучать «Реквием». «...Принявшая опыт этих лет <1925—1935> — страха, скуки, пустоты, смертного одиночества, — в 1936 году я снова начинаю писать, но почерк у меня изменился, но голос уже звучит по-другому... Возникает „Реквием“ (1935—1940)... 1940 — апогей. Стихи звучали непрерывно, наступая на пятки друг другу, торопясь и задыхаясь <...>».

<...> Дом был проклят, и проклято дело,
Тщетно песня звенела нежней,
И глаза я поднять не посмела
Перед страшной Судьбою моей.
Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол.
Разлучили с единственным сыном,
В казематах пытали друзей,
Окружили невидимым тыном
Крепко слаженной слежки своей.<...>

«Все ушли, и никто не вернулся»

«<...> В марте <1940> „Эпилогом“ кончился „R<equiem>“. В те же дни — „Путем вся земли (Китежанка)“, т. е. большая панихида по самой себе, осенью одновременно — две гости: Саломея („Тень“) и моя бедная Ольга („Ты в Россию пришла ниоткуда“), и с этой таинственной спутницей я проблуждала 22 года». «Таинственной спутницей» Ахматова назвала свое центральное произведение — «Поэму без Героя», которая «начала звучать» задолго до этого — 25 октября 1917 года. За пятнадцать лет «первого антракта» ею было написано чуть более шестидесяти стихотворений, включая стихи из поэмы «Реквием» и поэму «Путем вся земли (Китежанка)». Многие из них — вершина творчества Ахматовой этого периода: «Привольем пахнет дикий мед...», «Если плещется лунная жуть...», «Тот город, мной любимый с детства...», «Зачем вы отравили воду...», «Воронеж», «Немного географии», «Я знаю, с места не сдвинуться...», «Борис Пастернак», «Подражание армянскому», «Подвал памяти», «Стансы», «Соседка из жалости — два квартала...», поэмы «Реквием» и «Путем вся земли (Китежанка)». Среди этих стихотворений немало «крамольных», антисталинских, которые ни при жизни автора, ни в доперестроечные годы невозможно было напечатать («догутенберговский период», — горько шутила Ахматова).

В начале 1920-х — 1930-е годы Ахматова серьезно занялась изучением архитектуры Петербурга и исследованием творчества Пушкина. Классическую русскую литературу XVII—XIX веков Ахматова превосходно знала с детских и юношеских лет, французской увлекалась в молодости и в начале своей поэтической деятельности. В 1927 году она стала изучать английский язык, чтобы читать Шекс-

пира в подлиннике, выучила также итальянский и цитировала наизусть целые главы «Божественной комедии» Данте.

В жизни поэта был еще один, менее протяженный, период молчания — девять лет, «второй антракт». Он начался с постановления 14 августа 1946 года, закончившись после смерти Сталина первыми реабилитациями жертв второй волны сталинских репрессий. За эти годы Ахматова написала всего четыре стихотворения, остальными были переводы посредственных поэтов братских республик, которые делались для спасения арестованного в третий раз и сосланного в лагерь сына.

С середины 1920-х годов Ахматова поселилась в Фонтанном Доме, став второй женой известного искусствоведа Н. Н. Пунина. С ним она посещала выставки современного искусства, погрузилась в круг его интересов, главным из которых был тогда русский авангард, переводила ему статьи из французских искусствоведческих журналов.

К концу 1930-х годов их отношения зашли в тупик, и они расстались, оставшись жить под одной «кровлей Фонтанного Дома»: «Прирученной и бескрылой / Я в дому твоём живу...» В течение последующих трех лет до начала войны другом и опорой Ахматовой был В. Г. Гаршин, профессор Института экспериментальной медицины, племянник писателя В. М. Гаршина. К нему обращено несколько стихотворений 1938—1944 годов; ему был посвящен «Эпилог» первых редакций «Поэмы без Героя», а созданная в Ташкенте в 1943 году вторая редакция «Поэмы без Героя» была ему посвящена целиком, как первоначально и поэма «Путем всея земли (Китежанка)».

Война застала Ахматову в Ленинграде. Оправившись от страшного известия, она еще до отъезда написала несколько стихотворений, вошедших впоследствии в цикл «Ветер войны»: «И та, что сегодня прощается с милым...», «Первый дальнобойный в Ленинграде», «Птицы смерти в зените висят...». 28 сентября Ахматова улетела из родного города в Москву, в середине октября отправилась в вынужденное путешествие — эвакуацию в Среднюю Азию. Из Москвы в Казань, из Казани в Чистополь поездом и пароходом, из Чистополя через всю страну на поезде в Ташкент: эту поездку Ахматова описала в «Эпиллоге» «Поэмы без Героя».

Оказавшись в Ташкенте, Ахматова «вспомнила» легенду о своих восточных корнях: «Я не была здесь лет семьсот. Но ничего не изменилось...», а в 1960-е годы уточнила: «<...> в Киеве я жила меньше, чем в Ташкенте (1941—1944) во время эвакуации».

В Ташкенте Ахматовой было написано еще несколько «военных» стихотворений, в том числе на «ленинградскую» тему: «Ночь. Статуя „Ночь“ в Летнем саду», «Щели в саду вырыты...» и «Постучи кулачком — я открою...». Два последних посвящены памяти Воны Смирнова — двухлетнего соседа Ахматовой по квартире в Фон-

танном Доме, к этому мальчику она была очень привязана и считала его погибшим — на самом деле погиб его старший брат Валя. Патриотические стихотворения Ахматовой были признаны властями, ее вернули из стана чуждых советскому строю поэтов в ряды «своих». Это немного улучшило бытовую сторону ташкентской жизни Ахматовой: был приличный паек, лечение в хорошей больнице и санатории, маленькая, но своя, отдельная комната. Из Ташкента Ахматова улетела в Москву 14 мая 1944 года. Она торопилась в Ленинград к В. Г. Гаршину, женой которого обещала стать еще до войны. Но семейной жизни не получилось: произошел разрыв, три месяца Ахматова прожила в доме своих друзей Рыбаковых, а в конце августа 1944 года вернулась в Фонтанный Дом, в семью своего бывшего мужа Н. Н. Пунина, женившегося уже на другой женщине.

С Фонтанным Домом связана треть жизни Ахматовой. Почти двадцать пять лет с небольшими перерывами она прожила «в страшных недрах...» одного из «великолепнейших дворцов города — в Фонтанном Доме графов Шереметевых»; сначала с В. К. Шилейко, домашним учителем детей Шереметевых (с осени 1919 до осени 1920 года), затем с Н. Н. Пуниным (с конца 1925 года). После ареста и смерти в лагере Ахматова жила с семьей его дочери Ирины (до 1952 года, когда ее вместе с семьей И. Н. Пуниной переселили на ул. Красной Конницы). Именно в Фонтанном Доме Ахматова начала писать свое главное произведение — «Поэму без Героя»: «Она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 г., прислав, как вестника, еще осенью один небольшой отрывок („Ты в Россию пришла ниоткуда...“). Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы <...>». Именно в Фонтанный Дом в середине ноября 1945-го и в начале января 1946 года приходил к Ахматовой Исайя Берлин, в то время молодой английский журналист, философ, литературовед. Эти две встречи и полночные беседы оказались для Ахматовой роковыми: в них она видела истоки постановления 1946 года и даже причину начала холодной войны между Востоком и Западом. Так ли это — знать не нам, но с визитами Берлина связано создание шедевров поздней лирики Ахматовой: циклов «Cinqe», «Шиповник цветет (Из сожженной тетради)», отчасти «Полночных стихов», нескольких стихотворений вне циклов, «Третьего посвящения» в «Поэме без Героя».

Постановление 14 августа 1946 года «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», в котором «резкой партийной критике» подверглись произведения Ахматовой и Зощенко, было для Ахматовой неожиданным.

1946 год начинался для нее очень плодотворно: готовились три издания ее стихотворений, состоялось несколько выступлений

в Москве в апреле 1946 года, имевших громадный успех. 14 августа все оборвалось — тиражи книг были уничтожены, сданная в издательство рукопись «Седьмой книги» пролежала там до 1952 года и была возвращена «за истечением срока архивного хранения». Начался «второй антракт»: «...после 46 г. наступает девятилетний мрак, во время которого я только занималась переводами, чтобы не умереть с голоду и посылать посылки в лагерь, и иногда сомнамбулически возилась с поэмой...»

6 ноября 1949 года в третий раз был арестован и впоследствии приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей сын Ахматовой Л. Н. Гумилев, ученый-историк, востоковед, этнограф, имевший медали «За взятие Берлина» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». В этот день, в который уже раз, Ахматова сожгла свой архив — в огне погибло практически все, что было в доме, чудом уцелели рукописи, находившиеся у других людей, или произведения, сохранившиеся в памяти ее друзей. В эти годы Судьба заставила Ахматову-мать сделать то, страшнее чего не было для Ахматовой-поэта. Для спасения сына с великим страданием она вымучила из себя цикл «Слава миру!», стоивший ей первого инфаркта. «Стихи в „Огоньке“ я прочитал; я ее любил и понимаю, какой должен быть ужас в ее темном сердце», — записал тогда Н. Н. Пунин в своем дневнике. Но сына не освободили. Она переводила стихи поэтов союзных республик, славословящих великого вождя, но и это не помогало. «Так прошло девять лет...» А для себя, для сына, для друзей, для правды писались, сжигались, забывались другие стихи: цикл «Черепки», «крамольные» строфы «Поэмы без Героя».

«Второй антракт» закончился с разоблачением «антинародной деятельности» Сталина на XX партсъезде. Он состоялся в феврале 1956 года, а в мае Л. Н. Гумилев вернулся домой, имея на руках справку о полной своей невиновности. Однако постановления 14 августа 1946 года никто не отменял: как и предыдущие десять лет, его изучали в школах и вузах страны и в последующие годы.

1956—1966 годы — последнее десятилетие творчества Ахматовой — были для нее не менее плодотворными, чем 1912—1922 годы — такой же по времени период раннего творчества, когда вошло в свет пять ее поэтических сборников. Ясность и живость ума, свежесть и острота памяти, интерес ко всему происходящему, уникальное чувство юмора позволяли Ахматовой жить полной творческой жизнью, быть в курсе последних новостей, приобретать новых друзей, в том числе из молодежи, радоваться общению с ними. В эти годы Ахматова писала новые стихи и восстанавливала «забытые» и «утерянные», записывала по памяти «крамольные» произведения, интенсивно работала над «Поэмой без Героя»: в 1956—1963 годах ею было создано пять редакций поэмы. Она не переставала зани-

маться Пушкиным: переделала три старые статьи и написала несколько новых; одновременно составляла книгу прозы: о себе, о Петербурге, о поэтах-современниках, о людях своей эпохи, о литературе — Достоевском, Гоголе, Шекспире. В ее творческих планах значилось несколько новых книг. Пришло к Ахматовой и мировое признание: международная литературная премия Этна Таормина была вручена ей в Италии в декабре 1964 года; летом 1965-го она побывала в Англии, где ей присвоили почетное звание доктора литературы Оксфордского университета. Отнимали время и забирали творческую энергию поэта переводы, которые приходилось делать для хлеба и лояльности властей. И все это на фоне преклонного возраста, трех инфарктов и других болезней, не вполне устроенного быта, жизни между Ленинградом, Москвой и Комарово, подготовки книг к изданию, переговоров с редакторами, постоянного напряжения нервов.

После большого перерыва — через восемнадцать лет после выхода сборника «Из шести книг» — в 1958 году была напечатана «куцая» книжечка Ахматовой «Стихотворения». «Остались от козлика рожки да ножки», — написала Ахматова, отдавая дань «добросовестной» работе редактора книги и ее цензора. В 1961 году в серии «Библиотека советской поэзии» увидела свет маленькая (и по объему, и по формату) книжечка «Стихотворения. 1909—1960». Следующая книга — первый «Бег времени», подготовленный Ахматовой очень серьезно и тщательно, — была «зарезана» издательством «Советский писатель» по распоряжению сверху. Второй «Бег времени» вышел в свет осенью 1965 года и тоже был заметно подправлен цензурой. Но даже в таком виде сборник все-таки радовал Ахматову: многие новые стихи были опубликованы. Отмечая, что «Бег времени» вышел ровно через полвека после «Белой Стаи», Ахматова писала: «Камня на камне не осталось от моей тогдашней жизни, и всего страшнее, что все люди — другие. А те... А стихи снова оказались прочней всего». Не удалось поместить в книгу «Бег времени» стихотворения 1930-х годов, остался ненапечатанным «Реквием»; «Поэма без Героя» вошла в сборник только своей первой, самой «безобидной», частью.

«<...> На пороге стоит Судьба <...>» — это строчка из «Поэмы без Героя». В октябре 1965 года Ахматова уехала в Москву и больше уже своего Города (она всегда писала это слово с прописной буквы) не видела. До самых последних дней, находясь в московской больнице, Ахматова продолжала работать. «Чувствую себя человеком, только когда берусь за перо...» В ее последней больничной записной книжке — 268 листов, и каждый заполнен записями с обеих сторон: фрагменты автобиографической и мемуарной прозы (в конце февраля 1966 года были закончены воспоминания о друге поэте и переводчике М. Л. Лозинском), черновики статей для книги

«Гибель Пушкина», беловые записи «крамольных» стихотворений, планы книг, перечни имен и фамилий друзей и знакомых, кому Ахматова хотела подарить свой «Бег времени». Последние стихотворные строчки были написаны в январе:

А как музыка зазвучала
И очнулась вокруг зима,
Стало ясно, что у причала
Государыня смерть сама.

и феврале:

Сама Нужда смирилась, наконец,
И отошла задумчиво в сторонку...

Анна Ахматова умерла 5 марта 1966 года в подмосковном санатории «Домодедово». О прощании в маленьком морге Института имени Склифосовского мало кто знал, народу пришло не много. Плакал и говорил очень тепло и проникновенно поэт Арсений Тарковский: «Жизнь для нее кончилась. Наступило бессмертие». В Ленинграде, куда 9 марта привезли гроб с телом Ахматовой, ни на одном городском кладбище хоронить не разрешили. Выбрали Комарово, где Ахматова жила с 1955 года в маленьком летнем домике — «Будке». Л. Н. Гумилев заказал панихиду в Никольском Морском соборе. 10 марта на отпевании в соборе, на гражданской панихиде в Доме писателя — толпы народа: близкие, друзья, знакомые, тысячи поклонников ее поэзии. И всюду милиция, дружинники и «официальные лица». Боялись беспорядков. Покойно и торжественно стало только на комаровском кладбище.

Строгое северное небо и устремленные в него сосны вот уже более сорока лет охраняют «смертный уют» великого русского поэта.

Наталья Крайнева

Из книги «ВЕЧЕР»

La fleur des vignes pousse,
Et j'ai vingt ans ce soir.

André Theuriet

Молюсь оконному лучу —
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце — пополам.
На рукомойнике моем
Позеленела медь.
Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине,
Но в этой храмине пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.

3 ноября 1909
Киев

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Подушка уже горяча
С обеих сторон.
Вот и вторая свеча
Гаснет, и крик ворон
Становится все слышней.
Я эту ночь не спала,
Поздно думать о сне...
Как нестерпимо бела
Штора на белом окне.
Здравствуй!

2

Тот же голос, тот же взгляд,
Те же волосы льняные.
Все как год тому назад.
Сквозь стекло лучи дневные
Известь белых стен пестрят...
Свежих лилий аромат
И слова твои простые.

1909

ЧИТАЯ «ГАМЛЕТА»

1

У кладбища направо пылил пустырь,
А за ним голубела река.
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака...»
Принцы только такое всегда говорят,
Но я эту запомнила речь, —
Пусть струится она сто веков подряд
Горностаевой мантией с плеч.

1909
Киев

2

И как будто по ошибке
Я сказала: «Ты...»
Озарила тень улыбки
Милые черты.
От подобных оговорок
Всякий вспыхнет взор...
Я люблю тебя, как сорок
Ласковых сестер.

1909
Киев

И когда друг друга проклинали
В страсти, раскаленной добела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала,
И что память яростная мучит,
Пытка сильных — огненный недуг! —
И в ночи бездонной сердце учит
Спрашивать: о, где ушедший друг?
А когда, сквозь волны фимиама,
Хор гремит, ликуя и скорбя,
Смотрят в душу строго и упрямо
Те же неизбежные глаза.

1909

ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Прошло пять лет. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.

1910

I

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

*24 ноября 1911
Царское Село*

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

1

По аллее проводят лошадок.
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задышалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

22 февраля 1911
Царское Село

2

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

1911

3

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

24 сентября 1911
Царское Село

И мальчик, что играет на волынке,
И девочка, что свой плетет венок,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек, —

Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу.
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы.
О, только дайте греться у огня!
Мне холодно... Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.

*30 ноября 1911
Царское Село*

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

*8 января 1911
Киев*

Память о солнце в сердце слабеет.
Желтей трава.
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.

В узких каналах уже не струится —
Стынет вода.

Здесь никогда ничего не случится, —
О, никогда!

Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть!.. За ночь прийти успеет
Зима.

*30 января 1911
Киев*

Высо́ко в небе облачко серело,
Как беличья расстеленная шкурка.
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

В пушистой муфте руки холодели.
Мне стало страшно, стало как-то смутно.
О, как вернуть вас, быстрые недели
Его любви, воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней белой вьюгой.
О нем гадала я в канун Крещенья.
Я в январе была его подругой.

*<Весна 1911
Царское Село>*

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Ты совсем устало,
Бьешься тише, глуше...
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души.

*17 февраля 1911
Царское Село*

Хочешь знать, как все это было? —
Три в столовой пробило,
И прощаясь, держась за перила,
Она словно с трудом говорила:
«Это все... Ах, нет, я забыла,
Я люблю вас, я вас любила
Еще тогда!»
«Да».

*29 октября 1910
Киев*

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!

Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

29 сентября 1911
Царское Село

Как соломинкой, пьешь мою душу.
Знаю, вкус ее горек и хмелен.
Но я пытку мольбой не нарушу.
О, покой мой многонеделен.

Когда кончишь, скажи. Не печально,
Что души моей нет на свете.
Я пойду дорогой недалней
Посмотреть, как играют дети.

На кустах зацветает крыжовник,
И везут кирпичи за оградой.
Кто ты: брат мой или любовник,
Я не помню, и помнить не надо.

Как светло здесь и как бесприютно,
Отдыхает усталое тело...
А прохожие думают смутно:
Верно, только вчера овдовела.

<10 февраля 1911
Царское Село>

II

ОБМАН

М. А. Эмунчила

1

Весенним солнцем это утро пьяно,
И на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;
Читаю в ней элегии и стансы,
Написанные бабушке моей.

Дорогу вижу до ворот, и тумбы
Белеют четко в изумрудном дерне.
О, сердце любит сладостно и слепо!
И радуют пестреющие клумбы,
И резкий крик вороны в небе черной,
И в глубине аллеи арка склепа.

2 ноября 1910
Киев

2

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло;

Сухо пахнут иммортели
В разметавшейся косе.
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.

Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка...
Кто сегодня мне приснится
В пестрой сетке гамака?

*Январь 1910
Киев*

3

Синий вечер. Ветры кротко стихли,
Яркий свет зовет меня домой.
Я гадаю: кто там? — не жених ли,
Не жених ли это мой?..

На террасе силуэт знакомый,
Еле слышен тихий разговор.
О, такой пленительной истомы
Я не знала до сих пор.

Тополя тревожно прошуршали,
Нежные их посетили сны.
Небо цвета вороненой стали,
Звезды матово-бледны.

Я несу букет левкоев белых.
Для того в них тайный скрыт огонь,
Кто, беря цветы из рук несмелых,
Тронет теплую ладонь.

*Сентябрь 1910
Царское Село*

4

Я написала слова,
Что долго сказать не смела.
Тупо болит голова,
Странно немеет тело.

Смолк отдаленный рожок,
В сердце все те же загадки,

Легкий осенний снежок
Лег на крокетной площадке.

Листьям последним шуршать!
Мыслям последним томиться!
Я не хотела мешать
Тому, кто привык веселиться.

Милым простила губам
Я их жестокую шутку...
О, вы приедете к нам
Завтра по первопутку.

Свечи в гостиной зажгут,
Днем их мерцанье нежнее,
Целый букет принесут
Роз из оранжереи.

*Август 1910
Царское Село*

Мне с тобою пьяным весело —
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.

Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странную
И застывшей улыбаемся?

Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища
И беспутного и нежного.

1911

Сердце к сердцу не приковано,
Если хочешь — уходи.
Много счастья уготовано
Тем, кто волен на пути.

Я не плачу, я не жалеюсь,
Мне счастливой не бывать.
Не целуй меня, усталую, —
Смерть придет поцеловать.

Дни томлений острых прожиты
Вместе с белою зимой.
Отчего же, отчего же ты
Лучше, чем избранник мой?

<Весна 1911>

ПЕСЕНКА

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду полю.

Вырываю и бросаю —
Пусть простит меня.
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.

Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды.

Будет камень вместо хлеба
Мне наградой злой.
Надо мною только небо,
А со мною голос твой.

11 марта 1911
Царское Село

Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать.

Над засохшей повиликою
Мягко плавает пчела;
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.

Затянулся ржавой тиной
Пруд широкий, обмелел,
Над трепещущей осиною
Легкий месяц заблестел.

Замечаю все как новое.
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, земля.

*23 февраля 1911
Царское Село*

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как, усталая,
Я не решалась лечь.

Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой,

И знать, что все потеряно,
Что жизнь — проклятый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад.

*6 февраля 1911
Царское Село*

Ш

МУЗЕ

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.

Муза! ты видишь, как счастливы все —
Девушки, женщины, вдовы;
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок».

*10 ноября 1911
Царское Село*

ВЕЧЕРНЯЯ КОМНАТА

Я говорю сейчас словами теми,
Что только раз рождаются в душе.
Жужжит пчела на белой хризантеме,
Так душно пахнет старое саше.

И комната, где окна слишком узки,
Хранит любовь и помнит старину,
А над кроватью надпись по-французски
Гласит: «Seigneur, ayez pitié de nous».

Ты сказки давней горестных заметок,
Душа моя, не тронь и не ищи...
Смотрю, блестящих северских статуэток
Померкли глянцевитые плащи.

Последний луч, и желтый и тяжелый,
Застыл в букете ярких георгин,
И как во сне я слышу звук виолы
И редкие аккорды клавесин.

*21 января 1911
Киев*

СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

*11 декабря 1910
Царское Село*

ОН ЛЮБИЛ...

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

9 ноября 1910
Киев

НАДПИСЬ НА НЕОКОНЧЕННОМ ПОРТРЕТЕ

О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна,
Я здесь, на сером полотне,
Возникла странно и неясно.

Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка исступленья,
Я не могла бы стать иной
Пред горьким часом наслажденья.

Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел,
И щеки стали снеговыми.

И нет греха в его вине,
Ушел, глядит в глаза другие,
Но ничего не снится мне
В моей предсмертной летаргии.

Февраль 1911

Сладок запах синих виноградин...
Дразнит опьяняющая даль.

Голос твой и глух и безотраден.
Никого мне, никого не жаль.

Между ягод сети-паутинки,
Гибких лоз стволы еще тонки,
Облака плывут, как льдинки, льдинки
В ярких водах голубой реки.

Солнце в небе. Солнце ярко светит.
Уходи к волне про боль шептать.
О, она, наверное, ответит,
А быть может, будет целовать.

*16 января 1910
Киев*

ПОДРАЖАНИЕ И. Ф. АННЕНСКОМУ

И с тобой, моей первой причудой,
Я простился. Чернела вода.
Просто молвила: «Я не забуду».
Я так странно поверил тогда.

Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?

И всегда открывается книга
В том же месте. Не знаю, зачем!
Я люблю только радости мига
И цветы голубых хризантем.

О, сказавший, что сердце из камня,
Знал наверно: оно из огня...
Никогда не пойму, ты близка мне
Или только любила меня.

20 февраля 1911

Вере Ивановой-Шварсалон

Туманом легким парк наполнился,
И вспыхнул на воротах газ.
Мне только взгляд один запомнился
Незнающих, спокойных глаз.

Твоя печаль, для всех неявная,
Мне сразу сделалась близка,
И поняла ты, что отравная
И душная во мне тоска.

Я этот день люблю и праздную,
Приду, как только позовешь.
Меня, и грешную и праздную,
Лишь ты одна не упрекнешь.

Апрель 1911

Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах.
Заведут — и кукою.
Знаешь, долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу.

7 марта 1911

Царское Село

САД

Он весь сверкает и хрустит,
Обледенелый сад.
Ушедший от меня грустит,
Но нет пути назад.

И солнца бледный тусклый лик —
Лишь круглое окно;
Я тайно знаю, чей двойник
Приник к нему давно.

Здесь мой покой навеки взят
Предчувствием беды,
Сквозь тонкий лед еще сквозят
Вчерашние следы.

Склонился тусклый мертвый лик
К немому сну полей,
И замирает острый крик
Отсталых журавлей.

1911
Царское Село

Три раза пытаться приходила.
Я с криком тоски просыпалась
И видела тонкие руки
И темный насмешливый рот.
«Ты с кем на заре целовалась,
Клялась, что погибнешь в разлуке,
И жгучую радость таила,
Рыдая у черных ворот?
Кого ты на смерть проводила,
Тот скоро, о, скоро умрет».
Был голос как крик ястребиный,
Но странно на чей-то похожий.
Все тело мое изгибалось,
Почувствовав смертную дрожь,
И плотная сеть паутины
Упала, окутала ложе...
О, ты не напрасно смеялась,
Моя непощенная ложь!

16 февраля 1911
Царское Село

Из книги «ЧЕТКИ»

Прости ж навек!
Но знай, что двух
 виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих, в преданиях
 любовных.

Баратынский

I

СМЯТЕНИЕ

1

Было душно от жгучего света,
А взгляды его — как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился — он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

2

Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

3

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся,
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся —
И загадочных, древних ликов
На меня поглядели очи...
Десять лет замираний и криков,

Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его — напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

1913

ПРОГУЛКА

Перо задело о верх экипажа.
Я поглядела в глаза его.
Томилось сердце, не зная даже
Причины горя своего.

Безветрен вечер и грустью скован
Под сводом облачных небес,
И словно тушью нарисован
В альбоме старом Булонский лес.

Бензина запах и сирени,
Насторожившийся покой...
Он снова тронул мои колени
Почти не дрогнувшей рукой.

Май 1913

Я не любви твоей прошу.
Она теперь в надежном месте...
Поверь, что я твоей невесте
Ревнивых писем не пишу.
Но мудрые прими советы:
Дай ей читать мои стихи,
Дай ей хранить мои портреты —
Ведь так любезны женихи.
А этим дурочкам нужней
Сознание полное победы,

Чем дружбы светлые беседы
И память первых нежных дней.
Когда же счастья гроши
Ты проживешь с подругой милой
И для пресыщенной души
Все станет сразу так постыло —
В мою томительную ночь
Не приходи, тебя не знаю.
И чем могла б тебе помочь?
От счастья я не исцеляю.

1914. Июль.
Слетнево

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетания стрекоз.

Ах! не трудно угадать мне вора,
Я его узнала по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.

Январь 1914

ВЕЧЕРОМ

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Пюют за стелющимся дымом:
«Благослови же Небеса —
Ты первый раз одна с любимым».

Март 1913

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки:
Что там, изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Неприменно будет в аду.

1 января 1913

...И на ступеньки встретить
Не вышли с фонарем.
В неверном лунном свете
Вошла я в тихий дом.

Под лампою зеленой,
С улыбкой неживой,
Друг шепчет: «Сандрильона,
Как странен голос твой...»

В камине гаснет пламя,
Томя, трещит сверчок.
Ах! кто-то взял на память
Мой белый башмачок

И дал мне три гвоздики,
Не подымая глаз.
О милые улики,
Куда мне спрятать вас?

И сердцу горько верить,
Что близок, близок срок,
Что всем он станет мерить
Мой белый башмачок.

1913

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносят
Короткое, звонкое имя?

Иду по тропинке в поле
Вдоль серых сложенных бревен.
Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.

И томное сердце слышит
Тайную весть о дальнем.
Я знаю: он жив, он дышит,
Он смеет быть не печальным.

1912
Царское Село

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводнения в городе боялись.

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине — нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! —

Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок Божий — так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

Январь 1914

Покорно мне воображенье
В изображеньи серых глаз.
В моем тверском уединеньи
Я горько вспоминаю Вас.

Прекрасных рук счастливый пленник
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели Вы,

Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь!

И вот я таю, я безвольна,
Но все сильнее скучает кровь.

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет Вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?

Июль 1913

Слепнево

ОТРЫВОК

...И кто-то, во мраке дерев незримый,
Зашуршал опавшей листвою
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой!

Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелые веки твои.
Он предал тебя тоске и удушью
Отравительницы-любви.

Ты давно перестала считать уколы —
Грудь мертва под острой иглой,
И напрасно стараешься быть веселой —
Легче в гроб тебе лечь живой!..»

Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,
Верно, нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!»

26 декабря 1911

«Горят твои ладони,
В ушах пасхальный звон,
Ты, как святой Антоний,
Виденьем искушен».

«Зачем во дни святые
Ворвался день один,
Как волосы густые
Безумных Магдалин».

«Так любят только дети,
И то лишь первый раз».
— «Сильней всего на свете
Лучи спокойных глаз».

«То дьявольские сети,
Нечистая тоска».
— «Белей всего на свете
Была ее рука».

1915
Царское Село

Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно.
Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любвию одною.

Со мной всегда мой верный, нежный друг,
С тобой твоя веселая подруга.
Но мне понятен серых глаз испуг,
И ты виновник моего недуга.
Коротких мы не учащаем встреч.
Так наш покой нам суждено беречь.

Лишь голос твой поет в моих стихах,
В твоих стихах мое дыханье веет.
О, есть костер, которого не смеет
Коснуться ни забвение, ни страх,
И если б знал ты, как сейчас мне любы
Твои сухие, розовые губы!

Осень 1913

У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу —
Ведь она мне любовью дана.
Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь других,
Предо мной золотой аналой,
И со мной сероглазый жених.

1913

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.
И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!

*Декабрь 1913
Царское Село*

Проводила друга до передней.
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

*1913
Царское Село*

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.

И я стану — Христос помоги! —
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,

Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый,
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?

Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.
Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети,

И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнутся лукаво...
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.

1913

Здравствуй! Легкий шелест слышишь
Справа от стола?
Этих строчек не допишешь —
Я к тебе пришла.
Неужели ты обидишь
Так, как в прошлый раз, —
Говоришь, что рук не видишь,

Рук моих и глаз.
У тебя светло и просто,
Не гони меня туда,
Где под душным сводом моста
Стынет грязная вода.

Октябрь 1913

II

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

1913

Каждый день по-новому тревожен,
Все сильнее запах спелой ржи.
Если ты к ногам моим положен,
Ласковый, лежи.

Иволги кричат в широких кленах,
Их ничем до ночи не унять.
Любо мне от глаз твоих зеленых
Ос веселых отгонять.

На дороге бубенец зазвякал —
Памятен нам этот легкий звук.
Я спою тебе, чтоб ты не плакал,
Песенку о вечере разлук.

1913

Высокие своды костела
Синей, чем небесная твердь...
Прости меня, мальчик веселый,
Что я принесла тебе смерть —

За розы с площадки круглой,
За глупые письма твои,
За то, что, дерзкий и смуглый,
Мутно бледнел от любви.

Я думала: ты нарочно —
Как взрослые хочешь быть.
Я думала: томно-порочных
Нельзя, как невест, любить.

Но все оказалось напрасно.
Когда пришли холода,
Следил ты уже бесстрастно
За мной везде и всегда,

Как будто копил приметы
Моей нелюбви. Прости!
Зачем ты принял обеты
Страдальческого пути?

И смерть к тебе руки простерла...
Скажи, что было потом?
Я не знала, как хрупко горло
Под синим воротником.

Прости меня, мальчик веселый,
Совенок замученный мой!
Сегодня мне из костела
Так трудно уйти домой.

*Ноябрь 1913
Царское Село*

М. Лозинскому

Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!
И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сиянье.

И я поверила, что есть прохладный снег
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.

1912

ГОЛОС ПАМЯТИ

О. А. Глебовой-Судейкиной

Что ты видишь, тускло на стену смотря,
В час, когда на небе поздняя заря?

Чайку ли на синей скатерти воды
Или флорентийские сады?

Или парк огромный Царского Села,
Где тебе тревога путь пересекла?

Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?

Нет, я вижу стену только — и на ней
Отсветы небесных гаснущих огней.

18 июня 1913

Слетнево

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,

И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильной,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка пререзывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

Май 1912

БЕССОННИЦА

Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю...
Хорошо твои слова баюкают:
Третий месяц я от них не сплю.

Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница,
Разве плохо я тебе пою?

Окна тканью белою завешены,
Полумрак струится голубой...
Или дальней вестью мы утешены?
Отчего мне так легко с тобой?

*Зима 1912
Царское Село*

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

Осень 1913

Слепнево

III

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты, в своих путях всегда уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это Ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?

*Май 1912
Флоренция*

Вижу выцветший флаг над таможенной
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.

Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.

1913

Дал Ты мне молодость трудную.
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести?
Долгую песню, льстивая,
О славе поет судьба.
Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца.
Я дрожу над каждой соринкою,
Над каждым словом глупца.

19 декабря 1912

8 НОЯБРЯ 1913

Солнце комнату наполнило
Пылью желтой и сквозной.
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой.
Оттого и оснеженная
Даль за окнами тепла,

Оттого и я, бессонная,
Как причастница спала.

<8 ноября> 1913
Царское Село

Ты письмо мое, милый, не комкай,
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути.

Не гляди так, не хмурься гневно.
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королевна
И уже не монашенка я —

В этом сером, будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.

Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи,
Ты его в своей бедной котомке
На самое дно положи.

1912
Царское Село

ИСПОВЕДЬ

Умолк простивший мне грехи.
Лиловый сумрак гасит свечи,
И темная епитрахиль
Накрыла голову и плечи.

Не тот ли голос: «Дева! встань...»
Удары сердца чаще, чаще.
Прикосновение сквозь ткань
Руки, рассеянно крестящей.

1911
Царское Село

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый.
Только ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.

Октябрь 1912
Царское Село

Со дня Купальницы-Аграфены
Малиновый платок хранит.
Молчит, а ликует, как царь Давид.
В морозной келье белы стены,
И с ним никто не говорит.

Приду и стану на порог,
Скажу: «Отдай мне мой платок!»

Осень 1913
Царское Село

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого что ты мальчишка озорной.

Знаю я — у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.

А у нас — тишь да гладь,
Божья благодать.

А у нас — светлых глаз
Нет приказу подымать.

*26 января 1914
Царское Село*

Вечерние часы перед столом.
Непоправимо белая страница.
Мимоза пахнет Ниццей и теплом.
В луче луны летит большая птица.

И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра нужны будут косы,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.

Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.

Лето 1913

Будешь жить, не зная лиха,
Править и судить,
Со своей подругой тихой
Сыновей растить.

И во всем тебе удача,
Ото всех почит,
Ты не знай, что я от плача
Дням теряю счет.

Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и темных,
Светел Божий дом,

И для нас, склоненных долу,
Алтари горят,
Наши к Божьему престолу
Голоса летят.

1915

IV

Как вплелась в мои темные косы
Серебристая нежная прядь, —
Только ты, соловей безголосый,
Эту муку сумеешь понять.

Чутким ухом далекое слышишь
И на тонкие ветки раки,т,
Весь нахохлившись, смотришь — не дышишь,
Если песня чужая звучит.

А еще так недавно, недавно
Замирали вокруг тополя,
И звенела и пела отравно
Несказáнная радость твоя.

1912

СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

1

Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпеньи
Конь Великого Петра.

Ветер душный и суровый
С черных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.

2

Сердце бьется ровно, мерно
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним Садам
Месяц розовый воскрес, —

Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, —
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

1913

ВЕНЕЦИЯ

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Столько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.

Август 1912
Слетнево

Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.

От роз струится запах сладкий,
Трещит лампадка, чуть горя.
Пестро расписаны укладки
Рукой любовной кустаря.

И у окна белеют пальцы...
Твой профиль тонок и жесток.
Ты зацелованные пальцы
Брезгливо прячешь под платок.

А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска...
И в косах спутанных тaitся
Чуть слышный запах табака.

14 ноября 1912

Александрю Блоку

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен;
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

Январь 1914

Простишь ли мне эти ноябрьские дни?
В каналах приневских дрожат огни.
Трагической осени скудны убранства.

*Ноябрь 1913
Петербург*

Из книги «БЕЛАЯ СТАЯ»

Грю и ночью дорога светла.

Анненский

I

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так что сделался каждый день
Поминальным днем, —
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

*12 апреля 1915
Петербург. Троицкий мост*

Твой белый дом и тихий сад оставлю.
Да будет жизнь пустынна и светла.
Тебя, тебя в моих стихах прославлю,
Как женщина прославить не могла.
И ты подругу помнишь дорогую
В тобою созданном для глаз ее раю,
А я товаром редкостным торгую —
Твою любовь и нежность продаю.

*1913
Царское Село*

УЕДИНЕНИЕ

Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,

И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.
Строителей ее благодарю,
Пусть их забота и печаль минует.
Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А не дописанную мной страницу,
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука.

6 июня 1914
Слепнево

ПЕСНЯ О ПЕСНЕ

Она сначала обожжет,
Как ветерок студеный,
А после в сердце упадет
Одной слезой соленой.

И злomu сердцу станет жаль
Чего-то. Грустно будет.
Но эту легкую печаль
Оно не позабудет.

Я только сею. Собрать
Придут другие. Что же!
И жниц ликующую рать
Благослови, о Боже!

А чтоб Тебя благодарить
Я смела совершенней,
Позволь мне миру подарить
То, что любви нетленной.

23 мая 1916
Слепнево

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне даже легче стало без любви.
Высоко небо, горный ветер веет,
И непорочны помыслы мои.

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой.

Как прошлое над сердцем власть теряет!
Освобожденье близко. Все прощу,
Следя, как луч взбегает и сбегает
По влажному весеннему плющу.

Весна 1912

Был он ревнивым, тревожным и нежным,
Как Божие солнце, меня любил,
А чтобы она не запела о прежнем,
Он белую птицу мою убил.

Промолвил, войдя на закате в светлицу:
«Люби меня, смейся, пиши стихи!»
И я закопала веселую птицу
За круглым колодцем у старой ольхи.

Ему обещала, что плакать не буду,
Но каменным сделалось сердце мое,
И кажется мне, что всегда и повсюду
Услышу я сладостный голос ее.

1914

Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоём петь и гореть,
А другим — это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть.

Чтобы греть пресыщенное тело,
Им надобны слезы мои...
Для того ль я, Господи, пела,
Для того ль причастилась любви!

Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой.

18 июля 1914
Слепнево

Потускнел на небе синий лак,
И слышнее песня окарины.
Это только дудочка из глины.
Не на что ей жаловаться так.
Кто ей рассказал мои грехи
И зачем она меня прощает?..
Или этот голос повторяет
Мне твои последние стихи?

1912

В. С. Срезневской

Вместо мудрости — опытность, пресное,
Неутоляющее питье.
А юность была — как молитва воскресная...
Мне ли забыть ее?

Столько дорог пустынных исхожено
С тем, кто мне не был мил,
Столько поклонов в церквах положено
За того, кто меня любил...

Стала забывчивей всех забывчивых,
Тихо плывут года.
Губ нецелованных, глаз неулыбчивых
Мне не вернуть никогда.

Осень 1913

А! это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.
Страшна моей душе предгрозовая тишь.
Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,
Врученным мне навек любовью и судьбою.
Я предала тебя. И это повторять —
О, если бы ты мог когда-нибудь устать!
Так мертвый говорит, убийцы сон тревожа,
Так Ангел смерти ждет у рокового ложа.
Прости меня теперь. Учил прощать Господь.
В недуге горестном моя томится плоть,
А вольный дух уже почиет безмятежно.
Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный,
И крики журавлей, и черные поля...
О, как была с тобой мне сладостна земля!

11 июля 1916

Слетнево

Муза ушла по дороге,
Осенней, узкой, крутой,
И были смуглые ноги
Обрызганы крупной росой.

Я долго ее просила
Зимы со мной подождать,
Но сказала: «Ведь здесь могила,
Как ты можешь еще дышать?»

Я голубку ей дать хотела,
Ту, что всех в голубятне белей,
Но птица сама полетела
За стройной гостьей моей.

Я, глядя ей вслед, молчала,
Я любила ее одну,
А в небе заря стояла,
Как ворота в ее страну.

15 декабря 1915
Царское Село

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем, что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

17 марта 1915
Царское Село

М. Лозинскому

Они летят, они еще в дороге,
Слова освобожденья и любви,
А я уже в предпесенной тревоге,
И холоднее льда уста мои.

Но скоро там, где дикие березы,
Прильнувши к окнам, сухо шелестят, —
Венцом червонным заплетутся розы
И голоса незримых прозвучат.

А дальше — свет невыносимо щедрый,
Как красное горячее вино...
Уже душистым, раскаленным ветром
Сознание мое опалено.

22 мая 1916
Слепнево

О, это был прохладный день
В чудесном городе Петровом!
Лежал закат костром багровым,
И медленно густела тень.

Ты только тронул грудь мою,
Как лиру трогали поэты,
Чтоб слышать кроткие ответы
На требовательное «люблю!».

Тебе не надо глаз моих,
Пророческих и неизменных,
Но за стихом ты ловишь стих,
Молитвы губ моих надменных.

Зима 1913
Царское Село

Я так молилась: «Утоли
Глухую жажду песнопенья!»
Но нет земному от земли
И не было освобожденья.

Как дым от жертвы, что не мог
Взлететь к престолу Сил и Славы,
А только стелется у ног,
Молитвенно целуя травы, —

Так я, Господь, простерта ниц:
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной?

1913

Н. В. Н.

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти, —
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвется от любви на части.

И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.

Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие — поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

2 мая 1915
Петербург

Все отнято: и сила, и любовь.
В немилый город брошенное тело
Не радо солнцу. Чувствую, что кровь
Во мне уже совсем похолодела.

Веселой Музы нрав не узнаю:
Она глядит и слова не проронит,
А голову в веночке темном клонит,
Изнеможенная, на грудь мою.

И только совесть с каждым днем страшней
Беснуется: великой хочет дани.
Закрыв лицо, я отвечала ей...
Но больше нет ни слез, ни оправданий.

24 октября 1916
Севастополь

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу — зренье,
Или актеру — голос и движенье,
А женщине прекрасной — красоту?

Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное Небесами:
Осуждены — и это знаем сами —
Мы расточать, а не копить.

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И равнодушие толпы.

23 июня 1915
Слепнево

ОТВЕТ

В. А. Комаровскому

Какие странные слова
Принес мне тихий день апреля.
Ты знал, во мне еще жива
Страстная страшная неделя.

Я не слыхала звонов тех,
Что плавали в лазури чистой.
Семь дней звучал то медный смех,
То плач струился серебристый.

А я, закрыв лицо мое,
Как перед вечною разлукой,
Лежала и ждала ее,
Еще не названную мукой.

*Весна 1914
Царское Село*

Был блаженной моей колыбелью
Темный город у грозной реки
И торжественной брачной постелью,
Над которой держали венки
Молодые твои серафимы, —
Город, горькой любовью любимый.

Солеёю молений моих
Был ты, строгий, спокойный, туманный.
Там впервые предстал мне жених,
Указавши мой путь осиянный,
И печальная Муза моя,
Как слепую, водила меня.

*Июль 1914
Слепнево*

II

Как ты можешь смотреть на Неву,
Как ты смеешь всходить на мосты?..
Я не даром печальной сльву
С той поры, как привиделся ты.
Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд.
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу цветут.

*1914. Начало года
Петербург*

Под крышей промерзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю,
Читаю посланья Апостолов я,
Слова Псалмопевца читаю.
Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней, —
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней...

*Январь 1915
Царское Село*

Н. В. Н.

Целый год ты со мной неразлучен,
А как прежде и весел и юн!
Неужели же ты не измучен

Смутной песней загравленных струн, —
Тех, что прежде, тугие, звенели,
А теперь только стонут слегка,
И моя их терзает без цели
Восковая, сухая рука...
Верно, мало для счастья надо
Тем, кто нежен и любит светло,
Что ни ревность, ни гнев, ни досада
Молодое не тронут чело.
Тихий, тихий, и ласки не просит,
Только долго глядит на меня
И с улыбкой блаженной выносит
Страшный бред моего забытья.

<Лето> 1914

Слепнево

Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест.

Липы шумные и вязы
По садам темны,
Звезд иглистые алмазы
К Богу взнесены.

Путь мой жертвенный и славный
Здесь окончу я.
И со мной лишь ты, мне равный,
Да любовь моя.

Июль 1914

Киев

Черная вилась дорога,
Дождик моросил,
Проводить меня немного

Кто-то попросил.
Согласилась, да забыла
На него взглянуть,
А потом так странно было
Вспомнить этот путь.
Плыл туман, как фимиамы
Тысячи кадил.
Спутник песенкой упрямо
Сердце бередил.
Помню древние ворота
И конец пути —
Там со мною шедший кто-то
Мне сказал: «Прости...»
Медный крестик дал мне в руки,
Словно брат родной...
И я всюду слышу звуки
Песенки степной.
Ах, я дома как не дома —
Плачу и грущу.
Отзовись, мой незнакомый,
Я тебя ищу!

1913

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.
И воистину ты — столица
Для безумных и светлых нас;
Но когда над Невою длится
Тот особенный, чистый час
И проносится ветер майский
Мимо всех надводных колонн,
Ты — как грешник, видящий райский
Перед смертью сладчайший сон...

1916

Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нем говорить.
Ты милый и верный, мы будем друзьями...
Гулять, целоваться, стареть...
И легкие месяцы будут над нами,
Как снежные звезды, лететь.

1914

Все обещало мне его:
Край неба, тусклый и червонный,
И милый сон под Рождество,
И Пасхи ветер многозвонный,

И прутья красные лозы,
И парковые водопады,
И две большие стрекозы
На ржавом чугуне ограды.

И я не верить не могла,
Что будет дружен он со мною,
Когда по горным склонам шла
Горячей каменной тропею.

*Октябрь 1916
Севастополь*

Н. В. Н.

Как невеста, получаю
Каждый вечер по письму,
Поздно ночью отвечаю
Другу моему:

«Я гощу у смерти белой
По дороге в тьму.
Зла, мой ласковый, не делай
В мире никому».

И стоит звезда большая
Между двух стволов,
Так спокойно обещая
Исполненье снов.

Октябрь 1915
Хювинкся

Божий Ангел, зимним утром
Тайно обручивший нас,
С нашей жизни беспечальной
Глаз не сводит потемневших.

Оттого мы любим небо,
Тонкий воздух, свежий ветер
И чернеющие ветки
За оградой чугунной.

Оттого мы любим строгий,
Многоводный, темный город,
И разлуки наши любим,
И часы недолгих встреч.

1914

Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный, теплый и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.

А мы живем торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч,
Когда с налету ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь, —

Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос Музы еле слышный.

23 июня 1915
Слепнево

Как площади эти обширны,
Как гулки и круты мосты!
Тяжелый, беззвездный и мирный
Над нами покров темноты.

И мы, словно смертные люди,
По свежему снегу идем.
Не чудо ль, что нынче пробудем
Мы час предразлучный вдвоем?

Безвольно слабеют колени,
И кажется, нечем дышать...
Ты — солнце моих песнопений,
Ты — жизни моей благодать.

Вот черные зданья качнутся,
И на землю я упаду, —
Теперь мне не страшно очнуться
В моем деревенском саду.

10 марта 1917
Петербург

ПОБЕГ

О. А. Кузьминой-Караваевой

«Нам бы только до взморья добраться,
Дорогая моя!» — «Молчи...»
И по лестнице стали спускаться,
Задыхаясь, искали ключи.

Мимо зданий, где мы когда-то
Танцевали, пили вино,
Мимо белых колонн Сената,
Туда, где темно, темно.

«Что ты делаешь, ты безумный!»
«Нет, я только тебя люблю!
Этот ветер — широкий и шумный,
Будет весело кораблю!»

Горло тесно ужасом сжато,
Нас в потемках принял челнок...
Крепкий запах морского каната
Задрожавшие ноздри обжег.

«Скажи, ты знаешь наверно:
Я не сплю? Так бывает во сне...»
Только вёсла плескались мерно
По тяжелой невской волне.

А черное небо светало,
Нас окликнул кто-то с моста,
Я руками обеими сжала
На груди цепочку креста.

Обессиленную, на руках ты,
Словно девочку, внес меня,
Чтоб на палубе белой яхты
Встретить свет нетленного дня.

*Июнь 1914
Слепнево*

Когда в мрачнейшей из столиц
Рукою твердой, но усталой
На чистой белизне страниц
Я отречение писала,

И ветер в круглое окно
Вливался влажною струею, —
Казалось, небо сожжено
Червонно-дымною зарею.

Я не взглянула на Неву,
На озаренные граниты,
И мне казалось — наяву
Тебя увижу, незабытый...

Но неожиданная ночь
Покрыла город предосенний,
Чтоб бегству моему помочь,
Расплылись пепельные тени.

Я только крест с собой взяла,
Тобою данный в день измены, —
Чтоб степь полынная цвела,
А ветры пели, как сирены.

И вот он на пустой стене
Хранит меня от горьких бредней,
И ничего не страшно мне
Припомнить — даже день последний.

*Август 1916
Песочная бухта*

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Н. В. Н.

Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины,

И ослепительно стройна,
Поджав незябнувшие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной..
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

*Октябрь 1916
Севастополь*

Н. В. Н.

Все мне видится Павловск холмистый,
Круглый луг, неживая вода,
Самый томный и самый тенистый,
Ведь его не забыть никогда.

Как в ворота чугунные въедешь,
Тронет тело блаженная дрожь,
Не живешь, а ликуешь и бредишь
Иль совсем по-иному живешь.

Поздней осенью свежий и колкий
Бродит ветер, безлюдю рад.
В белом инее черные елки
На подтаявшем снеге стоят.

И, исполненный жгучего бреда,
Милый голос, как песня, звучит,
И на медном плече Кифареда
Красногрудая птичка сидит.

*Осень 1915
Царское Село*

Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звездный рай —
Город чистых водометов,
Золотой Бахчисарай.

Там, за пестрою оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отрадой
Царскосельские сады.

И орла Екатерины
Вдруг узнали — это тот!
Он слетел на дно долины
С пышных бронзовых ворот.

Чтобы песнь прощальной боли
Дольше в памяти жила,
Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла

И посыпала ступени,
Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени
Ты ушел, утешный мой.

Октябрь 1916
Севастополь

III

МАЙСКИЙ СНЕГ

Пс. 6, ст. 7.

Прозрачная ложится пелена
На свежий дерн и незаметно тает.
Жестокая, студеная весна
Налившиеся почки убивает.
И ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на Божий мир глядеть я.
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячулетья.

*18 мая 1916
Слепнево*

Зачем притворяешься ты
То ветром, то камнем, то птицей?
Зачем улыбаешься ты
Мне с неба внезапной зарницей?

Не мучь меня больше, не тронь!
Пусти меня к вещим заботам...
Шатается пьяный огонь
По высохшим серым болотам.

И Муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.

*Июль 1915
Слепнево*

Пустых небес прозрачное стекло,
Большой тюрьмы белесое строенье
И хода крестного торжественное пенье
Над Волховом, синеющим светло.

Сентябрьский вихрь, листья с березы свеяв,
Кричит и мечется среди ветвей,
А город помнит о судьбе своей:
Здесь Марфа правила и правил Аракчеев.

*Сентябрь 1914
Новгород*

ИЮЛЬ 1914

I

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

11–20 июля 1914

II

Можжевельника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдатки,
Вдовый плач по деревне звенит.

Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.

Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах твоих».

20 июля 1914
Слетнево

Тот голос, с тишиной великой споря,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.

Белее сводов Смольного Собора,
Таинственней, чем пышный Летний Сад,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад.

Январь 1917
Петербург

Мы не умеем прощаться, —
Все бродим плечо к плечу.
Уже начинается смеркаться,
Ты задумчив, а я молчу.

В церковь войдем, увидим
Отпеванье, крестины, брак,
Не взглянув друг на друга, выйдем...
Отчего все у нас не так?

Или сядем на снег примятый
На кладбище, легко вздохнем,
И ты палкой чертишь палаты,
Где мы будем всегда вдвоем.

*Март 1917
Петербург*

УТЕШЕНИЕ

Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.
Н.Гумилев

Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он Божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему.

*Сентябрь 1914
Царское Село*

Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!

Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.

На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет.

1918
Петербург

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией.
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

*Май 1915. Духов день
Петербург. Троицкий мост*

Буду тихо на погосте
Под доской дубовой спать,
Будешь, милый, к маме в гости
В воскресенье прибегать —
Через речку и по горке,
Так что взрослым не догнать,
Издалёка, мальчик зоркий,
Будешь крест мой узнавать.
Знаю, милый, можешь мало

Обо мне припоминать:
Не бранила, не ласкала,
Не водила причащать.

*Май 1915
Петербург*

Высокомерьем дух твой помрачен,
И оттого ты не познаешь света.
Ты говоришь, что вера наша — сон
И марево — столица эта.

Ты говоришь — моя страна грешна,
А я скажу — твоя страна безбожна.
Пусть на нас еще лежит вина, —
Все искупить и все исправить можно.

Вокруг тебя — и воды, и цветы.
Зачем же к нищей грешнице стучишься?
Я знаю, чем так тяжело болен ты:
Ты смерти ищешь и конца боишься.

*1 января 1917
Слетнево*

Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, темные селенья —
Хранилища молитвы и труда.

Спокойной и уверенной любви
Не перевозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новгородской крови
Во мне — как льдинка в пенном вине.

И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И что бы я ни начинала славить —
Ты, тихая, сияешь предо мной.

16 ноября 1916
Севастополь

Стал мне реже сниться, слава Богу,
Больше не мерещится везде.
Лег туман на белую дорогу,
Тени побежали по воде.

И весь день не замолкали звоны
Над простором вспаханной земли,
Здесь всего сильнее от Ионы
Колокольни лаврские вдали.

Подстригаю на кустах сирени
Ветки те, что нынче отцвели;
По валам старинных укреплений
Два монаха медленно прошли.

Мир родной, понятный и телесный
Для меня, незрячей, оживи.
Исцелил мне душу Царь Небесный
Ледяным покоем нелюбви.

<Май> 1912
Киев

Будем вместе, милый, вместе,
Знают все, что мы родные,
А лукавые насмешки,
Как бубенчик отдаленный,
И обидеть нас не могут,
И не могут огорчить.

Где венчались мы — не помним,
Но сверкала эта церковь
Тем неистовым сияньем,
Что лишь ангелы умеют
В белых крыльях приносить.

А теперь пора такая,
Страшный год и страшный город.
Как же можно разлучиться
Мне с тобой, тебе со мной?

*Весна 1915
Петербург*

ПАМЯТИ 19 ИЮЛЯ 1914

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня...
Закрыв лицо, я умоляла Бога
До первой битвы умертвить меня.

Из памяти, как груз отныне лишний,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей — опустевшей — приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозových вестей.

*18 июля 1916
Слепнево*

IV

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

*Весна 1915
Царское Село*

То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что это — любовь.
Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.

*1913
Петербург*

Выбрала сама я долю
Другу сердца моего:

Отпустила я на волю
В Благовещенье его.
Да вернулся голубь сизый,
Бьется крыльями в стекло,
Как от блеска дивной ризы,
Стало в горнице светло.

*4 мая 1915
Петербург*

СОН

Я знала, я снюсь тебе,
Оттого не могла заснуть.
Мутный фонарь голубел
И мне указывал путь.

Ты видел царицын сад,
Затейливый белый дворец
И черный узор оград
У каменных гулких крылец.

Ты шел, не зная пути,
И думал: «Скорей, скорей,
О, только б ее найти,
Не проснуться до встречи с ней».

А сторож у красных ворот
Окликнул тебя: «Куда!»
Хрустел и ломался лед,
Под ногами чернела вода.

«Это озеро, — думал ты, —
На озере есть островок...»
И вдруг из темноты
Поглядел голубой огонек.

В жестком свете скудного дня
Проснувшись, ты застонал

И в первый раз меня
По имени громко назвал.

*15 марта 1915
Царское Село*

БЕЛЫЙ ДОМ

Морозное солнце. С парада
Идут и идут войска.
Я полдню январскому рада,
И тревога моя легка.

Здесь помню каждую ветку
И каждый силуэт.
Сквозь инея белую сетку
Малиновый каплет свет.

Здесь дом был почти что белый,
Стеклянное крыльцо.
Столько раз рукой помертвелой
Я держала звонок-кольцо.

Столько раз... Играйте, солдаты,
А я мой дом отыщу,
Узнаю по крыше покатою,
По вечному плющу.

Но кто его отодвинул,
В чужие унес города
Или из памяти вынул
Навсегда дорогу туда...

Волынки вдали замирают,
Снег летит, как вишневый цвет...
И видно, никто не знает,
Что белого дома нет.

*Лето 1914
Слепнево*

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на много лет,
Но все-таки тебе я рада.

Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами:
Вот эта синяя тетрадь —
С моими детскими стихами.

Прости, что я жила скорбя
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.

*Весна 1915
Царское Село*

Я не знаю, ты жив или умер, —
На земле тебя можно искать
Или только в вечерней думе
По усопшем светло горевать.

Все тебе: и молитва дневная,
И бессонницы млеющий жар,
И стихов моих белая стая,
И очей моих синий пожар.

Мне никто сокровенней не был,
Так меня никто не томил,
Даже тот, кто на муку предал,
Даже тот, кто ласкал и забыл.

*Июль 1915
Слетнево*

Из памяти твоей я выну этот день,
Чтоб спрашивал твой взор беспомощно-туманный,
Где видел я персидскую сирень,
И ласточек, и домик деревянный?

О, как ты часто будешь вспоминать
Внезапную тоску названных желаний
И в городах задумчивых искать
Ту улицу, которой нет на плане!

При виде каждого случайного письма,
При звуке голоса за приоткрытой дверью
Ты будешь думать: «Вот она сама
Пришла на помощь моему неверью».

*4 апреля 1915
Царское Село*

Там тень моя осталась и тоскует,
Все в той же синей комнате живет,
Гостей из города за полночь ждет
И образок эмалевый целует.
И в доме не совсем благополучно:
Огонь зажгут, а все-таки темно...
Не оттого ль хозяйке новой скучно,
Не оттого ль хозяин пьет вино
И слышит, как за тонкою стеною
Пришедший гость беседует со мною?

*3 января 1917
Слепнево*

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.

Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лени или от скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

*1917. Начало года
Петербург*

Небо мелкий дождик сеет
На зацветшую сирень.
За окном крылами веет
Белый, белый Духов день.

Нынче другу возвратиться
Из-за моря — крайний срок.
Все мне дальний берег снится,
Камни, башни и песок.

На одну из этих башен
Я взойду, встречая свет...
Да в стране болот и пашен
И в помине башен нет.

Только сяду на пороге,
Там еще густая тень.
Помоги моей тревоге,
Белый, белый Духов день!

*1916. Духов день
Слетнево*

Я знаю, ты моя награда
За годы боли и труда,
За то, что я земным отрадам
Не предавалась никогда,
За то, что я не говорила
Возлюбленному: «Ты любим»,
За то, что всем я все простила,
Ты будешь Ангелом моим.

*28 апреля 1916
Царское Село*

Не тайны и не печали,
Не мудрой воли судьбы —
Эти встречи всегда оставляли
Впечатление борьбы.

Я, с утра угадав минуту,
Когда ты ко мне войдешь,
Ощущала в руках согнутых
Слабо колющую дрожь.

И сухими пальцами мяла
Пеструю скатерть стола...
Я тогда уже понимала,
Как эта земля мала.

1915

МИЛОМУ

Голубя ко мне не присылай,
Писем беспокойных не пиши,
Ветром мартовским в лицо не вей.
Я вошла вчера в зеленый рай,

Где покой для тела и души
Под шатром тенистых тополей.

И отсюда вижу городок,
Будки и казармы у дворца,
Надо льдом китайский желтый мост.
Третий час меня ты ждешь — продрог,
А уйти не можешь от крыльца
И дивишься, сколько новых звезд.

Серой белкой прыгну на ольху,
Ласочкой пугливой пробегу,
Лебедью тебя я стану звать,
Чтоб не страшно было жениху
В голубом кружащемся снегу
Мертвую невесту поджидать.

27 февраля 1915

Царское Село

Юнни Анрен

Судьба ли так моя переменялась,
Иль вправду кончена игра?
Где зимы те, когда я спать ложилась
В шестом часу утра?

По-новому, спокойно и сурово,
Живу на диком берегу.
Ни праздного, ни ласкового слова
Уже промолвить не могу.

Не верится, что скоро будут Святки.
Степь трогательно зелена.
Сияет солнце. Лижет берег гладкий
Как будто теплая волна.

Когда от счастья томной и усталой
Бывала я, то о такой тиши
С невыразимым трепетом мечтала
И вот таким себе я представляла
Посмертное блуждание души.

15 декабря 1916
Бельбек, Севастополь

Б. А.

Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно — веселье и оно — страданье.

Мне кажется, что тот, кто близко взглянет
В мои глаза, его увидит сразу.
Печальней и задумчивее станет
Внимающего скорбному рассказу.

Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознания,
Чтоб вечно жили дивные печали,
Ты превращен в мое воспоминанье.

5 июня 1916
Слепнево

Лучше б мне частушки задорно выкликать,
А тебе на хриплой гармонике играть,

И, уйдя, обнявшись, на ночь за овсы,
Потерять бы ленту из тугой косы.

Лучше б мне ребеночка твоего качать,
А тебе полтинник в сутки выручать,

И ходить на кладбище в поминальный день
Да смотреть на белую Божию сирень.

Июль 1914
Дарница

Еще весна таинственная млела,
Блуждал прозрачный ветер по горам,
И озеро глубокое синело —
Крестителя нерукотворный храм.

Ты был испуган нашей первой встречей,
А я уже молилась о второй,
И вот сегодня снова жаркий вечер, —
Как низко солнце стало над горой...

Ты не со мной, но это не разлука:
Мне каждый миг — торжественная весть.
Я знаю, что в тебе такая мука,
Что ты не можешь слова произнести.

14 апреля 1917
Петербург

Мне не надо счастья малого,
Мужа к милой провожу
И, довольного, усталого,
Спать ребенка уложу.

Снова мне в прохладной горнице
Богородицу молить...

Трудно, трудно жить затворницей,
Да трудней веселой быть.

Только б сон приснился пламенный,
Как войду в нагорный храм,
Пятиглавый, белый, каменный,
По запомненным тропам.

*Май 1914
Петербург*

Город сгинул, последнего дома
Как живое взглянуло окно...
Это место совсем незнакомо,
Пахнет гарью, и в поле темно.

Но когда грозовую завесу
Нерешительный месяц рассек,
Мы увидели: на гору, к лесу
Пробирался хромой человек.

Было страшно, что он обгоняет
Тройку сытых, веселых коней,
Постоит и опять ковыляет
Под тяжелою ношей своей.

Мы заметить почти не успели,
Как он возле кибитки возник.
Словно звезды, глаза голубели,
Освещая измученный лик.

Я к нему протянула ребенка,
Поднял руку со следом оков
И промолвил мне благостно-звонко:
«Будет сын твой и жив и здоров!»

*1916
Слетнево*

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал — истратил слишком много.
Неистоцима только синева
Небесная и милосердые Бога.

*1916. Конец года
Севастополь*

V

У САМОГО МОРЯ

I

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила соленую косу.
За версту от земли на плоском камне.
Ко мне приплывала зеленая рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и веселой
И вовсе не знала, что это — счастье.
В песок зарывала желтое платье,
Чтоб ветер не сдул, не унес бродяга,
И уплывала далеко в море,
На темных, теплых волнах лежала.
Когда возвращалась, маяк с востока
Уже сиял переменным светом,
И мне монах у ворот Херсонеса
Говорил: «Что ты бродишь ночью?»

Знали соседи — я чую воду,
И, если рыли новый колодец,
Звали меня, чтоб нашла я место
И люди напрасно не трудились.
Я собирала французские пули,
Как собирают грибы и чернику,
И приносила домой в подоле
Осколки ржавые бомб тяжелых.
И говорила сестре сердито:
«Когда я стану царицей,
Выстрою шесть броненосцев
И шесть канонерских лодок,

Чтобы бухты мои охраняли
До самого Фиолента».
А вечером перед кроватью
Молилась темной иконке,
Чтоб град не побил черешен,
Чтоб крупная рыба ловилась
И чтобы хитрый бродяга
Не заметил желтого платья.

Я с рыбаками дружбу водила.
Под опрокинутой лодкой часто
Во время ливня с ними сидела,
Про море слушала, запоминала,
Каждому слову тайно веря.
И очень ко мне рыбаки привыкли.
Если меня на пристани нету,
Старший за мною слал девчонку,
И та кричала: «Наши вернулись!
Нынче мы камбалу жарить будем».

Сероглаз был высокий мальчик,
На полгода меня моложе.
Он принес мне белые розы,
Мускатные белые розы,
И спросил меня кротко: «Можно
С тобой посидеть на камнях?»
Я смеялась: «На что мне розы?
Только колются больно!» — «Что же, —
Он ответил, — тогда мне делать,
Если так я в тебя влюбился».
И мне стало обидно: «Глупый! —
Я спросила. — Что ты — царевич?»
Это был сероглазый мальчик,
На полгода меня моложе.
«Я хочу на тебе жениться, —
Он сказал, — скоро стану взрослым
И поеду с тобой на север...».
Заплакал высокий мальчик,
Оттого что я не хотела
Ни роз, ни ехать на север.
Плохо я его утешала:

«Подумай, я буду царицей,
На что мне такого мужа?»
«Ну, тогда я стану монахом, —
Он сказал, — у вас в Херсонесе».
«Нет, не надо лучше: монахи
Только делают, что умирают.
Как придешь — одного хоронят,
А другие, знаешь, не плачут».

Ушел, не простившись, мальчик,
Унес мускатные розы,
И я его отпустила,
Не сказала: «Побудь со мною».
А тайная боль разлуки
Застонала белою чайкой
Над серой полынной степью,
Над пустынной, мертвой Корсунью.

II

Бухты изрезали низкий берег,
Дымное солнце упало в море.
Вышла цыганка из пещеры,
Пальцем меня к себе поманила:
«Что ты, красавица, ходишь боса?
Скоро веселой, богатой станешь.
Знатного гостя жди до Пасхи,
Знатному гостю кланяться будешь;
Ни красотой твоей, ни любовью, —
Песней одною гостя приманишь».
Я отдала цыганке цепочку
И золотой крестильный крестик.
Думала радостно: «Вот он, милый,
Первую весть о себе мне подал».

Но от тревоги я разлюбила
Все мои бухты и пещеры;
Я в камыше гадюк не пугала,
Крабов на ужин не приносила,
А уходила по южной балке
За виноградники в каменоломню, —

Туда не короткой была дорога.
И часто случалось, что хозяйка
Хутора нового мне кивала,
Кликала издали: «Что не заходишь?
Все говорят — ты приносишь счастье».
Я отвечала: «Приносят счастье
Только подковы да новый месяц,
Если он справа в глаза посмотрит».
В комнаты я входить не любила.
Дули с востока сухие ветры,
Падали с неба крупные звезды,
В нижней церкви служили молебны
О морях, уходящих в море,
И заплывали в бухту медузы,
Словно звезды, упавшие за ночь,
Глубоко под водой голубели.
Как журавли курлыкают в небе,
Как беспокойно трещат цикады,
Как о печали поет солдатка,
Все я запомнила чутким слухом,
Да только песни такой не знала,
Чтобы царевич со мной остался.
Девушка стала мне часто сниться
В узких браслетах, в коротком платье,
С дудочкой белой в руках прохладных.
Сядет, спокойная, долго смотрит,
И о печали моей не спросит,
И о печали своей не скажет,
Только плечо мое нежно гладит.
Как же царевич меня узнает,
Разве он помнит мои приметы?
Кто ему дом наш старый укажет?
Дом наш совсем вдали от дороги.

Осень сменилась зимой дождливой,
В комнате белой от окон дуло,
И плющ мотался по стенке сада.
Приходили на двор чужие собаки,
Под окошком моим до рассвета выли.
Трудное время для сердца было.
Так я шептала, на двери глядя:

«Боже, мы мудро царствовать будем,
Строить над морем большие церкви
И маяки высокие строить.
Будем беречь мы воду и землю,
Мы никого обижать не станем».

III

Вдруг подобрело темное море,
Ласточки в гнезда свои вернулись,
И сделалась красной земля от маков,
И весело стало опять на взморье.
За ночь одну наступило лето, —
Так мы весны и не видали.
И я совсем перестала бояться,
Что новая доля минет.
А вечером в Вербную субботу,
Из церкви придя, я сестре сказала:
«На тебе свечку мою и четки,
Библию нашу дома оставлю.
Через неделю настанет Пасха,
И мне давно пора собираться, —
Верно, царевич уже в дороге,
Морем за мной он сюда приедет».
Молча сестра на слова дивилась,
Только вздохнула, помнила, верно,
Речи цыганкины у пещеры.
«Он привезет тебе ожерелье
И с голубыми камнями кольца?»
«Нет, — я сказала, — мы не знаем,
Какой он подарок мне готовит».

Были мы с сестрой однолетки
И так друг на друга похожи,
Что маленьких нас различала
Только по родинкам наша мама.
С детства сестра ходить не умела,
Как восковая кукла лежала:
Ни на кого она не сердилась
И вышивала плащаницу,
Бредила даже во сне работой;

Слышала я, как она шептала:
«Плащ Богородицы будет синим...
Боже, апостолу Иоанну
Жемчужин для слез достать мне негде...».

Дворик зарос лебедой и мятой,
Ослик щипал траву у калитки,
И на соломенном длинном кресле
Лена лежала, раскинув руки,
Все о работе своей скучала, —
В праздник такой грешно трудиться.
И приносил к нам соленый ветер
Из Херсонеса звон пасхальный.
Каждый удар отдавался в сердце,
С кровью по жилам растекался.
«Леночка, — я сестре сказала, —
Я уйду сейчас на берег.
Если царевич за мной приедет,
Ты объясни ему дорогу.
Пусть он меня в степи нагонит:
Хочется на море мне сегодня».
«Где же ты песенку услышала,
Ту, что царевича приманит? —
Глаза приоткрыв, сестра спросила. —
В городе ты совсем не бываешь,
А здесь поют не такие песни».
К самому уху ее склонившись,
Я прошептала: «Знаешь, Лена,
Ведь я сама придумала песню,
Лучше которой нет на свете».
И не поверила мне и долго,
Долго с упреком она молчала.

IV

Солнце лежало на дне колодца,
Грелись на камнях сколопендры,
И убегало перекасти-поле,
Словно паяц горбатый кривляясь,
А высоко взлетевшее небо,
Как Богородицын плащ, синело, —

Прежде оно таким не бывало.
Легкие яхты с полдня гонялись,
Белых бездельниц столпилось много
У Константиновской батарей, —
Видно, им ветер нынче удобный.
Тихо пошла я вдоль бухты к мысу,
К черным, разломанным, острым скалам,
Пеной покрытым в часы прибоя,
И повторяла новую песню.
Знала я: с кем бы царевич ни был,
Слышит он голос мой, смутившись, —
И оттого мне каждое слово,
Как Божий подарок, было мило.
Первая яхта не шла — летела,
И догоняла ее вторая,
А остальные едва виднелись.

Как я легла у воды — не помню,
Как задремала тогда — не знаю,
Только очнулась и вижу: парус
Близко полощется. Передо мною,
По пояс стоя в воде прозрачной,
Шарит руками старик огромный
В щелях глубоких скал прибрежных,
Голосом хриплым зовет на помощь.
Громко я стала читать молитву,
Как меня маленькую учили,
Чтобы мне страшное не приснилось,
Чтоб в нашем доме бед не бывало.
Только я молвила: «Ты Хранитель!» —
Вижу — в руках старика белеет
Что-то, и сердце мое застыло...
Вынес моряк того, кто правил
Самой веселой, крылатой яхтой,
И положил на черные камни.

Долго я верить себе не смела,
Пальцы кусала, чтобы очнуться:
Смуглый и ласковый мой царевич
Тихо лежал и глядел на небо.
Эти глаза, зеленее моря

И кипарисов наших темнее, —
Видела я, как они погасли...
Лучше бы мне родиться слепой.
Он застонал и невнятно крикнул:
«Ласточка, ласточка, как мне больно!»
Верно, я птицей ему показалась.

В сумерки я домой вернулась.
В комнате темной было тихо,
И над лампадкой стоял высокий,
Узкий малиновый огонечек.
«Не приходил за тобой царевич, —
Лена сказала, шаги услышав, —
Я прождала его до вечерни
И посылала детей на пристань».
«Он никогда не придет за мною,
Он никогда не вернется, Лена.
Умер сегодня мой царевич».
Долго и часто сестра крестилась;
Вся повернувшись к стене, молчала.
Я догадалась, что Лена плачет.

Слышала я — над царевичем пели:
«Христос воскрес из мертвых», —
И несказанным светом сияла
Круглая церковь.

*Июль—октябрь 1914
Слепнево—Царское Село*

Из книги «ПОДОРОЖНИК»

Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало, милые тебе.

Пушкин

Сразу стало тихо в доме,
Облетел последний мак,
Замерла я в долгой дреме
И встречаю ранний мрак.

Плотно заперты ворота,
Вечер черен, ветер тих.
Где веселье, где забота,
Где ты, ласковый жених?

Не нашелся тайный перстень,
Прождала я много дней,
Нежной пленницею песня
Умерла в груди моей.

Июль 1917
Слетнево

Ты — отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы,
И над озером тихим сосну.

Для чего ты, лихой ярославец,
Коль еще не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц
И на пышные эти дома?

Так теперь и кощунствуй, и чванься,
Православную душу губи,

В королевской столице останься
И свободу свою полюби.

Для чего ж ты приходишь и стонешь
Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь,
И в смертельном бою невредим.

Да, не страшны ни море, ни битвы
Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы
Попросил ты тебя поминать.

Июль 1917
Слепнево

Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну,
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,
Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездой,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.

Июль 1917
Слепнево

И в тайную дружбу с высоким,
Как юный орел, темноглазым,
Я, словно в цветник предосенний,
Походкою легкой вошла.

Там были последние розы,
И месяц прозрачный качался
На серых, густых облаках...

*Июнь 1917
Петербург (вагон)*

Словно Ангел, возмутивший воду,
Ты взглянул тогда в мое лицо,
Возвратил и силу и свободу,
А на память чуда взял кольцо.
Мой румянец жаркий и недужный
Стерла богомольная печаль.
Памятным мне будет месяц вьюжный,
Северный встревоженный февраль.

*Февраль 1916
Царское Село*

Когда о горькой гибели моей
Весть поздняя его коснется слуха,
Не станет он ни строже, ни грустней,
Но, побледневши, улыбнется сухо.
И сразу вспомнит зимний небосклон
И вдоль Невы несущуюся вьюгу,
И сразу вспомнит, как поклялся он
Беречь свою восточную подругу.

1917

Пленник чужой! Мне чужого не надо,
Я и своих-то устала считать.
Так отчего же такая отрада
Эти вишневые видеть уста?

Пусть он меня и хулит и бесславит,
Слышу в словах его сдавленный стон.
Нет, он меня никогда не заставит
Думать, что страстно в другую влюблен.

И никогда не поверю, что можно
После небесной и тайной любви
Снова смеяться и плакать тревожно,
И проклинать поцелуи мои.

1917

Я спросила у кукушки,
Сколько лет я проживу...
Сосен дрогнули верхушки,
Желтый луч упал в траву.
Но ни звука в чаще свежей...
Я иду домой,
И прохладный ветер нежит
Лоб горячий мой.

1 июня 1919
Царское Село

По неделе ни слова ни с кем не скажу,
Все на камне у моря сижу,
И мне любо, что брызги зеленой волны,
Словно слезы мои, солонны.
Были весны и зимы, да что-то одна
Мне запомнилась только весна.
Стали ночи теплее, подтаивал снег,
Вышла я поглядеть на луну,
И спросил меня тихо чужой человек,
Между сосенок встретив одну:
«Ты не та ли, кого я повсюду ищу,
О которой с младенческих лет,

Как о милой сестре, веселюсь и грущу?»
Я чужому ответила: «Нет!»
А как свет поднебесный его озарил,
Я дала ему руки мои,
И он перстень таинственный мне подарил,
Чтоб меня уберечь от любви.
И назвал мне четыре приметы страны,
Где мы встретиться снова должны:
Море, круглая бухта, высокий маяк,
А всего непременно — полынь...
И как жизнь началась, пусть и кончится так.
Я сказала, что знаю: аминь!

*Осень 1916
Севастополь*

О нет, я не тебя любила,
Палима сладостным огнем,
Так объясни, какая сила
В печальном имени твоём.

Передо мною на колени
Ты стал, как будто ждал венца,
И смертные коснулись тени
Спокойно-юного лица.

И ты ушел. Не за победой,
За смертью. Ночи глубоки!
О ангел мой, не знай, не ведай
Моей теперешней тоски.

Но если белым солнцем рая
В лесу осветится тропа,
Но если птица полевая
Взлетит с колючего снопа,

Я знаю: это ты, убитый,
Мне хочешь рассказать о том,
И снова вижу холм изрытый
Над окровавленным Днестром.

Забуду дни любви и славы,
Забуду молодость мою,
Душа темна, пути лукавы, —
Но образ твой, твой подвиг правый
До часа смерти сохраню.

19 июля 1917
Слетнево

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.

И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд.

Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.

17 июля 1917
Слетнево

И вот одна осталась я
Считать пустые дни.
О вольные мои друзья,
О лебеди мои!

И песней я не скличу вас,
Слезами не верну,
Но вечером в печальный час
В молитве помяну.

Настигнут смертною стрелой,
Один из вас упал,
И черным вороном другой,
Меня целуя, стал.

Но так бывает: раз в году,
Когда растает лед,
В Екатерининном саду
Стою у чистых вод

И слышу плеск широких крыл
Над гладью голубой.
Не знаю, кто окно раскрыл
В темнице гробовой.

1917. Конец года

Чем хуже этот век предшествующих? Разве
Тем, что в чаду печали и тревог
Он к самой черной прикоснулся язве,
Но исцелить ее не мог.

Еще на западе земное солнце светит
И кровли городов в его лучах блестят,
А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят.

Зима 1919

Теперь никто не станет слушать песен.
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени.

Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет,

А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот.

1917

По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом,
Такие притихшие оба,
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.

*Январь 1917
Петербург*

Теперь прощай, столица,
Прощай, весна моя,
Уже по мне томится
Корельская земля.

Поля и огороды
Спокойно зелены,
Еще глубоки воды
И небеса бледны.

Болотная русалка,
Хозяйка этих мест,
Глядит, вздыхая жалко,
На колокольный крест.

А иволга, подруга
Моих безгрешных дней,
Вчера вернувшись с юга,
Кричит среди ветвей,

Что стыдно оставаться
До мая в городах,
В театре задыхаться,
Скучать на Островах.

Но иволга не знает,
Русалке не понять,
Как сладко мне бывает
Его поцеловать!

И все-таки сегодня
На тихом склоне дня
Уйду. Страна Господня,
Прими к себе меня!

1917

Ждала его напрасно много лет.
Похоже это время на дремоту.
Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную субботу.
Мой голос оборвался и затих —
С улыбкой предо мной стоял жених.

А за окном со свечками народ
Неспешно шел. О, вечер богомольный!
Слегка хрустел апрельский тонкий лед,
И над толпою голос колокольный,
Как утешенье вещее, звучал,
И черный ветер огоньки качал.

И белые нарциссы на столе,
И красное вино в бокале плоском
Я видела как бы в рассветной мгле.
Моя рука, закапанная воском,
Дрожала, принимая поцелуй,
И пела кровь: «Блаженная, ликуй!»

1916

НОЧЬЮ

Стоит на небе месяц, чуть живой,
Средь облаков струящихся и мелких,
И у дворца угрюмый часовой
Глядит, сердясь, на башенные стрелки.

Идет домой неверная жена,
Ее лицо задумчиво и строго,
А верную в тугих объятьях сна
Сжигает негасимая тревога.

Что мне до них? Семь дней тому назад,
Вздохнувши, я «прости» сказала миру.
Но душно там, и я пробралась в сад
Взглянуть на звезды и потрогать лиру.

*Осень 1918
Москва*

Течет река неспешно по долине,
Многооконный на пригорке дом.
А мы живем как при Екатерине:
Молебны служим, урожая ждем.

Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует бабушке в гостиную руку
И губы мне на лестнице крутой.

*Лето 1917
Слетнево*

Мурка, не ходи, там сыч
На подушке вышит,
Мурка серый, не мурлычь,
Дедушка услышит.

Няня, не горит свеча
И скребутся мыши.
Я боюсь того сына,
Для чего он вышит?

1914

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.

А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.

1913

И целый день, своих пугаясь стонов,
В тоске смертельной мечется толпа,
А за рекой на траурных знаменах
Зловещие смеются черепа.
Вот для чего я пела и мечтала,
Мне сердце разорвали пополам,
Как после залпа сразу тихо стало,
Смерть выслала дозорных по дворам.

Лето 1917
Слетнево

Ты мог бы мне сниться и реже,
Ведь часто встречаемся мы,
Но грустен, взволнован и нежен
Ты только в святилище тьмы.
И слаще хвалы серафима
Мне губ твоих милая лесть...
О, там ты не путаешь имя
Мое. Не вздыхаешь, как здесь.

1914

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,

Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берет ее,

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

*Осень 1917
Петроград*

Из книги
«ANNO DOMINI MCMXXI»

В те баснословные года...

Тютчев

І. ПОСЛЕ ВСЕГО

ПЕТРОГРАД, 1919

И мы забыли навсегда,
Заклочены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.
Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

1920

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Видел я тот венец златокованный...
Не завидуй такому венцу!
Оттого, что и сам он ворованный, —
И тебе он совсем не к лицу.
Туго согнутой веткой терновою
Мой венец на тебе заблестит.
Ничего, что рососою багровою
Он изнеженный лоб освежит.

8 мая 1922

БЕЖЕЦК

Там белые церкви и звонкий, светящийся лед,
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.

Там вьюги сухие взлетают с заречных полей,
И люди, как ангелы, Божьему Празднику рады,
Прибрали светлицу, зажгли у киота лампы,
И Книга Благая лежит на дубовом столе.

Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь;
И город был полон веселым рождественским звоном.

25 декабря ст. ст. 1921

ДРУГОЙ ГОЛОС

1

Я с тобой, мой ангел, не лукавил,
Как же вышло, что тебя оставил
За себя заложницей в неволе
Всей земной непоправимой боли?
Под мостами полыньи дымятся,
Над кострами искры золотятся,
Грузный ветер окаянно воеет,
И шальная пуля за Невою
Ищет сердце бедное твое.
И, одна в дому оледенелом,
Белая лежишь в сиянье белом,
Славя имя горькое мое.

*7 декабря 1921
Петербург*

2

В тот давний год, когда зажглась любовь,
Как крест престольный в сердце обреченном,
Ты кроткою голубкой не прильнула
К моей груди, но коршуном когтила.
Изменой первую, вином проклятья
Ты напоила друга своего.
Но час настал в зеленые глаза
Тебе глядеться, у жестоких губ
Молить напрасно сладостного дара
И клятв таких, каких ты не слыхала,
Каких еще никто не произнес.
Так отравивший воду родника
Для вслед за ним идущего в пустыне
Сам заблудился и, возжаждав сильно,
Источника во мраке не узнал.
Он гибель пьет, прильнув к воде прохладной,
Но гибелью ли жажду утолить?

8 декабря 1921
Петербург

Сказал, что у меня соперниц нет.
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умру, не станет он грустить,
Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!» —
Но вдруг поймет, что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.
...А что теперь?

1921

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,

У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.

И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим крошечным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у Бога ничего.

*Декабрь 1921
Петербург*

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

*Июль 1922
Петербург*

ЧЕРНЫЙ СОН

1

Косноязычно славивший меня
Еще топтался на краю эстрады.

От дыма сизого и тусклого огня
Мы все уйти, конечно, были рады.

Но в путаных словах вопрос зажжен,
Зачем не стала я звездой любовной,
И стыдной болью был преображен
Над нами лик жестокий и бескровный.

Люби меня, припоминай и плачь!
Все плачущие не равны ль пред Богом?
Мне снится, что меня ведет палач
По голубым предутренним дорогам.

1913

2

Ты всегда таинственный и новый,
Я тебе послушней с каждым днем.
Но любовь твоя, о друг суровый, —
Испытание железом и огнем.

Запрещаешь петь и улыбаться,
А молиться запретил давно.
Только б мне с тобою не расстаться,
Остальное все равно!

Так, земле и небесам чужая,
Я живу и больше не пою,
Словно ты у ада и у рая
Отнял душу вольную мою.

Декабрь 1917

3

От любви твоей загадочной,
Как от боли, в крик кричу,
Стала желтой и припадочной,
Еле ноги волочу.

Новых песен не насвистывай, —
Песней долго ль обмануть,

Но когти, когти неистовой
Мне чахоточную грудь.

Чтобы кровь из горла хлынула
Поскорее на постель,
Чтобы смерть из сердца вынула
Навсегда проклятый хмель.

Июль 1918

4

Проплывают льдины, звеня,
Небеса безнадежно бледны.
Ах, за что ты караешь меня,
Я не знаю моей вины.

Если надо — меня убей,
Но не будь со мною суров.
От меня не хочешь детей
И не любишь моих стихов.

Все по-твоему будет: пусть!
Обету верна своему,
Отдала тебе жизнь, но грусть
Я в могилу с собой возьму.

Апрель 1918

5. ТРЕТИЙ ЗАЧАТЬЕВСКИЙ

Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.

Тянет свежесть с Москвы-реки,
В окнах теплятся огоньки.

Покосился гнилой фонарь —
С колокольни идет звонарь...

Как по левой руке — пустырь,
А по правой руке — монастырь,

А напротив — высокий клен
Красным заревом обагрен,

А напротив — высокий клен
Ночью слушает долгий стон:

Мне бы тот найти образок,
Оттого что мой близок срок,

Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды глоток.

*Лето 1940
Фонтанный Дом*

6

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной Господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж — палач, а дом его — тюрьма.

Но видишь ли! Ведь я пришла сама...
Декабрь рождался, ветры выли в поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.

Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.

Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил.

*Август 1921
Царское Село*

Что ты бродишь неприкаянный,
Что глядишь ты не дыша?

Верно понял: крепко спаяна
На двоих одна душа.
Будешь, будешь мной утешенным,
Как не снилось никому,
А обидишь словом бешеным —
Станет больно самому.

*Декабрь 1921
Петербург*

Веет ветер лебединый,
Небо синее в крови.
Наступают годовщины
Первых дней твоей любви.

Ты мои разрушил чары,
Годы плыли, как вода.
Отчего же ты не старый,
А такой, как был тогда?

Даже звонче голос нежный,
Только времени крыло
Осенило славой снежной
Безмятежное чело.

1922

Ангел, три года хранивший меня,
Вознесся в лучах и огне,
Но жду терпеливо сладчайшего дня,
Когда он вернется ко мне.

Как щеки запали, бескровны уста,
Лица не узнать моего;
Ведь я не прекрасная больше, не та,
Что песней смутила его.

Давно на земле ничего не боюсь,
Прощальные помня слова.
Я в ноги ему, как войдет, поклонюсь,
А прежде кивала едва.

1922

Шепчет: «Я не пожалею
Даже то, что так люблю, —
Или будь совсем моею,
Или я тебя убью».
Надо мной жужжит, как овод,
Непрестанно столько дней
Этот самый скучный довод
Черной ревности твоей.
Горе душит, не задушит,
Вольный ветер слезы сушит,
А веселье, чуть погладит,
Сразу с бедным сердцем сладит.

Февраль 1922

Слух чудовищный бродит по городу,
Забирается в дома, как тать.
Уж не сказку ль про Синюю Бороду
Перед тем, как засну, почитать?

Как седьмая всходила на лестницу,
Как сестру молодую звала,
Милых братьев иль страшную вестницу,
Затаивши дыханье, ждала...

Пыль взмывается тучею снежною,
Скачут братья на замковый двор,
И над шеей безвинной и нежною
Не подыметя скользкий топор.

Этой скачкою ныне утешена,
Я, наверно, спокойно усну.
Что же сердце колотится бешено,
Что же вовсе не клонит ко сну?

*Зима 1922
Петербург*

А ты теперь тяжелый и унылый,
Отрекшийся от славы и мечты,
Но для меня непоправимо милый,
И чем темней, тем трогательней ты.

Ты пьешь вино, твои нечисты ночи,
Что наяву, не знаешь, что во сне,
Но зелены мучительные очи, —
Покоя, видно, не нашел в вине.

И сердце только скорой смерти просит,
Кляня медлительность судьбы.
Все чаще ветер западный приносит
Твои упреки и твои мольбы.

Но разве я к тебе вернуться смею?
Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею,
А ты меня и вспоминать не смей.

Так дни идут, печали умножая.
Как за тебя мне Господа молить?
Ты угадал: моя любовь такая,
Что даже ты не мог ее убить.

*22 июля 1917
Слепнево*

Заболеть бы как следует, в жгучем бреду
Повстречаться со всеми опять,

В полном ветра и солнца приморском саду
По широким аллеям гулять.

Даже мертвые нынче согласны прийти,
И изгнанники в доме моем.
Ты ребенка за ручку ко мне приведи,
Так давно я скучаю о нем.

Буду с милыми есть голубой виноград,
Буду пить ледяное вино
И глядеть, как струится седой водопад
На кремнистое влажное дно.

Весна 1922

За озером луна остановилась
И кажется отворенным окном
В притихший, ярко освещенный дом,
Где что-то нехорошее случилось.

Хозяина ли мертвым привезли,
Хозяйка ли с любовником сбежала,
Иль маленькая девочка пропала
И башмачок у заводи нашли...

С земли не видно. Страшную беду
Почувствовав, мы сразу замолчали.
Зауспокойно филины кричали,
И душный ветер буйствовал в саду.

1922

Как мог ты, сильный и свободный,
Забуть у ласковых колен,
Что грех карают первородный
Уничтожение и тлен.

Зачем ты дал ей на забаву
Всю тайну чудотворных дней, —
Она твою развеет славу
Рукою хищною своей.

Стыдись, и творческой печали
Не у земной жены моли.
Таких в монастыри ссылали
И на кострах высоких жгли.

1922

БИБЛЕЙСКИЕ СТИХИ

I

Рахиль

И служил Иаков за Рахиль семь лет,
и они показали ему за несколько
дней, потому что он любил ее.

Книга Бытия

И встретил Иаков в долине Рахиль,
Он ей поклонился, как странник бездомный.
Стада подымали горячую пыль,
Источник был камнем завален огромным.
Он камень своею рукой отвалил
И чистой водою овец напоил.

Но стало в груди его сердце грустить,
Болеть, как открытая рана,
И он согласился за деву служить
Семь лет пастухом у Лавана.
Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
Семь лет — словно семь ослепительных дней.

Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома.
Он думает: каждый простится обман
Во славу Лаванова дома.
И Лию незрячую твердой рукой
Приводит к Иакову в брачный покой.

Течет над пустыней высокая ночь,
Роняет прохладные росы,
И стонет Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистые косы.
Сестру проклиная, и Бога хулит,
И Ангелу Смерти явиться велит.

И снится Иакову сладостный час:
Прозрачный источник долины,
Веселые взоры Рахилиных глаз
И голос ее голубиный:
Иаков, не ты ли меня целовал
И черной голубкой своей называл?

25 декабря ст. ст. 1921

II

Лотова жена

Жена же Лотова оглянулась позади
его и стала соляным столпом.

Книга Бытия

И праведник шел за посланником Бога,
Огромный и светлый, по черной горе.
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.
Взглянула — и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.

Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

1922—1924

III

Мелхола

Но Давида полюбила... дочь Саула,
Мелхола. Саул думал: отдам ее за него,
и она будет ему сетью.

Первая Книга Царств

И отрок играет безумцу царю,
И ночь беспощадную рушит,
И властно победную кличет зарю,
И призраки ужаса душит.
И царь благосклонно ему говорит:
«Огонь в тебе, юноша, дивный горит,
И я за такое лекарство
Отдам тебе дочку и царство».
А царская дочка глядит на певца,
Ей песен не нужно, не нужно венца,
В душе ее скорбь и обида,
Но хочет Мелхола Давида.
Бледнее, чем мертвая; рот ее сжат,
В зеленых глазах исступленье;
Сияют одежды, и стройно звенят
Запястья при каждом движеньи.
Как тайна, как сон, как праматерь Лилит...
Не волей своею она говорит:
«Наверно, с отравой мне дали питье,
И мой помрачается дух.
Бесстыдство мое! Униженье мое!
Бродяга! Разбойник! Пастух!
Зачем же никто из придворных вельмож,
Увы, на него не похож?
А солнца лучи... а звезды в ночи...
А эта холодная дрожь...»

1922–1961

ПРИЧИТАНИЕ

В. А. Щеголевой

«Господеви поклонитесь
Во Святем Дворе Его».

Спит юродивый на паперти,
На него глядит звезда.
И, крылом задетый ангельским,
Колокол заговорил
Не набатным, грозным голосом,
А прощаясь навсегда.
И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.
Серафим — в леса Саровские
Стадо сельское пасти,
Анна — в Кашин, уж не княжители,
Лен колючий теребить.
Провожает Богородица,
Сына кутает в платок,
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.

21 мая 1922
Петербург

Вот и берег северного моря,
Вот граница наших бед и слав, —
Не пойму, от счастья или горя
Плачешь ты, к моим ногам припав.
Мне не надо больше обреченных —
Пленников, заложников, рабов,
Только с милым мне и непреклонным
Буду я делить и хлеб, и кров.

Осень 1922

Хорошо здесь: и шелест, и хруст;
С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламени клонится куст

Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах
Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

Зима 1922

ПЕСЕНКА

Бывало, я с утра молчу
О том, что сон мне пел.
Румяной розе, и лучу,
И мне — один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега
Разливных мутных рек.
Еловой рощи свежий шум
Покойнее рассветных дум.

5 марта 1916

СКАЗКА О ЧЕРНОМ КОЛЬЦЕ

1

Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела
И впервые пожалела,
И вздохнула: «Ах, года!
Вот и внучка молода».
И, простивши нрав мой вздорный,
Завещала перстень черный.
Так сказала: «Он по ней,
С ним ей будет веселей».

2

Я друзьям моим сказала:
«Горя много, счастья мало» —
И ушла, закрыв лицо, —
Потеряла я кольцо.
И друзья мои сказали:
«Мы кольцо везде искали,
Возле моря на песке
И меж сосен на лужке».
И, догнав меня в аллее,
Тот, кто был других смелее,
Уговаривал меня
Подождать до склона дня.
Я совету удивилась
И на друга рассердилась,
Что глаза его нежны:
«И на что вы мне нужны?
Только можете смеяться,
Друг пред другом похвалиться
Да цветы сюда носить».
Всем велела уходить.

3

И, придя в свою светлицу,
Застонала хищной птицей,
Повалилась на кровать
Сотый раз припоминать:
Как за ужином сидела,
В очи темные глядела,
Как не ела, не пила
У дубового стола,
Как под скатертью узорной
Протянула перстень черный,
Как взглянул в мое лицо,
Встал и вышел на крыльцо.
.....
Не придут ко мне с находкой!
Далеко над быстрой лодкой

Заалели небеса,
Забелели паруса.

1917—1936
Слепнево—Москва

Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить.
И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда провалились студёные, влажные дни?
Изумрудною стала вода замутнённых каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильнеей.
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.
Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник,
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось — сейчас забелеет прозрачный подснежник...
Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему.

Сентябрь 1922

ЭПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ

Я пою, и лес зеленеет.

Б. А.

I

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье — Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.
Я, тайному велению покорна,
Товарища свободного избрав,
Любила только солнце и деревья.
Однажды поздним летом иностранку
Я встретила в лукавый час зари,

И вместе мы купались в теплом море.
Ее одежда странной мне казалась,
Еще страннее — губы, а слова
Как звезды падали сентябрьской ночью.
И стройная меня учила плавать,
Одной рукой поддерживая тело
Неопытное на тугих волнах.
И часто, стоя в голубой воде,
Она со мной неспешно говорила,
И мне казалось, что вершины леса
Слегка шумят, или хрустит песок,
Иль голосом серебряным волынка
Вдали поет о вечере разлук.
Но слов ее я помнить не могла
И часто ночью с болью просыпалась.
Мне чудился полуоткрытый рот,
Ее глаза и гладкая прическа.
Как вестника небесного, молила
Я девушку печальную тогда:
«Скажи, скажи, зачем угасла память
И, так томительно лаская слух,
Ты отняла блаженство повторенья?..»
И только раз, когда я виноград
В плетеную корзинку собирала,
А смуглая сидела на траве,
Глаза закрыв и распустивши косы,
И томною была и утомленной
От запаха тяжелых синих ягод
И пряного дыханья дикой мяты, —
Она слова чудесные вложила
В сокровищницу памяти моей,
И, полную корзину уронив,
Припала я к земле сухой и душевной,
Как к милому, когда поет любовь.

Осень 1913

II

Покинув рощи родины священной
И дом, где Муза Плача изнывала,
Я, тихая, веселая, жила

На низком острове, который, словно плот,
Остановился в пышной невской дельте.
О, зимние таинственные дни,
И милый труд, и легкая усталость,
И розы в умывальном кувшине!
Был переулочек снежным и недлинным.
И против двери к нам стеной алтарной
Воздвигнут храм Святой Екатерины.
Как рано я из дома выходила,
И часто по нетронутому снегу,
Свои следы вчерашние напрасно
На бледной, чистой пелене ища,
И вдоль реки, где шхуны, как голубки,
Друг к другу нежно, нежно прижимаясь,
О сером взморье до весны тоскуют, —
Я подходила к старому мосту.
Там комната, похожая на клетку,
Под самой крышей в грязном, шумном доме,
Где он, как чиж, свистал перед мольбертом,
И жаловался весело, и грустно
О радости небывшей говорил.
Как в зеркало, глядела я тревожно
На серый холст, и с каждою неделей
Все горше и страннее было сходство
Мое с моим изображеньем новым.
Теперь не знаю, где художник милый,
С которым я из голубой мансарды
Через окно на крышу выходила
И по карнизу шла над смертной бездной,
Чтоб видеть снег, Неву и облака, —
Но чувствую, что Музы наши дружны
Беспечной и пленительною дружбой,
Как девушки, не знавшие любви.

1914

III

Смеркается, и в небе темно-синем,
Где так недавно храм Ерусалимский
Таинственным сиял великолепьем,

Лишь две звезды над путаницей веток,
И снег летит откуда-то не сверху,
А словно подымается с земли,
Ленивый, ласковый и осторожный,
Мне странною в тот день была прогулка.
Когда я вышла, ослепил меня
Прозрачный отблеск на вещах и лицах,
Как будто всюду лепестки лежали
Тех желто-розовых некрупных роз,
Название которых я забыла.
Безветренный, сухой, морозный воздух
Так каждый звук лелеял и хранил,
Что мнилось мне: молчанья не бывает.
И на мосту, сквозь ржавые перила
Просовывая руки в рукавичках,
Кормили дети пестрых жадных уток,
Что кувыркались в проруби чернильной.
И я подумала: не может быть,
Чтоб я когда-нибудь забыла это.
И если трудный путь мне предстоит,
Вот легкий груз, который мне под силу
С собою взять, чтоб в старости, в болезни,
Быть может, в нищете — припоминать
Закат неистовый, и полноту
Душевных сил, и прелесть милой жизни.

1914–1916

II. MCMXXI

Наталли Рыковой

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, —

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

*Лето 1921
Петербург*

Путник милый, ты далече,
Но с тобою говорю.
В небесах зажглися свечи
Провожающих зарю.

Путник мой, скорей направо
Обрати свой светлый взор:
Здесь живет дракон лукавый,
Мой властитель с давних пор.

А в пещере у дракона
Нет пощады, нет закона.

И висит на стенке плеть,
Чтобы песен мне не петь.

И дракон крылатый мучит,
Он меня смиренью учит,
Чтоб забыла дерзкий смех,
Чтобы стала лучше всех.

Путник милый, в город дальний
Унеси мои слова,
Чтобы сделался печальней
Тот, кем я еще жива.

22 июня 1921
Петербург

Нам встречи нет. Мы в разных станах,
Туда ль зовешь меня, наглец,
Где брат поник в кровавых ранах,
Принявши ангельский венец?

И ни молящие улыбки,
Ни клятвы дикие твои,
Ни призрак млеющий и зыбкий
Моей счастливейшей любви
Не обольстят...

Июнь 1921

Сослужу тебе верную службу, —
Ты не бойся, что горько люблю!
Я за нашу веселую дружбу
Всех святителей нынче молю.

За тебя отдала первородство
И взамен ничего не прошу,
Оттого и лохмотья сиротства
Я как брачные ризы ношу.

Июль 1921

Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий —
Что там, крысы, призрак или вор?

В душевной кухне плещется водою,
Половицам шатким счет ведет,
С глянцевицей черной бородою
За окном чердачным промелькнет —

И притихнет. Как он зол и ловок,
Спички спрятал и свечу задул.
Лучше бы поблескиванье дул
В грудь мою направленных винтовок,

Лучше бы на площади зеленой
На помост некрашенный прилечь
И под клики радости и стоны
Красной кровью до конца истечь.

Прижимаю к сердцу крестик гладкий:
Боже, мир душе моей верни!
Запах тленья обморочно сладкий
Веет от прохладной простыни.

*27/28 августа 1921
Царское Село*

Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом,
Ни даже предчувствием тайным моим.
Зачем же в ночи перед темным порогом
Ты медлишь, как будто счастьем томим?
Не выйду, не крикну: «О, будь единым,
До смертного часа будь со мной!»
Я только голосом лебединым
Говорю с неправедною луной.

1915

О, жизнь без завтрашнего дня!
Ловлю измену в каждом слове,
И убывающей любви
Звезда восходит для меня.

Так незаметно отлетать,
Почти не узнавать при встрече.
Но снова ночь. И снова плечи
В истоме влажной целовать.

Тебе я милой не была,
Ты мне постыл. А пытка длилась,
И, как преступница, томилась
Любовь, исполненная зла.

То словно брат. Молчишь, сердит.
Но если встретимся глазами —
Тебе клянусь я Небесами,
В огне расплавится гранит.

*29 августа 1921
Царское Село*

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.

Я-то вольная. Все мне забава, —
Ночью Муза слетит утешать,
А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.

Обо мне и молиться не стоит
И, уйдя, оглянуться назад...
Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.

Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но, скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?

*Август 1921
Царское Село*

А, ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок —
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

*Июль 1921
Петербург*

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полузакрытые глаза.

Семь дней любви, семь грозных лет разлуки,
Война, мятеж, опустошенный дом,
В крови невинной маленькие руки,
Седая прядь над розовым виском.

Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет,
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред, —

Затем, что он пронижет жгучим ядом
Ваш благодостный, ваш радостный союз...
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

*Август 1921
Царское Село*

Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать.

Постель мне стелют эту
С рыданьем и мольбой;
Теперь гуляй по свету
Где хочешь, Бог с тобой!

Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь.

Добились мы покою
И непорочных дней...
Ты плачешь — я не стою
Одной слезы твоей.

*27 августа 1921
Царское Село*

А Смоленская нынче именинница,
Синий ладан над травую стелется,

И струится пенье панихидное,
Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские,
А кладбище — роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.
Принесли мы Смоленской Заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, —
Александра, лебедя чистого.

*Август 1921
Петроград*

О. А. Глебовой-Судейкиной

Пророчишь, горькая, и руки уронила,
Прилипла прядь волос к бескровному челу,
И улыбаешься — о, не одну пчелу
Румяная улыбка соблазнила
И бабочку смутила не одну.

Как лунные глаза светлы, и напряженно
Далеко видящий остановился взор.
То мертвому ли сладостный укор,
Или живым прощаешь благосклонно
Твое изнеможенье и позор?

*27 августа 1921
Царское Село*

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку

Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

16 августа ст. ст. 1921
(вагон)

Пока не свалюсь под забором
И ветер меня не добьет,
Мечта о спасении скором
Меня, как проклятие, жжет.

Упрямая, жду, что случится,
Как в песне, случится со мной, —
Уверенно в дверь постучится
И, прежний, веселый, дневной,

Войдет он и скажет: «Довольно,
Ты видишь, я тоже простил».
Не будет ни страшно, ни больно.
Ни роз, ни архангельских сил.

Затем и в беспамятстве смуты
Я сердце мое берегу,
Что смерти без этой минуты
Представить себе не могу.

30 августа 1921
Царское Село

На пороге белом рая,
Оглянувшись, крикнул: «Жду!»
Завещал мне, умирая,
Благость и нищету.

И когда прозрачно небо,
Видит, крыльями звеня,

Как делюсь я коркой хлеба
С тем, кто просит у меня.

А когда, как после битвы,
Облака плывут в крови,
Слышит он мои молитвы
И слова моей любви.

Июль 1921

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.
Как вороны кружатся, чуя
Горячую, свежую кровь,
Так дикие песни, ликуя,
Моя насылала любовь.

С тобою мне сладко и знойно,
Ты близок, как сердце в груди.
Дай руку мне, слушай спокойно.
Тебя заклинаю: уйди.
И пусть не узнаю я, где ты,
О Муза, его не зови,
Да будет живым, невоспетым
Моей не узнавший любви.

*Октябрь 1921
Петербург*

Долгим взглядом твоим истомленная,
И сама научилась томить.
Из ребра твоего сотворенная,
Как могу я тебя не любить?

Быть твоею сестрою отрадною
Мне завещано древней судьбой,
А я стала лукавой и жадною
И сладчайшей твоею рабой.

Но когда замираю, смиренная,
На груди твоей, снега белей,
Как ликует твое умудренное
Сердце — солнце отчизны моей!

25 сентября 1921

КЛЕВЕТА

И всюду клевета сопутствовала мне.
Ее ползучий шаг я слышала во сне
И в мертвом городе под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом и за хлебом.
И отблески ее горят во всех глазах,
То как предательство, то как невинный страх.
Я не боюсь ее. На каждый вызов новый
Есть у меня ответ достойный и суровый.
Но неизбежный день уже предвижу я, —
На утренней заре придут ко мне друзья,
И мой сладчайший сон рыданьем потревожат,
И образок на грудь остывшую положат.
Никем не знаема, тогда она войдет,
В моей крови ее неутоленный рот
Считать не устает небывшие обиды,
Вплетая голос свой в моленья панихиды,
И станет внятн всем ее постыдный бред,
Чтоб на соседа глаз не мог поднять сосед,
Чтоб в страшной пустоте мое осталось тело,
Чтобы в последний раз душа моя горела
Земным бессилием, летя в рассветной мгле,
И дикой жалостью к оставленной земле.

*1 января ст. ст. 1922
(вагон)*

III. ГОЛОС ПАМЯТИ

Мир лишь луч от лика друга,
все иное — тень его!

<Н.Г.>

Широко распахнуты ворота,
Липы нищенски обнажены,
И темна сухая позолота
Нерушимой вогнутой стены.

Гулом полны алтари и склепы,
И за Днепр широкий звон летит.
Так тяжелый колокол Мазепы
Над Софийской площадью гудит.

Все грозней бушует, непреклонный,
Словно здесь еретиков казнят,
А в лесах заречных, примиренный,
Веселит пушистых лисенят.

15 сентября 1921

Почернел, искривился бревенчатый мост,
И стоят лопухи в человеческий рост,
И крапивы дремучей поют леса,
Что по ним не пройдет, не блеснет коса.
Вечерами над озером слышен вздох,
И по стенам расползся корявый мох.

Я встречала там
Двадцать первый год.

Сладок был устам
Черный душистый мед.

Сучья рвали мне
Платья белый шелк,
На кривой сосне
Соловей не молк.

На условный крик
Выйдет из норы,
Словно леший дик,
А нежней сестры.

На гору бегом,
Через речку вплавь,
Да зато потом
Не скажу: оставь.

1917

Тот август, как желтое пламя,
Пробившееся сквозь дым,
Тот август поднялся над нами,
Как огненный серафим.

И в город печали и гнева
Из тихой Корельской земли
Мы двое — воин и дева —
Студеным утром вошли.

Что случилось с нашей столицей,
Кто солнце на землю низвел?
Казался летящей птицей
На штандарте черный орел.

На дикий лагерь похожим
Стал город пышных смотров,
Слепило глаза проходим
Сверканье пик и штыков.

И серые пушки гремели
На Троицком гулком мосту,
А липы еще зеленели
В таинственном Летнем Саду.

И брат мне сказал: «Настали
Для меня великие дни.
Теперь ты наши печали
И радость одна храни».

Как будто ключи оставил
Хозяйке усадьбы своей,
А ветер восточный славил
Ковыли приволжских степей.

1915

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Да, я любила их, те сборища ночные, —
На маленьком столе стаканы ледяные,
Над черным кофеом пахучий, тонкий пар,
Камина красного тяжелый, зимний жар,
Веселость едкую литературной шутки
И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.

2

Соблазна не было. Соблазн в тиши живет,
Он постника томит, святителя гнетет

И в полночь майскую над молодой черницей
Кричит истомно раненой орлицей.

А сим распутникам, сим грешницам любезным
Неведомо объятье рук железных.

3

Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой,
Смотрю взволнованно на темные палаты?
Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,
Уже судимая не по земным законам,
Я, как преступница, еще влекусь туда,
На место казни долгой и стыда.
И вижу дивный град, и слышу голос милый,
Как будто нет еще таинственной могилы,
Где день и ночь, склоняясь, в жары и холода,
Должна я ожидать Последнего Суда.

Январь 1917

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Далеко в лесу огромном,
Возле синих рек,
Жил с детьми в избушке темной
Бедный дровосек.

Младший сын был ростом с пальчик, —
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать.

Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.

Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.

*1915
Царское Село*

Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все сердца туманит...
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.
И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенье боли и забвенье нег —
За это жизнь отдать не мало.

*15 сентября 1921
Царское Село*

Буду черные грядки холить,
Ключевой водой поливать;
Полевые цветы на воле,
Их не надо трогать и рвать.

Пусть их больше, чем звезд зажженных
В сентябрьских небесах, —
Для детей, для бродяг, для влюбленных
Вырастают цветы на полях.

А мои — для Святой Софии
В тот единственный светлый день,
Когда возгласы литургии
Возлетят под дивную сень.

И, как волны приносят на сушу
То, что сами на смерть обрекли,
Принесу покаянную душу
И цветы из Русской земли.

*Лето 1916
Слетнево*

НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА

...И месяц, скучая в облачной мгле,
Бросил в горницу тусклый взор,
Там шесть приборов стоят на столе,
И один только пуст прибор.
Это муж мой, и я, и друзья мои...
Мы Новый встречаем Год...
Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжет?
Хозяин, поднявши первый стакан,
Был важен и недвижим:
« — Я пью за землю родных полей,
В которой мы все лежим!»
А друг, поглядевши в лицо мое
И вспомнив Бог весть о чем,
Воскликнул: «А я за песни ее,
В которых мы все живем!»
А третий, не знавший ничего,
Когда он покинул свет,
Мыслям моим в ответ
Промолвил: «Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет».

1923

О, знала ль я, когда в одежде белой
Входила Муза в тесный мой приют,
Что к лире, навсегда окаменелой,
Мои живые пальцы припадут.

О, знала ль я, когда неслась, сверкая,
Моей любви последняя гроза,
Что лучшему из юношей, рыдая,
Закрою я орлиные глаза.

О, знала ль я, когда, томясь успехом,
Я искушала дивную Судьбу,

Что скоро люди беспощадным смехом
Ответят на предсмертную мольбу.

1925
Мраморный Дворец

МНОГИМ

Я — голос ваш, жар вашего дыханья,
Я — отраженье вашего лица.
Напрасных крыл напрасны трепетанья, —
Ведь все равно я с вами до конца.

Вот отчего вы любите так жадно
Меня в грехе и в немощи моей,
Вот отчего вы дали неоглядно
Мне лучшего из ваших сыновей,
Вот отчего вы даже не спросили
Меня ни слова никогда о нем
И чадными хвалами задымили
Мой навсегда опустошенный дом.
И говорят — нельзя теснее слиться,
Нельзя непоправимее любить...

Как хочет тень от тела отделиться,
Как хочет плоть с душою разлучиться,
Так я хочу теперь — забытой быть.

14 сентября 1922
Петербург

Из книги «ТРОСТНИК»

Я играю в них во всех пяти. *Б. П.*

НАДПИСЬ НА КНИГЕ «ТРОСТНИК»

М. Лозинскому

Почти от залетейской тени
В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары,
Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена, —
Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И Сада Летнего решетка,
И оснеженный Петроград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал...
.....
И над задумчивою Летой
Тростник оживший зазвучал.

29 мая 1940. Фонтанный Дом

МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.

Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924

ХУДОЖНИКУ

Мне все твоя мерещится работа,
Твои благословенные труды:
Лип, навсегда осенних, позолота
И синь сегодня созданной воды.

Подумай, и тончайшая дремота
Уже ведет меня в твои сады,
Где, каждого пугаясь поворота,
В беспамятстве ищу твои следы.

Войду ли я под свод преображенный,
Твоей рукою в небо превращенный,
Чтоб остудился мой постылый жар?..

Там стану я блаженною навеки
И, раскаленные смежая веки,
Там снова обрету я слезный дар.

1924

Здесь Пушкина изгнанье началось
И Лермонтова кончилось изгнанье.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час —
Сияние неутоленных глаз
Бессмертного любовника Тамары.

Июль 1927. Кисловодск

Если плещется лунная жуть,
Город весь в ядовитом растворе,
Без малейшей надежды заснуть
Вижу я сквозь зеленую муть
И не детство мое, и не море,
И не бабочек брачный полет
Над грядой царскосельских нарциссов
В тот какой-то шестнадцатый год...
А застывший навек хоровод
Надмогильных твоих кипарисов.

1 декабря 1928. Ленинград

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —

Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.

1929. Царское Село

ДВУСТИШЬЕ

От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала.

1931

ЗАКЛИНАНИЕ

Из тюремных ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженным,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незванный, несуженый, —
Приди ко мне ужинать.

15 апреля — август 1936.
Ленинград

Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или черный плот? —
Он в шестнадцатом году весною
Обещал, что скоро сам придет.
Он в шестнадцатом году весною
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.
Мне его еще смеются очи
И теперь, шестнадцатой весной.
Что мне делать! Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

Февраль 1936. Москва

Памяти Н. В. Н.

Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью своей.

Я говорю: «Твое несую я бремя
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет».
Но для нее не существует время,
И для нее пространства в мире нет.

И снова черный масленичный вечер,
Зловещий парк, неспешный бег коня.
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.

А надо мной спокойный и двурогий
Стоит свидетель... о, туда, туда,
По древней подкапризовой дороге,
Где лебеди и мертвая вода.

3 ноября 1936

От тебя я сердце скрыла,
Словно бросила в Неву...
Прирученной и бескрылой
Я в доме твоём живу.
Только... ночью слышу скрипы.
Что там — в сумраках чужих?
Шереметевские липы...
Переключка домовых...
Осторожно подступает,
Как журчание воды,
К уху жарко принимает
Черный шепоток беды —
И бормочет, словно дело
Ей всю ночь возиться тут:

«Ты уюта захотела,
Знаешь, где он — твой уют?»

30 октября 1936

БОРИС ПАСТЕРНАК

Он, сам себя сравнивший с конским глазом,
Косится, смотрит, видит, узнает,
И вот уже расплавленным алмазом
Сияют лужи, изнывает лед.

В лиловой мгле покоятся задворки,
Платформы, бревна, листья, облака.
Свист паровоза, хруст арбузной корки,
В душистой лайке робкая рука.

Звенит, гремит, скрежещет, бьет прибоем
И вдруг притихнет, — это значит, он
Пугливо пробирается по хвоям,
Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон.

И это значит, он считает зерна
В пустых колосьях, это значит, он
К плите дарьяльской, проклятой и черной,
Опять пришел с каких-то похорон.

И снова жжет московская истома,
Звенит вдали смертельный бубенец...
Кто заблудился в двух шагах от дома,
Где снег по пояс и всему конец?

За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строф, —

Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

19 января 1936

ВОРОНЕЖ

О. М.

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталиям я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским — вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли.
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвенят сильнее,
Как будто пьют за ликование наше
На брачном пире тысячи гостей.

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед.
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.

4 марта 1936

Годовщину последнюю празднуй —
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы — той, алмазной —
Повторяется снежная ночь.

Пар валит из-под царских конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны, как нарочно, притушен,
И куда мы идем — не пойму.

Меж гробницами внука и деда
Заблудился взъерошенный сад.
Из тюремного вынырнув бреда,
Фонари погребально горят.

В грозных айсбергах Марсово Поле,
И Лебяжья лежит в хрусталах...
Чья с моею сравняется доля,
Если в сердце веселье и страх.

И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом.
И, внезапным согретый лучом,
Снежный прах так тепло серебрится.

1939

ДАНТЕ

Il mio bel San Giovanni.

Dante

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, —
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной...

17 августа 1936. Разлив

КЛЕОПАТРА

Александрийские чертоги

Покрыла сладостная тень.

Пушкин

Уже целовала Антония мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила...
И предали слуги. Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.

И входит последний плененный ее красотой,
Высокий и статный, и шепчет в смятении он:
«Тебя — как рабыню... в триумфе пошлет пред собою...»
Но шея лебяжьей все так же спокоен наклон.

А завтра детей закуют. О, как мало осталось
Ей дела на свете — еще с мужиком пошутить
И черную змейку, как будто прощальную жалость,
На смуглую грудь равнодушной рукой положить.

7 февраля 1940. Фонтанный Дом

ИВА

И дряхлый пук дерев.

Пушкин

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века,
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И — странно! — я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат.

18 января 1940

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.

Я заметила это, вернувшись
С похорон одного поэта.
И с тех пор проверяла часто,
И моя догадка подтвердилась.

21 января 1940

РАЗРЫВ

1

Не недели, не месяцы — годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.
Больше нет ни измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств
Несравненной моей правоты.

1940

2

И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.
Нам, иступленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли...

25 сентября 1944

3. ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью, —
За ложь меня предавших губ,

За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.

1934. Фонтанный Дом

МАЯКОВСКИЙ В 1913 ГОДУ

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой рассвет,
Но, быть может, я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,
Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты, — разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпением торопя судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Бабочкой летало над толпой,
Чтобы вдруг под взорами твоими
Превратиться в восхищенный вой.

<3-10 марта> 1940

НАДПИСЬ НА «ПОДОРОЖНИКЕ»

Совсем не тот таинственный художник,
Избороздивший Гофмановы сны, —

Из той далекой и чужой весны
Мне чудится смиренный подорожник.

Он всюду рос, им город зеленел,
Он украшал широкие ступени,
И с факелом свободных песнопений
Психея возвращалась в мой придел.

А в глубине четвертого двора
Под деревом плясала детвора
В восторге от шарманки одноногой.

И была жизнь во все колокола,
А бешеная кровь меня к тебе вела
Сужденной всем, единственной дорогой.

19 января 1941. Фонтанный Дом

ЛЕНИНГРАД В МАРТЕ 1941

Cadran solaire на Меншиковом Доме.
Подняв волну, проходит пароход.
О, есть ли что на свете мне знакомей,
Чем спилей блеск и отблеск этих вод!
Как щелочка, чернеет переулок,
Садятся воробьи на провода.
У наизусть затверженных прогулок
Соленый привкус — тоже не беда.

<1941>

БЕГ ВРЕМЕНИ

СЕДЬМАЯ КНИГА

Пала седьмая завеса тумана,
Та, за которой приходит весна.

Т. К.

ТАЙНЫ РЕМЕСЛА

1. ТВОРЧЕСТВО

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чуждятся и жалобы, и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

5 ноября 1936. Фонтанный Дом

2

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и на мученье мне.

21 января 1940

3. МУЗА

Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют Музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттрепет,
И опять весь год ни гу-гу.

Начало октября 1960

4. ПОЭТ

Подумаешь, тоже работа, —
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.

И чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет средь блестящих нив.

А после подслушать у леса,
У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.

Налево беру и направо
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой
И все — у ночной тишины.

11 июля 1959. Комарово

5. ЧИТАТЕЛЬ

Не должен быть очень несчастным
И, главное, скрытным. О нет! —
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.

И рампа торчит под ногами,
Все мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта позорное пламя
Его заклеимило чело.

А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.

Там все, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.
Там кто-то беспомощно плачет
В какой-то назначенный час.

И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад,
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят.

За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...
Так исповедь льется немая,
Беседы блаженнейший зной.

Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен —
Поэта неведомый друг.

23 июля 1959. Комарово

6. ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Одно, словно кем-то встревоженный гром,
С дыханием жизни врывается в дом,
Смеется, у горла трепещет,
И кружится, и рукоплещет.

Другое, в полночной родясь тишине,
Не знаю, откуда крадется ко мне,
Из зеркала смотрит пустого
И что-то бормочет сурово.

А есть и такие: среди белого дня,
Как будто почти что не видя меня,
Струятся по белой бумаге,
Как чистый источник в овраге.

А вот еще: тайное бродит вокруг —
Не звук и не цвет, не цвет и не звук, —
Гранится, меняется, вьется,
А в руки живым не дается.

Но это!.. по капельке выпило кровь,
Как в юности злая девчонка — любовь,
И, мне не сказавши ни слова,
Безмолвием сделалось снова.

И я не знавала жесточе беды —
Ушло, и его протянулись следы
К какому-то крайнему краю,
А я без него... умираю.

1 декабря 1959. Ленинград

7. ЭПИГРАММА

Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!

Лето 1957. Электричка

8. ПРО СТИХИ

Владимиру Нарбуту

Это — выжимки бессонниц,
Это — свеч кривых нагар,
Это — сотен белых звонниц
Первый утренний удар...
Это — теплый подоконник
Под черниговской луной,
Это — пчелы, это — донник,
Это — пыль, и мрак, и зной.

Апрель 1940. Москва

9

Осипу Мандельштаму

Многое еще, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим:
То, что, бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,
Или пробивается сквозь дым.
У меня не выяснены счеты
С пламенем, и ветром, и водой...
Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за утренней звездой.

1942. Ташкент

А в книгах я последнюю страницу
Всегда любила больше всех других, —
Когда уже совсем не интересны
Герой и героиня, и прошло
Так много лет, что никого не жалко,
И, кажется, сам автор
Уже начало повести забыл,
И даже «вечность поседела»,
Как сказано в одной прекрасной книге.
Но вот сейчас, сейчас

Все кончится, и автор снова будет
Бесповоротно одинок, а он
Еще старается быть остроумным
Или язвит — прости его, Господь! —
Прилаживая пышную концовку,
Такую, например:
...И только в двух домах
В том городе (название неясно)
Остался профиль (кем-то обведенный
На белоснежной извести стены),
Не женский, не мужской, но полный тайны.
И, говорят, когда лучи луны —
Зеленой, низкой, среднеазиатской —
По этим стенам в полночь пробегают,
В особенности в новогодний вечер,
То слышится какой-то легкий звук,
Причем одни его считают плачем,
Другие разбирают в нем слова...
 Но это чудо всем поднадоело,
 Приезжих мало, здешние привыкли,
 И, говорят, в одном из тех домов
 Уже ковром закрыт проклятый профиль.

Ноябрь 1943. Ташкент

ПУШКИН

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..

7 марта 1943. Ташкент

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет.
С ним и без света миру светло,

Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет...
А может, и смерти нет.

1944. Ташкент

В СОРОКОВОМ ГОДУ

1

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, —
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.

Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

5 августа 1940. Фонтанный Дом

2. ЛОНДОНЦАМ

(To the Londoners)

И сделалась война на небе.

Апокалипсис

Двадцать четвертую драму Шекспира
Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники чумного пира,
Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира
Будем читать над свинцовой рекой;
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наемным убийцей дрожать, —

Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!

1940

3. ТЕНЬ

Что знает женщина одна о смертном часе?

О. Мандельштам

Всегда нарядней всех, всех розовой и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет
И память хищная передо мной колышет
Прозрачный профиль твой за стеклами карет?
Как спорили тогда — ты ангел или птица?
Соломинкой тебя назвал поэт.
Равно на всех сквозь черные ресницы
Дарьяльских глаз струился нежный свет.
О тень! Прости меня, но ясная погода,
Флобер, бессонница и поздняя сирень
Тебя — красавицу тринадцатого года —
И твой безоблачный и равнодушный день
Напомнили... А мне такого рода
Воспоминанья не к лицу. О тень!

9 августа 1940

4

Уж я ль не знала бессонницы
Все пропасти и тропы,
Но эта как топот конницы
Под вой одичалой трубы.
Вхожу в дома опустелые,
В недавний чей-то уют.
Все тихо, лишь тени белые
В чужих зеркалах плывут.
И что там в тумане — Дания,
Нормандия, или тут
Сама я бывала ранее,
И это — переиздание
Навек забытых минут?

1940

Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.
Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником, и ни звездой,
Ни родниковой водой,
Ни колокольным звоном —
Не буду я людей смущать
И сны чужие навещать
Неутоленным стоном.

*2—7 ноября 1940.
Фонтанный Дом*

ВЕТЕР ВОЙНЫ

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Июль 1941. Ленинград

Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во все новое нарядились, —
Как в солдатики шли играть...
Ни плохих, ни хороших, ни средних —
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних —
Все они опочили там.

1943. Ташкент

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громае влажность есть

БЕГ ВРЕМЕНИ

Высоких свежих облаков
И возделение лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить — по тому,
Как расширился он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

Сентябрь 1941. Ленинград

Птицы смерти в зените висят.
Кто идет выручать Ленинград? —

Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой еще, он все слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!» —
До седьмого доходят неба...

Отворите райскую дверь,
Помогите ему теперь.

28 сентября 1941 (самолет)

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Февраль 1942. Ташкент

1

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

2

Постучи кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предаю никогда...
Твоего я не слышала стона.
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинку зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

Апрель 1942. Ташкент

НОХ. СТАТУЯ «НОЧЬ» В ЛЕТНЕМ САДУ

Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой...
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.
Пусты теперь Дионисовы чаши,
Заплаканы взоры Любви...
Это проходят над городом нашим
Страшные сестры твои.

30 мая 1942. Ташкент

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья!

Февраль 1944. Ташкент

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена! Захлопываю святцы;
И — на колени все! Багровый хлынул свет!
Рядами стройными проходят ленинградцы,
Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.

1944. Ташкент

ПОБЕДА

1

Славно начато славное дело
В грозном грохоте, в снежной пыли,
Где томится пречистое тело
Оскверненной врагами земли.
К нам оттуда родные березы
Тянут ветки, и ждут, и зовут,
И могучие деды-морозы
С нами сомкнутым строем идут.

Январь 1942

2

Вспыхнул над молотом первый маяк,
Других маяков предтеча, —
Заплакал и шапку снял моряк,
Что плавал в набитых смертью морях
Вдоль смерти и смерти навстречу.

1944

3

Победа у наших стоит дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей,
Так мы долгожданной ответим.

1945

ПАМЯТИ ДРУГА

С. Б. Р.

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.

БЕГ ВРЕМЕНИ

Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

8 ноября 1945

Справа раскинулись пустыри,
С древней, как мир, полоской зари,

Слева, как виселицы, фонари.
Раз, два, три...

А надо всем еще галочий крик
И помертвелого месяца лик
Совсем ни к чему возник.

Это — из жизни не той и не той,
Это — когда будет век золотой,

Это — когда окончится бой,
Это — когда я встречусь с тобой.

29 апреля 1944. Ташкент

ЛУНА В ЗЕНИТЕ

Г. Г<ерус>

1

Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак.
Какая-то сила
Сегодня входила
В твое святилище, мрак!
Мангалочий дворик,

Как дым твой горек
И как твой тополь высок...
Шехерезада
Идет из сада...
Так вот ты какой, Восток!

Май 1942. Ташкент

2

С грозных ли площадей Ленинграда
Иль с блаженных летейских полей
Ты прислал мне такую прохладу,
Тополями украсил ограды
И азийских светил мириады
Расстелил над печалью моей?

Март 1942. Ташкент

3

Все опять возвратится ко мне:
Раскаленная ночь и томленье
(Словно Азия бредит во сне),
Халимы соловьиное пенье,
И библейских нарциссов цветенье,
И незримое благословенье
Ветерком шелестнет по стране.

10 декабря 1943. Ташкент

4

И в памяти, словно в узорной укладке:
Седая улыбка всезнающих уст,
Могильной чалмы благородные складки
И царственный карлик — гранатовый куст.

1944. Ташкент

5

Третью весну встречаю вдали
От Ленинграда.

Третью? И кажется мне, она
Будет последней.
Но не забуду я никогда,
До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды
В тени древесной.
Персик зацвел, а фиалок дым
Все благовонней.
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?!

1944–1955

6

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется Божья милость
С непрекаемых высот.

Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

5 мая 1944. Ташкент

7. ЯВЛЕНИЕ ЛУНЫ

А. К<озловско>му

Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла, —
Как будто «Лунная соната»
Нам сразу путь пересекла.

Май 1944. Ташкент

<А. Ф. Козловскому>

Как в трапезной — скамейки, стол, окно
С огромною серебряной луною.
Мы кофе пьем и черное вино,
Мы музыкаю бредим.

Все равно...

И зацветает ветка над стеною.
В изгнании сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость.
И родина сухого винограда
Нам мирное пристанище дала.

Май 1943. Ташкент. Балахана

ЕЩЕ ОДНО ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Все небо в рыжих голубях,
Решетки в окнах — дух гарема...
Как почка, набухает тема.
Мне не уехать без тебя —
Беглянка, беженка, поэма.

Но, верно, вспомню на лету,
Как запылал Ташкент в цвету,
Весь белым пламенем объят,
Горяч, пахуч, замысловат,
Невероятен...

Так было в том году проклятом,
Когда опять мамзель Фифи
Хамила, как в семидесятом.
А мне переводить Лютфи
Под огнедышащим закатом.

И яблони, прости их, Боже,
Как от венца, в любовной дрожи.
Арык на местном языке,
Сегодня пущенный, лепечет.

А я дописываю «Нечет»
Опять в предпесенной тоске.

До середины мне видна
Моя поэма. В ней прохладно,
Как в доме, где душистый мрак
И окна заперты от зноя
И где пока что нет героя,
Но кровлю кровью залил мак...

8 ноября 1943. Ташкент. Балахана

СМЕРТЬ

I

Я была на краю чего-то,
Чему верного нет названья...
Зазывающая дремота,
От себя самой ускользанье...

Август 1942. Дюрмень

II

А я уже стою на подступах к чему-то,
Что достается всем, но разною ценой...
На этом корабле есть для меня каюта
И ветер в парусах — и страшная минута
Прощания с моей родной страной.

Август 1942. Дюрмень

III

И комната, в которой я болею,
В последний раз болею на земле,
Как будто упирается в аллею
Высоких белоствольных тополей.
А этот первый — этот самый главный,

В величии своем самодержавный,
Но как заплещет, возликует он,
Когда, минуя тусклое оконце,
Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце,
И смертный уничтожит сон.

Январь 1944. Ташкент

Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни
На краешке окна и духота кругом,
Когда закрыта дверь и заколдован дом
Воздушной веткой голубых глициний,
И в чашке глиняной холодная вода,
И полотенца снег, и свечка восковая, —
Горит, как в детстве, мотыльков сзывая,
Грохочет тишина, моих не слыша слов, —
Тогда из черноты рембрандтовских углов
Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,
Но я не встрепенусь, не испугаюсь даже...
Здесь одиночество меня поймало в сети.
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.

28 марта 1944. Ташкент. Балахана

Это рысьи глаза твои, Азия,
Что-то высмотрели во мне,
Что-то выдразнили подспудное,
И рожденное тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный термезский зной.
Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

1945

ТАШКЕНТ ЗАЦВЕТАЕТ

1

Словно по чьему-то повеленью,
Сразу стало в городе светло —
Это в каждый двор по привиденью
Белому и легкому вошло.
И дыхание их понятней слова,
А подобье их обречено
Среди неба жгуче-голубого
На арычное ложиться дно.

2

Я буду помнить звездный кров
В сияньи вечных слав
И маленьких баранчуков
У черноколых матерей
На молодых руках.

1944

С САМОЛЕТА

1

На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров.
Как в первый раз я на нее,
На Родину, глядела.
Я знала: это все мое —
Душа моя и тело.

2

Белым камнем тот день отмечу,
Когда я о победе пела,
Когда я победе навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

3

И весеннего аэродрома
Шелестит под ногой трава.
Дома, дома — ужели дома!
Как все ново и как знакомо,
И такая в сердце истома,
Сладко кружится голова...
В свежем грохоте майского грома —
Победительница Москва!

14 мая 1944

Ташкент — Москва

НОВОСЕЛЬЕ

1. ХОЗЯЙКА

Е. С. Булгаковой

В этой горнице колдунья
До меня жила одна:
Тень ее еще видна
Накануне новолунья,
Тень ее еще стоит
У высокого порога,
И уклончиво и строго
На меня она глядит.
Я сама не из таких,
Кто чужим подвластен чарам,
Я сама...

Но, впрочем, даром
Тайн не выдаю своих.

5 августа 1943.

Ташкент. Балахана

2. ГОСТИ

«...ты пьян,
И все равно пора нах хауз...»

Состарившийся Дон-Жуан
И вновь помолодевший Фауст
Столкнулись у моих дверей —
Из кабака и со свиданья!..
Иль это было лишь ветвей
Под черным ветром колыханье,
Зеленой магией лучей
Как ядом залитых, и все же —
На двух знакомых мне людей
До отворачения похожих?

11 ноября 1943. Ташкент

3. ИЗМЕНА

Не оттого, что зеркало разбилось,
Не оттого, что ветер выл в трубе,
Не оттого, что в мысли о тебе
Уже чужое что-то просочилось, —
Не оттого, совсем не оттого
Я на пороге встретила его.

27 февраля 1944. Ташкент

4. ВСТРЕЧА

Как будто страшной песенки
Веселенький припев —
Идет по шаткой лесенке,
 Разлуку одолев.
Не я к нему, а он ко мне —
И голуби в окне...
И двор в плюще, и ты в плаще
 По слову моему.
Не он ко мне, а я к нему —
 Во тьму,
 Во тьму,
 Во тьму.

*16 октября 1943.
Ташкент. Балахана*

ВЕРЕНИЦА ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

Что́ войны, что́ чума? — конец им виден скорый,
Им приговор почти произнесен...
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

10 июня 1961. Комарово

В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

1946

К СТИХАМ

Вы так вели по бездорожью,
Как в мрак падучая звезда.
Вы были горечью и ложью,
А утешеньем — никогда.

<1960-e>

КОНЕЦ ДЕМОНА

Словно Врубель наш вдохновенный,
Лунный луч тот профиль чертил.
И поведал ветер блаженный
То, что Лермонтов утаил.

1 марта 1961. Красная Конница

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...

БЕГ ВРЕМЕНИ

«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.

14 апреля 1962. Ленинград

Взоры огненной огня
И усмешка Леля...
Не обманывай меня,
Первое апреля!

31 марта 1963

...И на этом сквозняке
Исчезают мысли, чувства.
Даже вечное искусство
Нынче как-то налегке!

1943. Ташкент

ИМЯ

Татарское, дремучее
Пришло из никогда,
К любой беде липучее,
Само оно — беда.

Лето 1958. Комарово

И скупое оно и богато,
То сердце... богатство тай!
Чего ты молчишь виновато?
Глаза б не глядели мои.

1910-е годы

И слава лебедью плыла
Сквозь золотистый дым.
А ты, любовь, всегда была
Отчаяньем моим.

1910-е годы

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

13 июня 1962. Ленинград

За такую скоморошину,
Откровенно говоря,
Мне свинцовую горошину
Ждать бы от секретаря.

1937

ТРИ ОСЕНИ

Мне летние просто невнятны улыбки,
И тайны в зиме не найду,
Но я наблюдала почти без ошибки
Три осени в каждом году.

И первая — праздничный беспорядок,
Вчерашнему лету назло,
И листья летят, словно ключья тетрадок,
И запах дымка так ладанно-сладок,
Все влажно, пестро и светло.

И первыми в танец вступают березы,
Накинув сквозной убор,
Страхнув второпях мимолетные слезы
На соседку через забор.

Но эта бывает — чуть начата повесть.
Секунда, минута — и вот
Приходит вторая, бесстрашна, как совесть,
Мрачна, как воздушный налет.

Все кажутся сразу бледнее и старше,
Разграблен летний уют,
И труб золотых отдаленные марши
В пахучем тумане плывут...

И в волнах холодных его фимиама
Сокрыта высокая твердь,
Но ветер рванул, распахнулось — и прямо
Всем стало понятно: кончается драма,
И это не третья осень, а смерть.

Осень 1943. Ташкент. Балахана

НА СМОЛЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

Вот все, кого я на земле застала...
Вы, века прошлого дряхлеющий посев.
.....
Да, здесь кончалось все: обеды у Донона,
Интриги и чины, балет, текущий счет...
На ветхом цоколе — дворянская корона
И ржавый ангелок сухие слезы льет.

.....
Восток еще лежал непознанным пространством
И громыхал вдали, как грозный вражий стан,
А с Запада несло викторианским чванством,
Летели конфетти и подвывал канкан...

Август 1942. Дюрмень

ПОД КОЛОМНОЙ

Шервинским

...Где на четырех высоких лапах
Колокольни звонкие бока
Поднялись, где в поле мятный запах,
И смеются маки в красных шляпах,
И течет московская река, —
Все бревенчато, дощато, гнуто...
Полноценно цедится минута
На часах песочных. Этот сад
Всех садов и всех лесов дремучей,
И над ним, как над бездонной кручей,
Солнца древнего из сизой тучи
Пристален и нежен долгий взгляд.

1 сентября 1943. Ташкент

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

Здесь столько лир повешено на ветки.
Но и моей как будто место есть.
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

Осень 1921. Ц<арское> С<ело>

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА

Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И все проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.

Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникли в кровь — трезвит и сушит
Их всесжигающая соль.

Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертом
Твоя «страдальческая тень».

Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз, —
И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.

31 мая 1946. Ленинград

ПОСЛЕДНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

У меня одна дорога:
От окна и до порога.
Песня (Галкин)

День шел за днем — и то и сё
Как будто бы происходило
Обыкновенно — но чрез все
Уж одиночество сквозило.
Припахивало табаком,
Мышами, сундуком открытым
И обступало ядовитым
Туманцем...

Лето 1944. Ленинград. Фонтанный Дом

НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ

Т. В-ой

Дымное исчадьё полнолуныя,
Белый мрамор в сумраке аллея,
Роковая девочка, плясунья,
Лучшая из всех камней.
От таких и погибали люди,
За такой Чингиз послал посла,
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.

Июль 1946. Фонтанный Дом

CINQUE

Autant que toi sans doute, il te sera fidèle,
Et constant jusquesà la mort.

Baudelaire

1

Как у облака на краю,
Вспоминаю я речь твою,

А тебе от речи моей
Стали ночи светлее дней.

Так, отторгнутые от земли,
Высоко мы, как звезды, шли.

Ни отчаяния, ни стыда
Ни теперь, ни потом, ни тогда.

Но, живого и наяву,
Слышишь ты, как тебя зову.

И ту дверь, что ты приоткрыл,
Мне захлопнуть не хватит сил.

26 ноября 1945

2

Истлевают звуки в эфире,
И заря притворилась тьмой.
В навсегда онемевшем мире
Два лишь голоса: твой и мой.
И под ветер с незримых Ладог,
Сквозь почти колокольный звон,
В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен.

20 декабря 1945

3

Я не любила с давних дней,
Чтобы меня жалели,
А с каплей жалости твоей
Иду, как с солнцем в теле.
Вот отчего вокруг заря.
Иду я, чудеса твоя,
Вот отчего!

20 декабря 1945

4

Знаешь сам, что не стану славить
Нашей встречи горчайший день.
Что тебе на память оставить,
Тень мою? На что тебе тень?
Посвященье сожженной драмы,
От которой и пепла нет,
Или вышедший вдруг из рамы
Новогодний страшный портрет?
Или слышимый еле-еле
Звон березовых угольков,
Или то, что мне не успели
Досказать про чужую любовь?

6 января 1946

5

Не дышали мы сонными маками,
И своей мы не знаем вины.
Под какими же звездными знаками
Мы на горе себе рождены?
И какое крошечное варево
Поднесла нам январская тьма?
И какое незримое зарево
Нас до света сводило с ума?

11 января 1946

ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ

(Из сожженной тетради)

And thou art distant in humanity.
Keats

Вместо праздничного поздравленья
Этот ветер, жесткий и сухой,
Принесет вам только запах тленья,
Привкус дыма и стихотворенья,
Что моей написаны рукой.

24 декабря 1961. Ленинград

1. СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ

Уже красуется на книжной полке
Твоя благополучная сестра,
А над тобою звездных стай осколки
И под тобою угольки костра.
Как ты молила, как ты жить хотела,
Как ты боялась едкого огня!
Но вдруг твое затрепетало тело,
А голос, улетая, клял меня.
И сразу все зашелестели сосны
И отразились в недрах лунных вод.
А вокруг костра священнейшие весны
Уже вели надгробный хоровод.

1961

2. НАЯВУ

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.

13 июня 1946

3. ВО СНЕ

Черную и прочную разлуку
Я несу с тобою наравне.
Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.
Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет.

1946

4. ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА

Таинственной невестречи
Пустынны торжества,
Несказанные речи,
Безмолвные слова.
Нескрещенные взгляды
Не знают, где им лечь.
И только слезы рады,
Что можно долго течь.
Шиповник Подмосковья,
Увы! при чем-то тут...
И это все любовью
Бессмертной назовут.

5 декабря 1956

5. ДРУГАЯ ПЕСЕНКА

Несказанные речи
Я больше не твержу,
Но в память той невстречи
Шиповник посажу.
Как сияло там и пело
Нашей встречи чудо,
Я вернуться не хотела
Никуда оттуда.
Горькой было мне услодой
Счастье вместо долга,
Говорила с кем не надо,
Говорила долго.
Пусть влюбленных страсти душат,
Требую ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.

1956

6. СОН

Сладко ль видеть неземные сны?
А. Блок

Был вещим этот сон или не вещим...
Марс воссиял среди небесных звезд,
Он алым стал, искрящимся, зловещим, —
А мне в ту ночь приснился твой приезд.

Он был во всем... И в баховской Чаконе,
И в розах, что напрасно расцвели,
И в деревенском колокольном звоне
Над чернотой распаханной земли.

И в осени, что подошла вплотную
И вдруг, раздумав, спряталась опять.
О август мой, как мог ты весть такую
Мне в годовщину страшную отдать!

Чем отплачу за царственный подарок?
Куда идти и с кем торжествовать?
И вот пишу, как прежде без помарок,
Мои стихи в сожженную тетрадь.

14 августа 1956. Под Коломной

7

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, —
Я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

<20–23 августа> 1956. Под Коломной

8

Ты выдумал меня — такой на свете нет,
Такой на свете быть не может...
Тебя не исцелит ни врач и ни поэт, —
Но Бог тебе меня забыть поможет.
Мы встретились с тобой в невероятный год,
Когда уже иссякли мира силы,
Все было в трауре, все никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей как смоль был черен невский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала — сама еще не понимала.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот «навсегда опустошенный дом»,
Откуда унеслась стихов казненных стая.

18 августа 1956. Старки

9. В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ

Неповторимые слова
Я слушала в тот вечер звездный,
И закружилась голова,
Как над пылающею бездной.
А гибель выла у дверей,
И ухал черный сад, как филин,
И город, смертно обессилен,
Был Трои в этот час древней...
Тот час был нестерпимо ярок
И, кажется, звенел до слез.
Ты отдал мне не тот подарок,
Который издалика вез.
Казался он пустой забавой
В тот вечер огненный тебе.
А он был мировую славой
И грозным вызовом Судьбе.
И он всех бед моих предтеча, —
Не будем вспоминать о нем...
Несостоявшаяся встреча
Еще рыдает за углом.

1956

10

Ты опять со мной, подруга осень!

Ин. Анненский

Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень — и осень в подруги
Я выбрала в этом году.

Живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла,
И, кажется, тайно глядится Суоми
В пустые свои зеркала.

Иду между черных приземистых елок,
Там вереск на ветер похож,

И светится месяца тусклый осколок,
Как финский зазубренный нож.

Сюда принесла я блаженную память
Последней невестры с тобой —
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.

Осень 1956. Комарово

11

Против воли я твой, царица, берег покинул.
«Энеида», песнь VI

Не пугайся, — я еще похожей
Нас теперь изобразить могу.
Призрак ты — иль человек прохожий, —
Тень твою зачем-то берегу.
Был недолго ты моим Энеем,
Я тогда отделалась костром.
Друг о друге мы молчать умеем.
И забыл ты мой проклятый дом.

Ты забыл те, в ужасе и в муке,
Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной вестъ.

Ты не знаешь, что тебе простили...
Создан Рим, — плывут стада флотилий,
И победу славословит леть.

<1962>

12

Ты стихи мои требуешь прямо...
Как-нибудь проживешь и без них.
Пусть в крови не осталось и грамма,
Не впитавшего горечи их.

Мы сжигаем несбыточной жизни
Золотые и пышные дни,

И о встрече в небесной отчизне
Нам ночные не шепчут огни.

И от наших великолепий
Холодочка струится волна,
Словно мы на таинственном склепе
Чьи-то, вздрогнув, прочли имена.

Не придумать разлуки бездонней,
Лучше б сразу тогда — наповал...
И наверное, нас разлученней
В этом мире никто не бывал.

1962. Москва

13

И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это — только рана
И муки облачко над ней.

18 декабря 1964. Ночь. Рим

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду — за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

1940

...А человек, который для меня
Теперь никто, а был моей заботой

И утешеньем самых горьких лет, —
Уже бредет как призрак по окраинам,
По закоулкам и задворкам жизни,
Тяжелый, одурманенный безумьем,
С оскалом волчьим...

Боже, Боже, Боже!
Как пред тобой я тяжко согрешила!
Оставь мне жалость хоть...

1945

Вот она, плодоносная осень!
Поздновато ее привели.
А пятнадцать божественных весен
Я подняться не смела с земли.
Я так близко ее разглядела,
К ней припала, ее обняла,
А она в обреченное тело
Силу тайную тайно влила.

13 сентября 1962. Комарово

ПРИ НЕПОСЫЛКЕ ПОЭМЫ

Приморские порывы ветра,
И дом, в котором не живем,
И тень заветнейшего кедра
Перед запретнейшим окном...
На свете кто-то есть, кому бы
Послать все эти строки. Что ж!
Пусть горько улыбнутся губы,
А сердце снова тронет дрожь.

1963. Комарово

ТРИЛИСТНИК МОСКОВСКИЙ

1. ПОЧТИ В АЛЬБОМ

Услышишь гром и вспомнишь обо мне,
Подумаешь: она грозы желала...
Полоска неба будет твердо-алой,
А сердце будет как тогда — в огне.
Случится это в тот московский день,
Когда я город навсегда покину
И устремлюсь к желанному притину,
Свою меж вас еще оставив тень.

<1961>

2. БЕЗ НАЗВАНИЯ

Среди морозной праздничной Москвы,
Где протекает наше расставанье
И где, наверное, прочтете вы
Прощальных песен первое издание —
Немного удивленные глаза:
«Что? Что? Уже?.. Не может быть!» —
«Конечно!..»
И святочного неба бирюза,
И все кругом блаженно и безгрешно...

Нет, так не расставался никогда
Никто ни с кем, и это нам награда
За подвиг наш.

12 декабря 1963. Москва

3. ЕЩЕ ТОСТ

За веру твою! И за верность мою,
За то, что мы оба в проклятом краю,
Пускай навсегда заколдованы мы,
Но не было в мире прекрасней зимы,
И не было в небе узорней крестов,
Воздушной цепочек, длиннее мостов...
За то, что плывет все, беззвучно скользя,

За то, что нам видеть друг друга нельзя,
За все, что мне снится еще и теперь,
Хоть прочно туда заколочена дверь.

1963

ПОЛНОЧНЫЕ СТИХИ

(Семь стихотворений)

Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

«Решка»

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

По волнам блуждаю и прячусь в лесу,
Мерещусь на чистой эмали,
Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою — едва ли.

Лето 1963

1. ПРЕДВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

...toi qui m'as consolée.

Gerard de Nerval

Меж сосен метель присмирела,
Но, пьяная и без вина,
Там, словно Офелия, пела
Всю ночь нам сама тишина.
А тот, кто мне только казался,
Был с той обручен тишиной,
Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной.

10 марта 1963. Комарово

2. ПЕРВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Какое нам, в сущности, дело,
Что все превращается в прах,
Над сколькими безднами пела

И в скольких жила зеркалах.
Пускай я не сон, не отрада
И меньше всего благодать,
Но, может быть, чаще, чем надо,
Придется тебе вспоминать —
И гул затихающих строчек,
И глаз, что скрывает на дне
Тот ржавый колючий веночек
В тревожной своей тишине.

6 июня 1963. Москва

3. В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

O quae beatam, Diva, tenes Cyprum et Memphis...

Hor.

Красотка очень молода,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать — та, третья,
Нас не оставит никогда.
Ты подвигаешь кресло ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем — не знаем сами,
Но с каждым мигом нам страшней.
Как вышедшие из тюрьмы,
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.

5 июля 1963. Комарово

4. ТРИНАДЦАТЬ СТРОЧЕК

И наконец ты слово произнес
Не так, как те... что на одно колено, —
А так, как тот, кто вырвался из плена
И видит сень священную берез
Сквозь радугу невольных слез.
И вокруг тебя запела тишина,
И чистым солнцем сумрак озарился,
И мир на миг один преобразился,
И странно изменился вкус вина.

И даже я, кому убийцей быть
Божественного слова предстояло,
Почти благоговейно замолчала,
Чтоб жизнь благословенную продлить.

8–12 августа 1963

5. ЗОВ

(Arioso dolente)

Бетховен, оп. 110

И в предпоследней из сонат
Тебя я скрыла осторожно,
О! как ты позовешь тревожно,
Непоправимо виноват
В том, что приблизился ко мне,
Хотя бы на одно мгновенье...
Твоя мечта — исчезновенье,
Где смерть лишь жертва тишине.

1 июля 1963

6. НОЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Все ушли, и никто не вернулся.
Не на листопадовом асфальте
Будешь долго ждать.
Мы с тобой в Адажио Вивальди
Встретимся опять.
Снова свечи станут тускло-желты
И закляты сном,
Но смычок не спросит, как вошел ты
В мой полночный дом.
Протекут в немом смертельном стоне
Эти полчаса,
Прочитаешь на моей ладони
Те же чудеса.
И тогда тебя твоя тревога,
Ставшая судьбой,
Уведет от моего порога
В ледяной прибой.

10–13 сентября 1963. Комарово

7. И ПОСЛЕДНЕЕ

Была над нами, как звезда над морем,
Ища лучом девятый смертный вал,
Ты называл ее бедой и горем,
А радостью ни разу не назвал.

Днем перед нами ласточкой кружила,
Улыбкой расцветала на губах,
А ночью ледяной рукой душила
Обоих разом. В разных городах.

И, никаким не внемля славословьям,
Перезабыв все прежние грехи,
К бессоннейшим припавши изголовьям,
Бормочет окаянные стихи.

23–25 июля 1963

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

А там, где сочиняют сны,
Обоим — разных не хватило,
Мы видели один, но сила
Была в нем, как приход весны.

4 мая 1965

Нечет

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется.

Тютчев

ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ

Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И над цветущей черешней
Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...

Там средь стволов еще светлее,
И все похоже на аллею
У Царскосельского пруда.

16–17 июня 1958. Комарово

МУЗЫКА

Д. Д. Ш.

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела, словно первая гроза,
Иль будто все цветы заговорили.

1957–1958

ОТРЫВОК

...И мне показалось, что это огни
Со мною летят до рассвета,
И я не дозналась — какого они,
Глаза эти странные, цвета.

И все трепетало и пело вокруг,
И я не узнала — ты враг или друг,
Зима это или лето.

<21 июня> 1959. Троица. Москва

ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

9 июля 1959. Ленинград

Не стращай меня грозной судьбой
И великою северной скукой.
Нынче праздник наш первый с тобой,
И зовут этот праздник — разлукой.
Ничего, что не встретим зарю,
Что луна не блуждала над нами,
Я сегодня тебя одарю
Небывальыми в мире дарами:
Отраженьем моим на воде
В час, как речке вечерней не спится,
Взором тем, что падучей звезде
Не помог в небеса возвратиться.
Эхом голоса, что изнемог,
А тогда был и свежий и летний, —
Чтоб ты слушать без трепета мог
Воронья подмосковного сплетни,
Чтобы сырость октябрьского дня
Стала слаще, чем майская нега...
Вспоминай же, мой ангел, меня,
Вспоминай хоть до первого снега.

15 октября 1959. <Москва>. Ярославское шоссе

ГОРОДУ ПУШКИНА

И царскосельские хранительные сени...

Пушкин

1

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.
Там был фонтан, зеленые скамейки,
Громада парка царского вдали.
На Масленой — блины, ухабы, вейки,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

<1944>—1945. Фонтанный Дом

2

Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздравно звучат.
Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала течение годов, —
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

5 октября 1957. Москва

ПЕСЕНКИ

1. ДОРОЖНАЯ, ИЛИ ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ

Кто чего боится,
То с тем и случится, —
Ничего бояться не надо.
Эта песня пета,
Пета, да не эта,
А другая тоже
На нее похожа...
Боже!

1943. Ташкент

2. ЗАСТОЛЬНАЯ

Под узорной скатертью
Не видать стола.
Я стихам не матью —
Мачехой была.
Эх, бумага белая,
Строчек ровный ряд.
Сколько раз глядела я,
Как они горят.
Сплетней изувечены,
Биты кистенем,
Мечены, мечены
Каторжным клеймом.

1955

3. ЛЮБОВНАЯ

А ведь мы с тобой
 Не любилися,
Только всем тогда
 Поделилися.
Тебе — белый свет,
 Пути вольные,
Тебе зорюшки
 Колокольные.
А мне ватничек
 И ушаночку.
Не жалея меня,
 Каторжаночку.

1955

4. ЛИШНЯЯ

Тешил — ужас. Грела — выюга.
Вел вдоль смерти — мрак.
Отняты мы друг у друга...
Разве можно так?
Если хочешь — расколдую,
Доброй быть позволю:
Выбирай себе любую,
Но не эту боль.

Июль 1959. Комарово

5. ПРОЩАЛЬНАЯ

Не смеялась и не пела,
Целый день молчала,
А всего с тобой хотела
С самого начала:
Беззаботной первой ссоры,
Полной светлых бредней,
И безмолвной, черствой, скорой
Трапезы последней.

1959

6. ПОСЛЕДНЯЯ

Услаждала бредами,
Пением могил,
Наделяла бедами
Свыше всяких сил...
Занавес неподнятый...
Хоровод теней...
Оттого и отнятый
Был еще родней.
Это все поведано
Самой глуби роз,
Но забыть мне не дано
Вкус вчерашних слез.

24 января 1964. Москва

ИЗ ЦИКЛА «ТАШКЕНТСКИЕ СТРАНИЦЫ»

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.

И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной, —
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.

То мог быть Стамбул или даже Багдад,
Но, увы! не Варшава, не Ленинград,
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.

И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.

БЕГ ВРЕМЕНИ

Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей-разлукой...

И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

<Май 1942> – 1 декабря 1959.

Ташкент – Ленинград

МАРТОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Прошлогодних сокровищ моих
Мне надолго, к несчастью, хватит,
Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит:
Набок сбившийся куполок,
Грай вороний, и вопль паровоза,
И как будто отбившая срок
Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов
Полуночная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов
И почти затонувшая лодка...
Побелив эти пашни чуть-чуть,
Там предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.
И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...
Кто же бродит опять у крыльца
И по имени нас окликает?
Кто приник к ледяному стеклу
И рукою, как веткою, машет?..
А в ответ в паутинном углу
Зайчик солнечный в зеркале пляшет.

Февраль 1960. Ленинград

РИСУНОК НА КНИГЕ СТИХОВ

Он не траурный, он не мрачный,
Он почти как сквозной дымок,
Полуброшенной новобрачной
Черно-белый легкий веноч.
А под ним тот профиль горбатый,
И парижской челки атлас,
И зеленый, продолговатый,
Очень зорко видящий глаз.

23 мая 1958

ЭХО

В прошлое давно пути закрыты,
И на что мне прошлое теперь?
Что там? — окровавленные плиты,
Или замуванная дверь,
Или эхо, что еще не может
Замолчать, хотя я так прошу...
С этим эхом приключилось то же,
Что и с тем, что в сердце я ношу.

25 сентября 1960. Комарово

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к березам и грибам,
К широкой осени московской.
Там все теперь сияет, все в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...

Осень 1943. Ташкент

2

И в памяти черной, пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах, и душный и сладкий.
И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

9 сентября 1960. Комарово

3

Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит —
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

Лето 1946

АНТИЧНАЯ СТРАНИЧКА

І. СМЕРТЬ СОФОКЛА

Тогда царь понял, что умер Софокл.

Легенда

На дом Софокла в ночь слетел с небес орел,
И мрачно хор цикад вдруг зазвенел из сада.
А в этот час уже в бессмертье гений шел,
Минуя вражий стан у стен родного града.
Так вот когда царю приснился странный сон:
Сам Дионис ему снять повелел осаду,
Чтоб шумом не мешать обряду похорон
И дать афинянам почтить его отраду.

1961

II. АЛЕКСАНДР У ФИВ

Наверно, страшен был и грозен юный царь,
Когда он приказал: «Ты уничтожишь Фивы!»
И старый вождь узрел тот город горделивый,
Каким он знал его еще когда-то встарь.
«Все, все предать огню!» И царь перечислял
И башни, и врата, и храмы — чудо света,
Как будто для него уже иссякла Лета,
Но вдруг задумался и, просветлев, сказал:
«Ты только присмотри, чтоб цел был Дом Поэта».

1961. В Гавани. (Октябрь. В бреду)

Опять подошли «незабвенные даты»,
И нет среди них ни одной не проклятой.

Но самой проклятой восходит заря...
Я знаю: колотится сердце не зря —

От звонкой минуты пред бурей морской
Оно наливается мутной тоскою.

На прошлом я черный поставила крест,
Чего же ты хочешь, товарищ зюйд-вест,

Что ломятся в комнату липы и клены,
Гудит и бесчинствует табор зеленый

И к брюху мостов подкатила вода? —
И все как тогда, и все как тогда.

16 июня 1945. Фонтанный Дом

Если б все, кто помощи душевной
У меня просил на этом свете, —

Все юродивые и немые,
Брошенные жены и калеки,
Каторжники и самоубийцы, —
Мне прислали по одной копейке,
Стала б я «богаче всех в Египте»,
Как говаривал Кузмин покойный...
Но они не слали мне копейки,
А со мной своей делились силой,
И я стала всех сильнее на свете,
Так, что даже *это* мне не трудно.

1960. Ленинград

ВЕНОК МЕРТВЫМ

I. УЧИТЕЛЬ

Памяти Иннокентия Анненского

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Он был предвестьем, предзнаменованием
Всего, что с нами после совершилось,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленье —
И задохнулся...

1945

II

De profundis... Мое поколение
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленье,
Только память о мертвых поет.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой весны,
До неистового цветенья

Оставалось лишь раз вздохнуть...

.....
Две войны, мое поколение,
Освещали твой страшный путь.

23 марта 1944. Ташкент

III. ПАМЯТИ М. БУЛГАКОВА

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.

Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.

И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.

О, кто подумать мог, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней не бывших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех пережившей, все забывшей, —

Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.

Март 1940. Ленинград. Фонтанный Дом

IV. ПАМЯТИ БОРИСА ПИЛЬНЯКА

Все это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин

Врывается во тьму декабрьской ночи.
И по тропинке я к тебе иду.
И ты смеешься беззаботным смехом.
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом...
О, если этим мертвого бужу,
Прости меня, — я не могу иначе:
Я о тебе, как о своем, тужу
И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.

1938. Ночь. Фонтанный Дом

V

О. Мандельштаму

Я над ними склонюсь, как над чашей,
В них заветных заметок не счесть —
Окровавленной юности нашей
Это черная нежная весть.

Тем же воздухом, так же над бездной
Я дышала когда-то в ночи,
В той ночи, и пустой и железной,
Где напрасно зови и кричи.

О, как пряно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там, —
Это кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам.

Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой.

Это ключики от квартиры,
О которой теперь ни гу-гу...

Это голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу.

1957

VI. ПОЗДНИЙ ОТВЕТ

Белорученька моя, чернокнижница...

М. Ц.

Невидимка, двойник, пересмешник,
Что ты прячешься в черных кустах? —
То забьешься в дырявый скворешник,
То блеснешь на погибших крестах.
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой.
Полкуютесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина,
И разграблен родительский дом».

.....
Мы сегодня с тобою, Марина,
По столице полночной идем,
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет...
А вокруг погребальные звоны,
Да московские хриплые стоны
Вьюги, наш заматающий след.

16 марта 1940, <1961>. Фонтанный Дом,
<Красная Конница>

VII. БОРИСУ ПАСТЕРНАКУ

1

И снова осень валит Тамерланом,
В арбатских переулках тишина...
За полустанком или за туманом
Дорога непроезжая черна.
Так вот она, последняя! И ярость

Стихает. Все равно что мир оглох...
Могучая Евангельская старость
И тот горчайший Гефсиманский вздох.
Здесь все тебе принадлежит по праву,
Стеной стоят дремучие дожди.
Отдай другим игрушку мира — славу,
Иди домой и ничего не жди.

*1947 — 25 октября 1958. Ленинград.
Фонтанный Дом — <Москва>*

2

Как птице, мне ответит эхо.

Б. П.

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рощ.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.
И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли.

1 июня 1960. Москва. Боткинская больница

3

Словно дочка слепого Эдипа,
Муза к смерти провидца вела,
А одна сумасшедшая липа
В этом траурном мае цвела
Прямо против окна, где когда-то
Он поведал мне, что перед ним
Вьется путь золотой и крылатый,
Где он Вышнею волей храним.

11 июня 1960. Москва. Боткинская больница

VIII. НАС ЧЕТВЕРО
(*Комаровские наброски*)

Ужели и гитане гибкой
Все муки Данта суждены.

О. М.

Таким я вижу облик Ваш и взгляд.

Б. П.

О, Муза Плача...

М. Ц.

...И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага.
Духом-хранителем места сего
Стала лесная коряга.

Все мы немного у жизни в гостях,
Жить — это только привычка.
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка.

Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это — письмо от Марины.

*19–20 ноября 1961. Ленинград.
Больница в Гавани*

IX

М. М. З.

Словно дальнему голосу внемлю,
А вокруг ничего, никого.
В эту черную добрую землю
Вы положите тело его.
Ни гранит, ни плакучая ива
Прах легчайший не осенят,
Только ветры морские с залива,
Чтоб оплакать его, прилетят...

23 июля 1958. Комарово

Х. ПАМЯТИ АНТЫ

...Пусть это даже из другого цикла:
Мне видится улыбка ясных глаз
И — «умерла» — так жалостно приникло
К прозванью милому, как будто в первый раз
Его я слышала.

Осень 1960. Красная Конница

ХІ

Памяти Н. Пупина

И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.
Все кончено. И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.

1953

ХІІ. ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ СТРОКИ

Пятым действием драмы
Веет воздух осенний,
Каждая клумба в парке
Кажется свежей могилой.
Оплаканы мертвые горько.
Со всеми врагами в мире
Душа моя ныне.
Тайная справлена тризна
И больше нечего делать.
Что же я медлю, словно
Скоро случится чудо.
Так тяжелую лодку долго
У пристани слабой рукою
Удерживать можно, прощаясь
С тем, кто остался на суше.

Осень 1921. Царское Село

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ОДА

(Девятисотые годы)

А в переулке забор дощатый...

Н. Г.

Настоящую оду
Нашептало... Постой,
Царскосельскую одурь
Прячу в ящик пустой,
В роковую шкатулку,
В кипарисный ларец,
А тому переулку
Наступает конец.
Здесь не Темник, не Шуя —
Город парков и зал,
Но тебя опишу я,
Как свой Витебск — Шагал.
Тут ходили по струнке,
Мчался рыжий рысак,
Тут еще до чугулки
Был знатнейший кабак.
Фонари на предметы
Лили матовый свет,
И придворной кареты
Промелькнул силуэт.
Так мне хочется, чтобы
Появиться могли
Голубые сугробы
С Петербургом вдали.
Здесь не древние клады,
А дощатый забор,
Интендантские склады
И извозничий двор.
Шепелявя неловко
И с грехом пополам,
Молодая чертовка
Там гадает гостям.
Там солдатская шутка
Льется, желчь не тая...
Полосатая будка

И махорки струя.
Драли песнями глотку
И клялись попадъей,
Пили допоздна водку,
Заедали кутьей.
Ворон криком прославил
Этот призрачный мир...
А на розвальнях правил
Великан-кирасир.

3 августа 1961. Комарово

ПЕТЕРБУРГ В 1913 ГОДУ

За заставой воеет шарманка,
Водят мишку, пляшет цыганка
На заплеванной мостовой.
Паровик идет до Скорбящей,
И гудочек его щемящий
Откликается над Невой.
В черном ветре злоба и воля.
Тут уже до Горячего Поля,
Вероятно, рукой подать.
Тут мой голос смолкает вещей,
Тут еще чудеса похлеще.
Но уйдем — мне некогда ждать.

1961

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Она наш горький сон не бередит,
Не кажется обетованным раем.

Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
 Да, для нас это грязь на калошах,
 Да, для нас это хруст на зубах.
 И мы мелем, и месим, и крошим
 Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

*1 декабря 1961. Ленинград.
Больница в Гавани*

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Вы напишете о нас наискосок.
И. Б.

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

9 августа 1962. Комарово

ИЗ «ЧЕРНЫХ ПЕСЕН»

Слова, чтоб тебя оскорбить...
И. Анненский

I

Прав, что не взял меня с собой
И не назвал своей подругой,
Я стала песней и судьбой,

БЕГ ВРЕМЕНИ

Сквозной бессонницей и вьюгой.
Меня бы не узнали вы
На пригородном полустанке
В той молодящейся, увы,
И деловитой парижанке.

II

Всем обещаньям вопреки
И перстень сняв с моей руки,
Забыл меня на дне...
Ничем не мог ты мне помочь.
Зачем же снова в эту ночь
Свой дух прислал ко мне?
Он строен был, и юн, и рыж,
Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж,
Как плакальщица выл...
Он больше без меня не мог:
Пускай позор, пускай острог...

Я без него могла.

13 августа 1961

СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ

Все в жертву памяти твоей.

Пушкин

Первая. ПРЕДЫСТОРИЯ

Я теперь живу не там...

Пушкин

Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольной.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,

А рядом: «Henriette», «Basile», «André»
И пышные гроба: «Шумилов-старший».
Но впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятих, кажется, годов.

Особенно зимой, перед рассветом
Иль в сумерки — тогда за воротами
Темнеет жесткий и прямой Литейный,
Еще не опозоренный модерном,
И визави меня живут — Некрасов
И Салтыков... Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.

А в Старой Руссе пышные каналы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдем.
Не с каждым местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать...).

Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве,
Под желтой керосиновой лампой,
И тот же плюш на креслах...
Все разночинно, наспех, как-нибудь...
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене — рулетка.

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство

Я от нее как будто получила, —
Ненужный дар моей жестокой жизни...

Страну знобит, а омский каторжанин
Все понял и на всем поставил крест.
Вот он сейчас перемешает все
И сам над первоизданным беспорядком,
Как некий дух, взнесется. Полночь бьет.
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают плацем.

Так вот когда мы вздумали родиться
И, безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьем.

1940—1943. Ленинград — Ташкент

<Вторая>. О ДЕСЯТЫХ ГОДАХ

Ты — победительница жизни,
И я — товарищ вольный твой.

Н. Гумилев

И никакого розового детства...
Веснушечек, и мишек, и игрушек,
И добрых тетя, и страшных дядь, и даже
Приятелей среди камешков речных.
Себе самой я с самого начала
То чьим-то сном казалась или бредом,
Иль отраженьем в зеркале чужом,
Без имени, без плоти, без причины,
Уже я знала список преступлений,
Которые должна я совершить.
И вот я, лунатически ступая,
Вступила в жизнь и испугала жизнь.
Она передо мною стлалась лугом,
Где некогда гуляла Прозерпина.
Передо мной, безродной, неумелой,
Открылись неожиданные двери,
И выходили люди и кричали:
«Она пришла, она пришла сама!»

А я на них глядела с изумленьем
И думала: «Они с ума сошли!»
И чем сильнее они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить
И тем сильнее хотелось пробудиться.
И знала я, что заплачу сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где просыпаться надлежит
Таким, как я, — но длилась пытка счастьем.

4 июля 1955. Москва

<Третья>

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина жар патриархальный,
Ни колыбелька нашего ребенка,
Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены
. и удача
От нашего порога ни на шаг
За все семь лет не смела отойти, —
Не уменьшали это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время как мы полночь старались
Не видеть, что творится в зазеркалье,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступени,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого они по лестнице несут?»
Теперь ты там, где знают все — скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?

1921. Царское Село

<Четвертая>

Так вот он — тот осенний пейзаж,
Которого я так всю жизнь боялась:
И небо — как пылающая бездна,
И звуки города — как с того света
Услышанные, чуждые навеки.
Как будто все, с чем я внутри себя
Всю жизнь боролась, получило жизнь
Отдельную и воплотилось в эти
Слепые стены, в этот черный сад...
А в ту минуту за плечом моим
Мой бывший дом еще следил за мною
Прищуренным, неблагосклонным оком,
Тем навсегда мне памятным окном.
Пятнадцать лет — пятнадцатью веками
Гранитными как будто притворились,
Но и сама была я как гранит:
Теперь моли, терзайся, называй
Морской царевной. Все равно. Не надо...
Но надо было мне себя уверить,
Что это все случилось много раз,
И не со мной одной — с другими тоже, —
И даже хуже. Нет, не хуже — лучше.
И голос мой — и это, верно, было
Всего страшней — сказал из темноты:
«Пятнадцать лет назад какой ты песней
Встречала этот день, ты небеса,
И хоры звезд, и хоры вод молила
Приветствовать торжественную встречу
С тем, от кого сегодня ты ушла...
Так вот твоя серебряная свадьба:
Зови ж гостей, красуйся, торжествуй!»

1942. Ташкент

<Пятая>

Н. А. О-ой

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.

Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.
О, как я много зрелищ пропустила,
И занавес вздымался без меня
И так же падал. Сколько я друзей
Своих ни разу в жизни не встречала.
О, сколько очертаний городов
Из глаз моих могли бы вызвать слезы,
А я один на свете город знаю
И ощупью его во сне найду.
О, сколько я стихов не написала,
И тайный хор их бродит вокруг меня
И, может быть, еще когда-нибудь
Меня задушит...
Мне ведомы начала и концы,
И жизнь после конца, и что-то,
О чем теперь не надо вспоминать.
И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, пожалуй, все, что можно...
Я не в свою, увы, могилу лягу.
Но иногда весенний шалый ветер,
Иль сочетание слов в случайной книге,
Или улыбка чья-то вдруг потянут
Меня в несостоявшуюся жизнь.
В таком году произошло бы то-то,
А в этом — это: ездить, видеть, думать,
И вспоминать, и в новую любовь
Входить, как в зеркало, с тупым сознанием
Измены и еще вчера не бывшей
Морщинкой
.
Но если бы оттуда посмотрела
Я на свою теперешнюю жизнь,
Я б умерла от зависти...

2 сентября 1945. Фонтанный Дом
(задумана еще в Ташкенте)

<Шестая>

Последний ключ — холодный ключ забвенья.
Он слаще всех жар сердца утолит.

Пушкин

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая — как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола —
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом,
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век — и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает — мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить

То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас — и даже
Все к лучшему...

5 февраля 1945. Фонтанный Дом

Седьмая

...А я молчу, я тридцать лет молчу.
Молчание арктическими льдами
Стоит вокруг бесчисленными ночами,
Оно идет гасить мою свечу.
Так мертвые молчат, но то понятно
И менее ужасно

Мое молчанье слышится повсюду,
Оно судебный наполняет зал,
И самый гул молвы перекричать
Оно могло бы, и подобно чуду
Оно на все кладет свою печать.
Оно во всем участвует, о Боже!
Кто мог придумать мне такую роль?
Стать на кого-нибудь чуть-чуть похожей,
О Господи! — мне хоть на миг позволь.

.
И разве я не выпила цикуту,
Так почему же я не умерла
Как следует — в ту самую минуту?

.
Нет, не тому, кто ищет эти книги,
Кто их украл, кто даже переплел,
Кто носит их, как тайные вериги,
Кто наизусть запомнил каждый слог

.
Нет, не к тому летит мое мечтанье,
И не тому отдам я благодать,
А лишь тому, кто смел мое молчанье

На стяге очевидном — написать,
И кто с ним жил, и кто в него поверил,
Кто бездну ту кромешную измерил

.....
Мое молчанье в музыке и песне
И в чьей-то омерзительной любви,
В разлуках, в книгах...

В том, что неизвестней
Всего на свете

.....
Я и сама его подчас пугаюсь,
Когда оно всей тяжестью своей
Теснит меня, дыша и надвигаясь.
Защиты нет, нет ничего — скорей.

.....
Кто знает, как оно окаменело,
Как выжгло сердце и каким огнем,
Подумаешь! Кому какое дело,
Всем так уютно и привычно в нем.
Его со мной делить согласны все вы,
Но все-таки оно всегда мое

.....
Оно мою почти сожрало душу,
Оно мою уродует судьбу,
Но я его когда-нибудь нарушу,
Чтоб смерть позвать к позорному столбу.

1958—1964. Ленинград

ПАМЯТИ В. С. СРЕЗНЕВСКОЙ

А юность была как молитва воскресная...

Почти не может быть, ведь ты была всегда:
В тени блаженных лип, в блокаде и в больнице,
В тюремной камере и там, где злые птицы,
И травы пышные, и страшная вода.
О, как менялось все, но ты была всегда,
И мнится, что души отъяли половину,
Ту, что была тобой, — в ней знала я причину

Чего-то главного. И все забыла вдруг...
Но звонкий голос твой зовет меня отсюда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! попробую.

9 сентября 1964. Комарово

В ВЫБОРГЕ

О. А. Л-ской

Огромная подводная ступень,
Ведущая в Нептуновы владенья, —
Там стынет Скандинавия, как тень,
Вся — в ослепительном одном виденье.
Безмолвна песня — музыка нема,
Но воздух жжется их благоуханьем,
И на коленях белая зима
Следит за всем с молитвенным вниманьем.

24 сентября 1964. Комарово

Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.

На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

25 сентября 1964. Комарово

**СТИХОТВОРЕНИЯ
1906—1966 ГОДОВ,
НЕ ВХОДИВШИЕ В КНИГИ**

Я умею любить.
Умею покорной и нежною быть.
Умею заглядывать в очи с улыбкой
Манящей, призывной и зыбкой.
И гибкий мой стан так воздушен и строен,
И нежит кудрей аромат.
О, тот, кто со мной, тот душой неспокоен
И негой объят...

Я умею любить. Я обманно-стыдлива.
Я так робко-нежна и всегда молчалива.
Только очи мои говорят.
Они ясны и чисты,
Так прозрачно-лучисты.
Они счастье сулят.
Ты поверишь — обманут,
Лишь лазурнее станут
И нежнее и ярче они —
Голубого сиянья огни.
И в устах моих — алая нега.
Грудь белее нагорного снега.
Голос — лепет лазоревых струй.
Я умею любить. Тебя ждет поцелуй.

1906
Евпатория

На руке его много блестящих колец —
Покоренных им девичьих нежных сердец.

Там ликует алмаз, и мечтает опал,
И красивый рубин так причудливо ал.

Но на бледной руке нет кольца моего,
Никому, никогда не отдам я его.

Мне сковал его месяца луч золотой
И, во сне надевая, шепнул мне с мольбой:

«Сохрани этот дар, будь мечтою горда!»
Я кольца не отдам никому, никогда.

1907
Киев

Глаза безумные твои,
И ледяные речи,
И объяснение в любви
Еще до первой встречи.

Тебе обещана была
В каком-то давнем веке,
Как зачарованная шла
Через моря и реки, —

Не знала я твоих примет
И имени не знала.
Ты для меня был как рассвет,
Как ночь без покрывала.

1909

Ночь моя — бред о тебе,
День — равнодушное: «Пусть!»
Я улыбнулась судьбе,
Мне посылающей грусть.

Тяжек вчерашний угар,
Скоро ли я догорю,
Кажется, этот пожар
Не превратится в зарю.

Долго ль мне биться в огне,
Дальнего тайно кляня?..
В страшной моей западне
Ты не увидишь меня.

1909
Киев

В промежутки между грозами,
Мрачной яркостью богатые,
Над притихшими березами
Облака стоят крылатые.
Чуть гроза на запад спрячется,
И настанет тишь чудесная,
А с востока снова катится
Колесница поднебесная.

1910-е годы Слепнево
(Записала на Илью
в Комарове 1961)

В. Срезневской

Жрицами божественной бессмыслицы
Назвала нас дивная судьба,
Но я точно знаю — нам зачислятся
Бденья у позорного столба,
И свиданье с тем, кто издевается,
И любовь к тому, кто не позвал...
Посмотри туда — он начинается,
Наш кроваво-черный карнавал.

1910-е годы
Царское Село

Меня покинул в новолунье
Мой друг любимый. Ну так что ж!
Шутил: «Канатная плясунья!
Как ты до мая доживешь?»

Ему ответила, как брату,
Я, не ревнуя, не ропща,
Но не заменят мне утрату
Четыре новые плаща.

Пусть страшен путь мой, пусть опасен,
Еще страшнее путь тоски...
Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом башмачки!

Оркестр веселое играет,
И улыбаются уста.
Но сердце знает, сердце знает,
Что ложа пятая пуста!

Ноябрь 1911

В углу старик, похожий на барана,
Внимательно читает «Фигаро»,
В моей руке просохшее перо,
Идти домой еще как будто рано.
Тебе велела я, чтоб ты ушел
Мне сразу всё твои глаза сказали...
Опилки густо устилают пол,
И пахнет спиртом в полукруглой зале.
И это юность — светлая пора...
.....
Да лучше б я повесилась вчера
Или под поезд бросилась сегодня.

*1911
Париж*

Загорелись иглы венчика
Вкруг безоблачного лба.
Ах! улыбчивого птенчика
Подарила мне судьба.

Октябрь 1912

Приходи на меня посмотреть.
Приходи. Я живая. Мне больно.
Этих рук никому не согреть,
Эти губы сказали: «Довольно!»

Каждый вечер подносят к окну
Мое кресло. Я вижу дороги.
О, тебя ли, тебя ль упрекну
За последнюю горечь тревоги!

Не боюсь на земле ничего,
В задыханьях тяжелых бледнея.
Только ночи страшны оттого,
Что глаза твои вижу во сне я.

1912

В последний год, когда столица наша
Первоначальное носила имя
И до войны великой оставалось
Еще полгода, совершилось то,
О чем должна я кратко и правдиво
В повествовании моем сказать.
И в этом помешать мне может только
Та, что в дома всегда без спроса входит

И белым закрывает зеркала.
Иль тот, кто за море от нас уехал
И строго, строго плакать запретил.

<1913>

И жар по вечерам, и утром вялость,
И губ потрескавшихся вкус кровавый.
Так вот она — последняя усталость,
Так вот оно — преддверье царства славы.

Гляжу весь день из круглого окошка:
Белеет потеплевшая ограда,
И лебедю заросла дорожка,
А мне б идти по ней — такая радость.

Чтобы песок хрустел и лапы елок —
И черные и влажные — шуршали,
Чтоб месяца бесформенный осколок
Опять увидеть в голубом канале.

Декабрь 1913

Ал. Блоку

Ты первый, ставший у источника
С улыбкой мертвой и сухой.
Как нас измучил взор пустой,
Твой взор тяжелый — полунощника.

Но годы страшные пройдут,
Ты скоро снова будешь молод,
И сохраним мы тайный холод
Тебе отчитанных минут.

<19>10-е,
<1960—1961 годы>

ЗАВЕЩАНИЕ

Моей наследницею полноправной будь,
Живи в моем доме, пой песнь, что я сложила.
Как медленно еще скудеет сила,
Как хочет воздуха замученная грудь.

Моих друзей любовь, врагов моих вражду,
И розы желтые в моем густом саду,
И нежность жгучую любовника — все это
Я отдаю тебе — предвестница рассвета.

И славу, то, зачем я родилась.
Зачем моя звезда, как некий вихрь, взвилась
И падает теперь. Смотри, ее паденье
Пророчит власть твою, любовь и вдохновенье.

Мое наследство щедрое храня,
Ты проживешь и долго, и достойно.
Все это будет так. Ты видишь, я спокойна.
Счастливой будь, но помни про меня.

1914
Слетнево

И в Киевском храме Премудрости Бога,
Припав к солее, я тебе поклялась,
Что будет моею твоя дорога,
Где бы она ни вилась.

То слышали ангелы золотые
И в белом гробу Ярослав.
Как голуби, вьются слова простые
И ныне у солнечных глав.

И если слабею, мне снится икона
И девять ступенек на ней.
И в голосе грозном софийского звона
Мне слышится голос тревоги твоей.

1915 <?>

О Боже, за себя я все могу простить,
Но лучше б ястребом ягненка мне когтить
Или змеей уснувших жалить в поле,
Чем человеком быть и видеть поневоле,
Что́ люди делают, и сквозь тлетворный срам
Не сметь поднять глаза к высоким небесам.

1916 <?>

Я в этой церкви слушала Канон
Андрея Критского в день строгий и печальный,
И с той поры великопостный звон
Все семь недель до полночи пасхальной
Сливался с беспорядочной стрельбой,
Прощались все друг с другом на минуту,
Чтоб никогда не встретиться... И смуту
..... судьбой.

1917

Петербург. Боткинская, 9

На разведенном мосту
В день, ставший праздником ныне,
Кончилась юность моя.

1917–1919

Я горькая и старая. Морщины
Покрыли сетью желтое лицо.
Спина согнулась, и трясутся руки.
А мой палач глядит веселым взором
И хвалится искусною работой,

Рассматривая на поблекшей коже
Следы побоев. Господи, прости!

1919

Петербург. Шереметевский Дом

Не чудо ли, что знали мы его,
Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева,
И Пресвятая охраняла Дева
Прекрасного Поэта своего.

16 августа 1921

Петербург

Пива светлого наварено,
На столе дымится гусь...
Поминать царя да барина
Станет праздничная Русь —

Крепким словом, прибауткою
За беседою хмельной;
Тот — забористою шуткою,
Этот — пьяною слезой.

И несутся речи шумные
От гульбы да от вина...
Порешили люди умные:
— Наше дело — сторона.

Декабрь 1921

Рождество. Бежецк

Для Л. Н. Замятиной

Здравствуй, Питер! Плохо, старый,
И не радует апрель.
Поработали пожары,
Почудили коммунары,

Что ни дом — в болото щель.
Под дырявой крышей стынем,
А в подвале шепот вод:
«Склеп покинем, всех подыдем,
Видно, нашим волнам синим
Править городом черед».

24 сентября 1922

Дьявол не выдал. Мне все удалось.
Вот и могущества явные знаки.
Вынь из груди мое сердце и брось
Самой голодной собаке.
Больше уже ни на что не гожусь,
Ни одного я не вымолвлю слова.
Нет настоящего — прошлым горжусь
И задохнулась от срама такого.

Сентябрь 1922

Вечер тот казни достоин,
С ним я не справлюсь никак.
Будь совершенно спокоен —
Ты ведь мужчина и враг,

Тот, что молиться мешает,
Мúке не хочет помочь,
Тот, что твой сон нарушает,
Тихая, каждую ночь.

Ты ль не корил маловерных,
И обличал, и учил!
Ты ли от всякия скверны
Избавить тебя не молил!

«Сам я не знаю, что случилось,
К гибели, что ли, иду?»

Ведь, как ребенок, металась
Передо мною в бреду.

Выпил я светлые капли
С глаз ее — слезы стыда».
Верно, от них и ослабли
Руки твои навсегда.

1922

Я именем твоим не оскверняю уст.
Ничто греховное мой сон не посещает,
Лишь память о тебе, как тот библейский куст,
Семь страшных лет мне путь мой освещает.

И как приворожить меня прохожий мог,
Веселый человек с зелеными глазами,
Любимец девушек, наездник и игрок.

.....

Тому прошло семь лет. Трагический Октябрь,
Как листья желтые, сметал людские жизни.
А друга моего последний мчал корабль
От страшных берегов пылающей отчизны.

<1924?>

Так просто можно жизнь покинуть эту,
Бездумно и безбольно догореть,
Но не дано Российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.
Всего верней свинец душе крылатой
Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою косматой
Из сердца, как из губки, выжмет жизнь.

<Февраль> 1925

И ты мне все простишь:
И даже то, что я не молодая,
И даже то, что с именем моим,
Как с благостным огнем тлетворный дым,
Слилась навеки клевета глухая.

<Февраль 1925>

И клялись они Серпом и Молотом
Перед твоим страдальческим концом:
«За предательство мы платим золотом,
А за песни платим мы свинцом».

<1925>

И неоплаканною тенью
Я буду здесь блуждать в ночи,
Когда зацветшею сиренью
Играют звездные лучи.

1926. Шереметевский Сад

Десять лет и год твоя подруга
Не слыхала, как поет гроза.
Десять лет и год святого юга
Не видали грешные глаза.

Июль 1927. Кисловодск

Ты прости мне, что я плохо правлю,
Плохо правлю, да светло живу,

Память в песнях о себе оставлю,
И тебе приснилась наяву.

Ты прости, меня еще не зная,
Что навеки с именем моим,
Как с огнем веселым едкий дым,
Сочеталась клевета глухая.

23 августа 1927

Здесь девушки прекраснейшие спорят
За честь достаться в жены палачам.
Здесь праведных пытаются по ночам
И голодом неукротимых морят.

192<4>

...Оттого, что мы все пойдем
По Таганцевке, по Есенинке
Иль большим маяковским путем.

<Нач. 1930-х>

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкою — девичий рот,
А золото — ничем.
Водою пахнет резеда
И яблоком — любовь,
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь.

И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под зловещие крики черни;

И Шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома.

1933

Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не издевалась
Над горькой гибелью друзей?
За то, что я верна осталась
Печальной родине моей?
Пусть так. Без палача и плахи
Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи,
Нам со свечой идти и выть.

1935

...За ландышевый май
В моей Москве кровавой
Отдам я звездных стай
Сияния и славы.

<1937>

.....
Я знаю, с места не сдвинуться
Под тяжестью Виевых век.
А если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.

С душистою веткой березовой
На Троицу в церкви стоять,
С боярынею Морозовой
Сладкий медок попивать.

А после на дровнях в сумерки
В навозном снегу тонуть...
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь?

1930-е годы

НЕМНОГО ГЕОГРАФИИ

О.М.

Не столицей европейской
С первым призом за красоту —
Душной ссылкой енисейской,
Пересадкою на Читу,
На Ишим, на Иргиз безводный,
На прославленный Акбасар,
Пересылкою в лагерь Свободный,
В трупный запах прогнивших нар, —
Показался мне город этот
Этой полночью голубой,
Он, воспетый первым поэтом,
Нами — грешными, и тобой.

1937

ПОДРАЖАНИЕ АРМЯНСКОМУ

Я приснюсь тебе черной овцою
На нетвердых, сухих ногах,
Подойду, заблею, завою:
«Сладко ль ужинал, падишах?
Ты вселенную держишь, как бусу,
Светлой волей Аллаха храним...

И пришелся ль сынок мой по вкусу
И тебе и деткам твоим?»

<Кон. 1930-х>

Жить — так на воле,
Умирать — так дома.
Волково Поле,
Желтая солома.

1939

(ИЗ ЗАБЫТОГО)

Ах! — где те острова,
Где растет трын-трава
Густо

.....
Где Ягода-злодей
Не гоняет людей
К стенке

И Алешка Толстой
Не снимает густой
Пенки.

<1930-е>

И вовсе я не пророчица,
Жизнь светла, как горный ручей,
А просто мне петь не хочется
Под звон тюремных ключей.

<1930-е>

С Новым Годом! С новым горем!
Вот он пляшет, озорник,
Над Балтийским дымным морем,
Кривоног, горбат и дик.
И какой он жребий вынул
Тем, кого застенок минул?
Вышли в поле умирать.
Им светите, звезды неба!
Им уже земного хлеба,
Глаз любимых — не видать.

Январь 1940

ПОДВАЛ ПАМЯТИ

О, погреб памяти.

Хлебников

Но сущий вздор, что я живу грустя
И что меня воспоминанье точит.
Не часто я у памяти в гостях,
Да и она всегда меня морочит.
Когда спускаюсь с фонарем в подвал,
Мне кажется — опять глухой обвал
За мной по узкой лестнице грохочет.
Чадит фонарь, — вернуться не могу,
А знаю, что иду туда к врагу.
И я прошу как милости... Но там
Темно и тихо. — Мой окончен праздник,
Уж тридцать лет, как проводили дам,
От старости скончался тот проказник...
Я опоздала. — Экая беда,
Нельзя мне показаться никуда.

Но я касаюсь живописи стен
И у камина греюсь. Что за чудо!
Сквозь эту плесень, эту гарь и тлен
Блеснули два живые изумруда.

И кот мяукнул... Ну, пойдем домой!
Но где мой дом и где рассудок мой?

18 января 1940

Уложила сыночка кудрявого
И пошла на озеро по воду,
Песни пела, была веселая,
Зачерпнула воды и слушаю:
Мне знакомый голос прислышался,
Колокольный звон
Из-под синих волн,
Так у нас звонили в граде Китеже.
Вот большие бьют у Егория,
А меньшие с башни Благовещенской,
Говорят они грозным голосом:
«Ах, одна ты ушла от приступа,
Стона нашего ты не слышала,
Нашей горькой гибели не видела.
Но светла свеча негасимая
За тебя у престола Божьего.
Что же ты на земле замешкалась
И венец надеть не торопишься?
Распустился твой крин во полночи,
И фата до пят тебе соткана.
Что ж печалишь ты брата-воина
И сестру — голубицу-схимницу,
Своего печалишь ребеночка?...» —
Как последнее слово услышала,
Света я пред собою не взвидела,
Оглянулась... А дом в огне горит.

13–14 марта 1940

Так отлетают темные души...
«Я буду бредить, а ты не слушай.

Зашел ты нечаянно, ненароком,
Ты никаким ведь не связан сроком,

Побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше?

Первое утро в Варшаве... Кто ты?
Ты уж другой или третий?» — «Сотый».

«А голос совсем такой, как прежде.
Знаешь, я годы жила в надежде,

Что ты вернешься, и вот — не рада.
Мне ничего на земле не надо:

Ни громов Гомера, ни Дантова дива.
Скоро я выйду на берег счастливый:

И Троя не пала, и жив Эбани,
И все потонуло в душистом тумане.

Я б задремала под ивой зеленой,
Да нет мне покоя от этого звона.

Что он? — то с гор возвращается стадо?
Только в лицо не дохнула прохлада.

Или идет священник с Дарами?
А звезды на небе, а ночь над горами,

Или сзывают народ на вече?»
— «Нет, это твой последний вечер».

1940. *Фонтанный Дом*

В лесу голосуют деревья.

Н.З.

И вот, наперекор тому,
Что смерть глядит в глаза, —

Опять, по слову твоему,
Я голосую «за»:
То, чтоб дверью стала дверь,
Замок опять замком,
Чтоб сердцем стал угрюмый зверь
В груди... А дело в том,
Что суждено нам всем узнать,
Что значит третий год не спать,
Что значит утром узнавать
О тех, кто в ночь погиб.

1940

СТАНСЫ

Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь.
Как крестный ход идут часы Страстной недели.
Я вижу страшный сон. Неужто в самом деле
Никто, никто, никто не может мне помочь?

В Кремле не надо жить — Преображенец прав,
Там зверства древнего еще кишат микробы:
Бориса дикий страх, и всех Иванов злобы,
И Самозванца спесь — взамен народных прав.

Апрель 1940

Соседка из жалости — два квартала,
Старухи, как водится, — до ворот,
А тот, чью руку я держала,
До самой ямы со мной пойдет.
И станет над ней один на свете
Над рыхлой, черной, родной землей
И позовет, но уже не ответит
Ему, как прежде, голос мой.

15 августа 1940

Мои молодые руки
Тот договор подписали
Среди цветочных киосков
И граммофонного треска,
Под взглядом косым и пьяным
Газовых фонарей.
И старше была я века
Ровно на десять лет.
И на закат наложен
Был белый траур черемух,
Что осыпался мелким,
Душистым, сухим дождем...
И облака сквозили
Кровавой Цусимской пеной,
И плавно ландо катили
Теперешних мертвецов...
А нам бы тогдашний вечер
Показался бы маскарадом,
Показался бы карнавалом,
Феерией grand-gala...
От дома того — ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башмачки.
Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни,
Кто знает, как тихо в доме,
Куда не вернулся сын.
Ты неотступен, как совесть,
Как воздух, всегда со мною,
Зачем же зовешь к ответу?
Свидетелей знаю твоих:
То Павловского вокзала
Раскаленный музыкой купол
И водопад белогривый
У Баболовского дворца.

1940

Прокаженный молился...

В. Брюсов

То, что я делаю, способен делать каждый.
Я не тонул во льдах, не изнывал от жажды

И с горстью храбрецов не брал финляндский дот,
И в бурю не спасал какой-то пароход.

Ложиться спать, вставать, съесть обед убогий
И даже посидеть на камне у дороги,

И даже, повстречав падучую звезду
Иль серых облаков знакомую гряду,

Им улыбнуться вдруг, поди куда как трудно.
Тем более дивлюсь своей судьбине чудной

И, привыкая к ней, привыкнуть не могу,
Как к неотступному и зоркому врагу...

Затем, что из двухсот советских миллионов,
Живущих в благодати отеческих законов,

Найдется ль кто-нибудь, кто свой горчайший час
На мой бы променял — я спрашиваю вас?

А не откинул бы с улыбкою сердитой
Мое прозвание как корень ядовитый.

О Господи! воззри на легкий подвиг мой
И с миром отпусти свершившего домой.

Январь 1941. Фонтанный Дом

И осталось из всего земного
Только хлеб насущный твой,

Человека ласковое слово,
Чистый голос полевой.

1941

Какая есть. Желая вам другую,
Получше. Больше счастьем не торгую,
Как шарлатаны и оптовики...
Пока вы мирно отдыхали в Сочи,
Ко мне уже ползли такие ночи,
И я такие слышала звонки!

Не знатной путешественницей в кресле
Я выслушала каторжные песни,
А способом узнала их иным...

.....
.....
.....

Над Азией — весенние туманы,
И яркие до ужаса тюльпаны
Ковром заткали много сотен миль.
О, что мне делать с этой чистотою
Природы? С неповинностью святою?
О, что мне делать с этими людьми?

Мне зрительницей быть не удавалось,
И почему-то я всегда вклинялась
В запретнейшие зоны естества.
Целительница нежного недуга,
Чужих мужей вернейшая подруга
И многих неутешная вдова.

Седой венец достался мне не даром,
И щеки, опаленные загаром,
Уже людей пугают смуглотой...
Но близится конец моей гордыне,
Как той, другой — страдальце Марине, —
Придется мне напиться пустотой.

И ты придешь под черной епанчою,
С зеленоватой страшною свечою,
И не откроешь предо мной лица...
Но мне не долго мучиться загадкой, —
Чья там рука под белую перчаткой
И кто прислал ночного пришлеца?

23/24 июня 1942. Ташкент

В ТИФУ

Где-то ночка молодая,
Звездная, морозная...
Ой, худая, ой, худая
Голова тифозная.
Про себя воображает,
На подушке мечется,
Знать не знает, знать не знает,
Что во всем ответчица,
Что за речкой, что за садом
Кляча с гробом тащится.
Меня под землю не надо б,
Я одна — рассказчица.

*Ноябрь 1942. Ташкент. ТАШМИ
(в тифозном бреду)*

В. Г.

Глаз не свожу с горизонта,
Где метели пляшут чардаш...
Между нами, друг мой, три фронта:
Наш и вражий и снова наш.
Я боялась такой разлуки
Больше смерти, позора, тюрьмы.
Я молилась, чтоб смертной муки
Удостоились вместе мы.

1942. Ташкент

Когда я называю по привычке
Моих друзей заветных имена,
Всегда на этой странной перекличке
Мне отвечает только тишина.

8 ноября 1943. Ташкент

А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет
И думает, что он незаменим,
Что все на свете он переиначит,
Что Пастернака перепастерначит,
А я не знаю, что мне делать с ним.

1943. Ташкент

И ты ко мне вернулась знаменитой,
Темно-зеленой веточкой повитой,
Изящна, равнодушна и горда...
Я не такой тебя когда-то знала,
И я не для того тебя спасала
Из месива кровавого тогда.
Не буду я делить с тобой удачу,
Я не ликую над тобой, а плачу,
И ты прекрасно знаешь почему.
И ночь идет, и сил осталось мало,
Спаси ж меня, как я тебя спасала,
И не пускай в клокочущую тьму.

6 января 1944. Сочельник. Ташкент

Разве я стала совсем не та,
Что там, у моря,

Разве забыли мои уста
Твой привкус, горе?
На этой древней сухой земле
Я снова дома.
Китайский ветер поет во мгле,
И все знакомо...
Гляжу, дыхание тая,
На эти склоны,
Я знаю, что вокруг друзья —
Их миллионы.
И звук какой-то ветер мчит
На крыльях ночи —
То сердце Азии стучит
И мне пророчит,
Что снова здесь найду приют
В день светлый мира.
...И где-то близко здесь цветут
Поля Кашмира.

1944. Ташкент

Отстояли нас наши мальчишки,
Кто в болоте лежит, кто в лесу.
А у нас есть лимитные книжки.
Черно-бурую носим лису.

1944

Я бы лучше по самые плечи
Вбила в землю проклятое тело,
Если б знала, чему навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

1944. Ленинград. Фонтанный Дом

Ленинградскую беду
Руками не разведу,
Слезами не смою,
В землю не зарюю.
За версту я обойду
Ленинградскую беду.

Я не словом, не упреком,
Я не взглядом, не намеком,
Я не песенкой наемной,
Я не похвальбой нескромной

.....

А земным поклоном
В поле зеленом
Помяну...

1944. Ленинград

От странной лирики, где каждый шаг — секрет,
Где пропасти налево и направо,
Где под ногой, как лист увядший, слава,
По-видимому, мне спасенья нет.

1944

СТЕКЛЯННЫЙ ЗВОНК

Стеклянный звонок
Бежит со всех ног...
Неужто сегодня срок?
Постой у порога,
Подожди немного,
Меня не трогай
Ради Бога!

1944

Пусть грубой музыки обрушится волна,
Пусть хрипый марш пересечет молчанье.
Мне праздником всегда казалось окончанье
Чего б то ни было, но твой конец...
Меня оледенил...

1945

И очертанья «Фауста» вдали —
Как города, где много черных башен,
И колоколен с гулками часами,
И полночей, наполненных грозью,
И старичков с не гетевской судьбою,
Шарманщиков, менял и букинистов,
Кто вызвал черта, кто с ним вел торговлю
И обманул его, а нам в наследство
Оставил эту сделку...
И выли трубы, зазывая смерть,
Пред смертью смычки благоговели,
Когда какой-то странный инструмент
Предупредил, и женский голос сразу
Ответствовал. И я тогда проснулась.

8 августа 1945

Кого когда-то называли люди
Царем в насмешку, Богом в самом деле,
Кто был убит. — И чье орудье пытки
Согрето теплотой моей груди...
Вкусили смерть Свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима — все прошли.
Там, где когда-то возвышалась арка,

Где море билось, где чернел утес, —
Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом бессмертных роз.

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти все готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней — царственное Слово.

1945

На стеклах нарастает лед.
Часы твердят: «Не трус!»
Услышать, что ко мне идет,
И мертвой я боюсь.
Как идола, молю я дверь:
«Не пропускай беду!»
Кто воет за стеной, как зверь,
Что прячется в саду?

1945. Фонтанный Дом

Я всем прощение дарую
И в Воскресение Христа
Меня предавших в лоб целую,
А не предавшего — в уста.

1946. Апрель. Пасха. Москва

И увидел месяц лукавый,
Притаившийся у ворот,
Как свою посмертную славу
Я меняла на вечер тот.

Теперь меня позабудут,
И книги сгниют в шкафу...
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу.

Лето 1946. Ленинград

Дорогою ценой и нежданной
Поняла, что ты помнишь и ждешь.
А быть может, и место найдешь
Ты — могилы моей безымянной.

Август 1946. Фонтанный Дом

Со шпаной в канавке
 возле кабака,
С пленными на лавке
 гру-зо-ви-ка.
Под утренним туманом
 Над Москвой-рекой,
С батькой-атаманом
 В петельке тугой, —
Я была со всеми,
 с этими и с теми,
А теперь... осталась
 сама с собой.

Август 1946. Фонтанный Дом

ДВА ГОЛОСА

Первый

Мы запретное вкусили знание
И в бездонных пропастях сознания
Чем прозрачней, тем страшнее зданья,
И уже сквозит последний час...

Второй

И уже грохочет дальний гром...
А та, кого мы музыкой зовем
За неимением лучшего названья,
Спасет ли нас?

1946

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Я над этой колыбелью
Наклонилась черной елью.
Бай, бай, бай, бай!
Ай, ай, ай, ай...

Я не вижу сокола
Ни вдали, ни около.
Бай, бай, бай, бай!
Ай, ай, ай, ай...

26 августа 1949 (днем).
Фонтанный Дом

ЧЕРЕПКИ

You cannot leave your mother an orphan.
Joyce

I

Мне, лишенной огня и воды,
Разлученной с единственным сыном...
На позорном помосте беды,
Как под тронным стою балдахином...

II

Вот и доспорился, яростный спорщик,
До енисейских равнин...
Вам он бродяга, шуан, заговорщик,
Мне он — единственный сын.

III

Семь тысяч три километра...
Не услышишь, как мать зовет
В грозном вое полярного ветра,
В тесноте обступивших невзгод.
Там дичаешь, звереешь — ты милый,
Ты последний и первый, ты — наш.
Над моей Ленинградской могилой
Равнодушная бродит весна.

IV

Кому и когда говорила,
Зачем от людей не таю,
Что каторга сына сгноила,
Что Музу засекли мою.

Я всех на земле виноватей,
Кто был и кто будет, кто есть,
И мне в сумасшедшей палате
Валяться — великая честь.

V

Вы меня, как убитого зверя,
На кровавый подымете крюк,
Чтоб хихикая и не веря,
Иноземцы бродили вокруг
И писали в почтенных газетах,
Что мой дар несравненный угас,
Что была я поэтом в поэтах,
Но мой пробил тринадцатый час.

1930 — 1950-е годы

И не дослушаю впотьмах
Неконченную фразу.

Потом в далеких зеркалах
Все отразится сразу.

1950-е годы

Особенных претензий не имею
Я к этому сиятельному дому,
Но так случилось, что почти всю жизнь
Я прожила под знаменитой кровлей
Фонтанного Дворца... Я нищей
В него вошла и нищей выхожу.

1952

(ИЗ ЦИКЛА «СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ»)

Пусть мой корабль пошел на дно,
Дом превратился в дым...
Читайте все — мне все равно,
Я говорю с одним,
Кто был ни в чем не виноват,
А впрочем, мне ни сват, ни брат.

.....
Как в сердце быть уколотым
И слышать крик: умри!
Что по Фонтанке золотом
Писали фонари?

1956

Не лирою влюбленного
Иду пленять народ —
Трещотка прокаженного
В моей руке поет.
Успеете наахаться,
И воя, и кляня,

Я научу шарахаться
Всех «смелых» от меня.
Я не искала прибыли
И славы не ждала,
Я под крылом у гибели
Все тридцать лет жила.

1956

Не повторяй — душа твоя богата —
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама —
Одна великолепная цитата.

1956

Забудут? — вот чем удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и глохла и слепла,
В земле истлевала зерном,
Чтоб снова, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

21 февраля 1957. Ленинград

Вижу я,
Лебедь тешится моя.
Пушкин

Ты напрасно мне под ноги мечешь
И величье, и славу, и власть.
Знаешь сам, что не этим излечишь
Песнопения светлую страсть.

Разве этим развеешь обиду?
Или золотом лечат тоску?
Может быть, я и сдамся для виду.
Не притронусь я дулом к виску.

Смерть стоит все равно у порога.
Ты гони ее или зови,
А за нею темнеет дорога,
По которой ползла я в крови,

А за нею десятилетия
Скуки, страха и той пустоты,
О которой могла бы пропеть я,
Да боюсь, что расплачешься ты.

Что ж, прощай. Я живу не в пустыне.
Ночь со мной и всегдашняя Русь.
Так спаси же меня от гордыни.
В остальном я сама разберусь.

8 апреля 1957. Москва

АВГУСТ

Он и праведный, и лукавый,
И всех месяцев он страшней:
В каждом Августе, Боже правый,
Столько праздников и смертей.

Разрешенье вина и елея...
Спас, Успение... Звездный свод!..
Вниз уводит, как та аллея,
Где осколок зари алеет,
В беспредельный туман и лед
Вверх, как лестница, он ведет.

Притворялся лесом волшебным,
Но своих он лишился чар.
Был надежды «напитком целебным»
В тишине заполярных нар...
.....

А теперь! Ты, новое горе,
Душишь грудь мою, как удав...
И грохочет Черное море,
Изголовье мое разыскав.

27 августа 1957. Комарово

ПОДРАЖАНИЕ КОРЕЙСКОМУ

Приснился мне почти что ты,
Какая редкая удача!
А я проснулась, горько плача,
Зовя тебя из темноты.

Но тот был выше и стройней
И даже, может быть, моложе
И тайны наших страшных дней
Не ведал. Что мне делать, Боже?

Что!.. Это призрак приходил,
Как предсказала я полвека
Тому назад. Но человека
Ждала я до потери сил.

1956—1958

Не мудрено, что похоронным звоном
Звучит порой непокоренный стих.
Пустынно здесь! — Уже за Флегетоном
Три четверти читателей моих.

А вы, друзья! — Осталось вас немного,
Последние, вы мне еще милей...
Какой короткой сделалась дорога,
Которая казалась всех длинней.

3 марта 1958. Болшево

ПРИ МУЗЫКЕ

Не теряйте отчаянья.

Н. П.

Опять проходит полонез Шопена,
О Боже мой! — как много вееров,
И глаз потупленных, и нежных ртов,
Но как близка, как шелестит измена.

Тень музыки мелькнула по стене,
Но прозелени лунной не задела.
О, сколько раз вот здесь я холодела
И кто-то страшный мне кивал в окне.

.....
И как ужасен взор безносых статуй,
Но уходи и за меня не ратуй,
И не молись так горько обо мне...

.....
И голос из тринадцатого года
Опять кричит: «Я здесь, я снова твой...»
Мне ни к чему ни слава, ни свобода,
Я слишком знаю... но молчит природа,
И сыростью пахнуло гробовой.

20 июля 1958. Комарово

И все пошли за мной, читатели мои,
Я вас с собой взяла в тот путь неповторимый.

1958

Непогребенных всех —
я хоронила их,

Я всех оплакивала, а кто
меня оплачет?

1958

Не с тобой мне есть угощение,
Не тебя мне просить прощенья,
Не тебе я в ноги валюсь,
Не тебя по ночам боюсь...

1958–1959

ГОРОДУ

Весь ты сыгранный на шарманке,
Отразившийся весь в Фонтанке,
С ледоходом уплывший весь
И подсунувший тень миража,
Но довольно... Ночная стража
Не напрасно бродила здесь.
Ты как будто проигран в карты
За твои роковые марты
И за твой роковой апрель.

19 января 1959. Крещение

Не мешай мне жить — и так не сладко,
Что ты вздумал, что тебя томит?
Иль неразрешимая загадка
Ледяной звездой в ночи горит,

Или галереями бессонниц
Ты ко мне когда-то приходил,
Иль с давно погибших белых звонниц
Мой приезд торжественный следил?

В прежних жизнях мы с тобою счеты
Плохо подвели, о, бедный друг!
Оттого не спорится работа,
Сухо в горле, кровь бормочет что-то
И плывет в глазах кровавый круг.

Иль увидел взор очей покорных
В тот для памяти запретный час,
Иль в каких-то подземельях черных
Мертвой оставлял меня не раз.

И при виде жертвы позабытой
Места не найти тебе теперь...
Что там — окровавленные плиты
Или замурованная дверь?

В самом деле — сотни километров,
Как ты и сказал мне, — сущий вздор,
И знакомый с детства голос ветра
Продолжает наш старинный спор.

Июнь 1959. Комарово

М. Цветаевой

Ты любила меня и жалела,
Ты меня как никто поняла.
Так зачем же твой голос и тело
Смерть до срока у нас отняла?

2 июля 1959

НАСЛЕДНИЦА

От Саркосельских лип...

Пушкин

Казалось мне, что песня спета
Средь этих опустелых зал.
О, кто бы мне тогда сказал,
Что я наследую все это:

Фелицу, лебеда, мосты
И все китайские затеи,
Дворца сквозные галереи
И липы дивной красоты.
И даже собственную тень,
Всю искаженную от страха,
И покаянную рубаху,
И замогильную сирень.

20 ноября 1959. Ленинград

Вам жить, а мне не очень,
Тот близок поворот.
О, как он строг и точен,
Незримого расчет.

Зверей стреляют разное,
Есть каждому черед
Весьма разнообразный,
Но волка — круглый год.

Волк любит жить на воле,
Но с волком скор расчет:
На льду, в лесу и в поле
Бьют волка круглый год.

Не плачь, о друг единый,
Коль летом иль зимой
Опять с тропы волчиной
Ты крик услышишь мой.

20 ноября — 2 декабря 1959

ИЗ НАБРОСКОВ

Даль рухнула, и пошатнулось время,
Бес скорости стал пяткою на темя
Великих гор и повернул поток,
Отравленным в земле лежало семя,

Отравленным бежал по стеблям сок,
Людское мощно вымирало племя,
И знали мы, что очень близок срок.

1959

Это и не старо, и не ново,
Ничего нет сказочного тут.
Как Отрепьева и Пугачева,
Так меня тринадцать лет клянут.
Неуклонно, тупо и жестоко
И неодолимо, как гранит,
От Либавы до Владивостока
Грозная анафема гудит.

1959

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Что отдал — то твое.

Шота Руставели

Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала,
Как в негашеной извести горю
Под сводами зловонного подвала.

Пусть назовут безмолвною зимой
И вечные навек захлопнут двери.
Но все-таки услышат голос мой.
И все-таки ему опять поверят.

1959

Хвалы эти мне не по чину,
И Сафо совсем ни при чем.
Я знаю другую причину,
О ней мы с тобой не прочтем.

Пусть кто-то спасается бегством,
Другие кивают из ниш,
Стихи эти были с подтекстом
Таким, что как в бездну глядишь.
А бездна та манит и тянет,
И ввек не доищешься дна,
И ввек говорить не устанет
Пустая ее тишина.

1959

И по собственному дому
Я иду, как по чужому,
И меня боятся зеркала.
Что в них, Боже, Боже! —
На меня похоже...
Разве я такой была?

Конец 1950-х

Все ушли, и никто не вернулся,
Только, верный обету любви,
Мой последний, лишь ты оглянулся,
Чтоб увидеть все небо в крови.
Дом был проклят, и проклято дело,
Тщетно песня звенела нежней,
И глаза я поднять не посмела
Перед страшной Судьбою моей.
Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол.
Разлучили с единственным сыном,
В казематах пытали друзей,
Окружили невидимым тыном

Крепко слаженной слежки своей.
Наградили меня немотою,
На весь мир окаянно кляня,
Окормили меня клеветою,
Опоили отравой меня
И, до самого края доведши,
Почему-то оставили там.
Любо мне, городской сумасшедшей,
По предсмертным бродить площадям.

1930-е — 1960

Ан. Н.

Что нам разлука? — Лихая забава,
Беды скучают без нас, —
Спяну ли ввалится в горницу слава,
Бьет ли тринадцатый час.
Или забыты, забиты, за... кто там
Так научился стучать?
Вот и идти мне обратно к воротам
Новое горе встречать.

1959—1963

И юностью манит, и славу сулит,
Так снова со мной сатана говорит:

«Ты честью и кровью платила своей
За пять неудачно придуманных дней,

За то, чтобы выпить ту чашу до дна,
За то, чтобы нас осветила луна,

За то, чтоб присниться друг другу опять,
Я вечность тебе предлагаю, не пять

До света тянувшихся странных бесед.
Ты видишь — я болен, растерзан и сед,
Ты видишь, ты знаешь — я так не могу». —
Я руку тогда протянула врагу,
Но он превратился в гранатовый куст,
И был небосклон над ним огнен и пуст.
Горы очертания — полночь — луна,
И снова со мной говорит сатана,
И, черным крылом закрывая лицо,
Заветное мне возвращает кольцо.
И стонет и молит: «Ты мне суждена,
О, выпей со мною хоть каплю вина». —
К чему эти крылья и это вино, —
Я знаю тебя хорошо и давно,
И ты — это просто горячечный бред
Шестой и не бывшей из наших бесед.

29 января — 6 февраля 1960. Красная Конница

Хулимые, хвалимые!
Ваш голос прост и дик,
Вы не переводимые
Ни на один язык.
Надменные, безродные,
Бродившие во тьме, —
Вы самые свободные,
А родились в тюрьме.
Мое благословение
Я вам сегодня дам,
Войдете вы в забвение,
Как люди входят в храм.

1 июля 1960. Ордынка

Шутки — шутками, а сорок
Гладких лет в тюрьме,
Пиршества из черствых корок,
Чумный страх во тьме,
Одиночество такое,
Что — сейчас в музей,
И предательство двойное
Блиzkих и друзей.

.....

22 июля 1960
(после операции 7 июля).
Красная Конница

САМОЙ ПОЭМЕ

...и слово в музыку вернись.

О.М.

Ты растешь, ты цветешь, ты — в звуке.
Я тебя на новые муки
Воскресила — дала врагу...
Восемь тысяч миль не преграда,
Песня словно звучит из сада,
Каждый вздох проверить могу.
И я знаю — с ним ровно то же,
Мне его попрекать негоже,
Эта связь выше наших сил, —
Оба мы ни в чем не виновны,
Были наши жертвы бескровны —
Я забыла, и он — забыл.

20 сентября 1960. Комарово

Моею Музой оказалась мука.
Она со мною кое-как прошла

Там, где нельзя, там, где живет разлука,
Где хищница, отведавшая зла.

Осень 1960

ПОДРАЖАНИЕ КАФКЕ

Другие уводят любимых,
Я с завистью вслед не гляжу.
Одна на скамье подсудимых
Я скоро полвека сижу.

Вокруг пререканья и давка
И приторный запах чернил.
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил.

И там в совещаниях важных,
Как в цепких объятиях сна,
Все три поколения присяжных
Решили — виновна она.

Меняются лица конвоя,
В инфаркте шестой прокурор,
А где-то чернеет от зноя
Огромный небесный простор.

И полное прелести лето
Гуляет на том берегу,
Я это блаженное «где-то»
Представить себе не могу.

Я глохну от зычных проклятий,
Я ватник сносила дотла.
Неужто я всех виноватей
На этой планете была?

1960. Комарово

Сколько б другой мне ни выдумал пыток,
Верной ему не была.
А ревность твою, как волшебный напиток,
Не отрываясь пила.

<1960-е годы>

А я говорю, вероятно, за многих:
Юродивых, скорбных, немых и убогих,
И силу свою мне они отдают,
И помощи скорой и действенной ждут.

1961 (?)

ОТРЫВОК

Так вот где ты скитаться должна,
Тень от тени, чужая невеста!
Неужели же ты не нашла
Для прогулок отраднее места?
Эти пашни припудрив чуть-чуть,
Здесь предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.
Разве плохо казалось тебе
У зеленого темного моря,
Что, покорствуя страшной судьбе,
Ты пошла на такое, не споря?
Ты, запретнейшая из роз,
Ты, на царство венчанная дважды,
Здесь убьет тебя первый мороз.

.....

Набок съехавший куполок,
Лужи, гуси и поезда звуки.
А сожженный луной тополек

Тянет к небу распятые руки.

.....

Звезд загадочные изумруды,
Ржавой прелой душистой листвы
Под ногою шуршащие груды

.....

.....

Но молчит, заколдована, тень,
Мне ни слова не отвечает.

1960-е годы

СОСНЫ

Не здороваются, не рады!
А всю зиму стояли тут,
Охраняли снежные клады,
Вьюг подслушивали рулады,
Создавая смертный уют.

9 мая 1961. Комарово

И анютиных глазок стая
Бархатистый хранит силуэт, —
Это бабочки, улетаая,
Им оставили свой портрет.
Ты другое... Ты б постыдился
Быть, где слезы живут и страх,
И случайно сам отразился
В двух зеленых пустых зеркалах.

3 июня 1961. Комарово

Угощу под заветнейшим кленом
Я беседой тебя не простой, —

Тишиною с серебряным звоном
И колодезной чистой водой, —
И не надо страдальческим стоном
Отвечать... Я согласна, — постой, —
В этом сумраке темно-зеленом
Был предчувствий таинственный зной.

Лето 1961. Комарово

ВЫХОД КНИГИ

(Из цикла «Тайны ремесла»)

Тот день всегда необычаен.
Скрывая скуку, горечь, злость,
Поэт — приветливый хозяин,
Читатель — благосклонный гость.

Один поэт ведет в хоромы,
Другой — под своды шалаша,
А третий — прямо в ночь истомы,
Моим — и дыба хороша.

Зачем, какие и откуда
И по дороге в никуда,
Что их влечет — какое чудо,
Какая черная звезда?

Но всем им несомненно ясно,
Каких за это ждать наград,
Что оставаться здесь опасно,
Что это не Эдемский сад.

А вот поди ж! Опять нахлынут,
И этот час неотвратим...
И мимоходом сердце вынут
Глухим сочувствием своим.

13 августа 1961. Комарово

Недуг томит — три месяца в постели.
И смерти я как будто не боюсь.
Случайной гостьей в этом страшном теле
Я, как сквозь сон, сама себе кажусь.

Декабрь 1961

СЛУШАЯ ПЕНИЕ

Женский голос, как ветер, несется,
Черным кажется, влажным, ночным,
И чего на лету ни коснется —
Все становится сразу иным.
Заливает алмазным сияньем,
Где-то что-то на миг серебрит
И загадочным одеяньем
Небывалых шелков шелестит.
И такая могучая сила
Зачарованный голос влечет,
Будто там впереди не могила,
А таинственной лестницы взлет.

*19 декабря 1961 (Никола Зимний).
Больница им. Ленина
(Вишневская пела «Бразильскую баховиану»)*

Так не зря мы вместе бедовали,
Даже без надежды раз вздохнуть, —
Присягнули — проголосовали
И спокойно продолжали путь.

Не за то, что чистой я осталась,
Словно перед Господом свеча,
Вместе с ними я в ногах валялась
У кровавой куклы палача.

Нет, и не под чуждым небосводом
И не под защитой чуждых крыл,
Я была тогда с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью, был.

1961

ЕЩЕ ОБ ЭТОМ ЛЕТЕ

(Отрывок)

И требовала, чтоб кусты
Участвовали в бреде,
Всех я любила, кто не ты
И кто ко мне не едет...
Я говорила облакам:
«Ну ладно, ладно, по рукам».
А облака — ни слова,
И ливень льется снова.
И в августе зацвел жасмин,
И в сентябре — шиповник,
И ты приснился мне — один
Всех бед моих виновник.

1962. Комарово

Что у нас общего? Стрелка часов
И направление ветра? —
Иль в глубине оснеженных лесов
Очерк мгновенного кедра,
Сон? — что как будто ошибся дверьми
И в красоте невозвратной
Снился ни в чем не повинной, — возьми
Страшный подарок обратно...

7 июня 1962. Комарово

ЗАЩИТНИКАМ СТАЛИНА

Это те, кто кричали: «Варавву! —
Отпусти нам для праздника...», те,
Что велели Сократу отраву
Пить в тюремной глухой тесноте.

Им бы этот же вылить напиток
В их невинно клеветущий рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот.

25 октября 1962. Москва

А, тебе еще мало по-русски,
И ты хочешь на всех языках
Знать, как круты подъемы и спуски
И почему у нас совесть и страх.

1962

ПОЧТИ В АЛЬБОМ

...и третье, что нами владеет всегда
И кажется призрачным раем...
Чувство оно или просто беда —
Мы никогда не узнаем.
Может быть, где-нибудь вместе живем,
Бродим по мягкому лугу,
Здесь мы помыслить не можем о том,
Чтобы присниться друг другу.

Как я безмолвно благодарю
Рок мой за подвиг жестокий
И как свободно кому-то дарю
Эти волшебные строки.

12 июня 1962. Ленинград

Все в Москве пропитано стихами,
Рифмами проколото насквозь,
Пусть безмолвие царит над нами,
Пусть мы с рифмой поселимся врозь,
Пусть молчанье будет тайным знаком
Тех, кто с вами, а казался мной,
Вы ж соединитесь тайным браком
С девственной горчайшей тишиной,
Что во тьме гранит подземный точит
И волшебный замыкает круг,
А в ночи над ухом смерть пророчит,
Заглушая самый громкий звук.

Февраль 1963. Москва

ЧЕРЕЗ 23 ГОДА

Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебный вечер, —
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Все уходит — мне снишься ты.
Доплясавший свое пред Ковчегом,
За дождем, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным брегком,
Голос твой из недр темноты.
И по имени — как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне, как прежде, — «Ты».

*13 мая 1963. Комарово
Холодно, серо, мелкий дождь*

И было этим летом так отрадно
Мне отвыкать от собственных имен
В той тишине, почти что виноградной,

И в яви, отработанной под сон.
И музыка со мной покой делила,
Сговорчивей нет в мире никого.
Она меня нередко уводила
К концу существованья моего.
И возвращалась я одна оттуда,
И точно знала, что в последний раз
Несу с собой, как ощущение чуда,
Что...

21 августа 1963. Утро. Будка

Все, — кого и не звали, — в Италии,
Шлют с дороги прощальный привет,
Я осталась в моем зазеркалии,
Где ни Рима, ни Падуи нет.
Под святыми и вечными фресками
Не пойду я знакомым путем,
И не буду с леонардесками
Переглядываться тайком,
Никому я не буду сопутствовать,
И охоты мне странствовать нет,
Мне к лицу стало всюду отсутствовать,
Вот уж скоро четырнадцать лет.

26 октября 1957. 7 февраля 1958. Москва

Пусть даже вылета мне нет
Из стаи лебединой...
Увы! лирический поэт
Обязан быть мужчиной,
Иначе все пойдет вверх дном
До часа расставанья —
И сад — не сад, и дом — не дом,
Свиданье — не свиданье.

1960-е годы

ПЯТАЯ РОЗА

Дм. Б-ву

Звалась Soleil ты или Чайной
И чем еще могла ты быть?
Но стала столь необычайной,
Что не хочу тебя забыть.

Ты призрачным сияла светом,
Напоминая райский сад,
Быть и петрарковским сонетом
Могла, и лучшей из сонат.

А те другие — все четыре
Увяли в час, поникли в ночь,
Ты ж просияла в этом мире,
Чтоб мне таинственно помочь.

Ты будешь мне живой укорой
И сном сладчайшим наяву...
Тебя Запретной, Никоторой,
Но Лишней я не назову.

И губы мы в тебе омочим,
А ты мой дом благослови,
Ты как любовь была... Но впрочем,
Тут дело вовсе не в любви.

Август — сентябрь 1963. Камарово

Оставь нас с музыкой вдвоем,
Мы сговоримся скоро —
Она бездонный водоем —
Я призрак, тень, укора.
Я не мешаю ей звенеть, —
Она поможет — умереть.

1963

Запад клеветал и сам же верил,
И роскошно предавал Восток,
Юг мне воздух очень скупно мерил,
Ухмыляясь из-за бойких строк,
Но стоял, как на коленях, клевер,
Влажный ветер пел в жемчужный рог,
Так мой верный друг, мой старый Север,
Утешал меня, как только мог.
В нехорошей стыла я истоме,
Задышалась в смраде и крови,
Не могла я больше в этом доме,
Вот когда железная Суоми
Молвила: «Ты все узнаешь, кроме
Радости, а ничего — живи».

30 июня 1963. Комарово

Стряслось небывалое злое,
Никак не избудешь его,
И нас в этой комнате трое,
Что, кажется, хуже всего.
С одной еще сладить могу я,
Но кто мне подсунул другую,
И как с ней теперь совладать.
В одной и сознание, и память,
И выдержка лучших времен.
В другой — негасимое пламя.
Другая — два светлые глаза
И облачное крыло.

1963

Быть страшно тобою хвалимой...
Все мои подсчитала грехи.

И в последнюю речь подсудимой
Ты мои превратила стихи.

1963

ЗАПРЕТНАЯ РОЗА

Ваша горькая божественная речь.

А. Н.

Ты о ней как о первой невесте
Будешь думать во сне и до слез...
Мы ее не вдыхали вместе,
И не ты мне ее принес.
Мне принес ее тот крылатый
Повелитель богов и муз,
Когда первого грома раскаты
Прославляли наш страшный союз.
Тот союз, что зовут разлукой,
.....
И какою-то сотою мукой,
Что всех чище и всех черней.

10 октября 1964

ИЗ «ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ»

(Стихи на случай)

Светает. Это Страшный суд —
И встреча горестней разлуки.
Там мертвой славе отдадут
Меня твои живые руки.

Июнь 1964. Москва

РОМАНС

Что тоскуешь, будто бы вчера
Мы расстались: между нами вечность —

Без особенных примет дыра,
С неприглядной кличкой — бесконечность.

Между тысячами тех разлук
Наша превосходно уместилась.
Сколько отсчитал ей кто-то мук,
Так оно и вправду совершилось.

Что тоскуешь, будто бы вчера...
Нет у нас ни завтра, ни сегодня.
Рухнула незримая гора,
Совершилась заповедь Господня.

27 июля 1964 (днем). Комарово

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В РИМЕ

Заключенье не бывшего цикла
Часто сердцу труднее всего,
Я от многого в жизни отвыкла,
Мне не нужно почти ничего, —

Для меня комаровские сосны
На своих языках говорят
И совсем как отдельные весны
В лужах, выпивших небо, — стоят.

24 декабря 1964. В Сочельник

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ДНЕВНИКА (МЭЧЕЛЛИ)

Мы по ошибке встретили год —
Это не тот, не тот, не тот...
Что мы наделали, Боже, с тобой,
С кем еще мы поменялись судьбой?

Лучше б нас не было на земле,
Лучше б мы были в небесном кремле,
Летали, как птицы, цвели, как цветы,
Но все равно были — я и ты.

Декабрь 1964

(ИЗ ЦИКЛА «В ПУТИ»)

Совсем вдали висел какой-то мост.
И в темноте декабрьской, влажной, грязной
Предстала ты как будто во весь рост
Чудовищной, преступной, безобразной.
Во мраке та, а завтра расцветет
Венецией — сокровищницей мира —
Я крикнула: «Бери все, твой черед,
Мне больше не нужны ни лавр, ни лира».

17 января 1965

А я иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник — только тень,
Где веет ветер из глухого сада,
А под ногой могильная сирень.

196<5>

МУЗЫКЕ

Ты одна разрыть умеешь
То, что так погребено,
То томишься, стонешь, млеешь
И потом похолодеешь
И летишь в окно.

1960-е годы

К МУЗЫКЕ

Стала я, как в те года, бессонной,
Ночь не отличаю ото дня,
Неужели у тебя — бездонной
Нет утешенья для меня?

1964

МУЗЫКА

Сама себя чудовищно рождая,
Собой любуясь и собой давясь,
Не ты ль, увы, единственная связь
Добра и зла, земных низин и рая?
Мне кажется, что ты всегда у края.

1965

А как музыка зазвучала
И очнулась вокруг зима,
Стало ясно, что у причала
Государыня-смерть сама.

Конец 1965 — январь 1966

ПОЭМЫ

РЕКВИЕМ

Нет, и не под чуждым небосводом
И не под защитой чуждых крыл,
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

1961

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

*1 апреля 1957
Ленинград*

ПОСВЯЩЕНИЕ

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат —
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались, как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна.
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге?
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный свой привет.

Март 1940

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад,
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.

I

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть! —
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

*Осень 1935
Москва*

II

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.

Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна,

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

1938

III

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь.

<Осень> 1939

IV

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей —
Как трехсотая, с передачей,
Под Крестами будешь стоять
И свою слезою горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука — а сколько там
Неповинных жизней кончается...

1938

V

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кафельный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

<Осень> 1939

VI

Легкие летят недели,
Что случилось, не пойму.
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они теперь глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.

<Осень> 1939

VII. ПРИГОВОР

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить. —

А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

22 июня 1939
Фонтанный Дом

VIII. К СМЕРТИ

Ты все равно придешь — зачем же не теперь?
Я жду тебя — мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом,
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, —
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застигает.

*19 августа 1939
Фонтанный Дом*

IX

Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином
И манит в черную долину.

И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.

И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрашивай его
И как ни докучай мольбою):

Ни сына страшные глаза —
Окаменелое страданье, —
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,

Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук —
Слова последних утешений.

4 мая 1940
Фонтанный Дом

Х. РАСПЯТИЕ

«Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи».

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А матери: «О, не рыдай Мене...»

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

1938–1940

ЭПИЛОГ

1

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.

<Осень 1939>

2

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что, красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Реквием

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,

Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условием — не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забить громохание черных марусь,

Забить, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век,
Как слезы, струится подтаявший снег,

И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

Март 1940

Фонтанный Дом

**Путем всея земли
(Китежанка)**

Состарился царь Давид, и настало ему
время отправляться путем всея земли.

Книга Царств

И Ангел поклялся живущим,
что времени больше не будет.

Апокалипсис

1

Прямо под ноги пулям,
Расталкивая года,
По январям и июлям
Я проберусь туда...
Никто не увидит ранку,
Крик не услышит мой,
Меня, китежанку,
Позвали домой.
И гнались за мною
Сто тысяч берез,
Стеклянной стеною
Струился мороз.
У давних пожарищ
Обугленный склад.
«Вот пропуск, товарищ,
Пустите назад...»
И призрак спокойно
Отводит штык.
Как пышно и знойно
Тот остров возник!
И красная глина,
И яблочный сад...
O salve, Regina! —
Пылает закат.
Тропиночка круто

Взбиралась, дрожа.
Мне надо кому-то
Здесь руку пожать...
Но хриплой шарманки
Не слушаю стон.
Не тот китежанке
Послышался звон.

2

Окопы, окопы, —
Заблудишься тут!
От старой Европы
Остался лоскут,
Где в облаке дыма
Горят города...
И вот уже Крыма
Темнеет гряда.
Я плакальщиц стаю
Веду за собой.
О, тихого края
Плащ голубой!..
Над мертвой медузой
Смущенно стою;
Здесь встретилась с Музой,
Ей клятву даю.
Но громко смеется,
Не верит: «Тебе ль?»
По капелькам льется
Душистый апрель.
И вот уже славы
Высокий порог,
Но голос лукавый
Предостерег:
«Сюда ты вернешься,
Вернешься не раз,
Но снова споткнешься
О крепкий алмаз.
Ты лучше бы мимо,
Ты лучше б назад,

Хулима, хвалима,
В отеческий сад».

3

Вечерней порою
Сгущается мгла.
Пусть Гофман со мною
Дойдет до угла.
Он знает, как гулок
Задушенный крик
И чей в переулок
Забрался двойник.
Ведь это не шутки,
Что двадцать пять лет
Мне видится жуткий
Один силуэт.
В какой бы кровати
И где б ни спала,
Из страшных объятий
Вставала бела...
«Так, значит, направо?
Вот здесь, за углом?
Спасибо!» — Канава
И маленький дом.
Не знала, что месяц
Во все посвящён.
С веревочных лестниц
Срывается он,
Спокойно обходит
Покинутый дом,
Где ночь на исходе
За круглым столом
Гляделась в обломок
Разбитых зеркал
И в груди потемок
Зарезанный спал.

4

Чистейшего звука
Высокая власть,

Как будто разлука
Натешилась всласть.
Знакомые зданья
Из смерти глядят —
И будет свиданье
Печальней стократ
Всего, что когда-то
Случилось со мной...
Столицей распятой
Иду я домой.

5

Черемуха мимо
Прокралась, как сон,
И кто-то «Цусима!»
Сказал в телефон.
Скорее, скорее —
Кончается срок:
«Варяг» и «Кореец»
Пошли на восток...
Там ласточкой реет
Старая боль...
А дальше темнеет
Форт Шаброль,
Как прошлого века
Разрушенный склеп,
Где старый калека
Оглох и ослеп.
Суровы и хмуры,
Его сторожат
С винтовками буры.
«Назад, назад!!»

6

Великую зиму
Я долго ждала,
Как белую схиму
Ее приняла.
И в легкие сани

Спокойно сажусь...
Я к вам, китежане,
До ночи вернусь,
За древней стоянкой
Один переход...
Теперь с китежанкой
Никто не пойдет,
Ни брат, ни соседка,
Ни первый жених, —
Лишь хвойная ветка
Да солнечный стих,
Оброненный нищим
И поднятый мной...
В последнем жилище
Меня упокой.

10–12 марта 1940
Фонтанный Дом

Поэма без Героя

Сочинение
АННЫ АХМАТОВОЙ

Deus conservat omnia
(Девиз в гербе Дома,
в котором я жила,
когда начала писать Поэму)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Иных уж нет, а те далече.

Пушкин

Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 г., прислав, как вестника, еще осенью один небольшой отрывок («Ты в Россию пришла ниоткуда...»).

Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы.

Ее появлению предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.

В ту ночь я написала два куска первой части («1913») и «Посвящение». В начале января я почти неожиданно для себя написала «Решку», а в Ташкенте (в два приема) — «Эпилог», ставший третьей частью Поэмы, и сделала несколько существенных вставок в обе первые части.

Я посвящаю эту Поэму памяти ее первых слушателей — моих друзей и сограждан, погибших в Ленинграде во время осады.

Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю Поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи.

8 апреля 1943.

Ташкент.

До меня часто доходят слухи о превратных и нелепых толкованиях «Поэмы без Героя». И кто-то даже советует мне сделать Поэму более понятной.

Я воздержусь от этого.

Никаких третьих, седьмых и двадцать девярых смыслов Поэма не содержит.

Ни изменять ее, ни объяснять я не буду.

«Еже писахъ — писахъ».

Ноябрь 1944.

Ленинград.

27 декабря 1940
ПОСВЯЩЕНИЕ

.....
...а так как мне бумаги не хватило,
я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
и, как тогда снежинка на руке,
доверчиво и без упрёка тает.
И темные ресницы Антиноя¹⁾
вдруг поднялись — и там зеленый дым,
и ветерком повеяло родным...
Не море ли?

Нет, это только хвоя
могильная, и в накипаньи пен
все ближе, ближе...

Marche funèbre...

Шопен...

*Ночь.
Фонтанный Дом.*

ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

О. С.

Ты ли, Пуганица-Психея²⁾,
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной,
Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала Лету
И иною дышишь весной.
Не диктуй мне, сама я слышу:
Теплый ливень уперся в крышу,
Шепоточек слышу в плюще.
Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился, старался
Завтра в новом блеснуть плаще.
Сплю —
она одна надо мною, —
Ту, что люди зовут весной,
Одиночеством я зову.
Сплю —
мне снится молодость наша,
Та, ЕГО миновавшая чаша;
Я ее тебе наяву,
Если хочешь, отдам на память,
Словно в глине чистое пламя
Иль подснежник в могильном рву.

25 мая 1945.
Фонтанный Дом.

ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ
(Le jour des Rois)³⁾

Раз в Крещенский вечерок...

Жуковский

Полно мне леденеть от страха,
лучше кликну Чакону Баха,
а за ней войдет человек,
он не станет мне милым мужем,
но мы с ним такое заслужим,
что смутится Двадцатый Век.

Я его приняла случайно
за того, кто дарован тайной,
с кем горчайшее суждено,
он ко мне во дворец Фонтанный
опоздает ночью туманной
новогоднее пить вино.

И запомнит Крещенский вечер,
клен в окне, венчальные свечи
и Поэмы смертный полет...

Но не первую ветвь сирени,
не кольцо, не сладость молений —
он погибель мне принесет.

1956 5 января.

ВСТУПЛЕНИЕ

ИЗ ГОДА Сорокового,
КАК С БАШНИ, НА ВСЕ ГЛЯЖУ.
КАК БУДТО ПРОЩАЮСЬ СНОВА
С ТЕМ, С ЧЕМ ДАВНО ПРОСТИЛАСЬ,
КАК БУДТО ПЕРЕКРЕСТИЛАСЬ
И ПОД ТЕМНЫЕ СВОДЫ СХОЖУ.

25 августа 1941.

Осажденный Ленинград.

Часть первая
ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД
Петербургская повесть

*Di rider finirai
Pris dell'aurora.
Don Giovanni*

Глава Первая

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз...

«Четки»

С Татьяной нам не ворожить...

«Онегин»

Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору, вместо того, кого ждали, приходят тени тринадцатого года под видом ряженых. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление — «Гость из Будущего». Маскарад. Поэт. Призрак.

Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер,
И с тобой, ко мне не пришедшим,
Сорок первый встречаю год.
Но...

Господняя сила с нами!
В хрустале утонуло пламя,
«И вино, как отравы, жжет» *.
Это всплески жесткой беседы,
Когда все воскресают бреды,
А часы все еще не бьют...
Нет меры моей тревоге,
Я сама, как тень на пороге,
Стерегу последний уют.
И я слышу звонок протяжный,
И я чувствую холод влажный,
Каменею, стыну, горю...
И, как будто припомнив что-то,
Повернувшись «в пол-оборота»,
Тихим голосом говорю:
«Вы ошиблись: Венеция дождей —
Это рядом... Но маски в прихожей,

* Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжет?
(«Новогодняя баллада», 1923).

И плащи, и жезлы, и венцы
Вам сегодня придется оставить.
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы!»
Этот Фаустом, тот Дон Жуаном,
Дапертутто⁴⁾, Иоканааном⁵⁾,
Самый скромный — северным Гланом
Иль убийцею Дорианом,
И все шепчут своим дианам
Твердо выученный урок.
А для них расступились стены,
Вспыхнул свет, завыли сирены,
И как купол вспух потолок.
Я не то что боюсь огласки...
Что мне Гамлетовы подвязки,
Что мне вихрь Саломеиной пляски,
Что мне поступь Железной Маски,
Я еще пожелезней тех...
И чья очередь испугаться,
Отшатнуться, отпрянуть, сдаться
И замаливать давний грех?
Ясно все:
не ко мне, так к кому же? *
Не для них здесь готовился ужин,
И не им со мной по пути.
Хвост запрятал под фалды фрака...
Как он хром и изящен...
Однако
Я надеюсь, Владыку Мрака
Вы не смели сюда ввести?
Маска это, череп, лицо ли —
Выражение злобной боли,
Что лишь Гойя смел передать.
Общий баловень и насмешник —
Перед ним самый смрадный грешник —
Воплощенная благодать...
Веселиться — так веселиться,
Только как же могло случиться,

* Три «к» выражают замешательство автора.

Что одна я из них жива?
Завтра утро меня разбудит,
И никто меня не осудит,
И в лицо мне смеяться будет
Закононая синева.
Но мне страшно: войду сама я,
Кружевную шаль не снимая,
Улыбнусь всем и замолчу.
С той, какую была когда-то,
В ожерелье черных агатов,
До долины Иосафата⁶⁾
Снова встретиться не хочу...
Не последние ль близки сроки?..
Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки! —
Но меня не забыли вы.
Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет —
Страшный праздник мертвой листвы.

Б *Звук шагов, тех, которых нету,*
Е *По сияющему паркету*
Л *И сигары синий дымок.*
Ы *И во всех зеркалах отразился*
Й *Человек, что не появился*
 И проникнуть в тот зал не мог.
З *Он не лучше других и не хуже,*
А *Но не веет летеиской стужей,*
Л *И в руке его теплота.*
 Гость из будущего! — Неужели
 Он придет ко мне в самом деле,
 Повернув налево с моста?

С детства ряженных я боялась,
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них «без лица и названья»
Затесалась...
 Откроем собрание
В новогодний торжественный день!
Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану

Словно каждый нашел по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с черной рамой,
Из которой глядит тот самый,
Ставший наигорчайшей драмой
И еще не оплаканный час?

*Это все наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шепот: «Прощай! Пора!
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь моей вдовою,
Ты — Голубка, солнце, сестра!»
На площадке две слитые тени...
После — лестницы плоской ступени,
Вопль: «Не надо!» — и в отдаленьи
Чистый голос:
«Я к смерти готов».*

Факелы гаснут, потолок опускается. Белый (зеркальный) зал снова делается комнатой автора. Слова из мрака:

Смерти нет — это всем известно,
Повторять это стало пресно,
А что есть — пусть расскажут мне.
Кто стучится?
Ведь всех впустили.
Это гость зазеркальный? Или
То, что вдруг мелькнуло в окне...
Шутки ль месяца молодого,
Или вправду там кто-то снова
Между печкой и шкафом стоит?
Бледен лоб, и глаза открыты...
Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит...
Вздор, вздор, вздор! — От такого вздора
Я седую сделаюсь скоро
Или стану совсем другой.
Что ты манишь меня рукою?

*За одну минуту покоя
Я посмертный отдам покой.*

ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДКУ *Интермедия*

«Уверяю, это не ново...
Вы дитя, синьор Казанова...»
«На Исакьевской ровно в шесть...»
«Как-нибудь побредем по мраку,
Мы отсюда еще в „Собаку“...»¹¹⁾
«Вы отсюда куда?» —
«Бог весть!»

Санчо Пансы и Дон Кихоты
И, увы, содомские Лоты¹²⁾
Смертоносный пробуют сок,
Афродиты возникли из пены,
Шевельнулись в стекле Елены,
И безумья близится срок.
И опять из Фонтанного Грота¹³⁾,
Где любовная стонет дремота,
Через призрачные ворота
И мохнатый, и рыжий кто-то
Козлоногую приволок.

Всех наряднее и всех выше,
Хоть не видит она и не слышит —
Не клянет, не молит, не дышит,
Голова madame de Lamballe,
А смиренница и красotka,
Ты, что козью пляшешь чечетку,
Снова гулишь томно и кротко:
«Que me veut mon Prince Carnaval?»

И в то же время в глубине залы¹⁴⁾, сцены, ада или на вершине гетевского Брокена появляется Она же (а может быть — ее тень):

Как копытца, топочут сапожки,
Как бубенчик, звенят сережки,

В бледных локонах злые рожки,
Окаянной пляской пьяна, —
Словно с вазы чернофигурной
Прибежала к волне лазурной
Так парадно обнажена.
А за ней в шинели и в каске
Ты, вошедший сюда без маски,
Ты, Иванушка древней сказки,
Что тебя сегодня томит?
Сколько горечи в каждом слове,
Сколько мрака в твоей любви,
И зачем эта струйка крови
Берedit лепесток ланит?

Глава Вторая

Ты сладострастней, ты телесней
Живых — блистательная тень!

Баратынский

Спальня Героини. Горит восковая свеча. Над кроватью три портрета хозяйки дома в ролях. Справа — она Козлоногая, посередине — Путаница, слева — портрет в тени. Одним кажется, что это Коломбина, другим — Донна Анна (из «Шагов Командора»). За мансардным окном арапчата играют в снежки. Мятель. Новогодняя полночь. Путаница оживает, сходит с портрета, и ей чудится голос, который читает:

«Распахнулась атласная шубка!
Не сердись на меня, Голубка,
Что коснулась и этого кубка:
Не тебя, а себя казню.
Все равно подходит расплата —
Видишь там, за вьюгой крупчатой
Мейерхольдовы арапчата
Затевают опять возню?
А вокруг старый город Питер,
Что народу бока повытер
(Как тогда народ говорил), —
В гривах, в сбруях, в мучных обозах,
В размалеванных чайных розах
И под тучей вороньих крыл.
Но летит, улыбаясь мнимо,
Над Маринскою сценой ргіта,
Ты — наш лебедь непостижимый, —
И острит опоздавший сноб.
Звук оркестра, как с того света
(Тень чего-то мелькнула где-то),
Не предчувствием ли рассвета
По рядам пробежал озноб?
И опять тот голос знакомый,

Будто эхо горного грома, —
Наша слава и торжество!
Он сердца наполняет дрожью
И несется по бездорожью
Над страной, вскормившей его.
Сучья в иссиня-белом снеге...
Коридор Петровских Коллегий¹⁵⁾
Бесконечен, гулок и прям
(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто нынче проходит там).
До смешного близка развязка;
Из-за ширм Петрушкина маска¹⁶⁾,
Вкруг костров кучерская пляска,
Над дворцом черно-желтый стяг...
Все уже на местах, кто надо,
Пятым актом из Летнего Сада
Веет... Призрак цусимского ада
Тут же. — Пьяный поет моряк...

Как парадно звенят полозья,
И волочится полость козья...
Мимо, тени! — Он там один.
На стене его твердый профиль.
Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице:
Плоть, почти что ставшая духом,
И античный локон над ухом —
Все таинственно в пришлеце.
Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале,
Или все это было сном?
С мертвым сердцем и с мертвым взором,
Он ли встретится с Командором,
В тот пробравшись проклятый дом?
И его поведано словом,
Как вы были в пространстве новом,
Как вне времени были вы, —

И в каких хрусталях полярных,
И в каких сияньях янтарных —
Там, у устья Леты-Невы.
Ты сбежала сюда с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать.
Так плясать тебе — без партнера!
Я же роль рокового хора
На себя согласна принять.

*(На щеках твоих алые пятна;
Шла бы ты в полотно обратно;
Ведь сегодня такая ночь,
Когда нужно платить по счету...
А дурманящую дремоту
Мне трудней, чем смерть, превозмочь.)*

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко:
Петербургская кукла, актерка,
Ты — один из моих двойников.
К прочим титулам надо и этот
Приписать. О подруга поэтов,
Я наследница славы твоей.
Здесь под музыку дивного мэтра,
Ленинградского дикого ветра,
И в тени заповедного кедра
Вижу танец придворных костей...
Оплавают венчалные свечи,
Под фатой „поцелуйные плечи“,
Храм гремит: „Голубица, гряди!“¹⁷⁾
Горы пармских фиалок в апреле —
И свиданье в Мальтийской Капелле¹⁸⁾
Как проклятье в твоей груди.
Золотого ль века виденье
Или черное преступленье
В грозном хаосе давних дней?
Мне ответь хоть теперь:
неужели

Ты когда-то жила в самом деле
И топтала торцы площадей
Ослепительной ножкой своей?..

Дом пестрей комедьянтской фуры,
Облупившиеся амурсы
Охраняют Венерин алтарь.
Певчих птиц не сажала в клетку,
Спальню ты убрала как беседку,
Деревенскую девку-соседку
Не узнает веселый скобарь¹⁹⁾.
В стенах лесенки скрыты витые,
А на стенах лазурных святые —
Полукрадено это добро...
Вся в цветах, как „Весна“ Боттичелли,
Ты друзей принимала в постели,
И томился драгунский Пьеро, —
Всех влюбленных в тебя суеверней
Тот, с улыбкой жертвы вечерней,
Ты ему как стали — магнит,
Побледнев, он глядит сквозь слезы,
Как тебе протянули розы
И как враг его знаменит.
Твоего я не видела мужа,
Я, к стеклу приникавшая стужа...
Вот он, бой крепостных часов...
Ты не бойся — дома не мечу,
Выходи ко мне смело навстречу —
Гороскоп твой давно готов...»

Глава Третья

И под аркой на Галерной.

А. Ахматова

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем.

О. Мандельштам

То был последний год...

М. Лозинский

Петербург 1913 года. Лирическое отступление: последнее воспоминание о Царском Селе. Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет:

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,
По Неве иль против течения, —
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
Оттого, что по всем дорогам,
Оттого, что ко всем порогам
Приближалась медленно тень,
Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на крыше
И кладбищем пахла сирень.
И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман.
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка,
Как пред казнью, бил барабан...
И всегда в духоте морозной,

Поэма без Героя

Предвоенной блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул,
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах Невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется, и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

*А теперь бы домой скорее,
Камероновой Галереей
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять* мне будут рады,
Как бывал ты когда-то рад.
Там за островом, там за садом
Разве мы не встретимся взглядом
Наших прежних ясных очей,
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть слово
И разгадку жизни моей?*

* Музы.

Глава Четвертая и последняя

Любовь прошла, и стали ясны
И близки смертные черты.

Вс. К.

Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале XIX века братьями Адамины. В него будет прямое попадание авиабомбы в 1942 г. Горит высокий костер. Слышны удары колокольного звона от Спаса на Крови. На Поле за мятелью призрак дворцового бала. В промежутки между этими звуками говорит сама Тишина:

Кто застыл у померкших окон,
На чьем сердце «палевый локон»,
У кого пред глазами тьма? —
«Помогите, еще не поздно!»
Никогда ты такой морозной
И чужою, ночь, не была!
Ветер, полный балтийской соли,
Бал метелей на Марсовом Поле
И невидимых звон копыт...
И безмерная в том тревога,
Кому жить осталось немного,
Кто лишь смерти просит у Бога
И кто будет навек забыт.
Он за полночь под окнами бродит,
На него беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь, —
И дождался он. Стройная маска
На обратном «Пути из Дамаска»
Возвратилась домой... не одна!
Кто-то с ней «без лица и названья»...
Недвусмысленное расставанье
Сквозь косое пламя костра
Он увидел. Рухнули зданья...
И в ответ обрывок рыданья:
«Ты — Голубка, солнце, сестра! —

Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь м о е й вдовою,
А теперь...
Прощаться пора!»
На площадке пахнет духами,
И драгунский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди
Позвонит, если смелости хватит...
Он мгновенье последнее тратит,
Чтобы славить тебя.

Гляди:
Не в проклятых Мазурских болотах,
Не на синих Карпатских высотах...
Он — на твой порог!
Поперек.
Да простит тебя Бог!

*(Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик: он выбрал эту, —
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид...)*

Это я — твоя старая совесть —
Разыскала сожженную повесть
И на край подоконника
В доме покойника
положила —
и на цыпочках ушла...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВСЕ В ПОРЯДКЕ: ЛЕЖИТ ПОЭМА
И, КАК СВОЙСТВЕННО ЕЙ, МОЛЧИТ.
НУ, А ВДРУГ КАК ВЫРВЕТСЯ ТЕМА,
КУЛАКОМ В ОКНО ЗАСТУЧИТ, –
И ОТКЛИКНЕТСЯ ИЗДАЛЕКА
НА ПРИЗЫВ ЭТОТ СТРАШНЫЙ ЗВУК –
КЛОКОТАНИЕ, СТОН И КЛЕКОТ,
И ВИДЕНЬЕ СКРЕЩЕННЫХ РУК?..

Часть вторая

РЕШКА

*...я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость.
Пушкин*

*In my beginning is my end.
Девиз Марии Шотландской*

Место действия — Фонтанный Дом. Время — начало 1941 г. В окне призрак оснеженного клена. Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года, разбудив безмолвие великой молчалиницы-эпохи и оставив за собою тот свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок — дым факелов, цветы на полу, навсегда потерянные священные сувениры. В печной трубе воет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема. О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать.

...жасминный куст,
Где Данте шел и воздух пуст.
Н. К.

I

Мой редактор был недоволен,
Клялся мне, что занят и болен,
Засекретил свой телефон
И ворчал: «Там три темы сразу!
Дочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен,

II

Кто, когда и зачем встречался,
Кто погиб, и кто жить остался,
И кто автор, и кто герой, —
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой?»

III

Я ответила: «Там их трое —
Главный был наряжен верстою,
А другой как демон одет, —
Чтоб они столетьям достались,
Их стихи за них постарались,
Третий прожил лишь двадцать лет,

IV

И мне жалко его». И снова
Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел,
И над тем флаконом надбитым
Языком кривым и сердитым
Яд неведомый пламенел.

V

А во сне все казалось, что это
Я пишу для кого-то либретто*,
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон — это тоже вещица,
Soft embalmer, Синяя птица,
Эльсинорских террас парапет.

VI

И сама я была не рада,
Этой адской арлекинады
Издавека заслышав вой.
Все надеялась я, что мимо
Белой залы, как хлопья дыма,
Пронесется сквозь сумрак хвой.

VII

Не отбиться от рухляди пестрой,
Это старый чудит Калиостро —
Сам изящнейший сатана,
Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она.

VIII

Карнавальная полночью римской
И не пахнет. Напев Херувимской
У закрытых церквей дрожит.

* Было: Я пишу для х х х либретто

В дверь мою никто не стучится,
Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

IX

И со мною моя «Седьмая»*,
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он черной замазан краской
И сухою землей набит.

X

Враг пытал: «А ну, Расскажи-ка!»
Но ни слова, ни стопа, ни крика
Не услышать ее врагу.
И проходят десятилетия,
Пытки, ссылки и смерти. Петь я
В этом ужасе не могу.

XI

Ты спроси у моих современниц,
Каторжанок, стопятниц, пленниц,
И тебе порасскажем мы,
Как в беспамятном жили страхе,
Как растили детей для плахи,
Для застенка и для тюрьмы.

XII

Посинелые стиснув губы,
Обезумевшие Гекубы
И Кассандры из Чухломы,
Загремим мы безмолвным хором,
Мы — увенчанные позором:
«По ту сторону ада — мы».

* Седьмая Ленинградская элегия автора (Примеч. переводчика?!)

XIII

Торжествами гражданской смерти
Я по горло сыта. — Поверьте,
Вижу их, что ни ночь, во сне.
Отлученною быть от ложа
И стола — пустяки! но негоже
То терпеть, что досталось мне.

XIV

Я ль растаю в казенном гимне?
Не дари, не дари, не дари мне
Диадему с мертвого лба.
Скоро мне нужна будет лира,
Но Софокла уже, не Шекспира.
На пороге стоит — Судьба.

XV

И была для меня та тема
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Между «помнить» и «вспомнить», други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут²⁰.

XVI

Бес попутал в укладке рыться...
Ну а как же могло случиться,
Что во всем виновата я?
Я — тишайшая, я — простая,
«Подорожник», «Белая стая»...
Оправдаться... но как, друзья?

XVII

Так и знай: обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
Впрочем, это мне все равно.

Я согласна на неудачу
И смущенье свое не прячу...
У шкатулки ж тройное дно.

XVIII

Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила...
Я зеркальным письмом пишу,
И другой мне дороги нету —
Чудом я набрела на эту
И расстаться с ней не спешу,

XIX

Чтоб посланец давнего века
Из заветнейших снов Эль Греко
Объяснил мне совсем без слов,
А одной улыбкою летней,
Что была я ему запретней
Всех семи смертельных грехов,

XX

И тогда из грядущего века
Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза,
Чтобы он отлетающей тени
Дал охапку мокрой сирени
В час, как эта минет гроза.

XXI

А столетняя чаровница
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем.
Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-за строчек
И брюлловским манит плечом.

XXII

Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой:
Я грозила ей Звездной Палатой²¹⁾
И гнала на родной чердак —

XXIII

В темноту, под Манфредовы ели
И на берег, где мертвый Шелли,
Прямо в небо глядя, лежал, —
И все жаворонки всего мира²²⁾
Разрывали бездну эфира,
И факел Георг держал²³⁾.

XXIV

Но она твердила упрямо:
«Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль²⁴⁾,
Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам Июль.

XXV

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу.
Мы с тобой еще попируем,
И я царским моим поцелуем
Злую полночь твою награжу».

5 января 1941.
Фонтанный Дом,
в Ташкенте
и
после.

Часть третья

ЭПИЛОГ

Быть пусту месту сему...

?

*Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.*

Анненский

Люблю тебя, Петра творенье.

Пушкин

Моему Городу

Белая ночь 24 июня 1942 г. Город в развалинах. От Гавани до Смольного видно все как на ладони. Кое-где догорают застарелые пожары. В Шереметевском Саду цветут липы и поет соловей. Одно окно третьего этажа (перед которым увечный клен) выбито, и за ним зияет черная пустота. В стороне Кронштадта ухают тяжелые орудия. Но в общем тихо. Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит:

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей, —
Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей,
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую, черную руку,
Как за помощью, тянет он.
Но земля под ногой гудела,
И такая звезда глядела*
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука...
Это где-то там — у Тобрука,
Это где-то здесь — за углом.
(Ты не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней,

* Марс летом 1941 г.

Мне какую готовишь месть?
Ты не выпьешь, только пригубишь
Эту горечь из самой глубины —
Этой нашей разлуки весть.
Не клади мне руку на темя —
Пусть навек остановится время
На тобою данных часах.
Нас несчастье не минует,
И кукушка не закукует
В опаленных наших лесах...)

*А за проволокой колючей,
В самом сердце тайги дремучей
Я не знаю, который год,
Ставший горстью «лагерной пыли»,
Ставший сказкой из страшной были,
Мой двойник на допрос идет.
А потом он идет с допроса,
Двум посланцам Девки Безносой
Суждено охранять его.
И я слышу даже отсюда —
Неужели это не чудо! —
Звуки голоса своего:
За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом,
Ни налево, ни направо
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела.*

А не ставший моей могилой,
Ты, крамольный, опальный, милый,
Побледнел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах,
Где со мною мой друг бродил,

И на старом Волковом Поле,²⁵⁾
Где могу я рыдать на воле
Над безмолвием братских могил.
Все, что сказано в Первой Части
О любви, измене и страсти,
Сбросил с крыльев свободный стих,
И стоит мой Город «зашитый»...
Тяжелы надгробные плиты
На бессонных очах твоих.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там погибать остался
В блеске шпилей, в отблеске вод.
Не дождался желанных вестниц...
Над тобой — лишь твоих престелниц,
Белых ноченок хоровод.
А веселое слово — дома —
Никому теперь не знакомо,
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте, а кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький —
Как отравленное вино.
Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась
И над полным врагами лесом,
Словно та, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась...
И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И «Quo vadis?» кто-то сказал,
Но не дал шевельнуть устами,
Как тоннелями и мостами
Загремел сумасшедший Урал.
И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли,
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской Земли.
От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом

Анна Ахматова

И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток*.

*Окончено в Ташкенте
18 августа 1942.*

* Раньше поэма кончалась так:

А за мною, тайной сверкая ²⁶⁾
И назвавши себя «Седьмая»,
На неслыханный мчалась пир,
Притворившись нотной тетрадкой,
Знаменитая ленинградка
Возвращалась в родной эфир.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

1. Антиной — античный красавец.
2. «Ты ли, Путаница-Психея...» — героиня одноименной пьесы Юрия Беляева.
3. Le jour de Rois — канун Крещения 5 января.
4. Дапертутто — псевдоним Всеволода Мейерхольда.
5. Иоканаан — святой Иоанн Креститель.
6. Долина Иосафата — предполагаемое место Страшного Суда.
7. Лизиска — псевдоним императрицы Мессалины в римских притонах.
8. Мамврийский дуб — см. Книгу Бытия.
9. Хаммураби, Ликург, Солон — законодатели.
10. Ковчег Завета — библ. (Книга Царств).
11. «Собака» — «Бродячая собака», артистическое кабаре десятилетиях годов (1912—1914 до войны) на Михайловской площади.
12. Содомские Лоты — см. «Бытие».
13. Фонтанный Грот — построен в 1757 г. Аргуновым в саду Шереметевского Дома на Фонтанке (так называемый Фонтанный Дом).
14. Зал — Белый зеркальный зал (работы Кваренги) в Фонтанном Доме через площадку от квартиры автора.
15. Коридор Петровских Коллегий — коридор Петербургского университета.
16. Петрушкина маска — «Петрушка», балет Стравинского.
17. «Голубица, гряди!» — церковное песнопение. Пели, когда невеста ступала на ковер в храме.
18. Мальтийская Капелла — построена по проекту Кваренги (с 1798 г. до 1800 г.) во внутреннем дворе Воронцовского дворца, в котором помещался Пажеский Корпус.
19. Скобарь — обидное прозвище псковичей.

20. Баута — маска с капюшоном (итал.).

21. Звездная палата (англ.) — тайное судилище, которое помещалось в зале, где на потолке было изображено звездное небо.

22. См. знаменитое стихотворение Шелли «To the Skylark» («К жаворонку»).

23. Георг — лорд Байрон.

24. Клара Газуль — псевдоним Мериме.

25. Волково Поле — старое название Волкова кладбища.

26. «Седьмая» — Ленинградская симфония Шостаковича. Первую часть этой симфонии автор вывез на самолете из осажденного города 29 сентября 1941 г.

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ
ПРОЗА**

PRO DOMO MEA

<...> Всякая попытка связных мемуаров — это — фальшивка. Ни одна человеческая память не устроена так, чтобы помнить все подряд. <...> Самовольное введение прямой речи следует признать деянием уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью переключивается в почтенные литературоведческие работы и биографии. Непрерывность тоже обман. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать. <...> Итак, пусть это будет несколько вспышек памяти.

<...> Биографию я принималась писать несколько раз, но, как говорится, с переменным успехом. Последний раз это было в 1946 г. Ее единственным читателем оказался следователь, кот<орый> пришел арестовать моего сына, а заодно сделал обыск и в моей комнате (6 ноября 1949). На другой день я сожгла рукопись вместе со всем моим архивом. Она, насколько помню, была не очень подробной, но там были мои впечатления 1944 года — «Послеблокадный Ленинград», «Три сирени» — о Царском Селе и описание поездки в конце июля в Териоки — на фронт, чтобы читать стихи бойцам. А также «Царь-Гриб» (Гунгербург, 1895), «Мишка — будка, морда — окошко» (Киев, 1893). Их мне теперь трудно восстановить. Остальное же настолько окаменело в памяти, что исчезнет только со мною вместе.

<...> В первый раз я стала писать свою биографию, когда мне было 11 лет, в разлинованной красным маминой книжке для записывания хозяйственных расходов (1901 г.). Когда я показала свои записи старшим, они сказали, что я помню себя чуть не двухлетним ребенком (Павловский парк, щенок Ральф и т. п.).

<...> Говорить о детстве и легко и трудно. Благодаря его статичности* его очень легко описывать, но в это описание слишком часто проникает слащавость, кот<орая> совершенно чужда такому важному и глубокому периоду жизни, как детство. Кроме того, одним хочется казаться слишком несчастными в детстве, другим слишком счастливыми. И то и другое обычно вздор. Детям не с чем сравнивать, и они просто не знают, счастливы они или несчастливы.

<...> Как только появляется сознание, человек попадает в совершенно готовый и неподвижный мир и самое естественное не верить, что этот мир некогда был иным. Эта первоначальная картина навсегда остается в душе человека, и существуют люди, которые только в нее и верят, кое-как скрывая эту странность. Другие же, наоборот, совсем не верят в подлинность этой картины и тоже довольно нелепо повторяют: «Разве это был я».

<...> Мое детство так же уникально и великолепно, как детство всех остальных детей в мире: с страшными отсветами в какую-то несуществующую глубину, с величавыми предсказаниями, которые все же как-то сбывались или, представьте себе, — не сбывались, с мгновеньями, которым было суждено сопровождать меня всю жизнь, с уверенностью, что я не то, за что меня выдают, что у меня есть еще какое-то тайное существование и цель.

<...> В молодости и в зрелых годах человек очень редко вспоминает свое детство. Он — активный участник жизни, и ему не до того. И кажется, всегда так будет. Но где-то около 50 л<ет> все начало жизни возвращается к нему. Этим объясняются некоторые мои стихи 1940 г. («Ива», «Пятнадцатилетние руки...»), кот<орые>, как известно, вызвали неудовольствие С<тали>на и упреки в том, что я тянусь к прошлому. Если бы я родилась не в <18>89, а скажем, в 1910, меня бы никто не упрекал, что в 50-летнем возрасте я стала

* т. е. королева всегда Виктория. Римский папа — Лев XIIIый. Фотограф — Ган. Дирижер — Галкин (Павл<овский> Вокз<ал>) и т. д. и т. д.
(Я, конечно, сейчас говорю о своем детстве.)

бы вспоминать Окт<ябрьскую> рев<олюцию> или Гражданскую войну.

<...> Начало

Я родилась в один год с Чарли Чаплином, «Крейцеровой сонатой» Толстого, Гитлером и Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал 100-летие падения Бастилии — 1889, а в ночь моего рождения справлялась и справляется знаменитая древняя «Иванова ночь» — 23 июня. (Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой*. Ее мать была (чингизидкой) татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь быть русским поэтом, <я> сделала своим литературным именем.)

Родилась я на даче Саракини (Большой фонтан, 11-ая станция паровичка) около Одессы. Дачка эта (вернее, избушка) стояла в глубине очень узкого и идущего вниз участка земли — рядом с почтой. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю.

Когда мне было 15 лет и мы жили на даче в Лустдорфе, проезжая как-то мимо этого места, мама предложила мне сойти и посмотреть на дачу Саракини, которую я прежде не видела. Увидав избушку, я сказала: «Здесь когда-нибудь будет мемориальная доска». Я не была тщеславна. Это была просто глупая шутка. Мама огорчилась: «Боже, как я плохо тебя воспитала!» — сказала <она>.

<...> Год Эйфелевой башни, Крейцеровой сонаты, рождения Чаплина, Габриелы Мистраль, Элиота (?) был и годом моего рождения. В этот год Франция шумно праздновала столетие взятия Бастилии в добром старом 89 году XVIII века.

А родилась я, как и следовало ожидать, в Иванову ночь, 23/24 июня, но не стоит очень на этом настаивать.

В семье никто, сколько глаз видит кругом, стихи не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была теткой моего деда Эразма Ивановича Стогова. Стоговы были небогатые помещики Можайского уезда Московской губернии, переселенные туда при Марфе Посаднице. В Новгороде они были богаче и знатнее.

* Мотовиловых см. «Энциклопедический словарь».

Моего предка хана Ахмата убил ночью в его шатре подкупленный русский убийца, и этим, как повествует Карамзин, кончилось на Руси монгольское иго. В этот день, как память счастливого события, из Сретенского монастыря в Москве шел крестный ход (см. Карамзин, т. V, стр.?) (Дата?)

Этот Ахмат, как известно, был чингизидом.

Одна из княжон Ахматовых, Прасковья Егоровна, в XVIII в. вышла замуж за богатого и знатного симбирского помещика Мотовилова. Егор Мотовилов был моим прадедом. Его дочь, Анна Егоровна, — моя бабушка. Она умерла, когда маме было 9 л<ет>, и в честь ее меня назвали Анной. Из ее фероньерки сделали несколько перстней с бриллиантами и один с изумрудом, а ее наперсток я не могла надеть, хотя у меня были тонкие пальцы.

<...> Я родилась в Иванову ночь (европейскую) 1889 г., т. е. в один год с Чарли Чаплином, Эйфелевой башней, Крейцеровой сонатой, чилийкой Мистраль и т. п. Случилось это на берегу моря под Одессой (11 станция парового трамвая, Большой Фонтан). Когда я родилась, мой отец был отставным капитаном второго ранга (инженером-механиком) флота. Вскоре после рождения была перевезена на север. Сначала в Павловск, а затем в Царское Село, где с недолгими перерывами прожила до 16 лет. (Широкая, дом Шухардиной — описание.) Пяти лет, когда старших детей учили французскому языку, я от нечего делать выучилась болтать по-французски. Первые стихи, кот<орые> я узнала, были Державин и Некрасов. Первые воспоминания — Цар<скосельские> и Павл<овские> парки. <...> Много и подолгу жила у моря — Стрелецкая бухта около Херсонеса — и плавала... так, как полагается это делать всем приморским детям. <...> (Читать научилась очень поздно, кажется, семи лет (по азбуке Льва Толстого), но в восемь лет уже читала Тургенева.) Первая бессонная ночь — «Бр<атья> Карамазовы». <...>

Первое стихотворение я написала в Ц<арском> С<еле>, когда мне было 11 л<ет> (оно было чудовищным), но уже раньше отец называл меня почему-то «декадентской поэтессой». <...> В гимназии училась разно: в младших классах — плохо, в старших — хорошо. <...> Кончать мне пришлось (по-

тому что семья переехала на юг) уже не царскосельскую гимназию, а киевскую (Фундуклеевскую), в которой я училась всего один год. <...> Потом я два года училась на Киевских высших женских курсах (юридическое отделение).

Все это время (с довольно большими перерывами) я продолжала писать стихи, с неизвестной целью ставя над ними номера. Как курьез могу сообщить, что, судя по сохранившейся рукописи, «Песня последней встречи» — мое двухсотое стихотворение. Однако качество моих стихов до зимы 1910—11 г. было столь же плачевно, так что даже <...> влюбленный в меня без памяти Н. С. Гумилев не был в силах их хвалить.

<...> Дому было сто лет. Он принадлежал похожей на рысь купеческой вдове Евдокии Ивановне Шухардиной*, странными нарядами которой я любовалась в детстве. Стоял этот дом на углу Широкой ул<ицы> и Безымянного переулка (2-ой от вокзала). Говорили, что когда-то (до жел<езной> дор<оги>) в этом доме было нечто вроде трактира или заезжего двора при въезде в город. Я обрывала в моей желтой комнате обои (слой за слоем), и самый последний был диковинный — ярко-красный. «Вот эти обои были в том трактире сто лет тому назад», — думала я. В подвале жил сапожник Б. Неволин — теперь бы это был кадр историч<еского> фильма...

Этот дом памятнее мне всех домов на свете. В нем прошло мое детство (нижний эт<аж>) и ранняя юность (верхний). Мы уехали из него весной 1905 г. Тогда же он был перестроен и потерял свой старинный вид. Теперь его уже давно нет и на этом месте разведен привокзальный парк или что-то в этом роде. (Я последний раз была в Ц<арском> С<еле> в июне 1944.) (Нет и дачи Тура («Отрада» или «Новый Херсонес») — 3 версты от Севастополя, где с семи до 13 лет я жила каждое лето и заслужила прозвище «дикой девочки», нет и Слепнева <19>11—17 гг., от кот<орого> осталось только это слово под моими стихами в «Бел<ой>

* Недавно я прочла в книге сына Лескова, что в Петербурге на Литейной (ул. Пант<елеймоновская>) было трактирное заведение купца Шухардина, где встречались литераторы того времени <у Шухардина>. Не был ли этот Шухардин мужем нашей Ев<докии> Ив<ановны>?

Ст<ае>» и «Подорож<нике>», но вероятно, это в порядке вещей.)

Царское было зимой, (Мнимая биография)
Крым (дача Тура) — летом,

но убедить в этом никого невозможно, пот<ому> что все считают меня Украинкой. Во-первых, оттого, что фамилия моего отца Горенко, во-вторых, оттого, что я родилась в Одессе и кончила Фунд<уклеевскую> гимн<азию>, в-третьих, и главным образом потому, что Н. С. Гумилев написал:

Из города Киева
Из логова змиева
Я взял не жену, а колдунью... и т. д. (1910)

А в Киеве я жила меньше, чем в Ташкенте (1941—1944) во время эвакуации. Одну зиму, когда кончала Фунд<уклеевскую> гимназию, и две зимы, когда была на В<ысших> Ж<енских> К<урсах>. Но невнимание людей друг к другу не имеет предела. И читатель этой книги должен привыкать, что все было не так, не тогда и не там — как ему чудится. Страшно выговорить, но люди видят только то, что хотят видеть, и слышат только то, что хотят слышать, говорят «в основном» сами с собой и почти всегда отвечают себе сами, не слушая собеседника. На этом свойстве чел<овеческой> природы держится 90 % чудов<ищных> слухов, ложных репутаций, свято сбереженных сплетен. (Мы до сих пор храним змеиное шипение Полетики о Пушкине!!!) Несогласных со мной я только попрошу вспомнить то, что им пришлось слышать о самих себе.

<...> В 1905 мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Ц<арскому> С<елу> и писала великое множество стихов. Отзвуки Революции пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. <...>

<...> Непременно, 9 января и Цусима — потрясение на всю жизнь, и так как первое, то особенно страшное.

<...> В 1910 (25 апр<еля> ст<арого> стиля) я вышла замуж за Н. С. Гумилева, с кот<орым> я познакомилась в рож<де-

ственский> соч<ельник> 1903, и мы поехали на месяц в Париж. Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (кот<орую> описал Золя), и с тех пор длилась наша очень сложная и глубокая дружба.

<...> На Север я вернулась в июне 1910. Царское после Парижа показалось совсем мертвым. В этом нет ничего удивительного. Но куда за 5 л<ет> провалилась моя царскосельская жизнь! Я не застала там ни одной моей соученицы по гимназии. Я не переступила порог ни одного царскосельского дома. Началась новая петербургская жизнь. В сентябре Н. С. Гумилев уехал в Африку.

В зиму <19>10–11 г. я написала стихи, которые составили книгу «Вечер». 25 марта вернулся из Африки Н<иколай> С<тепанович>, и я прочла ему эти стихи. [Его] изумление и одобрение.

<...> В 1912 вышла моя первая книга «Вечер». В этом же году я провела с Н<иколаем> С<тепановичем> два месяца в Италии (Генуя – Пиза – Флоренция – Болонья – Падую – Венеция).

<...> В отношении Н<иколая> С<тепановича> к моим стихам тоже надо, наконец, внести ясность, потому что я до сих пор встречаю в печати (зарубежной) неверные и нелепые сведения. Так, Страховский пишет, что Гумилев считал мои стихи просто «временепровождением жены поэта», <...> что Г<умилев>, женившись на мне, стал учить меня писать стихи, но скоро ученица превзошла... и т. п. Все это сущий вздор! Стихи я писала с 11 лет совершенно независимо от Н<иколая> С<тепановича>, пока они были плохи, он, со свойственной ему неподкупностью и прямоотой, говорил мне это. Затем случилось следующее: я прочла (в брюлловском зале Русского музея) корректуру «Кипарисового ларца» (когда приезжала в Петербург в начале 1910 г.) и что-то поняла в поэзии. В сент<ябре> Н<иколай> С<тепанович> уехал на полгода в Африку, а я за это время написала то, что, примерно, стало моей книгой «Вечер». Я, конечно, читала эти стихи моим новым литературным знакомым. Маковский взял несколько в «Аполлон» и т. д. (см. «Аполлон», 1911 г., № 4, апрель). Когда 25 марта Н<иколай> С<тепанович> вернулся, он спросил меня, писала ли я стихи – я прочла ему все,

сделанное мною, и он по их поводу произнес те слова, от которых, по-видимому, никогда не отказался (см. его рецензию на сб<орник> «Арион»). Заодно в скобках <...> напоминаю, что я выходила замуж не за главу акмеизма, а за молодого поэта-символиста, автора книги «Жемчуга» и рецензии на стихотворные сборники («Письма о русской поэзии»). Акмеизм возник в конце 1911 г., в десятом году Гумилев был еще правоверным символистом.

<...> Вначале я действительно писала очень беспомощные стихи, что Н<иколай> С<тепанович> и не думал от меня скрывать. Он действительно советовал мне заняться каким-нибудь другим видом искусства, напр<имер>, танцами («Ты такая гибкая».) Осенью 1910 г. Гум<илев> уехал в Аддис-Абебу. Я осталась одна в гумилевском доме (Бульварная, д<ом> Георгиевского), как всегда, много читала, часто ездила в Петербург (главным образом к Вале Срезневской, тогда еще Тюльпановой), побывала и у мамы в Киеве, и сходила с ума от «Кипарисового ларца». Стихи шли ровной волной, до этого ничего похожего не было. Я искала, находила, теряла. Чувствовала (довольно смутно), что начинает удаваться. А тут и хвалить начали. А вы знаете, как умели хвалить на Парнасе серебряного века! На эти бешеные и бесстыдные похвалы я довольно кокетливо отвечала: «А вот моему мужу не нравится». Это запоминали, раздували, наконец, это попало в чьи-то мемуары, а через полв<ека> из этого возникла гадкая злая сплетня, преследующая «благородную цель» — изобразить Гумилева не то низким завистником, не то человеком, ничего не понимающим в поэзии. «Башня» ликовала. <...>

25 марта 1911 г. (Благовещенье ст<арого> стиля) Гумилев вернулся из своего путешествия в Африку (Аддис-Абеба). В нашей первой беседе он, между прочим, спросил меня: «А стихи ты писала?» Я, тайно ликуя, ответила: «Да». Он попросил почитать, прослушал несколько стихотворений и сказал: «Ты поэт — надо делать книгу». Вскоре были стихи в «Аполлоне» (1911, № 4, стр. <20—22>) <...>

По тогдашним правилам поведения ему совсем не подобало печатно хвалить стихи своей жены. Это теперь Арагон всех растлил, да и я бы этого не потерпела. Довольно того, что он сочувственно отозвался о «Четках» (1914, «Ап<оллон>», № <5>).

<...> С весны 1911 г. начала регулярно печататься в журналах («Аполлон», «Новая жизнь», «Gaudeamus» и т. д.). Была членом и секретарем (?) первого «Цеха поэтов» и одним из шести поэтов-акмеистов (седьмого никогда не было).

<...> «Цех поэтов» был задуман осенью 1911 г. в противовес «Академии Стиха», где царствовал Вяч<еслав> Иванов. Н<иколай> С<тепанович> до этого мало знал Городецкого, который вообще был гораздо старше нас всех и уже отведал и чулковского «мистического анархизма», и «соборности», как-то очень быстро вышел из моды, перестал быть «солнечным мальчиком» Сережей Городецким и искал очередной спасательный круг. Первое собрание Цеха (весьма пышное) с Блоком и французами было у Городецких, второе — у Ел<изаветы> Юр<ьевны> Кузьминой-Караваевой в Манежном переулке. В тот день я познакомилась с Лозинским.

Вскоре возникли беседы о необходимости отмежеваться от символизма, кот<орый>, кстати сказать, уже год тому назад (в 1910 г.) объявил себя в состоянии кризиса. В это время Н<иколай> С<тепанович> писал стихи, вошедшие в сборник «Чужое небо». Итак, своим первым акмеистическим сборником он считал «Чужое небо». «Жемчуга» появились весной 1910 г., т. е. задолго до начала разговоров о новом направлении.

<...> В 1912 вышла моя первая книга «Вечер». В этом же году я провела с Н<иколаем> С<тепановичем> два месяца в Италии (Генуя — Пиза — Флоренция — Болонья — Падуа — Венеция).

<...> Когда в 1910 г. люди встречали двадцатилетнюю жену Н. Г.<умилева>, бледную, темноволосую, очень стройную, с красивыми руками и бурбонским профилем, то едва ли приходило в голову, что у этого существа за плечами уже очень большая и страшная жизнь, что стихи <19>10–11 г. не начало, а продолжение.

<...> «В десятом году»

Всем, в особенности за границей, хочется, чтобы меня «открыл» Вячеслав Иванов. Кто отец этой легенды — не знаю.

М<ожет> б<ыть>, Пяст, который бывал на «<Б>ашне» (см. «Встречи»...).

А в самом деле было так: Н. С. Гумилев после нашего возвращения из Парижа (летом 1910 г.) повез меня к Вяч<еславу> Иванову, он действительно спросил меня, не пишу ли я стихи (мы были в комнате втроем), и я прочла: «И когда друг друга проклинали» (1909. Киевская тетрадь) и еще что-то (кажется: «Пришли и сказали»), и Вяч<еслав> очень равнодушно и [иронично] насмешливо [сказал] произнес: «Какой густой романтизм!» Я тогда до конца не поняла его иронии. Осенью Н<иколай> С<тепанович>, успев снискать вечную немилость Иванова рецензией на «Сог ardens» (см. «Аполлон» № ... и письмо Иванова к Гумилеву), уехал на полг<ода> в Африку, в Аддис-Абебу. Вяч<еслав> встретил меня на Раевских курсах, где он читал лекции, и пригласил на «Понедельники» (уже не «Среды»). Там я действительно несколько раз читала стихи, и он действительно их хвалил, но их тогда уже хвалили все (Толстой, Маковский, Чулков и т. п.), они <были> приняты в «Апол<лон>» и напечата<ны>, а тот же Иванов лицемерно посылал меня к З. Гиппиус. Александра Николаевна Чеботаревская увела меня в соседнюю комнату и сказала: «Не ходите к ней. Она злая и вас очень обидит». Я ответила: «А я и <не> собираюсь к ней идти». Кроме того, В<ячеслав> И<ванов> очень уговаривал меня бросить Г<умиле>ва. Помню его слова: «Этим вы его сделаете человеком». О том, как он tête-à-tête плакал над стихами, потом выводил в «салон» и там ругал довольно едко, я так часто и давно рассказыва<ю>, что скучно записывать <...>.

<...> С 1911 по 1917 г. я проводила каждое лето в имении моей свекрови Слепнево (бывший Бежецкий уезд) Тверской губ<ернии>. Там написана почти вся «Белая стая» и начата поэма «У самого моря». Вторая «легенда», с которой я прошу моих читателей распрощаться навсегда, относится к моему так называемому «роману» с Блоком. Уже одно опубликование архива А. А. Блока должно было прекратить эти слухи. Однако так не случилось, и в предисловии к только что мной полученной книге моих переводов [на фр<анцузский> язык] г-жа Лаффит пишет обо мне: «qui connut et, dit-on, aime Blok»*. Блока я считаю [одним из] не только величайшим европейским поэтом

* Которая знала и любила Блока.

первой четверти двадцатого века, но и человеком-эпохой, т. е. самым характерным представителем своего времени, каким-то чудесным образом впитавшим <его>, горько оплакивала его преждевременную смерть, но знала его крайне мало, в то время, когда мы (вероятно, раз 10) встречались, мне было совсем не до него, и я сначала, когда до меня стала доходить эта, по-видимому, провинциального происхождения сплетня, только смеялась. Однако теперь, когда она грозит перекосить мои стихи и даже биографию, я считаю нужным остановиться на этом вопросе^{<+>}. Очень сожалею, что 3 мои письма к Блоку (ответы на его известные в печати письма), по-видимому, не сохранились.

<...> Вячеслав Иванов, когда я в первый раз прочла стихи в Ак<адемии> стиха, сказал, что я говорю недосказанное Анненским, возвращаю те драгоценно<сти>, кот<орые> он унес с собой. (Это не дословно.) А дословно: «Вы сами не знаете, что делаете наедине». А Сологуб много позже сказал: «Критика вовсе не собиралась признавать Ахматову, ее принудили к этому читатели».

<...> Все места, где я росла и жила в юности, больше не существуют: Царское Село, Севастополь, Киев, Слепнево, Гунгербург (Усть-Нарва).

Уцелели — Херсонес (потому что он вечный), Париж — по чьему-то недосмотру и Петербург-Ленинград, чтобы было где приклонить голову. Приютившая то, что осталось от меня в 1950 г., Москва была доброй обителью для моего почти посмертного существования.

<...> М<ожет> б<ыть>, Вы знаете, что я последняя херсонидка, т. е. росла у стен древнего Херсонеса (т. е. с 7-ми до 13 лет проводила там каждое лето), и мои первые впечатления от изобразительных искусств тесно связаны с хер<сонесскими> раскопками и хер<сонесским> музеем, а так как все это находится на самом морском берегу, античность для меня неотделима от моря. Все это в какой-то мере отразилось в моей ранней поэме «У самого моря». Там меня называли «дикая девочка» и считали чем-то средним между русалкой и щукой за необычайное умение нырять и плавать.

<+> интересна только его фраза о Льве Толстом

А в Царском была другая античность и другая вода. Там кипели, бушевали или о чем-то повествовали сотни парковых водопадов, звук кот<орых> сопровождал всю жизнь Пушкина («сии живые воды», 1836), а статуи и храмы дружбы свидетельствовали о иной, «гиперборейской» античности.

Итак, когда-то архитектура (Фонтанный Дом) и вода (море в Хер<сонесе> и водопады в Царском), а теперь земля и музыка.

15 янв<аря> 1963. Москва

<...> Первое выступление. А было это 52 года тому назад. Свое первое публичное выступление, наверно, нельзя забыть.

...Осенью 1913, в день чествования в каком-то ресторане (у Альберта?) приехавшего в Россию Верхарна, на Бестужевских курсах был большой закрытый, т. е. только для курсисток, вечер.

Кому-то из устроительниц (дам-патронесс) пришло в голову пригласить меня. Мне предстояло идти чествовать Верхарна <...>

Но я представила себе пышное петербургское ресторанное чествование, почему-<то> всегда похожее на поми<нки>, — фраки, хорошее шампанское и плохой французский язык, тосты и т. д., и предпочла курсисток.

В артистической встретила Блока. К нам подошла курсистка со списком и сказала, что мое выступление после блоковского. Я взмолилась: «А<лександр> А<лександрович>, я не могу читать после Вас». Он с упреком в ответ: «Анна Андреевна, мы не тенора!» В это время он был уже знаменит.

Я уже два года довольно часто читала мои стихи и в Цехе поэтов, и в Акад<емии> стиха, и на Башне В. Ив<анова>, но здесь все было совершенно по-другому.

Насколько скрывает человека сцена, настолько его беспощадно обнажает эстрада. М<ожет> б<ыть>, я тогда почувствовала это в первый раз. Трибуна — что-то вроде плахи. Все присутствующие начинают казаться выступающему какой-то многоголовой гидрой. Владеть залой очень трудно — гением этого дела был М. М. Зощенко. Хорош на трибуне был и Пастернак.

Во-первых, меня никто не знал и, когда я вышла, раздался возглас: «Кто это?» <...>

В Ташкенте Тараховская (детская писательница, сестра С. Парнок, кот<орая> направила мне книгу:

Под крышей дома бесноватого
Живет звезда моя — Ахматова,

мы жили — ул. К. Маркса, 7, общежитие м<осковских> писателей), бывшая бестужевка, вспоминала, что была на этом вечере и запомнила меня. Тогда мы думали, что никогда не увидим ни В<асильевского> О<строва>, ни тех, с кем были разлучены.

Я спросила Блока, почему он не на чествовании Верхарна. Поэт ответил с подкупающим прямодушием: «Там будут просить выступить, а я не умею говорить по-французски». Кажется, не там, но на каком-то лит<ературном> вечере Блок, послушав Северянина, вернулся ко мне и сказал: «У него жирный адвокатский голос».

<...> Кто-то недавно сказал при мне: «10ые годы — самое безвкусное время». Так, вероятно, надо теперь говорить, но я все же ответила: «Кроме всего прочего, это время Стравинского и Блока, Анны Павловой и Скрябина, Ростовцева и Шаляпина*, Мейерхольда и Дягилева».

<...> Тринадцатая осень века, т. е., как оказалось потом, последняя мирная, памятна мне по многим причинам, о которых здесь не следует говорить, но кроме всего я готовила к печати мой второй сборник — «Четки» и, как всегда, жила в Царском Селе. В это время я позировала Анне Михайловне Зельмановой-Чудовской, часто ездила в Петербург и оставалась ночевать «на Тучке».

Гум<илев> приехал домой только утром. Он всю ночь играл в карты и, что с <ним> никогда не случалось, был в выигрыше. Привез всем подарки: Леве — игрушку, Анне Ивановне — фарфор<овую> безделуш<ку>, мне — желтую восточную шаль. У меня каждый день был озноб (t. b. c.), и я была рада шали. Это ее Блок обозвал испанской, Альтман на портрете сделал легкой шелковой, а женская молодежь «тогдашних дней» сочла для себя обязательной модой.

* Начинали Мандельштам, Пастернак и Цветаева.

Подробно изображена эта шаль на плохом портрете Ольги Людвиговны Кард<овской>.

См. также Малышкин: «Севастополь» стр. <192> «Ахм<атова> в персидской шали до пят». А еще статуэтка Данько (20-ые годы).

<...> XX в. начался осенью 1914 г. вместе с войной, так же как XIX в. начался Венским конгрес<сом>. Календарные даты значения не имеют. Несомненно, символизм — явление 19 в. Наш бунт против символизма совершенно правомерен — потому что мы чувствовали себя людьми 20 в. и не хотели оставаться в предыдущем. Н<иколай> С<тепанович> моложе Блока только на 7 л<ет>, но между ними — бездна. Однако и у него еще был период символизма — мы же, Манд<ельштам>, Нарбут, Зенк<евич> и я, символизма и не нюхали. Теперь, когда все позади — даже старость, а остались только дряхлость и смерть, оказывается, все как-то почти мучительно проясняется — (как в первые осенние дни) — люди, события, собственные поступки, целые периоды жизни.

И столько горьких и даже страшных чувств! И кто бы поверил, что я задумана так надолго и почему я этого не знала.

Память обострилась невероятно. Прошлое обступает меня и требует чего-то. Чего?

Милые тени отдаленного прошлого почти говорят со мной. Может быть, это для них последний случай, когда блаженство, которое люди зовут забвением, может миновать их. Откуда-то выплывают слова, сказанные полвека тому назад и о которых я все пятьдесят лет ни разу не вспоминала.

Странно было бы объяснять все это только моим летним одиночеством и близостью к природе, которая уже давно напоминает мне только о смерти.

<...> 1924. Поездка в Москву — вечер Консерват<ории> («Русский современник» <...>) и Полит<ехнического> музея. (Вступительное слово...)

Последствия этой поездки — 1ое постанов<ление> ЦК о прекращении моей лит<ературной> деятельности. После этого до 1939 г. ни одна моя строчка не напечатана. Мое имя не провозносится — я запрещена. Начало и продолжение журнальной травли.

Начало пушкинизма в Мр<аморном> Дворце (Григорий Алекс<андрович> Гуковский. Беседа с ним о Пушкине). <...>

<...> В 1924 три раза подряд видела во сне Х. — 6 лет собирала «Труды и дни» и другой матер<иал>: письма, черновики, воспоминания. В общем, сделала для его памяти все, что можно. Поразительно, что больше никто им не занимался. Т<ак> н<азываемые> ученики вели себя позорно. Роль Георгия Иванова. За границей они все от него отрезались.

<...> После моих вечеров в Москве (весна 1924) состоялось постановление о прекращении моей лит<ературной> деятельности. Меня перестали печатать в журналах и альманахах, приглашать на лит<ературные> вечера. (Я встретила на Невском М. Шаг<инян>. Она сказала: «Вот вы какая важная особа. О вас было пост<ановление> ЦК: не арестовывать, но и не печатать».) В 1929 г. после «Мы» и «Кр<асного> дерева» и я вышла из союза.

.....
В мае 1934 г., когда рассылались анкеты для вступления в новый союз, я анкеты не заполнила. Я член союза 1940 г., что видно из моего билета. Между 1925—1939 меня перестали печатать совершенно. (См. критику, начиная с Лелевича 1922—33.) Тогда я впервые присутствовала при своей гражданской смерти. Мне было 35 лет. Изд<ания> «Четки», «Белая стая» и «Anno Domini», напечатанные в Берлине Алянским («Четки» и «Белая стая») и Блохом («Anno Domini»), не были допущены в Сов<етский> Союз.

О 1925 г.

<...> по этой тропинке над пропастью надо было якобы добираться куда-то. Куда? <...> За этим сразу началось многолетн<ее> пребывание «под крылом у гибели», но у ворот этого «пребывания» твердо стоят еще не собранные в один цикл стихи о судьбе: «Клевета», «Новогодняя баллада», «Видел я тот венец» («Предсказание»), «И мы забыли навсегда», «Многим» («Я голос ваш, жар вашего дыханья»).

Затем мое имя вычеркнуто из списка живых до 1939 г. (1-ое пост<ановление>).

Вокруг бушует первый слой рев<олюционной> молодежи, «с законной гордостью» ожидающий великого поэта из своей среды. Гибнет Есенин, начинает гибнуть Маяковский, полузапрещен и обречен Мандельштам, пишет худшее из всего, что он сделал (поэмы), Пастернак*, уезжают Марина и Ходасевич. Так проходит десять лет. И принявшая опыт этих лет — страха, скуки, пустоты, смертного одиночества — в 1936 я снова начинаю писать, но почерк у меня изменился, но голос уже звучит по-другому. А жизнь приводит под уздцы такого Пегаса, кот<орый> чем-то напоминает апокалипсического Бледного Коня или Черного Коня из тогда еще не рожденных стихов.

Возникает «Реквием» (1935—1940). Возврата к первой манере не может быть. Что лучше, что хуже — судить не мне. 1940 — апогей. Стихи звучали непрерывно, наступая на пятки друг другу, торопясь и задыхаясь: разные и иногда, наверно, плохие. В марте «Эпилогом» кончился «R<equiem>». В те же дни — «Путем вся земля» («Китежанка»), т. е. большая панихида по самой себе, осенью одновременно — две гости: Саломея («Тень») и моя бедная Ольга («Ты в Россию пришла ниоткуда»), и с этой таинственной спутницей я проблуждала 22 года.

15 марта 63

<...> Какие-то получаемые мной гроши я отдавала Пуниным за обед (свой и Лёвин) и жила на несколько рублей в месяц.

Круглый год в одном и том же замызганном платье, в кое-как заштопанных чулках и в чем-то таком на ногах, о чем лучше не думать (но в основном прюнелевом), очень худая, очень бледная — вот какой я была в это время. И это продолжалось годами.

<...> В 1927 при м<ассовых?> а<рестах?> снимали со стен мои фотографии.

На выставке Делла-Вос-Кардовской комиссия потребовала, чтобы мой портрет был снят.

Цензура изъяла мою фотографию из альбома Наппельбаума и из 7 номера журнала «Москва», 1959.

<...> 1924—1936. Ряд стихотв<орений> этого времени не сохранился. В 1936, начиная с января («Б. Пастернак»), я на

* Умирает уже забытый Сологуб (1927).

писала много стихотворений («Поэт», «Воронеж», «Данте», «От тебя я сердце скрыла...», «Одни глядятся...», «Творчество»...).

В конце 20-ых и начале 30-ых годов я занималась изучением творчества Пушкина. Три мои статьи («Зол<отой> пет<ушок>», «Адольф», «Кам<енный> гость») увидели свет — две — «П<ушкин и> Миц<кевич>» и «П<ушкин> и Дост<оевский>» — пропали в блокаду.

<...> Хорош и Б. А. Филиппов, когда он, прославляя Заболоцкого, представляет дело так, что в 1929 году «кончился путь конквистадоров» (Николай Гумилев) и утихли «Александрийские песни» (Кузмин), а началась «Красная Бавария» Заболоцкого. А в самом деле в 1929 году кончилась тень свободы, и началась не «Красная Бавария», а сталинщина, что мы все не уехавшие слишком хорошо помним (например, «Красное дерево» Пильняка и «Мы» Замятина (см. также «Погодельщину» Клюева).

<...> Первый день войны. Первый налет. Щели в саду — Вовка у меня на руках. Литейный вечером. Праздничная толпа. Продают цветы (белые). По улице тянется бесконечная процессия: грузовики и легк<овые> машины. Шоферы без шапок, одеты по-летнему, рядом с каждым — плачущая женщина. Это ленинградский транспорт идет обслуживать финский фронт. Увоз писательских детей. Сбор в <...> переулке у союза. Страшные глаза неплачущих матерей.

Крупные деньги вывезены из города (ответ в банке).

Моряки с чемоданчиками идут на свои суда. Все писатели уже в военной форме. Похороны «Петра» Раст<релли> и статуй в Летнем <Саду>. Первый пожар. Я — по радио из квартиры М. М. З<ощенко>.

Тревога каждый час. Город «зашивают» — страшные звуки.

Для памяти

Считаю не только уместным, но и существенно важным возвращение к 1946 году и роли Сталина в постановлении 14 августа. <...> Абсолютно невозможно приводить дослов-

ные цитаты из Жданова, переносящие нас в атмосферу скандала в коммунальной квартире. С одной стороны, новая молодежь (послесталинская) этого не помнит, и нечего ее этому учить, а не читавшие мои книги мещане до сих пор говорят «альковные стихи Ахматовой» (по Жданову — не надо разогревать им их любимое блюдо). <...> Ругательные статьи были не только в «Культуре и жизни» (Александровский централ), но и во всей центральной и периферийной прессе — четырехзначное число в течение многих лет. И все это в течение многих лет давали нашей молодежи как назидание. Это был экзаменационный билет во всех вузах страны.

Зощенко и Ахматова были исключены из Союза писателей, то есть обречены на голод.

<...> Из деятелей 14 августа несомненно умнейшим был тот, кто придумал следующую шутку: заменить нападки на религиозность (в самом деле существующую в моих стихах) нападками на эротику (которая там и не ночевала). Оставить религиозность значило сделать из меня мученицу, т. е. создать для себя самих безвыходное положение, потому что гнать человека за веру в Бога — гиблое дело.

<...>... [и вот] Кроме того, уже тринадцать раз во всех учебных заведениях Союза от Мурманска до Термеза и от Владивостока да Калининграда в мае, перед концом учебного года в лекции (или уроке) об акмеизме мое имя предается анафеме. Таким образом, молодежь, выслушавшая этот урок в 10-ом классе (как моя Аня в прошлом году); снова слушает ту же лекцию через год-два в своем вузе (как Боря Ардов третьего дня).

<...> После пост<ановления> 1946 занималась темами «Пушкин и Достоевский» и «Гибель Пушкина». Тема первая огромна. Материала бездна. Сначала я просто теряла голову, сама не верила себе. Ирина Николаевна Томашевская всегда говорит, что это лучшее из всего, что я сделала. (Сожгла со всем архивом, когда Леву взяли 6 ноября 1949.)

<...> Очевидно, около Сталина в 1946 <году> был какой-то умный человек, кот<орый> посоветовал ему остроумнейший ход: вынуть обвинение в религиозности [моих] стихов (им бы-

ли полны ругательные статьи 20-ых и 30-ых годов — Лелевич, Селивановский) и заменить его обвинением в эротизме.

Несмотря на то, что, как всем известно, я сроду не написала ни одного эротического стихотворения, и «здесь» все громко смеялись над «Пост<ановлением>» и Докладом т. Ж<данова> — для заграницы дело обстояло несколько иначе. Ввиду полной непереводимости моих стихов,

(Хулимые, хвалимые,
Ваш голос прост и дик —
Вы непереводимые
Ни на один язык.)

они не могли и не могут быть <...> широко известны. Однако обвинение в религиозности сделало бы их «ges sacra» и для католиков, и для лютеран и т. д. и бороться с ними было бы невозможно. (Меня бы объявили мученицей.)

То ли дело эротизм! — Все шокированы (в особенности в чопорной Англии, что тогда было существенно, см. фульт<онскую> речь Черчилля).

Позволю себе напомнить одну интересную подробность 1946 г., кот<орую>, кстати сказать, все, кажется, забыли, а там, м<ожет> б<ыть>, и не знали. В этом самом 46 г., по-видимому, должно было состояться мое полное усыновление. Мои выступления (их было 3 в Ленингр<аде>) <...> просто вымогали. Мне уже показывали планы изд<ания> моих сборников на всех языках, мне даже выдали (почти бесплатно) посылку с носильными вещами и кусками материй, чтобы я была чем-то прикрытой (помню, я потом называла это — «Последний дар моей Изоры»).

Еще в последний день июля мне позвонил А. А. Прокофьев и просил вечером быть в «Астории», где Ленинград весьма торжественно принимал американцев, помогавших СССР во время войны. Все они были духовными лицами. Прошу читателя поверить мне на слово, что я между последним днем июля 1946 г. и 14 авг<уста> того же года «эротических стихов» не писала. Откуда же эта немилость?!

Слышны крики: «да еще женщина — какой ужас». Дело дошло до того, что страшному большевистскому правительству после победы над Гитлером приходится посредством гос<ударственного> акта бороться с этой чудовищной поэтесой. Каково! И через 20 лет (в 1961) мы имеем «бессмертную»

статью А. Уильямса в самой распространенной газете мира (Нью-Йорк Трибьюн). Обвинение в эротизме так заманчиво, что оно делается шапкою: «Русские переиздают стих<отворения>, запрещенные в 20-е годы как эротическ<ие>». <...> Не мне судить о моем творческом пути до 1950 г., когда (1949. 6 ноября) второй раз взяли уже пытанного и приговоренного к расстрелу сына, и надо было его спасать (тогда я написала цикл «Слава миру»), но то, что происходит сейчас, вероятно, имеет свои глубокие корни и, несмотря на мою полную неактивность (между прочим, когда статья появилась, я лежала в больнице под кислородом), я стою у кого-то на пути, мешаю кому-то («там»). Но кому и в чем?

4 апреля 1963

<...> ...Итак, только сегодня я догадалась, в чем состоит моя вина перед человечеством, какое я совершила преступление, за которое мне не перестают мстить: — Я писала стихи, которые нравились и продолжают нравиться людям. Это, очевидно, нельзя простить. Посмотрите, как бережно и деликатно С. К. Маковский говорит о моих современницах <...> Но только появляюсь я, тон меняется <...>.

<...> Меня не печатали 25 лет. (С 25 до 40 и с 46 по 56.) Это отнюдь не значит, что я не писала 25 лет. Во второй антракт я писала «Поэму без Героя», в первый — «Реквием» (1935—1940), «Русский Трианон» (уцелели отрывки) и ряд не самых моих дурных стихотворений. Вы говорите, что кончаете 22 годом. Добро вам, но «Лотова жена» и «Муза» — 1924, «Последний гост» — 1934 и т. д., и «Если плещется», 1 дек<абря> 1928 г.

Всем, что я сегодня (18 мая 1965, Комарово) здесь пишу, я меньше всего хочу оправдаться. Я, может быть, скажу о себе нечто во много раз худшее, чем все они, но это будет, по крайней мере, — правда.

<...>...в частности, я считаю, что стихи (в особенности лирика) не должны литься как вода по водопроводу и быть ежедневным занятием поэта. Действительно, с 1925 по 1935 я писала немного, но такие же антракты были у моих современников (Пастернака и Мандельштама). Но и то немного не <могло> появляться из-за пагубного культа личности. Кро-

ме того, я писала тогда царскосельскую поэму Р<усский> Т<рианон>, которая не сохранилась, пот<ому> что я расслышала в ней Онегинскую интонацию (отд<ельные> стр<офы>, напр<имер>...).

Еще для Эренбурга

1. Книга Ахматовой. Стихотворения (1909—1946) Гослит<издат>, кот<орая> с мая ждала, чтобы ее одобрил Сталин, — была сожжена. (Сохранилось несколько экземпляров.)

2. В 1949, после вторичного ареста сына, Ахм<атова> была выслена куда попало из дома, где жила 30 лет, и получила вместо 44 метр<ов> (2 комн<аты>) 14 метров в ком<муналь-ной> квартире.

3. Другая ее книга, сборник «Нечет», была ей возвращена из «Сов<етского> пис<ателя>» с странной надписью: «За истечением срока архивного хранения».

(К предыстории: Сборник из 6-ти книг (1940) на свете всего 6 недель. Когда его показали Сталину, он решил, что стихотворение «Клевета», под кот<орым> автор забыл поставить дату (1923), написано недавно, и велел запретить книгу.) <...>

Не то был пущен слух, не то он сам возник — о самоубийстве Ахматовой. Сын врача, вскрывавшего труп. Поминутно звонили какие-то люди (даже из Москвы) и проверяли достоверность известия. В очередях и на ком<мунальных> кухнях очень курьезно обсуждали событие. Фольклор. Для разъяснения акции населению были посланы эмиссары:

1. Павленко — Крым
2. Шагинян — Ср<едняя> Азия
3. Тихонов — Закавказье
4. Вишневский — Белград
5. Фадеев — Прага.

На «место преступления» был послан А. А. Жданов. На его доклад в Смольном был вызван Союз писателей in congre. Кроме того, в зале появились странного вида незнакомцы, которые заняли места между членами союза. Двери почему-<то> заперли и никого не выпускали (даже тех, кому стало дурно).

Ко мне пришел некто и предложил 1 мес<яц> не выходить из дома, но подходить к окну, чтобы меня было видно из сада. В саду под моим окном поставили скамейку, и на ней круглосуточно дежурили агенты.

Годовщины

Этот день (14 авг<уста>) стал чем-то вроде праздника литературы: ругательн<ые> статьи в газетах, доклады, обсуждения.

В 1948 г. все протекло с обычной торжественностью, и вдруг через несколько дней умирает Жданов. И опять все сначала (на bis). Казалось, этот гос<ударственный> деятель только и сделал в жизни, что обозвал непечатными словами старую женщину, и в этом его немеркнущая слава. Тогда же ему был обещан памятник и полное собрание сочинений. Ни то, ни другое не состоялось.

Такой мой быт, состоящий, главным образом, из голода и холода, был еще украшен тем обстоятельством, что сына, уже побывавшего в вечной мерзлоте Норильска и имеющего медаль «За взятие Берлина», начали гнать из аспирантуры Ак<адемии> н<аук> <...>, причем было ясно, что беда во мне. (Выгнали, кажется, осенью 1947 г.) Я в ту зиму писала работу о «Каменном госте». А Сталин, по слухам, время от времени спрашивал: «А что делает монахиня?»

Таким образом, мне была предоставлена возможность присутствовать не только при собственной гражданской смерти, но даже как бы и при физической. Люди просто откровенно не хотели, чтобы я была жива. Так и говорили: «Я бы умер». (Напр<имер>, Осмеркин).

Fata libelli

<...> Литературные судьбы, как правило, так ужасны, что огорчаться или удивляться собственным неудачам как-то не-

удобно. Так и кажется, что кто-то начнет перечислять фамилии: «А тот, а ты...» и так до бесконечности.

Однако справедливость требует отметить (раз уж начат этот разговор), что только моя первая книга «Вечер» (тираж 300 экз.) вышла в совершенно мирное время. «Четки» появились в марте 1914 г., и жизни им было отпущено всего два месяца (апрель и май). В июне кончался сезон, чтобы (в этом году) не начаться осенью из-за войны. «Белая стая» вышла еще в более решительный момент: в сентябре (стар<ого> ст<илия>) 1917. Какой отзвук могла иметь тогда книга лирических стихов. Из-за расстройств транспорта ее даже в Москву не послали.

«Подорожник» (1921) — не книга, а м<ожет> б<ыть> от делом книги, чем он и стал в «Anno Domini».

Это «Anno Domini» вместе с «Ч<етками>» и «Б<елой> Ст<аей>», когда их напечатал<и> Блох и Алянский в Берлине, были запрещены к ввозу в СССР, и их почти никто не видел. Затем последовало первое пост<ановление> ЦК о категорическом запрещении печатать мои стихи (1924) (мне сказала об этом М. Шагинян на Невском против Аничкова Дворца), и до 1939 г., т. е. 15 лет, ни одна моя строка не появилась в печати. В <1940> г. Сталин разрешил печатать мои стихи. Несколько стихотв<орений> появились в 2—3 журналах. В июне 1940 после <финской> зимы и уже во время <другой> войны вышел том «Из шести книг». Он был запрещен, конфискован, выброшен из библиотек ровно через месяц. Попытка издать книгу в Ташкенте кончилась выходом убогой книжонки «Избранное» (19 000 экз.), кот<орую> 8 раз запрещали в М<оскве>, по словам А<лександра> Н<иколаевича> Т<ихонова>, кот<орую> почему-то не позволили рассылать по стране, и она вся разошлась в Ташк<енте>*. Продавали ее в каких-то полузакрытых распределителях.

То, что произошло в 1946 г., общеизвестно, и я позволю себе на этом не останавливаться. Теперешняя книжка «Стихотворения и переводы» так мала, что на нее надо смотреть в лупу, но и то она 4 года лежит в издательствах («Сов<етский> п<исатель>» и «Гослит»), и простодушный Белов сказал про нее: «Такая маленькая, а столько с ней мучения!» Я не спросила, в чем состоит мучение.

* О ней, кажется, не было ни одной рецензии. И все это в так называемое лучшее время, когда мои «военные» стихи охотно печатали.

Кроме того, можно составить список моих книг, пущенных под нож (изд<ание> 1946 г. под ред<акцией> Орлова, Лен<ингр>ад, Гослит, — 1940 (там же), 1946 — Огоньковская), запрещенных на всех стадиях (напр<имер>: «Нечет», «Сов<етский> Пис<атель>», 1946 — рукопись была мне возвращена летом 1952 «за истечением срока архивного хранения». И т. д. и т. д. и т. д.).

После всего этого можно только удивляться, что кто-то еще помнит, что я когда-то писала стихи.

Зато я имею удовольствие время от времени узнавать о выходе моих контрафакционных изданий (1919, вероятно, в Одессе — «Четки»; 1922 — они же в Берлине у Ефрона, они же в 1948 в Париже и перепечатка «Из 6-ти кн<иг>» в Нью-Йорке в 1952, изд<ательство> им. Чехова) <...>.

...Среди этих приемов (не слишком добросовестных) обращает на себя внимание один: желание из всего написанного выделить первую книгу («Четки»), объявить ее *livre de chevet* и тут же затоптать все остальное, т. е. сделать из меня нечто среднее между Сергеем Городецким («Ярь») и Франсуазой Саган, т. е. поэтом без творческого пути, или мило откровенную девочку.

Дело в том, что «Четки» вышли в марте 1914 года, и жизни им было дано два с половиной месяца. В то время литературный сезон кончался в конце мая. Когда мы вернулись из деревни, нас встретила — Война. Второе издание понадобилось примерно через год, при тираже одна тысяча экземпляров.

С «Белой стаей» дело обстояло примерно так же. Она вышла в сентябре 1917 года и из-за отсутствия транспорта не была послана даже в Москву. Однако второе издание понадобилось через год, т. е. ровно так же, как «Четки». Третье напечатал Алянский в 1922 году (пять тысяч). Тогда же появилось берлинское (четвертое). Оно же последнее, потому что после моей поездки в Москву и в Харьков в 1924 году, по постановлению ЦК, не опубликованному в печати, меня перестали печатать. И это продолжалось до 1939 года, когда Сталин что-то лестное сказал обо мне (ни одна моя строка не была напечатана)*.

* Это мое молчание.

Уже готовый двухтомник издательства Гессена («Петроград») был уничтожен, брань из эпизодической стала плановой и продуманной (Лелевич в журнале «На посту», Перцов в «Жизни искусства» и т. д.), достигая местами 12 баллов, т. е. смертоносного шторма. Так я жила четырнадцать лет. Переводы (кроме писем Рубенса, 30-й год) мне не давали. Однако моя первая пушкинская работа («Последняя сказка Пушкина») была напечатана в «Звезде». Запрещение относилось только к стихам.

<...> И так, с 1935 я снова стала писать стихи и писала их до 1946 г. (особенно урожайным был сороковой год). За это время сделано, по-моему, что-то, что можно назвать вторым периодом (первый 1911—1925). Затем, т. е. после 46 г., наступает девятилетний мрак, во время которого я только занималась переводами, чтобы не умереть с голоду и посылать посылки в лагерь, и иногда сомнамбулически возилась с поэмой. Так прошло девять лет.

<...> Стр<уве> не подозревает, что после вечера «Р<усского> сов<ременника>» в Москве было первое пост<ановление> в 1925 г.

Даже упоминание моего имени (без ругани) было запрещено. Оно выброшено из всех перечислений — оно просто не существует. Г-ну Струве кажется мало, что я тогда достойно все вынесла, он, якобы занимаясь моей поэзией и издавая толстенный том моих стихов, предпочитает вещать: «Ее звезда закатилась». И бормочет что-то о новом рождении в 1940 г. Но почему же тогда «Четки» и «Белая стая», кот<орые> переписывали от руки и искали у букинистов, не находили себе издателя. Просто оттого, что книги находились в index librorum prohibitorum*. Двухтомник Гессена («Петроград», 1928) был запрещен — корректура есть у Лукницкого. Ругань (о кот<орой> г-н Струве умалчивает) началась систематическая примерно с Лелевича («На посту»). «Мы не можем сочувствовать женщине, кот<орая> не знала, когда ей умереть», — писал Перцов, и это самая приличная фраза из его статьи («Жизнь искусства», 1925). Позднее (1946) про Сергиевского в Москве говорили: «Он себе из Ахматовой шубу сшил». Как про дачу Плоткина: «На ваших костях стоит».

* Каталог запрещенных книг.

Затем, как может не прийти в голову г-ну Струве что в то время я писала нечто, что не только печатать было нельзя, но даже читать т<ак> н<азываемым> «друзьям». (Таков был «Реквием».) Вот несколько таких стих<отворений>:

0. Не мудрено, что похоронным звоном («Лит<ературная> газ<ета>»).

1. Алекс<андрийские?> стихи (О, лучше б ястребом).
20-ые годы.

2. Зачем вы отравили воду. 1935

3. Эпиграммы (20-ые годы)

4. Пива светлого наварено (1922)

5. Не столицей европейской (30-ые годы)

6. Привольем пахнет дикий мед (30-ые годы)

7. Последний гост (1931 г.?)

8. Русский Трианон (сгорел)

9. И ты мне все простишь (20-<ые> годы)

10. Морозова (30-ые годы)

11–13. Черепки (30-ые годы)

14. Подражание армянск<ому>

15. Стекланный звонок

16. И неоплаканную тенью (20-ые г.)

17. На стеклах нарастает лед (30-ые)

18. Что войны, что чума (Метал<лургстрой>)

19. Заклинание (Из тюремных ворот) (30-ые годы)

20. В том доме было очень страш<но> (20-<ые> годы)
(полузабыла)

Итого 20 при беглом больнично <?.>

21. Стансы

22. Подвал памяти

23. Заклинание (30-ые годы)

24. Застольная

<...> Это были годы голода и самой черной нищеты. То странное «пособие», кот<орое> я получала, я делила между мамой илевой и жила на несколько рубл<ей> в месяц. Это тогда знали все. Знают и теперь.

Почему-то под стих<отворением> «Если плещется» Струве ставит 1940. Оно написано 1 дек<абря> 1928. «Я — голос ваш» («Многим»). Было нап<ечатано> в журнальчике «Флейта Марсия» — и отсутствует. «Видел я тот венец», «И мы забыли навсегда» были в некоторых экземплярах «Анно До-

mini» (Берл<ин>), <их> тоже нет. Все это узловые вещи. «И мы забыли навсегда» — самое настоящее предсказание...

Этот I-ый том производит впечатление последней корректуры, над которой еще надо серьезно поработать: перепутаны даты («Если <плещется>»), [пропала] развалилась целая поэма («Путем...»), нет цикла («Новоселье»), возникли произвольн<ые> инициалы («Нам встречи нет»), все в чудовищных опечатках, никуда не годится расположение стихов.

А все дело в том, что когда человек по природе своей лентяй, нечего ему заниматься изданием якобы академических изданий.

<...> Если бы Струве дождался выхода «Бега»*, он понял бы, что существует маленькая поэма 1940 г. «Путем вся земля», что «Шаг времени» — случайное, т<ак> н<азываемое> редакторское заглавие и к «Предыстории» никакого отношения не имеет, стих<отворение> «Зов» могло бы быть не изуродовано до бессмыслицы, по крайней мере [пять], [семь], [10, 11 стих<отворений>] не были бы забыты: («Последний тост», 1934, «Один идет...», 1940, «А человек, кот<орый> для меня...», «И это будет для людей...», 1964, посл<еднее> стих<отворение> «Полночных стихов», 1965 [«Что войны»], «Вместо посвящения» в «Шип<овник> цветет», «Важно с девочками простились...», «Ты пьян и все равно...» (из «Новоселья»), стихотв<орение> «Я не была здесь лет семьсот...» имеет 1-ую строфу, кроме 2-ой и 3-ей. Все это довольно существенно. В самом «Беге» только две пустячные опечатки. (В стих<отворении> Срезневск<ой> — лишнее С и «шапках» вместо «шляпах» в «Под Коломной»), и редактор из зловердства неверно датировал «Смерть поэта» (Б. П<ас>тернау<у>). У Струве пропущено и последнее стихотворение из цикла «Новоселье»: «Как будто страшной песенки» («Встреча»). Кроме того, пропущена моя ташкентская «Смерть»: «А я уже стою на подступах...» и «Я была на краю чего-то...», а главное и самое непростительное — нету «Всем обещаньям вопреки...» («Б<ег> в<ремени>», стр. 440).

Итак, при двух неизвестно чьих стих<отворениях> («Закат» и «Одна звезда...») не хватает 11-ти проверенных и одобренных автором стихотворений, всунуты стихи из старых журналов, отвергнутые автором для книг, из цикла «Но-

* а не печатал бы куски из разных журналов. Существование цикла «Новоселье» тоже неизвестно просвещенному редактору.

воселье» выпало заглавие и два стих<отворения> (второе и четвертое), «Полночные стихи» испорчены тем, что произошло с «Зовом». (Выпала строка.)

Не надо было печатать и кусок «Поэмы без Героя», раз она вся идет во II-ом томе. Что сделано с «Путем вся земля» — «неприятно и речь затевать», как говорил Некрасов. Еще неприятнее писать о Предисловии. С этого я начинаю мою критику и не буду повторяться.

<...> Общеизвестно, что каждый уехавший из России увез с собой свой последний день. Недавно мне пришлось проверить это, читаю статью <Вяч. Иванова> обо мне. Он пишет, что мои стихи целиком выходят из поэзии М. Кузмина. Так никто не думает уже около 45 лет. Но Вячеслав Иванов, который навсегда уехал из Петербурга в 1912 г., увез представление обо мне, как-то связанное с Кузминым, и только потому, что Кузмин писал предисловие к моему «Вечеру» (1912). Это было последнее, что Вяч. Иванов мог вспомнить, и, конечно, когда его за границей спрашивали обо мне, он рекомендовал меня ученицей Кузмина. Таким образом, у меня склублился не то двойник, не то оборотень, который мирно прожил в чьем-то представлении все эти десятилетия, не вступая ни в какой контакт со мной, с моей истинной судьбой и т. д.

Невольно напрашивается вопрос, сколько таких двойников или оборотней бродит по свету и какова будет их окончательная роль.

<...> Кн<язь> Дмитрий Оболенский (в Оксфорде) якобы сказал: «Ахматова сказала: „Я хочу одного — чтобы обо мне забыли за границей“». Скажу, как [Фальстаф] Пойнс: «I didn't say it but I wish the girl no worse party» * — когда принц спрашивает его, правда ли, что он распространяет, что его сестра выходит замуж за наследника престола. Действительно, обо мне говорят за границей такое, что лучше бы они меня забыли.

<...> 1 дек<абря> на Белорусском вокзале. Толпа провожающих. Полное безобразье на самом вокзале. Ночью Минск. Невообразимые вьюги, метели. От них похолодело сердце. Варшава — Поллак с женой и женой Анатоля Стерна. Мрачно.

* Я не говорил этого, но я желал бы девушке партию не хуже (англ.).

Светлая утренняя Вена. Ира уходит смотреть Рубенса (Шубка) и Брейгеля. Солнце.

Много границ. Голос: «Паспорт!» На нашей таможенники просят: «Надпишите нам книги — мы приготовим».

Альпы. Трясет, как никогда, в вагоне. Зимой зрелище мрачное. Снова вспоминаю сон 30 авг<уста> о хаосе. Скорость самолетная. Мне — дурно...

Подъезжаем к Риму. Все розово-ало. Похоже на мой последний незабвенный Крым 1916 года, когда я ехала из Бахчисарая в Севастополь, простившись навсегда с Н. В. Н<едоброво>, а птицы улетали через Черное море.

Рим

Первое ощущение чьего-то огромного, небывалого торжества. Передать словами еще не могу, однако надежду не теряю.

Hotel Plaza (по-испански — площадь). Я — все еще не в себе после Альп.

Café Греко. Автограф Гоголя. («Я только в Риме могу писать о России...») Там весь 19 век. Старомодно и очаровательно. (Не о Р<име>, конечно, а о Café Греко.)

Воскресенье. На площади Св<ятого> Петра. Папа. Чувствую, что время работает на нас, т. е. на русскую культуру.

Все, что я почувствовала в связи с русским языком.

Открытки в Ленинград — о могиле Рафаэля, о Via Appia, о конной статуе Марка Аврелия.

В Риме есть что-то даже кощунственное. Это словно состязание людей с Богом. Очень страшно! (Или Бога с Сатаной-Денницей.)

С тех пор была Этна-Таормина. О ней когда-нибудь потом.

В Катанье

В древнейшем дворце Урсино (15 век) 12 дек<абря> 1964 я прочла мою «Музу». Огромная внешняя лестница казалась

неодолимым препятствием. Думала — не дойду. Мерещились факелы и стук копыт. Сегодня уезжаем из Катаньи опять в Рим. Из Парижа (?!) звали — еще в октябре, когда я видела огненный столп на Кировском. (Над крепостью.) Писем не было. Дорога в Рим трудная. Вчера стояла у другого моря — вспомнила то страшное, как бездну тумана. (А это была только Маркизова Лужа.)

<...> Я вернулась из Рима. Кончается шекспировски-лермонтовский год (1964), приближается дантовский (1965).

<...> В этих путешествиях все же кроется какая-то отрава, и вообще «самой счастливой» я была на Коннице, когда валялась в каком-то бесконечном и довольно зловредном гриппе, пропуская пятницу за пятницей (единств^{енный} свободный день шестнадцатилетней Ани — она должна была быть моей Begleiterin'ой* в Москву). Это был, вероятно, 1956 г.

Как я была тогда уверена, что ни одна моя строка не будет никогда напечатана, как эта уверенность удобно и вольно жила в моем сознании, не причиняя мне ни малейшего огорчения. Как легко и свободно я сказала трем парням из «Лижей», кот^{орые} приехали ко мне за стихами: «Все равно не напечатаете...» Вот это жизнь, достойная порядочного человека! А теперь... Тогда я дала им совсем новый «Летний сонет» и еще что-то. Значит, скоро 10 лет, как я снова печатаюсь. Ну и пути же это...

2-ое мая

Я — в будке. День серый. Весна раздумала делаться. Вечера была снежная буря. Какая-то казенная отсутствующая погода. Северо-восточный ветер — идет ладожский лед. Я рассталась с будкой только в ноябре, мне все [еще] казалось, еще что-то случится и «Пролог» будет расти без меня.

А случился только Рим, которого я почти не вынесла. Два раза в Доме творчества, два раза в Москве, так что зимы в этом году почти не было. <...>

* Сопровождающей.

...Когда в Страстную субботу я уезжала из Дома творчества, великолепная торжествующая весна была в полном разгаре. Все журчало, пело, звенело под ляпис-лазуревым небом, из-под на глазах тающих глыб снега возникали белые и лиловые цветы, а что веяло вместо ветра... И вот я 2 мая вернулась.

За окном предчувствие белых ночей и еще чужие сосны. Надо сдавать Леопарди и для этого снова во второй половине мая быть в Москве.

<1965>

<...> «Pro domo mea» скажу, что я никогда не улетала или не уползала из Поэзии, хотя неоднократно сильными ударами весел по одереvenевшим и уцепившимся за борт лодки руками приглашалась опуститься на дно. Сознаю, что временами воздух вокруг меня терял влажность и звукопроницаемость, ведро, опускаясь в колодезь, рождало вместо отрадного всплеска сухой удар о камень, и вообще наступало удушье, которое длилось годами. «Знакомить слова», «сталкивать слова» — ныне стало обычным. То, что было дерзанием, через 30 лет звучит как банальность. Есть другой путь — точность, и еще важнее, чтобы каждое слово в строке стояло на своем месте, как будто оно там уже тысячу лет стоит, но читатель слышит его вообще первый раз в жизни. Это очень трудный путь, но когда это удается, люди говорят: «Это про меня, это как будто мною написано». Сама я тоже (очень редко) испытываю это чувство при чтении или слушании чужих стихов. Это что-то вроде зависти, но благороднее.

Х. спросил меня, трудно или легко писать стихи. Я ответила: их или кто-то диктует, и тогда совсем легко, а когда не диктует — просто невозможно.

ИЗ «ПОСЛЕДНЕЙ КНИГИ»

О книге, которую я никогда не напишу, но которая все равно уже существует, и люди заслужили ее. Сначала я хотела писать ее всю, теперь решила вставить несколько кусков из нее в повествование о моей жизни и о судьбах моего поколения. Эта книга задумана давно, и отдельные новеллы известны моим друзьям. <...>

<...> Теперь, когда все позади — даже старость, и остались только дряхлость и смерть, оказывается, все как-то мучительно проясняется — (как в первые осенние дни) люди, события, собственные поступки, целые периоды жизни. И столько горьких и даже страшных чувств! И кто бы поверил, что я задумана так надолго, и почему я этого не знала.

Память обострилась невероятно. Прошлое обступает меня и требует чего-то. Чего?

Милые тени отдаленного прошлого почти говорят со мной. Может быть, это для них последний случай, когда блаженство, которое люди зовут забвением, может миновать их. Откуда-то выплывают слова, сказанные полвека тому назад и о которых я все пятьдесят лет ни разу не вспомнила.

Странно было бы объяснить все это только моим летним одиночеством и близостью к природе, которая давно напоминает мне только о смерти <...>

<...> Который-то день вожусь с биографической книгой. Замечаю, что очень скучно писать о себе и очень интересно о людях и вещах (Петербург, запах Павловского Вокзала, парусники в Гунгербурге, Одесский порт в конце сорокадневной забастовки). Себя надо давать как можно меньше...

<...> Успеть записать одну сотую того, что думается, было бы счастьем...

Однако книжка — двоюродная сестра «Охранной грамоты» и «Шума времени» — должна возникнуть. Боюсь, что по сравнению со своими роскошными кухнями она будет казаться замарашкой, простушкой, золушкой и т. д.

Оба они (и Борис и Осип) писали свои книги, едва достигнув зрелости, когда все, о чем они вспоминают, было еще не так сказочно далеко. Но видеть без головокружения 90-е годы XIX века с высоты середины XX века почти невозможно.

<...> Что же касается мемуаров вообще, я предупреждаю читателя, двадцать процентов мемуаров так или иначе фальшивки. Самовольное введение прямой речи следует признать деянием, уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью переключивается в почтенные литературоведческие работы и биографии. Непрерывность тоже обман. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать...

Начинать совершенно все равно с чего: с середины, с конца или с начала.

Я вот, например, хочу сейчас начать с того, что эти зеленые домики с застекленными террасами (в одном из них я живу) непрерывно стояли перед моими (закрытыми) глазами в 1951 г<оду> в Пятой Советской больнице (Москва), когда я лежала после инфаркта и, вероятно, находилась под действием понтанона. Дома эти тогда еще не существовали — их построили в 1955 г<оду>, но, когда я их увидела, я тотчас припомнила, где видела их раньше. Оттого я и написала в «Эпilogue»:

Живу как в чужом мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла...

Кстати, о бреде. Во время тифа (в Ташкенте в 1942 году) круглоголовый человек без лица сел на стул около моей кровати и рассказал мне все, что случится со мной, когда я вернусь в Ленинград. Запись его рассказа я сожгла вместе со всей остальной прозой того времени («Послеосадный Л<енингра>д», «Три сирени», «В тылу — поездка в Териоки» и т. д.).

<...> У поэта существуют тайные отношения со всем, что он когда-то сочинил, и они часто противоречат тому, что думает о том или ином стихотворении читатель.

Мне, например, из моей первой книги «Вечер» (1912) сейчас по-настоящему нравятся только строки:

Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.

Мне даже кажется, что из этих строчек выросло очень многое в моих стихах.

С другой стороны, мне очень нравится оставшееся без всякого продолжения несколько темное и для меня вовсе не характерное стихотворение «Я пришла тебя сменить, сестра...» — там я люблю строки:

И давно удары бубна не слышны,
А я знаю, ты боишься тишины.

То же, о чем до сих пор часто упоминают критики, оставляет меня совершенно равнодушной.

Стихи еще делятся (для автора) на такие, о которых поэт может вспомнить, как он писал их, и на такие, которые как бы самозародились. В одних автор обречен слышать голос скрипки, некогда помогавший ему их сочинить, в других — стук вагона, мешавшего ему их написать. Стихи могут быть связаны с запахами духов и цветов. Шиповник в цикле «Шиповник цветет» действительно одуряюще благоухал в какой-то момент, связанный с этим циклом.

Это, однако, относится не только к собственным стихам. У Пушкина я слышу царскосельские водопады («сии живые воды»), конец которых еще застала я.

Дикая девочка

Языческое детство. В окрестностях этой дачи («Отрада», Стрелецкая бухта, Херсонес. Непосредственно отсюда античность — эллинизм) я получила прозвище «дикая девочка», потому что ходила босиком, бродила без шляпы и т. д., бросалась с лодки в открытом море, купалась во вре-

мя шторма и загорала до того, что сходила кожа, и всем этим шокировала провинциальных севастопольских барышень. Однако в Царском Селе она делала все, что полагалось в то время благовоспитанной барышне. Умела, сложив по форме руки, сделать реверанс, учтиво и коротко ответить по-французски на вопрос старой дамы, говела на Страстной в гимназической церкви. Изредка отец брал ее с собой в оперу (в гимназическом платье) в Мариинский театр (ложка). Бывала в Эрмитаже, в Музее Александра III и на картинных выставках. Весной и осенью в Павловске на музыка — Вокзал... Музеи и картинные выставки... Зимой часто на катке в парке.

В Царскосельских парках тоже античность, но совсем иная (статуи). Читала много и постоянно. Большое (по-моему) влияние (на нее) оказал тогдашний властитель дум Кнут Гамсун («Загадки и тайна»); Пан, Виктория — меньше. Другой властитель Ибсен... Училась в младших классах плохо, потом хорошо. Гимназией всегда тяготилась. В классе дружила только с Тамарой Костылевой, с которой не пришлось больше встретиться в жизни...

<...> Людям моего поколения не грозит печальное возвращение — нам возвращаться некуда... Иногда мне кажется, что можно взять машину и поехать в дни открытия Павловского Вокзала (когда так пустынно и душисто в парках) на те места, где тень безутешная ищет меня, но потом я начинаю понимать, что это невозможно, что не надо врываться (да еще в бензинной жестянке) в хоромы памяти, что я ничего не увижу и только сотру этим то, что так ясно вижу сейчас. <...>

<...> Запахи Павловского Вокзала. Обречена помнить их всю жизнь, как слепоглухонемая. Первый — дым от допотопного паровозика, который меня привез, — Тярлево, парк, salon de musique (который называли «соленый мужик»), второй — натертый паркет, потом что-то пахнуло из парикмахерской, третий — земляника в вокзальном магазине (павловская!), четвертый — резеда и розы (прохлада в духоте) свежих мокрых бутоньерок, которые продаются в цветочном киоске (налево), потом сигары и жирная пицца из ресторана. <...>

Город

О «красоте» Петербурга догадались худ<ожники>-мирискусники, кот<орые>, кстати сказать, открыли и мебель красного дерева. Петербург я начинаю помнить очень рано — в 90-х годах. Это, в сущности, П<етербур>г Достоевского. Это П<етербур>г дотрамвайный, лошадиный, коночный, грохочущий и скрежещущий, лодочный, завешанный с ног до головы вывесками, кот<орые> безжалостно скрывали архитектуру домов. Воспринимался он особенно свежо и остро после тихого и благоуханного Царского Села. Внутри Гостиного Двора тучи голубей, в угловых нишах галерей большие иконы в золоченых окладах и неугасимые лампы. Нева — в судах. Много иностранной речи на улицах.

В окраске домов очень много красного (как Зимний), багрового, розового, и совсем не было этих бежевых и серых колеров, кот<орые> теперь так уныло сливаются с морозным паром или ленинградскими сумерками.

Тогда еще было много великолепных деревянных домов (дворянских особняков) на Камен<ноостровском> проспекте и вокруг Царскос<ельского> вокзала. Их разобрали на дрова в 1919 году. Еще лучше были двухэтажные особняки 18 в<ека>, иногда построенные большими зодчими. «Плохая им досталась доля» — их в 20-ых год<ах> надстроили. Зато зелени в Петербурге 90-ых годов почти не было. Когда моя мама в 1927 г<оду> в последний раз приехала ко мне, то вместе со своими народовольческими воспоминаниями она невольно припомнила Петербург даже не 90-ых, а 70-ых годов (ее молодость), и не могла надивиться количеству зелени, в 19 в<еке> были гранит и вода. А это было только начало!

Дальше о городе

Три замечания

I. Сейчас с изумлением прочла в «Звезде» (статья Льва Успенского), что Мария Федоровна каталась в золотой карете. Бред! — Золотые кареты, действительно, были, но им по-

лагалось появляться лишь в высокаторжественных случаях — коронации, бракосочетаниях, крестин, первого приема посла. Выезд М<арии> Ф<едоровны> отличался только медалями на груди кучера. Как странно, что уже через 40 лет можно выдумывать такой вздор. Что же будет через 100?

II. Глазам не веришь, когда читаешь, что на П<етербург>ских лестницах всегда пахло жженым кофе. Там часто были высокие зеркала, иногда ковры. Ни в одном respectable петерб<ургском> доме на лестнице не пахло ничем, кроме духов проходящих дам и сигар проходящих господ. Тов<арищ>, вероятно, имел в виду так называемый «черный ход» (ныне в основном ставший единственным) — там действительно могло пахнуть чем угодно, потому что туда выходили двери из всех кухонь^х).

III. Вечером вуали носили только проститутки.

Звуки в петербургских дворах. Это, во-первых, звук бросаемых в окно подвала дров. Шарманчики («Пой, ласточка, пой, сердце успокой...»), точильщики («Точу ножи, ножницы...»), старьевщики («Халат, халат»), которые всегда были татарами. Лудильщики. «Выборгские крендели привез». Гулко в дворах-колодцах.

Дымки над крышами. Петербургские голландские печи.

Пет<ербургские> каминные — покушение с негодными средствами.) Пет<ербургские> пожары в сильные морозы. Колокольный звон, заглушаемый звуками города. Пушка. Барабанный бой, так всегда напоминающий казнь. Санки с размаху о тумбу на горбатых мостах, кот<орые> теперь почти лишены своей горбатости. Последняя ветка на островах всегда напоминала мне японские гравюры. Лошадиная обмерзшая в сосульках морда почти у вас на плече⁼).

В сущности никто не знает, в какую эпоху он живет. Так и мы не знали в начале 10-ых годов, что жили нака-

^х) Например, блинами на Масляной, грибами и постным маслом в Великом посту, невской корюшкой в мае. Когда стряпали что-нибудь пахучее, кухарки отворяли дверь на черную лестницу — «чтобы выпустить чад» (это так и называлось), но все же черные лестницы пахли, увы, чаще всего кошками.

⁼) Зато какой был запах мокрой кожи в извозничьей пролетке с поднятым верхом во время дождя. Я почти что все «Четки» сочинила в этой обстановке, а дома только записывала уже готовые стихи.

нуне первой европейской войны и Октябрьской Революции. Увы!

С конца XIX века (т. е. за 60 л<ет>) меньше всего изменилась одежда и больше всего — способы передвижения. Человек (в особенности бедно одетый) может кое-как надеть костюм и пальто 90-ых годов, но выехать в шарабане вместо «Победы» или «Москвича» — невозможно.

Мне было 10 л<ет>, и мы жили (одну зиму) в доме Дауделя (угол Средней и Леонтьевской в Ц<арском> С<еле>). Живущий где-то поблизости гусарский офицер выезжал на своем красном и дикого вида автомобиле, проезжал квартал или два — затем машина портилась, и извозчик вез ее с позором домой. Тогда никто не верил в возможность автомобильного и тем более воздушных сообщений.

Когда (в прошлом году) ставили в кино горьковскую «Мать», никому не пришло в голову справиться, как в самом деле одевались участницы революционного движения того времени, и нарядили их в парижские модельки 60-ых, кажется, годов. Очень интересно было бы посмотреть, как барышня в таком виде пришла бы агитировать рабочих и что бы они ей сказали. Я пробовала протестовать, но Алеша Баталов, который играл Павла, только рукой махнул: «Ну, это вы одна помните!»

Почему я одна?

Слепнево

Я носила тогда зеленое малахитовое ожерелье и чепчик из тонких кружев.

В моей комнате (на север) висела большая икона — Христос в темнице; узкий диван был таким твердым, что я просыпалась ночью и долго сидела, чтобы отдохнуть. Над диваном висел небольшой портрет Ник<олая> I не как у снобов в Петербурге — почти как экзотика, а просто, серьезно по-Онегински («Царей портреты на стенах»). Было ли в комнате зеркало — не знаю, забыла. В шкафу остатки старой б<иблиотеки>, даже «Северные цветы», и барон Брамбеус, и Руссо.

Там я встретила войну 1914, там провела последнее лето (1917).

...Пристяжная косила глазом и классически выгибала шею.

Стихи шли легко свободной поступью. Я ждала письма, которое так и не пришло — никогда не пришло. Я часто видела это письмо во сне: я разрываю конверт, но оно или написано на непонятном языке, или я слепну...

Бабы выходили в поле на работу в домотканых сарафанах, и тогда старухи и топорные девки казались стройнее античных статуй.

В 1911 <году> я приехала в Слепнево прямо из Парижа, и горбатая прислужница в дамской комнате на вокзале в Бежецке, кот<орая> веками знала всех в Слепневе, отказалась признать меня барыней и сказала кому-то: «К Слепневским господам хранцужанка приехала», а земский начальник Иван Яковлевич Дерин — очкастый и бородастый увалень, когда оказался моим соседом за обедом и умирал от смущения, не нашел ничего лучшего, чем спросить меня: «Вам, наверно, здесь очень холодно после Египта?» Дело в том, что он слышал, как тамошняя молодежь за сказочную мою худобу и (как им казалось) таинственность называла меня знаменитой лондонской мумией, кот<орая> всем приносит несчастье.

Н<иколай> С<тепанович> не выносил Слепнево. Зевал, скучал, уезжал в невыясненном направлении. Писал «такая скучная не золотая старина» и наполнял альбом К<узьминых>-Караваевых посредственными стихами. Но, однако, там что-то понял и чему-то научился.

Я не каталась верхом и не играла в теннис, а я только собирала грибы в обоих слепневских садах, а за плечами еще пылал Париж в каком-то последнем закате (1911). Березки и Подобино. Дубровка. Тетя Пофи и Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (рожд. Пиленко). Неведомские, Хилковы (1916).

Один раз я была в Слепневе зимой. Это было великолепно. Все как-то вдвинулось в 19 век, чуть не в пушкинское время. Сани, валенки, медвежьи полости, огромные полущубки, звенящая тишина, сугробы, алмазные снега. Там я встретила 1917 год. После угрюмого военного Севастополя, где я задыхалась от астмы и мерзла в холодной наемной комнате, мне казалось, что я попала в какую-то обетованную страну. А в Петербурге был уже убитый Распутин и ждали Революцию, кот<орая> была назначена на 20 января (в этот день

я обедала у Натана Альтмана. Он подарил мне свой рисунок и надписал: «В день Русской Революции». Другой рисунок (сохранившийся) он надписал: «Солдатке Гумилевой, от чертежника Альтмана»).

Слепнево для меня как арка в архитектуре... сначала маленькая, потом все больше и больше и наконец — полная свобода (это если выходить).

МЕМОУАРНАЯ ПРОЗА

АМЕДЕО МОДИЛЬЯНИ

Я очень верю тем, кто описывает его не таким, каким я его знала, и вот почему. Во-первых, я могла знать только какую-то одну сторону его сущности (сияющую) — ведь я просто была чужая, вероятно, в свою очередь, не очень понятная двадцатилетняя женщина, иностранка; во-вторых, я сама заметила в нем большую перемену, когда мы встретились в 1911 году. Он весь как-то потемнел и осунулся.

В 10-м году я видела его чрезвычайно редко, всего несколько раз. Тем не менее, он всю зиму писал мне*. Что он сочинял стихи, он мне не сказал.

Как я теперь понимаю, его больше всего поразило во мне свойство угадывать мысли, видеть чужие сны и прочие мелочи, к которым знающие меня давно привыкли. Он все повторял: «*On communique*», «*Il n'y a que vous pour réaliser cela*».

Вероятно, мы оба не понимали одну существенную вещь: все, что происходило, было для нас обоих предысторией нашей жизни: его — очень короткой, моей — очень длинной. Дыхание искусства еще не обуглило, не преобразило эти два существования, это должен был быть светлый легкий предрассветный час. Но будущее, которое, как известно, бросает свою тень задолго перед тем, как войти, стучало в окно, пряталось за фонарями, пересекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который притаился где-то рядом. И всё божественное в Амедее только искрилось сквозь какой-то мрак.

У него была голова Антиноя и глаза с золотыми искрами, — он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его как-то навсегда остался в памяти. Я знала его нищим, и было непонятно, чем он живет. Как художник он не имел и тени признания.

* Я запомнила несколько фраз из его писем, одна из них «*Vous êtes en moi comme une hantise*» («Вы во мне, как наваждение»).

Жил он тогда (в 1911 году) в Impasse Falguière. Беден был так, что в Люксембургском саду мы сидели всегда на скамейке, а не на платных стульях, как было принято. Он вообще не жаловался ни на совершенно явную нужду, ни на столь же явное непризнание. Только один раз в 1911 году он сказал, что прошлой зимой ему было так плохо, что он даже не мог думать о самом ему дорогом.

Он казался мне окруженным плотным кольцом одиночества. Не помню, чтобы он с кем-нибудь раскланивался в Люксембургском саду или в Латинском квартале, где все более или менее знали друг друга. Я не слышала от него ни одного имени знакомого, друга или художника, и я не слышала от него ни одной шутки. Я ни разу не видела его пьяным, и от него не пахло вином. Очевидно, он стал пить позже, но гашиш уже как-то фигурировал в его рассказах. Очевидной подруги жизни у него тогда не было. Он никогда не рассказывал новелл о предыдущей влюбленности (что, увы, делают все). Со мной он не говорил ни о чем земном. Он был учтив, но это было не следствием домашнего воспитания, а высоты его духа.

В это время он занимался скульптурой, работал во дворике возле своей мастерской (в пустынном тупике был слышен стук его молоточка) в обличии рабочего. Стены его мастерской были увешаны портретами невероятной длины (как мне теперь кажется — от пола до потолка). Воспроизведения их я не видела — уцелели ли они? — Скульптуру свою он называл *la chose* — она была выставлена, кажется у *Indépendants* в 1911 году. Он попросил меня пойти посмотреть на нее, но не подошел ко мне на выставке, потому что я была с русскими. Во время моих больших пропаж исчезла и подаренная им мне фотография этой вещи.

В это время Модильяни бредил Египтом. Он водил меня в Лувр смотреть египетский отдел, уверял, что все остальное (*tout le reste*) недостойно внимания. Рисовал мою голову в убранстве египетских цариц и танцовщиц и казался совершенно захвачен великим искусством Египта. Очевидно, Египет был его последним увлечением. Уже очень скоро он становится столь самобытным, что ничего не хочется вспоминать, глядя на его холсты. Теперь этот период Модильяни называют *Période negre*.

Он говорил: «*Les bijoux doivent être sauvages*» (по поводу моих африканских бус) и рисовал меня в них. Водил меня

смотреть le vieux Paris derrière le Panthéon ночью при луне. Хорошо знал город, но все-таки мы один раз заблудились. Он сказал: «J'ai oublié qu'il y a une Île au milieu». Это он показал мне настоящий Париж.

По поводу Венеры Милосской говорил, что прекрасно сложенные женщины, которых стоит лепить и писать, всегда кажутся неуклюжими в платьях.

В дождик (в Париже часто дожди) Модильяни ходил с огромным очень старым черным зонтом. Мы иногда сидели под этим зонтом на скамейке в Люксембургском саду, шел теплый летний дождь, около дремал le vieux palais à Italienne, а мы в два голоса читали Верлена, которого хорошо помнили наизусть, и радовались, что помним одни и те же вещи.

Я читала в какой-то американской монографии, что, вероятно, большое влияние на Модильяни оказала Беатриса X.*, та самая, которая называет его «perle et rougeau». Могу и считаю необходимым засвидетельствовать, что ровно таким же просвещенным Амедей был уже задолго до знакомства с Беатрисой X., т. е. в 10-м году. И едва ли дама, которая называет великого художника поросенком, может кого-нибудь просветить. Первый иностранец, увидевший у меня мой портрет работы Модильяни, в ноябре 1945 года в Фонтанном Доме, сказал мне об этом портрете нечто такое, что я не могу «ни вспомнить, ни забыть», как сказал один неизвестный поэт о чем-то совсем другом.

Люди старше нас показывали, по какой аллее Люксембургского сада Верлен, с оравой почитателей, из «своего кафе», где он ежедневно витийствовал, шел в «свой ресторан» обедать. Но в 1911 году по этой аллее шел не Верлен, а высокий господин в безукоризненном сюртуке, в цилиндре, с ленточкой «Почетного легиона», — а соседи шептались: «Анри де Реньель»

Для нас обоих это имя никак не звучало. Об Анатоле Франсе Модильяни (как, впрочем, и другие просвещенные парижане) не хотел и слышать. Радовался, что и я его тоже не любила. А Верлен в Люксембургском саду существовал только в виде памятника, который был открыт в том же году.

* Цирковая наездница из Трансвааля (см. статью P. Guillaume «Les arts à Paris», 1920, № 6, с. 1—2. Подтекст, очевидно, такой: «Откуда же провинциальный еврейский мальчик мог быть всесторонне и глубоко образованным?»)

Да, про Гюго Модильяни просто сказал: «Mais Hugo — c'est déclamatoire?»

Как-то раз мы, вероятно, плохо сговорились и я, зайдя за Модильяни, не застала его и решила подождать его несколько минут. У меня в руке была охапка красных роз. Окно над запертыми воротами мастерской было открыто. Я, от нечего делать, стала бросать в мастерскую цветы. Не дождавшись Модильяни, я ушла.

Когда мы встретились, он выразил недоумение, как я могла попасть в запертую комнату, когда ключ был у него. Я объяснила, как было дело. «Не может быть, — они так красиво лежали...»

Модильяни любил ночами бродить по Парижу, и часто, заслышав его шаги в сонной тишине улицы, я, оторвавшись от стола, подходила к окну и сквозь жалюзи следила за его тенью, медлившей под моими окнами... Днем я Модильяни, конечно, совсем не боялась, но когда ночью через ставни видела, что он стоит под окном, мне делалось страшно.

То, чем был тогда Париж, уже в начале двадцатых годов называлось «vieux Paris» или «Paris avant guerre». Еще во множестве процветали фиакры. У кучеров были свои кабачки, которые назывались «Au rendez-vous des cochers», и еще живы были мои молодые современники, которые скоро погибли на Марне и под Верденом. Все левые художники, кроме Модильяни, были признаны. Пикассо был столь же знаменит, как сегодня, но тогда говорили «Пикассо и Брак». Ида Рубинштейн играла Саломею, становились изящной традицией дягилевские Ballets Russes (Стравинский, Нижинский, Павлова, Карсавина, Бакст).

Мы знаем теперь, что судьба Стравинского тоже не осталась прикованной к десятым годам, что творчество его стало высшим музыкальным выражением духа XX века. Тогда мы этого еще не знали. 20 июня 1910 года была поставлена «Жар-птица». 13 июня 1911 Фокин поставил у Дягилева «Петрушку».

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще не совсем закончена (бульвар Raspail). Вернер, друг Эдисона, показал мне в *Taverne de Pantéon* два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы — тут большевики, а там меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (*jupes-culottes*), то почти пеленали ноги (*jupes entravées*). Стихи были в полном

запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию.

Рене Гиль проповедовал «научную поэзию», и его так называемые ученики с превеликой неохотой слушали мэтра.

Католическая церковь канонизировала Жанну д'Арк.

Et Jehanne, la bonne Lorraine,
Qu'Anglois brûlerent à Rouen...

Я вспомнила эти строки бессмертной баллады, глядя на статуэтки новой святой. Они были весьма сомнительного вкуса, и их начали продавать в лавочках церковной утвари.

Итальянский рабочий украл Джоконду Леонардо, чтобы вернуть ее на родину.

Шло знойное лето 1911 года.

Модильяни очень жалел, что не может понимать мои стихи, и подозревал, что в них таятся какие-то чудеса, а это были только первые робкие попытки (например, в «Аполлоне» 1911 г.). Над «аполлоновской» живописью («Мир искусства») Модильяни откровенно смеялся.

Меня поразило, как Модильяни нашел красивым одного заведомо некрасивого человека и очень настаивал на этом. Я уже тогда подумала: он, наверно, видит все не так, как мы.

Во всяком случае, то, что в Париже называют модой, украшая это слово роскошными эпитетами, Модильяни не замечал вовсе.

Рисовал он меня не с натуры, а у себя дома, — эти рисунки он дарил мне. Их было шестнадцать. Он просил, чтобы я их окантовала и повесила в моей комнате. Они погибли в царско-сельском доме в первые годы революции. Уцелел один, в нем, к сожалению, меньше, чем в остальных, предчувствуются его будущие «ню»...

Больше всего мы говорили с ним о стихах. Мы оба знали очень много французских стихов: Верлена, Лафорга, Малларме, Бодлера.

Данта он мне никогда не читал. Быть может, потому, что я тогда еще не знала итальянского языка.

Как-то раз он сказал: «J'ai oublié de vous dire que je suis juif». Что он родом из-под Ливорно — сказал сразу и что ему двадцать четыре года, а было ему двадцать шесть...

Говорил, что его интересовали авиаторы (по-теперешнему — летчики), но когда он с кем-то из них познакомился, то разочаровался: они оказались просто спортсменами (чего он ждал?).

В это время ранние, легкие* и, как всякому известно, похожие на этажерки, аэропланы кружились над моей ржавой и кривоватой современницей (1889) — Эйфелевой башней.

Она казалась мне похожей на гигантский подсвечник, забытый великаном среди столицы карликов. Но это уже нечто гулливеровское.

...а вокруг бушевал недавно победивший кубизм, оставшийся чуждым Модильяни.

Марк Шагал уже привез в Париж свой волшебный Виттебск, а по парижским бульварам разгуливало в качестве неизвестного молодого человека еще не взошедшее светило — Чарли Чаплин. «Великий немой» (как тогда называли кино) еще красноречиво безмолвствовал.

«А далеко на севере»... в России умерли Лев Толстой, Врубель, Вера Комиссаржевская, символисты объявили себя в состоянии кризиса, и Александр Блок пророчествовал в стихах:

«О, если б знали, дети, вы
Холод и мрак грядущих дней...»

и

«Земле несущий динамит...»

и в прозе:

«Когда Великий Китай двинется на нас...» (1911 г.).

Три кита, на которых ныне покоится XX век, — Пруст, Джойс и Кафка — еще не существовали как мифы, хотя и были живы как люди.

В следующие годы, когда я, уверенная, что такой человек должен просиять, спрашивала о Модильяни у приезжающих из Парижа, ответ был всегда одним и тем же: не знаем, не слышали**.

* См. у Гумилева:

На тяжелых и гулких машинах
Грозовые пронзят облака.

** Его не знали ни А. Экстер (художница, из школы которой вышли все «левые» художники Киева), ни Б. Анреп (известный мозаичист), ни Н. Альтман, который в эти годы (1914–1915) писал мой портрет.

Только раз Н. С. Гумилев, когда мы в последний раз вместе ехали к сыну в Бежецк (в мае 1918 г.) и я упомянула имя Модильяни, назвал его «пьяным чудовищем» или чем-то в этом роде и сказал, что в Париже у них было столкновение из-за того, что Гумилев в какой-то компании говорил по-русски, а Модильяни протестовал. А жить им обоим оставалось примерно три года, и обоих ждала громкая посмертная слава.

К путешественникам Модильяни относился пренебрежительно. Он считал, что путешествия — это подмена истинного действия. «Les chants de Maldoror» постоянно носил в кармане; тогда эта книга была библиографической редкостью. Рассказывал, как пошел в русскую церковь к пасхальной заутрене, чтобы видеть крестный ход, так как любил пышные церемонии. И как некий, «вероятно, очень важный господин» (надо думать — из посольства) похристосовался с ним. Модильяни, кажется, толком не разобрал, что это значит...

Мне долго казалось, что я никогда больше о нем ничего не услышу... А я услышала о нем очень много...

Эпилог

В начале нэпа, когда я была членом Правления тогдашнего Союза писателей, мы обычно заседали в кабинете Александра Николаевича Тихонова (Ленинград, Моховая, 36, издательство «Всемирная литература»). Тогда снова наладились почтовые сношения с заграницей, и А<лексей> Н<иколаевич> получал много иностранных книг и журналов. Мы любили их просматривать. Кто-то (во время заседания) передал мне номер французского художественного журнала. Я открыла — фотография Модильяни. Крестик. Большая статья типа некролога (описание похорон). Из нее я узнала, что он — великий художник XX века (помнится, там его сравнивали с Боттичелли), что о нем уже есть монографии по-английски и по-итальянски. Потом, в тридцатых годах, мне много рассказывал о нем Эренбург, который знал его позже, чем я (как, впрочем, и все остальные), и посвятил ему стихи в книге «Стихи о канунах». Читала я о Модильяни и у Карко, в книге «От Монмартра до Латинского квартала», и в бульварном романе, где автор соединил его с Утрилло. С уверенностью могу сказать,

что это существо на Амедея десятого-одиннадцатого годов совершенно не похоже, а то, что сделал автор, относится к ряду запрещенных приемов.

Теперь его даже у нас знают люди, интересующиеся искусством. А там он так знаменит, что ему посвящен фильм «Монпарнас, 19» и его играет Жерар Филипп. Ужас!

Болшево, 1958 — Москва, 1964

18 апреля 1964

Прибавить к Модю

...а когда через 54 года в ослепительный июньски<й> день я ехала мимо Люксембургского сада, то вдруг вспомнила, что Модю страдал какими-то странными удушьями, начинал рвать рубашку на груди и уверял, что задыхается в саду...

<1958—1965>

<Дополнения к воспоминаниям «Амедео Модильяни»>

...Статья как бы пустила ростки (как клубника) и пошла, пошла, на глазах превращаясь в автобиографию. Пришлось отрезать в самом интересном месте, так что итальянские читатели не узнают, как 1 сент<ября> <19>11 г. я в Киеве в извозчицк<ой> пролетке пропускала царский поезд и киевское дворянство, направляющ<ееся> в театр, где через час будет убит Столыпин. <...>

Модю писал мне: «Vous êtes en moi comme une hantise». И «Je tiens votre télé entre mes mains et je vous couvre d'amour».

ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ

В Петербурге осенью 1913 года, в день чествования в каком-то ресторане приехавшего в Россию Верхарна, на Бестужевских курсах был большой закрытый (то есть только для курсисток) вечер. Кому-то из устроительниц пришло в голову пригласить меня. Мне предстояло чествовать Верхарна, которого я нежно любила не за его прославленный урбанизм, а за одно маленькое стихотворение «На деревянном мостике у края света».

Но я представила себе пышное петербургское ресторанный чествование, почему-то всегда похожее на поминки, фраки, хорошее шампанское, и плохой французский язык, и тосты — и предпочла курсисток.

На этот вечер приехали и дамы-патронессы, посвятившие свою жизнь борьбе за равноправие женщин. Одна из них, писательница Ариадна Владимировна Тыркова-Вергежская, знавшая меня с детства, сказала после моего выступления: «Вот Аничка для себя добилась равноправия».

В артистической я встретила Блока.

Я спросила его, почему он не на чествовании Верхарна. Поэт ответил с подкупающим прямодушием: «Оттого, что там будут просить выступать, а я не умею говорить по-французски».

К нам подошла курсистка со списком и сказала, что мое выступление после блоковского. Я взмолилась: «Александр Александрович, я не могу читать после вас». Он — с упреком — в ответ: «Анна Андреевна, мы не тенора». В это время он уже был известнейшим поэтом России. Я уже два года довольно часто читала мои стихи в Цехе поэтов, и в Обществе Ревнителеев Художественного Слова, и на Башне Вячеслава Иванова, но здесь все было совершенно по-другому.

Насколько скрывает человека сцена, настолько его беспощадно обнажает эстрада. Эстрада что-то вроде плахи. Может быть, тогда я почувствовала это в первый раз. Все присутствующие начинают казаться выступающему какой-то много-

головой гидрой. Владеть залой очень трудно — гением этого дела был Зощенко. Хорош на эстраде был и Пастернак.

Меня никто не знал, и, когда я вышла, раздался возглас: «Кто это?» Блок посоветовал мне прочесть «Все мы бражники здесь». Я стала отказываться: «Когда я читаю „Я надела узкую юбку“, — смеются». Он ответил: «Когда я читаю „И пьяницы с глазами кроликов“, — тоже смеются».

Кажется, не там, но на каком-то литературном вечере Блок прослушал Игоря Северянина, вернулся в артистическую и сказал: «У него жирный адвокатский голос».

В одно из последних воскресений тринадцатого года я принесла Блоку его книги, чтобы он их надписал. На каждой он написал просто: «Ахматовой — Блок». (Вот «Стихи о Прекрасной Даме».) А на третьем томе поэт написал посвященный мне мадригал: «Красота страшна, вам скажут...» У меня никогда не было испанской шали, в которой я там изображена, но в это время Блок бредил Кармен и испанизировал и меня. Я и красной розы, разумеется, никогда в волосах не носила. Не случайно это стихотворение написано испанской строфой романсеро. И в последнюю нашу встречу за кулисами Большого драматического театра весной 1921 года Блок подошел и спросил меня: «А где испанская шаль?» Это последние слова, которые я слышала от него.

В тот единственный раз, когда я была у Блока, я между прочим упомянула, что поэт Бенедикт Лившиц жалуется на то, что он, Блок, одним своим существованием мешает ему писать стихи. Блок не засмеялся, а ответил вполне серьезно: «Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой».

Летом 1914 года я была у мамы в Дарнице, под Киевом. В начале июля я поехала к себе домой, в деревню Слепнево, через Москву. В Москве сажусь в первый попавшийся почтовый поезд. Курю на открытой площадке. Где-то, у какой-то пустой платформы, паровоз тормозит, бросают мешок с письмами. Перед моим изумленным взором неожиданно вырастает Блок. Я вскрикиваю: «Александр Александрович!» Он оглядывается и, так как он был не только великим поэтом, но и мастером тактичных вопросов, спрашивает: «С кем вы едете?» Я успеваю ответить: «Одна». Поезд трогается.

Сегодня, через 51 год, открываю «Записную книжку» Блока и под 9 июля 1914 года читаю: «Мы с мамой ездили осмат-

ривать санаторию за Подсолнечной. — Меня бес дразнит. — Анна Ахматова в почтовом поезде».

Блок записывает в другом месте, что я вместе с Дельмас и Е. Ю. Кузьминой-Караваевой измучила его по телефону. Кажется, я могу дать по этому поводу кое-какие показания.

Я позвонила Блоку. Александр Александрович со свойственной ему прямоотой и манерой думать вслух спросил: «Вы, наверное, звоните, потому что Ариадна Владимировна Тыркова передала вам, что я сказал о вас?» Умирая от любопытства, я поехала к Ариадне Владимировне на какой-то ее приемный день и спросила, что сказал Блок. Но она была неумолима: «Аничка, я никогда не говорю одним моим гостям, что о них сказали другие».

«Записная книжка» Блока дарит мелкие подарки, извлекая из бездны забвения и возвращая даты полузабытым событиям: и снова деревянный Исаакиевский мост, пылая, плывет к устью Невы, а я с моим спутником с ужасом глядим на это невиданное зрелище, и у этого дня есть дата — 11 июля 1916 года, отмеченная Блоком.

И снова я уже после Революции (21 января 1919 г.) встречаю в театральной столовой исхудалого Блока с сумасшедшими глазами, и он говорит мне: «Здесь все встречаются, как на том свете».

А вот мы втроем (Блок, Гумилев и я) обедаем (5 августа 1914 г.) на Царскосельском вокзале в первые дни войны (Гумилев уже в солдатской форме). Блок в это время ходит по семьям мобилизованных для оказания им помощи. Когда мы остались вдвоем, Коля сказал: «Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это то же самое, что жарить соловьев».

А через четверть века все в том же Драматическом театре — вечер памяти Блока (1946), и я читаю только что написанные мною стихи:

Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит —
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

ЛОЗИНСКИЙ

Завтра день молитвы и печали.

Меня познакомила с ним Лиза Кузьмина-Караваева в 1911 на втором собрании Цеха поэтов* (у нее) на Манежной площади. Это была великолепная квартира Лизиной матери (Пиленко), рожденной чуть ли не Нарышкиной. Сама Лиза жила с Митей Кузьминым-Караваевым по-студенчески. Внешне Михаил Леонидович был тогда элегантным петербуржцем и восхитительным остряком, но стихи были строгие, всегда высокие, свидетельствующие о напряженной духовной жизни**. Я считаю, что лучшее из написанных тогда мне стихов принадлежит ему («Не забывшая»).

Дружба наша началась как-то сразу и продолжалась до его смерти (31 января 1955 г.). Тогда же, т. е. в 10-х годах, составил некий триумвират: Лозинский, Гумилев и Шилейко. С Лизой Гумилев играл в карты, они были на «ты» и называли друг друга по имени-отчеству. Целовались, здороваясь и прощаясь. Пили вместе так называемый «флогистон» (дешевое разливное вино). Оба, Лозинский и Гумилев, свято верили в гениальность третьего (Шилея) и, что уже совсем непростительно, — в его святость. Это они (да простит им Господь) внушили мне, что равного ему нет на свете. Но это уже другая тема.

Лозинский кончил два факультета СПб университета (юридический для отца и филологический для себя) и был образованнее всех в Цехе. (О шилейкинском чаромутии не берусь судить.) Это он при мне сказал Осипу, чтобы тот исправил стих «И отравительница Федра», потому что Федра никого не отравляла, а просто была влюблена в своего

* На этот вечер не пошел Блок (см. «Записные книжки»).

** Это те стихи, которые нынче никто не любит. Его и не любили. «Горный ключ» успеха не имел.

пасынка. Гуму он тоже не раз поправлял мифологические и прочие оплошности*.

Шилейко толковал ему Библию и Талмуд. Но главное, конечно, были стихи.

Гумилев присоветовал Маковскому пригласить Лозинского в секретари в «Аполлон». Лучшего подарка он не мог ему сделать. Бездельник и болтун Маковский (Pará Masó, или «Моль в перчатках») был за своим секретарем как за каменной стеной. Лозинский прекрасно знал языки и был до преступности добросовестным человеком. Скоро он начал переводить, счастливо угадав, к чему «ведом»**. На этом пути он достиг великой славы и оставил образцы непревзойденного совершенства. Но все это гораздо позже. Тогда же он ездил с Татьяной Борисовной в оперу, постоянно бывал в «Бродячей Собаке» и возился с аполлоновскими делами. Это не помешало ему стать редактором нашего «Гиперборея»*** и держать корректуры моих книг. Он делал это безукоризненно, как все, что он делал****. Я капризничала, а он ласково говорил: «Она занималась со своим секретарем и была не в духе». Это на «Тучке», когда мы смотрели «Четки»*****, и через много, много лет («Из шести книг», 1940): «Конечно, раз Вы так сказали, так и будут говорить, но может быть лучше не портить русский язык?» И я исправляла ошибку. Последняя его помощь мне: чтение рукописи «Марьон Делорм». Смотрел он и мои «Письма Рубенса», для чего заходил в Фонтанный Дом после работы в Публичной библиотеке.

Во время голода М<ихаил> Л<еонидович> и его жена еле на ногах держались, а их дети были толстые, розовые, с опытной и тоже толстой няней. М<ихаил> Л<еонидович> был весь в фурункулах от недоедания...

В 30-х годах — тяжелые осложнения в личной жизни: он полюбил молодую девушку. Она была переводчицей*****

* Например, «Самотрасская победа — Самофракийская...».

** См. Бенвенуто Челлини. Пер. Лозинского.

*** И даже устраивать гиперборейские пятницы в своем доме. См.:
«По пятницам в „Гиперборее“
Расцвет акмеистичных роз...»

**** А какие-то чудачки читали доклады: «Пунктуация Анны Ахматовой».

***** «Вечер» он не смотрел.

***** Конечно, и сама писала, и даже неплохо.

и его ученицей. Никаких подробностей я не знаю, и, если бы знала, не стала бы, разумеется, их сообщать, но на каком-то вечере во «Всемирной литературе» (Моховая, 36) она потребовала, чтобы он на ней женился, оставив семью. Все кончилось тем, что М<ихаил> Л<еонидович> оказался в больнице*. Она вышла замуж, но скоро умерла. Когда она умирала, он ходил в больницу — дежурил всю ночь.

Хворал он долго и страшно. В 30-х годах его постигло страшное бедствие: разрастание гипофиза, искажившее его. У него так болела голова, что он до 6-ти часов не показывался даже близким. Когда наконец справились с этим и с горловой чахоткой, пришла астма и убила его.

В прошлогодней телевизионной передаче (которую все же имеет смысл найти) я вспомнила много мелочей о Лозинском, кот<орые> не следует забывать (о методе перевода «Divina Comedia» и др.).

В моей книге должна быть глава о моем дорогом незабвенном друге, образце мужества и благородства. (Это развить.)

Последней его радостью были театральные постановки его переводов. Он пригласил меня на «Валенсианскую вдову». В середине действия я шепнула ему: «Боже мой, Михаил Леонидович, — ни одной банальной рифмы. Это так странно слышать со сцены». — «Кажется, — да», — ответил этот чудодей.

«Собака на сене» всегда имела оглушительный успех.

1. О переводе «Гамлета» и испанцев (с цитатой). Мелкие завистливые и невежественные люди уверяют, что «Гамлет» — тяжел, темен и т. п. Им не приходит в голову, что он *именно* таков в оригинале, а что Лозинский умел быть легким, прозрачным, легучим, как никто, мы знаем хотя бы из испанских комедий:

.....
.....

* Он много и подолгу лежал в больницах. Я всегда его навещала. Раз он сказал мне: «У меня так болела нога, что когда я увидел первого человека с воли — я заплакал». А когда показал мне (в Мариинской больнице) фотоснимок разросшегося гипофиза, сказал: «Здесь мне скажут, когда я умру». Сказал это совершенно спокойно.

.....
..... (цитата)

2. О его советах (не читать чужой перевод, пока не кончишь свой), «Иначе память может сыграть с вами злую шутку».

Он был с нами в первые дни войны 1914 г. Ему я всегда давала Колины стихи с фронта (для «Аполлона»). Наша переписка сохранилась.

Мой рисунок Судейкина, который всегда висел в кабинете М<ихаила> Л<еонидовича>, возник так. Я пришла с Судейкиным в редакцию «Аполлона». К Лозинскому, конечно. (У Макó я никогда не была). Села на диван. Сергей Юрьевич нарисовал меня на бланке «Аполлона» и подарил Михаилу Леонидовичу.

Как все люди искусства, Лозинский влюблялся довольно легко. К моей Вале (она одно время работала в Публичной библиотеке) относятся «Тысячелетние глаза / И с цепью маленькие руки» (браслет). И как истинный поэт предсказал свою смерть:

И будет страшное к истлению готово.

Это про свое тело. Еще молодой и здоровый, он словно видит себя искаженным грозным недугом. (Стихи от нач. 20-х годов.)

Лозинский до тонкости знал орфографию и законы пунктуации чувствовал, как люди чувствуют музыку: «Точка-тире — такого знака нет по-русски, а у Вас есть», — говаривал он, когда держал корректуру моих стихов.

Ах! одна в семье умеет
Грамоте она, —

постоянно говорил про него Гумилев.

Нечего говорить, что «Гиперборей» весь держался на Лозинском. Он, вероятно, почти всегда выкупал номер в типографии (кажется, 40 рублей), держал корректуру и совместно с синдиками приглашал сотрудников.

В другом месте я уже писала («Листки из дневника»), что когда был прокламирован акмеизм (1911), Лозинский (и В. В. Гип-

пиус) отказались примкнуть к новой школе. Кажется, даже от Бальмонта М<ихаил> Л<еонидович> не хотел отречься, что, на мой взгляд, уже чрезмерно.

«Многомятежно ремесло твое, о Царица», — часто говорил мне Лозинский, а я так и не знаю, откуда это. Очевидно, из каких-то древних русских письменных источников.

Когда Шилейко женился на мне, он почти перестал из-за своей сатанинской ревности видеться с Лозинским. М<ихаил> Л<еонидович> не объяснялся с ним и только грустно сказал мне: «Он изгнал меня из своего сердца».

Ивановский, ученик и секретарь М<ихаила> Л<еонидовича>, сказал мне, что Лозинский ни одно письмо не отправлял, не оставив себе копии. Таким образом, я могу быть уверена, что все его письма ко мне существуют, несмотря на то что оригиналы большинства из них погибли у меня, потому что все, что у меня, неизбежно гибнет.

Чем больше я пишу, тем больше вспоминаю. Какие-то дальние поездки на извозчике, когда дождь уютно барабанит по поднятому верху пролетки и запах моих духов (Avia) сливается с запахом мокрой кожи, и вагон Царскосельской железной дороги (это целый мир), и собрания Цеха, когда М<ихаил> Л<еонидович> говорил своим незабываемым голосом. (Как страшно мне было услышать этот голос на вечере Его памяти в Союзе, когда откуда-то сверху М<ихаил> Л<еонидович> стал читать какую-то песнь «Ада».)

О гражданском мужестве Лозинского знали все вокруг, но когда на собрании (1950) Правления, при восстановлении меня в Союзе ему было поручено сказать речь, все вздрогнули, когда он припомнил слова Ломоносова о том, что скорее можно отставить Академию от него, чем наоборот. А про мои стихи сказал, что они будут жить столько же, как язык, на котором они написаны.

Я с ужасом смотрела на потупленные глаза «великих писателей Земли Русской», когда звучала эта речь. Время было серьезное...

Теперь, когда я еду к себе в Будку, в Комарово, мне всегда надо проезжать мимо огромного дома на Кировском проспекте, и я вижу мраморную доску («Здесь он жил...») и думаю: «Здесь он жил, а теперь он живет в сердцах тех, кто знал его и никогда не забудет, потому что доброту, благородство и великодушие нельзя забыть».

1966

<О МАНДЕЛЬШТАМЕ>

Листки из дневника

1

...28 июля 1957 г.

...и смерть Лозинского каким-то образом оборвала нить моих воспоминаний. Я больше не смею вспоминать что-то, что он уже не может подтвердить (о Цехе поэтов, акмеизме, журнале «Гиперборей» и т. д.). Последние годы из-за его болезни мы очень редко встречались, и я не успела договорить с ним чего-то очень важного и прочесть ему мои стихи тридцатых годов (т. е. «Реквием»). Вероятно, потому он в какой-то мере продолжал считать меня такой, какой знал когда-то в Царском Селе. Это я выяснила, когда в 1940 г. мы смотрели вместе корректуру сборника «Из шести книг».

.....
Что-то в этом роде было и с Мандельштамом (который, конечно, все мои стихи знал), но по-другому. Он вспоминать не умел, вернее, это был у него какой-то иной процесс, названия которому сейчас не подберу, но несомненно близкий к творчеству. (Пример — Петербург в «Шуме времени», увиденный сияющими глазами ребенка.)

Мандельштам был одним из самых блестящих собеседников: он слушал не самого себя и отвечал не самому себе, как сейчас делают почти все. В беседе был учтив, находчив и бесконечно разнообразен. Я никогда не слышала, чтобы он повторялся или пускал заигранные пластинки. С необычайной легкостью О<сип> Э<милевич> выучивал языки. «Божественную комедию» читал наизусть страницами по-итальянски. Незадолго до смерти просил Надю выучить его английскому языку, которого совсем не знал. О стихах говорил ослепительно, пристрастно и иногда бывал чудовищно несправедлив, например к Блоку. <1> О Пастернаке говорил:

«Я так много думаю о нем, что даже устал» и «Я уверен, что он не прочел ни одной моей строчки»*. О Марине: «Я — антицветаевец»**.

В музыке О<сип> был дома, и это крайне редкое свойство. Больше всего на свете боялся собственной немоты. Называл ее удушьем. Когда она настигала его, он метался в ужасе и придумывал какие-то нелепые причины для объяснения этого бедствия.

Вторым и частым его огорчением были читатели. Ему постоянно казалось, что его любят не те, кто надо. Он хорошо знал и помнил чужие стихи, часто влюблялся в отдельные строчки. Например: «На грязь, горячую от топота коней, / Ложится белая одежда брата-снега...» (Я помню это только с его голоса. Чье это?) Легко запоминал прочитанное ему.

Любил говорить про что-то, что называл своим «истуканством». Иногда, желая меня потешить, рассказывал какие-то милые пустяки. Например, стих Малларме «La jeunne mère allaitant son enfant» он будто бы в ранней юности перевел так: «И молодая мать, кормящая со сна». <2> Смешили мы друг друга так, что падали на поющий всеми пружинами диван на «Тучке» и хохотали до обморочного состояния, как кондитерские девушки в «Улиссе» Джойса.

Я познакомилась с О<сипом> Мандельштамом на «Башне» Вячеслава Иванова весной 1911 года. Тогда он был худощавым мальчиком, с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, [с пылающими глазами и] с ресницами в полщеки. Второй раз я видела его у Толстых на Старо-Невском, он не узнал меня, и А<лексей> Н<иколаевич> стал его расспрашивать, какая жена у Гумилева, и он показал руками, какая на мне была большая шляпа. Я испугалась, что произойдет что-то непоправимое, и назвала себя. <3>

Это был мой первый Мандельштам, автор зеленого «Камня» (изд. «Акмэ») с такой надписью: «Анне Ахматовой — вспышки сознания в беспамятстве дней. Почтительно — Автор».

Со свойственной ему прелестной самоиронией Осип любил рассказывать, как старый еврей, хозяин типографии, где

* Будущее показало, что он был прав (см. автобиографию Пастернака, где он пишет, что в свое время не оценил четырех поэтов: Гумилева, Хлебникова, Багрицкого и Мандельштама).

** Может быть, оттого, что зарубежная Цветаева осталась ему неизвестной.

печатался «Камень», поздравляя его с выходом книги, пожал ему руку и сказал: «Молодой человек, вы будете писать все лучше и лучше».

Я вижу его как бы сквозь редкий дым — туман Васильевского острова и в ресторане бывш<ем> «Кинши»*, где когда-то, по легенде, Ломоносов пропил казенные часы и куда мы (Гумилев и я) иногда ходили завтракать с «Тучки»**.

Этот Мандельштам — щедрый сотрудник, если не соавтор «Антологии античной глупости», которую члены Цеха поэтов сочиняли (почти все, кроме меня) за ужином («Лесбия, где ты была», «Сын Леонида был скуп»).

Странник! Откуда идешь? — Я был в гостях у
Шилея.

Дивно живет человек, за обедом кушает гуся,
Кнопки ль коснется рукой — сам зажигается свет.
Если такие живут на Четвертой Рождественской
люди,

Странник, ответствуй, молю, кто же живет
на Восьмой?

Помнится, это работа Осипа. Зенкевич того же мнения***.
Эпиграмма на Осипа:

Пепел на левом плече, и молчи —
Ужас друзей! — Златозуб.

(Это — «Ужас морей — однозуб».)

Это, может быть, даже Гумилев сочинил. Куря, Осип всегда стравивал пепел как бы за плечо, однако на плече обычно нарастала горка пепла.

Может быть, стоит сохранить обрывки сочиненной Цехом пародии на знаменитый сонет Пушкина («Суровый Дант не презирал сонета»):

Valere Brusoff не презирал сонета,
Венки из них Иванов заплетал,
Размеры их любил супруг Анеты,

* Угол 2-ой линии и Большого проспекта. Теперь там парикмахерская.

** Никаких собраний на «Тучке» не бывало, и быть не могло. Это была просто студенческая комната Николая Степановича, где и сидеть-то было не на чем. Описание файфоклока на «Тучке» (Георгий Иванов, «Поэты») выдуманно от первого до последнего слова. Н. В. Н<едоброво> не переступал порога «Тучки».

*** См. «Воздушные пути», № 3, стр. ...

Не плоше ль их Волошин лопотал.
И многие пленялись им поэты,
Кузмин его извощиком избрал,
Когда, забыв воланы и ракеты,
Скакал за Блоком, да не доскакал!
Владимир Нарбут, этот волк заправский,
Не в метафизический сюртук облек
пом- И для него Зенкевич пренебрег
ню Алмазными росинками Моравской.

Вот стихи (триолеты) об этих пятницах (кажется, В. В. Гиппиуса):

1. По пятницам в «Гиперборее»
Расцвет литературных роз
.....
Выходит Михаил Лозинский,
Покуривая и шутя,
Рукой лаская исполинской
Свое журнальное дитя.
2. У Николая Гумилева
Высоко задрана нога,
Для романтического сева
Разбрасывая жемчуга.
Пусть в Царском громко плачет Лева,
У Николая Гумилева
Высоко задрана нога.
3. Печальным взором и манящим
Глядит Ахматова на всех.
Был выхухолем настоящим
Ее благоуханный мех,
Глядит в глаза гостей молчащих
.....
.....
4. Мандельштам Иосиф,
В акмеистическое ландо сев.....

Недавно найдены письма О<сипа> Э<милевича> к Вячеславу Иванову (1909). Это письма участника Проакадемии (по «Башне»). Это Мандельштам-символист. Следов того, что Вяч<еслав> Иванов ему отвечал, пока нет. Их писал мальчик 18-ти лет, но можно поклясться, что автору тех писем — сорок. Там же множество стихов. Они хороши, но в них нет того, что мы называем — Мандельштамом.

Воспоминания сестры Аделаиды Герцык утверждают, что Вяч<еслав> Иванов не признавал нас всех. В 1911 никакого пиетета к Вяч<еславу> Иванову в Мандельштаме не было. Цех бойкотировал «Академию стиха». См., например:

Вячеслав, Веслав Иванов,
Телом крепкий как орех,
Академию диванов
Колесом пустил на Цех.....

<4>

Когда в 191<4> году Вяч<еслав> Иванов приехал в Петербург, он был у Сологубов на Разъезжей. Необычайно парадный вечер и великолепный ужин. В гостиной подошел ко мне Мандельштам и сказал: «Мне кажется, что один мэтр — это зрелище величественное, а два — немного смешное».

<5>

В десятые годы мы, естественно, всюду встречались: в редакциях, у знакомых, на пятницах в «Гиперборее», т. е. у Лозинского, в «Бродячей собаке», где он, между прочим, представил мне Маяковского*, о чем очень потешно рассказывал Харджиеву в <19>30-х годах; в «Академии стиха» (Общество ревнителей художественного слова, где царил Вячеслав Иванов) и на враждебных этой Академии собраниях Цеха поэтов, где Мандельштам очень скоро стал первой скрипкой. Тогда же он написал таинственное (и не очень удачное) стихотворение про «Черного ангела на снегу». Надя утверждает, что оно относится ко мне.

С этим черным ангелом дело обстоит, мне думается, довольно сложно. Стихотворение для тогдашнего Мандельштама слабое и невнятное. Оно, кажется, никогда не было напечатано. По-видимому, это результат бесед с Вл. К. Шилейко, который тогда нечто подобное говорил обо мне. Но Осип тогда еще «не умел» (его выражение) писать стихи «женщине и о женщине». «Черный ангел», вероятно, первая проба, и этим объясняется его близость к моим строчкам:

* Как-то раз в «Собаке», когда все шумно ужинали и гремели посудой, Маяковский вздумал читать стихи. Осип Эмильевич подошел к нему и сказал: «Маяковский, перестаньте читать стихи. Вы не румынский оркестр». Это было при мне (1912–1913 гг.). Остроумный Маяковский не нашелся что ответить.

Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд,
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу растут.

«Четки»

Мне эти стихи Мандельштам никогда не читал. Известно, что беседы с Шилейко вдохновили его на стихотворение «Египтянин».

<6>

Гумилев рано и хорошо оценил Мандельштама. Они познакомились в Париже (см. конец стихотворения Осипа о Гумилеве. Там говорилось, что Н<иколай> С<тепанович> был напудрен и в цилиндре:

Но в Петербурге акмеист мне ближе,
Чем романтический Пьеро в Париже).

<7>, <8>

Символисты никогда его не приняли.

Приезжал О<сип> Э<мильевич> <и> в Царское. Когда он влюблялся, что происходило довольно часто, я несколько раз была его конфиденткой. Первой на моей памяти была Анна Михайловна Зельманова-Чудовская, красавица-художница. Она написала его на синем фоне с закинутой головой (1914? на Алексеевской улице). Анне Михайловне он стихов не писал, на что сам горько мне жаловался — еще не умел писать любовные стихи. Второй была Цветаева, к которой были обращены крымские и московские стихи; третьей — Саломея Андроникова (Андреева, теперь Гальперн, которую Мандельштам обессмертил в книге «Tristia» («Когда, Соломинка, <не спишь в огромной спальне...>»*)).

В Варшаву О<сип> Э<мильевич> действительно ездил, и его там поразило гетто (это помнит и М. А. З<енкевич>), но о попытке самоубийства его, о которой сообщает Георгий Иванов, даже Надя не слыхивала, как и о дочке Липочке, которую она якобы родила.

* Там был стих: «Что знает женщина одна о смертном часе...». Ср. мое — «Не смертного ль часа жду...»

Я помню эту великолепную спальню Саломеи на Васильевском острове.

В начале революции (1920), в то время, когда я жила в полном уединении и даже с ним не встречалась, он был одно время влюблен в актрису Александрийского <sic! — Н. К.> театра Ольгу Арбенину, ставшую женой Ю. Юркуна, и писал ей стихи («За то, что я руки твои...» и т. д.). <9> Рукописи якобы пропали во время блокады, однако я недавно видела их у Х.

Замечательные стихи обращены к Ольге Ваксель и к ее тени — «В холодной стокгольмской постели...» (ей же: «Хочешь, валенки сниму»).

Всех этих дореволюционных дам (боюсь, что, между прочим, и меня) он через много лет назвал «нежными европейками»:

«И от красавиц тогдашних, от тех европейнок нежных,
Сколько я принял смущенья, насады и горя!»

В 1933—34 гг. Осип Эмильевич был бурно, коротко и безответно влюблен в Марию Сергеевну Петровых. Ей посвящено, вернее, к ней обращено стихотворение «Турчанка» (заглавие мое), лучшее, на мой взгляд, любовное стихотворение 20 века («Мастерица виноватых взоров...»). Мария Сергеевна говорит, что было еще одно совершенно волшебное стихотворение о белом цвете. Рукопись, по-видимому, пропала. Нескольким строкам М<ария> С<ергеевна> знает на память.

Надеюсь, можно не напоминать, что этот донжуанский список не означает перечня женщин, с которыми Мандельштам был близок.

Дама, которая «через плечо поглядела», — это так называемая Бяка*, тогда подруга жизни С. Ю. Судейкина, а ныне супруга Игоря Стравинского. В Воронеже Осип дружил с Наташей Штемпель.

Легенда о его увлечении Анной Радловой ни на чем не основана.

Архистратиг вошел в иконостас...
В ночной тиши запахло валерьяном**.
Архистратиг мне задает вопросы,
К чему тебе... косы
И плеч твоих сияющий атлас... —

* Вера Артуровна.

** Намек на Валериана Чудовского — верного рыцаря Радловой (По<гиб> в 30-ые годы.

т. е. пародию на стихи Радловой — он сочинил из веселого зловредства, а не *par dépit* и с притворным ужасом где-то в гостях шепнул мне: «Архистратиг дошел!» — т. е. Радловой кто-то сообщил об этом стихотворении.

Десятые годы — время очень важное в творческом пути Мандельштама, и об этом еще будут много думать и писать. (Виллон, Чаадаев, католичество...). О его контакте с группой «Гилея» — см. воспоминания Зенкевича.

Как воспоминание о пребывании Осипа в Петербурге в 1920 году, кроме изумительных стихов к О. Арбениной, остались еще живые, выцветшие, как наполеоновские знамена, афиши — того времени — о вечерах поэзии, где имя Мандельштама стоит рядом с Гумилевым и Блоком.

Например: <пропуск в тексте>

Все старые петербургские вывески были еще на своих местах, но за ними, кроме пыли, мрака и зияющей пустоты, ничего не было. Сыпняк, голод, расстрелы, темнота в квартирах, сырые дрова, опухшие до неузнаваемости люди. В Гостином дворе можно было собрать большой букет полевых цветов. Догнивали знаменитые петербургские торцы. Из подвальных окон «Крафта» (угол Садовой и Итальянской) еще пахло шоколадом. Все кладбища были разгромлены. Город не просто изменился, а решительно превратился в свою противоположность. Но стихи люди любили (главным образом молодежь), почти так же, как сейчас, т. е. в 1964 году.

В Царском, тогда Детское имени товарища Урицкого, почти у всех были козы; их почему-то всех звали — Тамара.

<10>

ЦЕХ ПОЭТОВ 1911–1914

Гумилев, | — Синдики
Городецкий

Дм. Кузьмин-Караваев — стряпчий

Ахматова <— секретарь>

О. Мандельштам

В. Нарбут

М. Зенкевич

В. Комаровский

Гедройц

Н. Бруни

Георгий Иванов
Адамович
Вас. Вас. Гиппиус
М. Моравская
Ел. Кузьмина-Караваева
Чернявский
М. Лозинский
П. Радимов
Юнгер
Н. Бурлюк
Вел. Хлебников

(Первое собрание — у Городецких на Фонтанке: был Блок, французы... Второе — у Лизы на Манежной площади, потом у Бруни — в Академии Художеств, <у Лозинского на Васильевском острове>. Акмеизм был решен у нас в Царск<ом> С<еле> (Малая, 63).

<11>

Мандельштам довольно усердно посещал собрания «Цеха», но в зиму 1913—14 (после разгрома акмеизма) мы стали тяготиться «Цехом» и даже дали Городецкому и Гумилеву составленное Осипом и мной прошение о закрытии «Цеха». С. Городецкий наложил резолюцию: «Всех повесить, а Ахматову заточить — Малая, 63». Было это в редакции «Север<ных> зап<исок>».

<12>

2

Революцию Мандельштам встретил вполне сложившимся и уже, хотя и в узком кругу, известным поэтом. <13>

Мандельштам одним из первых стал писать стихи на гражданские темы. Революция была для него огромным событием, и слово «народ» не случайно фигурирует в его стихах.

Особенно часто я встречалась с Мандельштамом в 1917—18 гг., когда жила на Выборгской у Срезневских (Боткинская, 9) — не в сумасшедшем доме, а в квартире старшего врача Вяч<еслава> Вяч<еславовича> Срезневского, мужа моей подруги Валерии Сергеевны.

Мандельштам часто заходил за мной, и мы ехали на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы, среди знаменитых костров, которые горели чуть ли не до мая, слушая неизвестно откуда несущуюся ружейную трескотню. Так мы ездили на выступления в Академию Художеств, где происходили вечера в пользу раненых и где мы оба несколько раз выступали. Был со мной О<сип> Э<милевич> на концерте Бутомо-Названовой в Консерватории, где она пела Шуберта (см. «Нам пели Шуберта...»).

К этому времени относятся все обращенные ко мне стихи: «Я не искал в цветущие мгновенья...»* (декабрь 1917 г.), «Твое чудесное произношенье...»; ко мне относится странное, отчасти сбывшееся предсказание:

Когда-нибудь в столице шалой,
На диком празднике у берега Невы,
Под звуки омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы...

А следующее — «Что поют часы-кузнечик...» — это мы вместе топим печку; у меня жар — я мерю температуру, — «Лихорадка шелестит, И шуршит сухая печка. Это красный шелк горит...».

После некоторых колебаний решаюсь вспомнить в этих записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, что это может дать людям материал для превратного толкования наших отношений.

После этого, примерно в марте, Мандельштам исчез. Тогда все исчезали и появлялись, и никто этому не удивлялся. <14> <15>

В Москве Мандельштам становится постоянным сотрудником «Знамени труда». Тайнственное стихотворение «Телефон», возможно, относится к этому времени:

На этом диком страшном свете
Ты, друг полночных похорон,
В высоком строгом кабинете
Самоубийцы — телефон!

Асфальта черные озера
Изрыты яростью копыт,

* Кроме того, ко мне в разное время обращены четыре четверостишия: 1. «Вы хотите быть игрушечной...» (1911), 2. «Черты лица искажены...» (10-ые годы), 3. «Привыкают к пчеловодству пчелы...» (1930-е годы), 4. «Знакомства нашего на склоне...» (30-е годы). <15>

И скоро будет солнце: скоро
Безумный петел прокричит.

А там дубовая Валгалла
И старый пиршественный сон;
Судьба велела, ночь решала,
Когда проснулся телефон.

Весь воздух выпили тяжелые портьеры,
На театральной площади темно.
Звонок — и закружились сферы:
Самоубийство решено.

Куда бежать от жизни гулкой,
От этой каменной уйти?
Молчи, проклятая шкатулка!
На дне морском цветет: прости!

И только голос, голос-птица
Летит на пиршественный сон.
Ты — избавленье и зарница
Самоубийства — телефон!

Снова и совершенно мельком я видела Мандельштама в Москве в 1918 году. В 1920 году он раз или два приходил ко мне на Сергиевскую (в Петербурге), когда я работала в библиотеке Агрономического института и там жила. <16> Тогда я узнала, что в Крыму он был арестован белыми, а в Тифлисе — меньшевиками. Тогда же он сообщил мне, что в декабре <19>19 года умер Н. В. Недоброво. <17>

<18>

Летом 1924 года О<сип> М<андельштам> привел ко мне (Фонтанка, 2) свою молодую жену. Надюша была то, что французы называют *laide mais charmante*. С этого дня началась моя дружба с Надюшей, и продолжается она по сей день.

Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно. Когда ей резали аппендикс в Киеве, он не выходил из больницы и все время жил в каморке у больничного швейцара. Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще я ничего подобного в своей жизни не видела. Сохранившиеся письма Мандельштама к жене полностью подтверждают это мое впечатление.

В 1925 году я жила с Мандельштамами в одном коридоре в пансионе Зайцева в Царском Селе. И Надя, и я были тяжело больны, лежали, мерили температуру, которая была неизменно повышенной, и, кажется, так и не гуляли ни разу в парке, который был рядом. О<сип> Э<милевич> каждый день уезжал в Ленинград, пытаясь наладить работу, получить за что-то деньги. Там он прочел мне совершенно по секрету стихи к О. Ваксель, которые я запомнила и так же по секрету записала («Хочешь, валенки сниму...»). Там он диктовал П. Н. Л<укницкому> свои воспоминания о Гумилеве.

Одну зиму Мандельштамы (из-за Надиного здоровья) жили в Царском Селе, в Лицее. Я была у них несколько раз — приезжала кататься на лыжах. Жить они хотели в полуциркуле Большого дворца, но там дымили печки или текли крыши. Таким образом, возник Лицей. Жить там Осипу не нравилось. Он люто ненавидел так называемый царскосельский сюсюк Голлербаха и Рождественского и спекуляцию на имени Пушкина. К Пушкину у Мандельштама было какое-то небывалое, почти грозное отношение — в нем мне чудится какой-то венец сверхчеловеческого целомудрия. Всякий пушкинизм был ему противен. О том, что «Вчерашнее солнце на черных носилках несут» — Пушкин, ни я, ни даже Надя не знали, и это выяснилось только теперь из черновиков (50-е годы). Мою «Последнюю сказку» — статью о «Золотом петушке» — он сам взял у меня на столе, прочел и сказал: «Прямо — шахматная партия».

Сияло солнце Александра
Сто лет тому назад, сияло всем
(декабрь 1917), —

конечно, тоже Пушкин. (Так он передает мои слова.)

<19>

Была я у Мандельштамов и летом в Китайской Деревне, где они жили с Лившицами. В комнатах абсолютно не было никакой мебели и зияли дыры прогнивших полов. Для О<сипа> Э<милевича> нисколько не было интересно, что там когда-то жили и Жуковский и Карамзин. Уверена, что он нарочно, приглашая меня вместе с ними идти покупать папирсы или сахар, говорил: «Пойдем в европейскую часть города», будто это Бахчисарай или что-то столь же экзоти-

ческое. То же подчеркнутое невнимание в строке — «Там улыбаются уланы». В Царском сроду уланов не было, а были гусары, желтые кирасиры и конвой.

<20>

В 1928 году Мандельштамы были в Крыму. Вот письмо Осипа от 25 августа (день смерти Н. С. <Гумилева>):

«Дорогая Анна Андреевна, пишем Вам с П. Н. Лукницким из Ялты, где все трое ведем суровую трудовую жизнь.

Хочется домой, хочется видеть Вас. Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с Вами. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется.

В Петербург мы вернемся ненадолго в октябре. Зимовать там Наде не велено. Мы уговорили П. Н. остаться в Ялте, из эгоистических соображений. Напишите нам.

Ваш О. Мандельштам».

Юг и море были ему почти так же необходимы, как Надя.

(На вершок бы мне синего моря,
На игольное только ушко...).

Попытки устроиться в Ленинграде были неудачными. Надя не любила все, связанное с этим городом, и тянулась в Москву, где жил ее любимый брат Евгений Яковлевич Хазин. Осипу казалось, что его кто-то знает, кто-то ценит в Москве, а было как раз наоборот.

<21>

Я довольно долго не видела Осипа и Надю. В 1933 году Мандельштамы приехали в Ленинград, по чьему-то приглашению. Они остановились в «Европейской» гостинице. У Осипа было два вечера. Он только что выучил итальянский язык и бредил Дантом, читая наизусть страницами. Мы стали говорить о «Чистилище», и я прочла кусок из XXX песни (явление Беатриче);

Sopra candido vel cinta d'oliva
Donna m'apprave, sotto verde manto,
Vestita di color di fiamma viva.

.....

«Men che dramma
Di sangue m'è rimaso non tremi:
Conosco I segni dell' antica fiamma».

Осип заплакал. Я испугалась — «Что такое?» — «Нет, ничего, только эти слова и вашим голосом».

Не моя очередь вспоминать об этом. Если Надя хочет, пусть вспоминает. Осип читал мне на память отрывки стихотворения Н. Клюева «Хулители искусства» — причину гибели несчастного Николая Алексеевича. Я своими глазами видела у Варвары Клычковой заявление Клюева (из лагеря о помиловании): «Я, осужденный за мое стихотворение — „Хулители искусства“ и за безумные строки моих черновиков...» Оттуда я взяла два стиха, как эпитафия — к «Решке», а когда я что-то неодобрительное говорила о Есенине, — возражал, что может простить Есенину что угодно за строку: «Не расстреливал несчастных по темницам».

<22>, <23>

В этой биографии поражает одна частность: в то время (в 1933 г.) как Осипа Эмильевича встречали в Ленинграде как великого поэта, *persona grata* и т. п., к нему в «Европейскую» гостиницу на поклон пошел весь литературный Ленинград (Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский*) и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет и вспоминают еще и сейчас (1962), в Москве Мандельштама никто не хотел знать и, кроме двух-трех молодых и неизвестных ученых-естественников, Осип Эмильевич ни с кем не дружил. (Знакомство с Белым было коктейбельского происхождения <24>.) Пастернак как-то мялся, уклонялся, любил только грузин и их «красавиц-жен». Союзное начальство вело себя подозрительно сдержанно.

Из ленинградских литературоведов всегда хранили верность Мандельштаму — Лидия Яковлевна Гинзбург и Борис Яковлевич Бухштаб — великие знатоки поэзии Мандельштама. Следует в этой связи не забывать и Цезаря Вольпе, который напечатал в «Звезде» «Путешествие в Армению». <25>

Из писателей-современников Мандельштам высоко ценил Бабеля и Зошенко. Михаил Михайлович знал это и очень этим гордился. Больше всего Мандельштам почему-то ненавидел Леонова.

* Григорий Александрович Гуковский бывал у Мандельштамов и в Москве.

Кто-то сказал, что Н. Ч-й написал роман. Осип отнесся к этому недоверчиво. Он сказал, что для романа нужна по крайней мере каторга Достоевского или десятины Льва Толстого.

<26>, <27>

Осенью 1933 года Мандельштам наконец получил (воспетую им) квартиру в Нащокинском переулке* («Квартира тиха <у Ахматовой „бела“. — *Сост.*>, как бумага...»), и бродячая жизнь как будто бы кончилась. Там впервые у Осипа завелись книги, главным образом старинные издания итальянских поэтов (Данте, Петрарка). На самом деле ничего не кончилось, все время надо было куда-то звонить, чего-то ждать, на что-то надеяться. И никогда из всего этого ничего не выходило. О<сип> Э<мильевич> был врагом стихотворных переводов. Он при мне <в> Нащокинском говорил Пастернаку: «Ваше полное собрание сочинений будет состоять из двенадцати томов переводов и одного тома ваших собственных стихотворений». Мандельштам знал, что в переводах утекает творческая энергия, и заставить его переводить было почти невозможно. Кругом завелось много людей, часто довольно мутных и почти всегда ненужных.

Несмотря на то, что время было сравнительно вегетарианское, тень неблагополучия и обреченности лежала на этом доме. Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 года), о чем говорили — не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: «Я к смерти готов». Вот уже 28 лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места.

Жить, в общем, было не на что: какие-то полупереводы, полурецензии, полуобещания.

Несмотря на запрещение цензуры, напечатал в «Звезде» конец «Путешествия в Армению» (подр. древ. армянскому). Пенсии едва хватало, чтобы заплатить за квартиру и выкупить пакк.

К этому времени Мандельштам внешне очень изменился: отяжелел, поседел, стал плохо дышать — производил впечатление старика (ему было сорок два года), но глаза по-прежнему сверкали. Стихи становились все лучше, проза тоже. <28>

Эта проза, такая неслышанная, забытая, только сейчас начинает доходить до читателя. Но зато я постоянно слышу,

* Две комнаты, пятый этаж — без лифта (газовой плиты и ванны еще не было).

главным образом от молодежи, которая от нее с ума сходит, что во всем 20-м веке не было такой прозы. (Это — так называемая «Четвертая проза».)

Я очень запомнила один из наших тогдашних разговоров о поэзии. О<сип> Э<милевич>, который очень болезненно переносил то, что сейчас называют культом личности, сказал мне: «Стихи сейчас должны быть гражданскими» — и прочел «Под собой мы не чуем». Примерно тогда же возникла его теория «знакомства слов». Много позже он утверждал, что стихи пишутся только как результат сильных потрясений, как радостных, так и трагических. О своих стихах, где он хвалит Сталина*, он сказал мне: «Я теперь понимаю, что это была болезнь».

Когда я прочла Осипу мое стихотворение «Уводили тебя на рассвете» (1935), он сказал: «Благодарю вас». Стихи эти в «Реквиеме» и относятся к аресту Н. Н. П<унина> в 1935 году. На свой счет М<андельштам> принял (справедливо) и последний стих в стихотворении «Немного географии» («Не столицей европейской...»):

Он, воспетый первым поэтом,
Нами, грешными, — и тобой.

13 мая 1934 года его арестовали. В этот самый день я после града телеграмм и телефонных звонков приехала к Мандельштамам из Ленинграда (где незадолго до этого произошло его столкновение с Толстым). Мы все были тогда такими бедными, что для того, чтобы купить билет обратно, я взяла с собой мой орденский знак Обезьяньей Палаты, последний, данный Ремизовым в России**, и статуэтку работы Данько (мой портрет, 192<4> г.), для продажи. (Их купила С. Толстая для музея Союза писателей.)

Ордер на арест был подписан самим Ягодой. Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи, ходили по выброшенным из сундучка рукописям. Мы все сидели в одной комнате. Было очень тихо. За стеной, у Кирсанова, играла гавайская гитара. Следователь при мне нашел «Волка» («За гремучую доблесть грядущих веков...») и показал О<сипу> Э<милевичу>. Он молча кивнул. Прощаясь, поцеловал меня. Его

* «Мне хочется сказать не Сталин — Джугашвили (1935?»).

** Мне принесли его уже после бегства Ремизова — 1921 г.

увели в семь утра. Было совсем светло. Надя пошла к брату, я — к Чулковым на Смоленский бульвар, 8, и мы условились где-то встретиться. Вернувшись домой вместе, убрали квартиру, сели завтракать. Опять стук, опять они, опять обыск. Евг<ений> Я<ковлевич> Хазин сказал: «Если они придут еще раз, то уведут вас с собой». Пастернак, у которого я была в тот же день, пошел просить за Мандельштама в «Известия» к Бухарину, я — в Кремль к Енукидзе. (Тогда проникнуть в Кремль было почти чудом. Это устроил актер Русланов, через секретаря Енукидзе.) Енукидзе был довольно вежлив, но сразу спросил: «А может быть, какие-нибудь стихи?» Этим мы ускорили и, вероятно, смягчили развязку. Приговор — три года Чердыни, где Осип выбросился из окна больницы, потому что ему казалось, что за ним пришли (см. «Стансы», строфа 4-я), и сломал себе руку. Надя послала телеграмму в ЦК. Сталин велел пересмотреть дело и позволил выбрать другое место. Потом звонил Пастернаку*. Остальное слишком известно.

Вместе с Пастернаком я была и у Усиевич, где мы застали и союзное начальство, и много тогдашней марксистской молодежи. Была я у Пильняка, где видала Балтрушайтиса, Шпета и С. Прокофьева.

А в это время бывший синдик Цеха поэтов, бывший Сергей Городецкий, выступая где-то, произнес следующую бессмертную фразу: «Это строчки той Ахматовой, которая ушла в контрреволюцию», — так что даже в «Литературной газете», которая напечатала отчет об этом собрании, подлинные слова оратора были смягчены (см. «Литературную газету» 1934 г., май).

Бухарин в конце своего письма к Сталину написал: «И Пастернак тоже волнуется». Сталин сообщил, что отдано распоряжение, что с Мандельштамом будет все в порядке. Он спросил Пастернака, почему тот не хлопотал. «Если бы мой друг поэт попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти». Пастернак ответил, что если бы он не хлопотал, то Сталин бы не узнал об этом деле. «Почему вы не обратились ко мне или в писатель-

* Все, связанное с этим звонком, требует особого рассмотрения. Об этом пишут обе вдовы — и Надя, и Зина, и существует бесконечный фольклор. Какая-то Триолешка даже осмелилась написать (конечно, в Пастернаковские дни), что Борис погубил Осипа. Мы с Надей считаем, что Пастернак вел себя на крепкую четверку.

ские организации?» — «Писательские организации не занимаются этим с 1927 года». — «Но ведь он ваш друг?» Пастернак замялся, а Сталин после недолгой паузы продолжил вопрос: «Но ведь он же мастер, мастер?» Пастернак ответил: «Это не имеет значения».

Борис Леонидович думал, что Сталин его проверяет, знает ли он про стихи, и этим он объяснил свои шаткие ответы.

...«Почему мы всё говорим о Мандельштаме и Мандельштаме, я так давно хотел с вами поговорить». — «О чем?» — «О жизни и смерти». Сталин повесил трубку.

<29>

Еще более поразительными сведениями о М<андельштаме> обладает Роберт Пейн в книге о Пастернаке: там чудовищно описана внешность М<андельштама> и история с телефонным звонком Сталина. Все это припахивает информацией Зинаиды Николаевны Пастернак, которая люто ненавидела Мандельштамов и считала, что они компрометируют ее «лояльного мужа». Надя никогда не ходила к Борису Леонидовичу и ни о чем его не молила, как пишет Роберт Пейн. Эти сведения идут от Зины, которой принадлежит знаменитая бессмертная фраза: «мои мальчики (сыновья) больше всего любят Сталина, потом — маму».

<Навестить Надю из мужчин пришел один Перец Маркиш>. Женщин в тот день приходило много. Мне запомнилось, что они были красивые и очень нарядные, в свежих весенних платьях: еще не тронутая бедствиями Сима Нарбут; красавица «пленная турчанка» (как мы ее прозвали), жена Зенкевича; ясноокая, стройная и необыкновенно спокойная Нина Ольшевская.

А мы с Надей сидели в мятых вязанках, желтые и одереvenевшие. С нами были Эмма Герштейн и брат Нади.

Через пятнадцать дней, рано утром, Наде позвонили и предложили, если она хочет ехать с мужем, быть вечером на Казанском вокзале. Все было кончено. Нина Ольшевская и я пошли собирать деньги на отъезд. Давали много. Елена Сергеевна Булгакова заплакала и сунула мне в руку все содержимое своей сумочки.

На вокзал мы поехали с Надей вдвоем. Заехали на Лубянку за документами. День был ясный и светлый. Из каждого окна на нас глядели тараканьи усища «виновника торжества». Осипа очень долго не везли. Он был в таком состо-

янии, что даже они не могли посадить его в тюремную карету. Мой поезд (с Ленинградского вокзала) уходил, и я не дождалась. Братья, т. е. Евгений Яковлевич Хазин и Александр Эмильевич Мандельштам, проводили меня, вернулись на Казанский вокзал, и только тогда привезли Осипа, с которым уже не было разрешено общаться. Очень плохо, что я его не дождалась и он меня не видел, потому что от этого ему в Чердыни стало казаться, что я непременно погибла. (Ехали они под конвоем читавших Пушкина «славных ребят из железных ворот ГПУ».)

В это время шла подготовка к первому съезду писателей (1934) и мне тоже прислали анкету для заполнения. Арест Осипа произвел на меня такое впечатление, что у меня рука не поднялась, чтобы заполнить анкету. На этом съезде Бухарин объявил первым поэтом Пастернака (к ужасу Демьяна Бедного), обругал меня и, вероятно, не сказал ни слова об Осипе.

В феврале 1936 года я была у Мандельштамов в Воронеже и узнала все подробности его «дела». Он рассказал мне, как в припадке умоисступления бегал по Чердыни и разыскивал мой расстрелянный труп, о чем громко говорил кому попало, а арки в честь челюскинцев считал поставленными в честь своего приезда.

Пастернак и я ходили к очередному верховному прокурору просить за Мандельштама, но тогда уже начался террор, и все было напрасно.

Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание появились в стихах Мандельштама именно в Воронеже, когда он был совсем не свободен.

И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружие...

Вернувшись от Мандельштамов, я написала стихотворение «Воронеж». Вот его конец:

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед,
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.

О себе в Воронеже Осип говорил: «Я по природе ожидалщик. Оттого мне здесь еще труднее».

В начале 20-х годов (1923) Мандельштам дважды очень резко нападал на мои стихи в печати («Русское искусство», № 1, 2—3) Этого мы с ним никогда не обсуждали. Но и о своем славословии моих стихов он тоже не говорил, и я прочла его только теперь (рецензия на «Альманах муз» <1916> и «Письмо о Русской поэзии», 1922, Харьков).

Там, в Воронеже, его, с не очень чистыми побуждениями, заставили прочесть доклад об акмеизме. Не должно быть забыто, что он сказал в 1937 году: «Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых». На вопрос, что такое акмеизм, Мандельштам ответил: «Тоска по мировой культуре».

В Воронеже при Мандельштаме был Сергей Борисович Рудаков, который, к сожалению, оказался не таким хорошим, как мы думали. Он, очевидно, страдал какой-то разновидностью мании величия, если ему казалось, что стихи пишет не Осип, а он — Рудаков. Рудаков убит на войне, и не хочется подробно описывать его поведение в Воронеже. Однако все идущее от него надо принимать с великой осторожностью.

Все, что пишет о Мандельштаме в своих бульварных мемуарах «Петербургские зимы» Георгий Иванов, который уехал из России в самом начале 20-х годов и зрелого Мандельштама вовсе не знал, — мелко, пусто и несущественно. Сочинение таких мемуаров дело немудреное. Не надо ни памяти, ни внимания, ни любви, ни чувства эпохи. Все годится, и все приемлется с благодарностью невзыскательными потребителями. <30> Хуже, конечно, что это иногда попадает в серьезные литературоведческие труды. Вот что сделал Леонид Шацкий (Страховский) с Мандельштамом: у автора под рукой две-три книги достаточно «пикантных» мемуаров («Петербургские зимы» Георгия Иванова, «Полутораглазый стрелец» Бенедикта Лившица, «Портреты русских поэтов» Эренбурга, 1922). Эти книги использованы полностью. Материальная часть черпается из очень раннего справочника Козьмина «Писатели современной эпохи» (Москва, 1928). Затем из сборника Мандельштама «Стихотворения» (1928) извлекается стихотворение «Музыка на вокзале» — даже не последнее по времени в этой книге. Оно объявляется вообще последним произведением поэта. Дата смерти устанавливается произвольно — 1945 г. (на семь лет позже действительной смерти — 27 декабря 1938 года). То, что в ряде журналов и газет печатались стихи Мандельштама, хотя бы великолепный цикл

«Армения» в «Новом мире» в 1930 г., Шацкого нисколько не интересуется. Он очень развязно объявляет, что на стихотворении «Музыка на вокзале» Мандельштам кончился, перестал быть поэтом, сделался жалким переводчиком, опустился, бродил по кабакам и т. д. Это уже, вероятно, устная информация какого-нибудь парижского Георгия Иванова. И вместо трагической фигуры редкостного поэта, который и в годы ворованной ссылки продолжал писать вещи неизреченной красоты и мощи, мы имеем «городского сумасшедшего», проходимца, опустившееся существо. И все это в книге, вышедшей под эгидой лучшего, старейшего и т. п. университета Америки (Гарвардского), с чем и поздравляем от всей души — лучший, старейший университет Америки.

<31>

Чудак? Конечно, чудак! Он, например, выгнал молодого поэта, который пришел жаловаться, что его не печатают. Смущенный юноша спускался по лестнице, а Осип стоял на верхней площадке и кричал вслед: «А Андрея Шенье печатали? А Сафо печатали? А Иисуса Христа печатали?»

С. Липкин и А. Тарковский и посейчас охотно повествуют, как Мандельштам ругал их юные стихи.

Артур Сергеевич Лурье, который близко знал Мандельштама и который очень достойно написал об отношении Осипа Мандельштама к музыке, рассказывал мне (10-е годы), что как-то шел с Мандельштамом по Невскому и они встретили невероятно великолепную даму. Осип находчиво предложил своему спутнику: «Отнимем у нее все это и отдадим Анне Андреевне». (Точность можно еще проверить у Лурье.)

Очень ему не нравилось, когда молодые женщины любили «Четки». Рассказывают, что он как-то был у Катаевых и приятно беседовал с красивой женой хозяина дома. Под конец ему захотелось проверить вкус дамы, и он спросил ее: «Вы любите Ахматову?» — на что та, естественно, ответила: «Я его не читала», после чего гость пришел в ярость, нагрубил и в бешенстве убежал. Мне он это не рассказывал.

Зимой 1933–34 года, когда я гостила у Мандельштамов в Нащокинском в феврале 1934 года, меня пригласили на вечер Булгаковы. Осип взволновался: «Вас хотят сводить с московской литературой?!» Чтобы его успокоить, я неудачно сказала: «Нет, Булгаков сам изгой. Вероятно, там будет кто-нибудь из

МХАТа». Осип совсем рассердился. Он бегал по комнатам и кричал: «Как оторвать Ахматову от МХАТа?»

Однажды Надя повезла Осипа встречать меня на вокзал. Он встал рано, озяб, был не в духе. Когда я вышла из вагона, сказал мне: «Вы приехали со скоростью Анны Карениной».

Комнатку (будущую кухню), где я у них жила, Осип прозвал «Капище». Свою называл «Запястье» (потому что в первой комнате жил Пяст). А Надю называл Маманас (наша мама).

Почему мемуаристы известного склада (Шацкий-Страховский, <Э>. Миндлин, С. Маковский, Г. Иванов, Бен<едикт> Лившиц) так бережно и любовно собирают и хранят любые сплетни, вздор, главным образом обывательскую точку зрения на поэта, а не склоняют голову перед таким огромным и ни с чем не сравнимым событием, как явление поэта, первые же стихи которого поражают совершенством и ниоткуда не идут?

У Мандельштама нет учителя. Вот о чем стоило бы подумать. Я не знаю в мировой поэзии подобного факта. Мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама!

В мае 1937 года Мандельштамы вернулись в Москву, «к себе» в Нащокинский. Я в это время гостила у Ардовых в том же доме. Осип был уже больным, много лежал. Прочел мне все свои новые стихи, но переписывать не давал никому. Много говорил о Наташе (Штемпель), с которой дружил в Воронеже. (К ней обращены два стихотворения: «Клейкой клятвой пахнут почки...» и «К пустой земле невольной припадая...»)

Уже год как, все нарастая, вокруг бушевал террор. Одна из двух комнат Мандельштамов была занята человеком, который писал на них ложные доносы, и скоро им стало нельзя даже показываться в этой квартире. Разрешения остаться в столице Осип не получил. Х. сказал ему: «Вы слишком нервный». Работы не было. Они приезжали из Калинина и сидели на бульваре. Это, вероятно, тогда Осип говорил Наде: «Надо уметь менять профессию. Теперь мы нищие» и «Нищим летом всегда легче».

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой

Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и холодом, и вьюгой.

Последнее стихотворение, которое я слышала от Осипа, — «Как по улицам Киева-Вия...» (1937). Это было так. Мандельштамам было негде ночевать. Я оставила их у себя (в Фонтанном Доме). Постелила Осипу на диване. Зачем-то вышла, а когда вернулась, он уже засыпал, но очнулся и прочел мне стихи. Я повторила их. Он сказал: «Благодарю вас» — и заснул.

В это время в Шереметевском Доме был так называемый «Дом занимательной науки». Проходить к нам надо было через это сомнительное заведение. Осип озабоченно спросил меня: «А может быть, есть другой занимательный выход?»

В то же время мы с ним одновременно читали «Улисса» Джойса, он — в хорошем немецком переводе, я — в подлиннике. Несколько раз мы принимались говорить об «Улиссе», но было уже не до книг.

Так они прожили год. Осип был уже тяжело болен, но он с непонятым упорством требовал, чтобы в Союзе писателей устроили его вечер. Вечер был даже назначен, но, по-видимому, «забыли» послать повестки, и никто не пришел. О<сип> Э<мильевич> по телефону приглашал Асева. Тот ответил: «Я иду на „Снегурочку“». А Сельвинский, когда Мандельштам попросил у него, встретившись на бульваре, денег, дал три рубля.

В последний раз я видела Мандельштама осенью 1937 года. Они — он и Надя — приехали в Ленинград дня на два. Время было апокалипсическое. Беда ходила по пятам за всеми нами. Жить им было уже совершенно негде. Осип плохо дышал, ловил воздух губами. Я пришла, чтобы повидаться с ними, не помню куда. Все было как в страшном сне. Кто-то, пришедший после меня, сказал, у отца Осипа Эмильевича (у «деда») нет теплой одежды. Осип снял бывший у него под пиджаком свитер и отдал его для передачи отцу.

Мой сын говорит, что ему во время следствия читали показания О<сипа> Э<мильевича> о нем и обо мне и что они были безупречны. Многие ли наши современники, увы, могут сказать это о себе?

Второй раз его арестовали 2 мая 1938 года в нервном санатории около станции Черусти (в разгар террора). В это время мой сын сидел на Шпалерной уже два месяца (с 10 марта).

О пытках все говорили громко. Надя приехала в Ленинград. У нее были страшные глаза. Она сказала: «Я успокоюсь только тогда, когда узнаю, что он умер».

В начале 1939 года я получила короткое письмо от московской приятельницы: «У подружки Лены родилась девочка, а подружка Надюша овдовела», — писала она.

От Осипа было всего одно письмо (брату Александру) из того места....., где он умер. Письмо у Нади. Она показала мне его. «Где моя Надинька?» — писал Осип и просил теплые вещи. Посылку послали. Она вернулась, не застав его в живых.

Настоящим другом Нади все эти очень для нее трудные годы была Василиса Георгиевна Шкловская и ее дочь Варя.

Сейчас Осип Мандельштам — великий поэт, признанный всем миром. О нем пишут книги — защищают диссертации. <32>. Быть его другом — честь, врагом — позор*.

Для меня он не только великий поэт, но и человек, который, узнав (вероятно, от Нади), как мне плохо в Фонтанном Доме, сказал мне, прощаясь, — это было на Московском вокзале в Ленинграде: «Аннушка (он никогда в жизни не называл меня так), всегда помните, что мой дом — ваш». Это могло быть только перед самой гибелью...

Анна Ахматова

8 июля 1963. Комарово

<Дополнения к «Листкам из дневника»>

<1>

К Блоку Осип Эмильевич был не справедлив. Он всегда попрекал его красотью.

<2>

М<андельштам> рассказывал, что был у Анненского и тот (как это ни странно) дал ему совет переводить. И тут же О<сип> не удержался и рассказал, что он перевел стих:

«La jeune mère allaitant son enfant»

«И молодая мать, кормящая со сна».

* Готовят академическое издание его произведений. Находка одного его письма — событие.

<3>

С. Маковский напечатал нас почти одновременно в «Аполлоне». Мне Маковский по этому поводу сказал: «Он смелее Вас», и причем-то еще было слово «дерзает». Это было наше начало (1911 г.) — см. «Воспоминания» С. Маковского, которые я не читала.

<4>

Символисты в общем дурно относились к М<андельштаму>. Известны (уже напечатанные) отзывы Блока.

Брюсов: а) в разговоре с М<андельштамом> чрезвычайно расхваливал какие-то строки, делая вид, что они принадлежат Осипу. Строки эти принадлежали перу поэта Маккавейского; б) очень любезно предлагал ему (М.) паек, якобы принимая О<сипа> Э<мильевича> за его однофамильца адвоката Мандельштама (начало 20-х годов).

Сологуб был, как ему и свойственно, непримирим. Вяч. Иванов тоже не расслышал Мандельштама. <...>

<5>

На одном из выступлений акмеистов (10-е годы) бесновался какой-то бородатый человек по фамилии Радецкий. Он потрясал кулаками и вопил: «Эти Адамы и эта тощая Ева!» (про меня). На том же собрании от нас (акмеистов) отрекся Клюев. Н<иколай> С<тепанович> был поражен и при мне спросил его о причине такого неожиданного поведения. «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше», — ответил Клюев. Тем не менее К<люев> — настоящий, очень значительный поэт. Клычкова показывала мне его прошение из лагеря о помиловании: «Я осужденный за чтение моей поэмы „Погорельщики“ и за безумные строки моих черновиков...» Осип прочел мне две строчки Клюева:

.....жасминный куст,
Где Данте шел и воздух пуст.

<6> НАБРОСОК С НАТУРЫ

Что же касается стихотворения «Вполоборота», история его такова. В январе 1914 года Пронин устроил большой вечер «Бродячей собаки» не в подвале у себя, а в каком-то большом зале на Конюшенной. Обычные посетители теря-

лись там среди множества «чужих» (т.е. чуждых всякому искусству) людей. Было жарко,людно, шумно и довольно бестолково. Нам это наконец надоело, и мы (человек 20—30) пошли в «Собаку» на Михайловской площади. Там было темно и прохладно. Я стояла на эстраде и с кем-то разговаривала. Несколько человек из залы стали просить меня почитать стихи. Не меняя позы, я что-то прочла. Подошел Осип: «Как вы стояли, как вы читали», и еще что-то про шаль (см. о Мандельштаме в воспоминаниях В.С. Срезневской). Таким же наброском с натуры было четверостишие «Черты лица искажены». Я была с Мандельштамом на Царскосельском вокзале (10-е годы). Он смотрел, как я говорю по телефону, через стекло кабины. Когда я вышла, он прочел мне эти строки.

<7>

А. И. Гумилева рассказывала мне, что к ней (как к матери мол<одого> чел<овека>, бывшего в Париже) приезжала мать Мандельштама перед его поездкой за границу (год?), чтобы расспросить о каких-то материальных условиях жизни («Но в Петербурге Гумилев (акмеист) мне ближе, Чем романтический Пьеро в Париже». М<андельштам>). Где и когда познакомились Гумилев и Мандельштам, я не знаю. (Значит, в Париже?) Когда Х. пришел к О<сипу> Э<мильевичу> расспросить о Н<иколае> С<тепановиче>, он очень охотно согласился, много и интересно рассказывал, ходил в это время по комнате, курил и засыпал пеплом свое левое плечо. (Куря, О<сип> Э<мильевич> всегда осыпал себе левое плечо пеплом. По этому поводу была эпиграмма Гумилева.) «Осип отойди — Ар<тур> Серг<еевич>, играйте» Н<иколай> Г<умилев> — в Царском на Малой.

<8>

В годы «Цеха» мы как-то заехали (Коля и я) к Осипу или за Осипом. Он тогда жил в I-ом корпусе на В<асильевском> О<строве>, нанимал комнату у офицера-воспитателя. Он показал нам в окно, как кадеты играют в футбол (тогда это была новинка) и прочел стихи «Футбол»:

И на дворе военной школы...

Потом они были где-то напечатаны.

<9>

Маленькая актриса и художница Ольга Николаевна Арбенина была необычайно хороша собой. Жива и находится в Ленинграде. Вдова Юрия Юркуна и, следовательно, хозяйка салона Кузмина. У нее был очень бурный роман с Гумилевым, ей же посвящено все театральное Мандельштама (1920).

<10>

Царское в 20-х годах представляло собою нечто невообразимое. Все заборы были сожжены. Над открытыми люками водопровода стояли ржавые кровати из лазаретов Первой войны, улицы заросли травой, гуляли и орал петухи всех цветов... На воротах недавно великолепного дома гр. Стенбок-Фермора красовалась огромная вывеска: «Случный пункт», но на Широкой так же терпко пахли по осеням дубы — свидетели моего детства, и вороны на соборных крестах кричали то же, что я слушала, идя по соборному скверу в гимназию, и статуи в парках глядели, как в 10-х годах. В оборванных и страшных фигурах я иногда узнавала царскоселов. Гостиный двор был закрыт... «Все каменные циркули да лиры...», — мне всю жизнь кажется, что Пушкин это про Царское сказал. И еще потрясающее: «...в великолепный мрак чужого сада», — самая дерзкая строчка из когда-нибудь прочитанных или услышанных мной. (Однако неплохо и «священный сумрак»).

<11>

Итак, акмеистов было шесть и никогда не было седьмого. Глеб Струве прав, говоря, что Сергей Городецкий был случайной фигурой в акмеизме, я помню, как к нам в Царское Село очень поздно вечером без зова и предупреждения пришел С. М. Маковский (Малая, 63) и умолял Колю согласиться, чтобы статья Городецкого не шла в «Аполлоне» (т. н. манифест), потому что у него от этих двух статей такое впечатление, что входит человек (Гумилев), а за ним обезьяна (Городецкий), которая бессмысленно передразнивает жесты человека. Рассказывая мне об этом, Николай Степанович заметил, что, может быть, Маковский и прав, но уступить нельзя.

<12> О ЦЕХЕ ПОЭТОВ

Собрания Цеха поэтов с ноября 1911 по апрель 1912 (т.е. наш отъезд в Италию): приблизительно 15 собраний (по три в месяц). С октября 1912 по апрель 1913 — приблизительно десять собраний (по два в месяц). (Неплохая пожива для «Трудов и Дней», которыми, кстати сказать, кажется, никто не занимается.) Повестки рассылала я (секретарь?!); Лозинский сделал для меня список адресов членов Цеха. (Этот список я давала японцу Наруми в 30-х годах.) На каждой повестке было изображение лиры. Она же на обложке моего «Вечера», «Дикой порфиры» Зенкевича и «Скифских черепков» Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой.

<13>

Душа его была полна всем, что свершилось. Он один из первых стал писать о революции.

<14>

Он неожиданно очень грозно обиделся на меня и совсем перестал бывать на Боткинской. Однако тогда все вокруг было так раздрызгано, бесформенно, — кто-то уезжал навсегда, кто-то не навсегда, и всем казалось, что они почему-то на периферии (конечно, не в теперешнем значении этого слова), а центра-то и не было (наблюдение Лозинского), что исчезновение О<сипа> Э<мильевича> меня не удивило. О. М<андельштам> в 3-ем Зачатьевском.

<15>

Мы (М<андельштам> и я) у Шервинского слушаем перевод Ш<ервинского> и Нилендера «Эдип в Колоне» (когда?):

Знакомства нашего на склоне
Шервинский нас к себе зазвал
Послушать, как Эдип в Колоне
С Нилендером маршировал.

<16>

Особняк кн. Волконского. Там у меня была «казенная» квартира.

<17>

В 1920 г. О<сип> М<андельштам> пришел ко мне на Сергиевскую, 7, чтобы сказать о смерти Н. В. Н<едоброво> в Ялте, в декабре 1919 года. Он узнал об этом несчастье в Коктебеле у Волошина. И никогда никто больше не мог сообщить мне никаких подробностей. Вот какое было время!

<18>

Когда я стояла в очереди «на прикрепление» на март 1921 г. в Доме Ученых, в соседней очереди оказался Н. С. Гумилев, с которым я тогда редко встречалась. Очутившись со мной рядом, он заговорил о стихах Мандельштама и особенно восхищался стихами о Трое («За то, что я руки твои...»). Он всегда очень высоко ценил поэзию О<сипа> Э<мильевича>.

<19>

Около 1923 его стихи стали реже печататься. Мат<ериальное> положение стало тяжелым — временами невыносимым.

<20>

Вообще же темы «Мандельштам в Царском Селе» — нет и не должно быть. Это был корм не для него.

<21>

В <19>20-х годах М<андельшта>мы сделали попытку поселиться в Ленинграде. Было даже некое подобие работы в Гослите у Горлина, но Осип оказался в совершенно безвоздушном пространстве. От прежнего Петербурга не осталось ни следа — новый еще не сформировался.

<22>

Начало 30-х годов: Надя М<андельштам> вспоминает, что они шли ко мне на Фонтанку и Осип сказал: «Ей надо дарить цветы». (Зап<исала> 17 июня 64 г.)

<23>

В один из приездов в Ленинград О<сип> Э<мильевич> подарил своей маленькой племяннице свою книжечку («Два трамвая»). Когда он спросил, понравилась ли ей, она ответила: «Да, дядя Ося. А можно это перерисовать на Муху-Цо-

котуху?» Осип прибежал ко мне в Фонтанный Дом и с восторгом об этом рассказывал.

<24>

Встречи и беседы с Белым в Коктебеле произвели на него очень сильное впечатление (когда?). О смерти Белого он сказал мне по телефону в Ленинград: «Я сейчас стоял в почетном карауле у гроба Андрея Белого».

<25>

Следует в этой связи не забывать и Цезаря Вольпе, тогда редактора «Звезды». Он напечатал запрещенный цензурой конец «Путешествия в Армению». Это — так называемая «По древнеармянским мотивам — про царя Шануха, которого держит в крепости Аньюш победивший его ассириец».

<26>

С. М. Бонди рассказывал, что Осип слушал Баха (пластинки) у какого-то собирателя пластинок. Тот, ставя новую вещь, что-то якобы остроумное приговаривал. Осип не выдержал и накричал на растерявшегося хозяина.

<27>

В 30-х годах в Ленинграде О<сип> М<андельштам>, встретив Федина где-то в редакции, сказал ему: «Ваш роман („Похищение Европы“) — голландское какао на резиновой подошве, а резина-то советская» (рассказал в тот же день).

<28>

На днях перечитывая (не открывала книгу с 1928 г.) «Шум времени», я сделала неожиданное открытие. Кроме всего высокого и первозданного, что сделал ее автор в поэзии, он еще умудрился быть последним бытописателем Петербурга — точным, ярким, беспристрастным, неповторимым. У него эти полузабытые и многократно оболганные улицы возникают во всей свежести 90-х и 900-х годов. Мне скажут, что он писал всего через пять лет после Революции, в 1923 году, что он долго отсутствовал, а отсутствие — лучшее лекарство от забвения (объяснить потом), лучший же способ забыть навек — это видеть ежедневно. (Так я забыла Фонтанный Дом, в котором прожила 35 лет.) А его театр, а Комиссаржевская, про которую

он не говорит последнее слово: королева модерна; а Савина — барыня, разомлевшая после Гостинного двора, а запахи Павловского вокзала, которые преследуют меня всю жизнь. А все великолепие военной столицы, увиденное сияющими глазами пятилетнего ребенка, а чувство иудейского хаоса и недоумение перед человеком в шапке (за столом)...

Иногда эта проза звучит как комментарии к стихам, но нигде Мандельштам не подает себя как поэта, и, если не знать его стихов, не догадаешься, что это проза поэта. Все, о чем он пишет в «Шуме времени», лежало в нем где-то очень глубоко — он никогда этого не рассказывал, брезгливо относился к мирискусническому любованию старым (и не старым) Петербургом.

Кроме того, очень интересны подробности политических манифестаций у Казанского собора, которые свидетельствуют об очень пристальном внимании к этим событиям и заставляют вспомнить о том, что сам Осип сообщил для помещения в книгу «Писатели советской эпохи» (цитата).

<29>

Когда, приехав в Воронеж (1936), я рассказала Наде со слов Пильняка, что Сталин, принимая киношников, досадовал на Б. Пастернака за «дружбу» с О<сипом> Э<милевичем>, он сказал мне: «Вы Надю кормили отравленными конфетками».

<30>

М<андельштам> всегда говорил, что у Георгия Иванова мелкий и злобный ум и что Городецкий обладает живостью, которая заменяет ему ум (1923). Потоки клеветы, которую извергало это чудовище на обоих погибших товарищей (Гумилева и Мандельштама), не имеют себе равных (Ташкент, эвакуация). Покойный Макридин, человек серьезный и порядочный, нахлебавшись этого пойла, с ужасом спросил меня: «Уж не он ли их обоих погубил? — или он совсем сумасшедший».

<31>

Я меньше всего стремлюсь создать М<андельшта>му «респектабельную» биографию. Да она совсем и не нужна ему. Это был человек с душой бродяги в самом высоком смысле этого слова и *poete maudit par excellence* [проклятый поэт — прежде

всего], что и доказала его биография. Его вечно тянул к себе юг, море, новые места. О его иступленной влюбленности в Армению свидетельствует бессмертный цикл стихов.

<32>

На только что бывшем мировом съезде славистов в Софии было прочитано два доклада о творчестве Осипа Мандельштама.

У нас у всех троих (у Пастернака, у Мандельштама и у меня) были многолетние перерывы в писании стихов — у Бориса между «Вторым рождением» и девятью стихотворениями из книги «На ранних поездах» (которые он прочел мне в июне 1941 г.). У Мандельштама между «Музыкой на вокзале» и... У меня между 1924 г. и 1936 г. («Художнику» — и цикл 36 г.). И что это значит, одному Богу известно.

Мандельштам говорил: «Я — смысловик».

Говорил: «У меня рифм нет — рифмы у Асеева».

«Надо знакомить слова» (выр<ажение> О<сипа> Э<милевича>), т. е. сталкивать те слова, которые никогда раньше не стояли рядом.

«У меня от ваших стихов иногда впечатление полета. Сегодня этого не было, а должно быть. Следите, чтоб всегда было».

«...Эти ваши строки можно удалить из моего мозга только хирургическим путем (о чем-то из „Четок“»).

В первом Цехе [поэтов] кто-то (Лозинский или Мандельштам) заметил, что мое «В то время я гостила на земле...» — тайные терцины.

О<сип> М<андельштам> говорил мне: «Вы как под покров людей принимаете, когда говорите с ними».

Бывал гневен (позднее это бывала уже ярость ветхозаветного пророка) уже в «Цехе» (10-е годы). Как-то раз Н. Бруни прочитал стихи. Осип вспылил и сказал: «Бывают стихи, кот<орые> воспринимаете как личное оскорбление».

К похвале М<андельштам> был глуховат, но всякое порицание его очень волновало.

При мне назвал свое стихотворение, где про обрывок шотландского пледа, — узловым.

Его положение в Москве было всегда сложным, неясным и мучительным. (Это — большая тема.)

У Осмеркина был портрет-рисунок Мандельштама (очень хороший), который он обещал подарить мне (когда сделан?). На портрете Митурича похожи только ресницы.

Я с М<андельштама>ми на блинах у Тышлера (1934).

Конвойные, которые везли его, читали Пушкина. Он написал о них.

Когда я написала последнее слово, приехала Ира из города и привезла письмо от Нади. Оно кончается так: «...а Ося, слава Богу, умер».

Проза для Милана

Первое и самое желанное — т<ак> н<азываемые> «Листики из дневника», то есть мои расширенные воспоминания о Мандельштаме. <...>

ВЫСТУПЛЕНИЯ

СЛОВО О ДАНТЕ

Sopra candido vel cinta d'oliva
Donna m'apparve, sotto verde manto,
Vestita di color di fiamma viva.

Гвельфы и гибеллины давно стали достоянием истории, белые и черные — тоже, а явление Беатриче в XXX песни «Чистилища» — это явление навеки, и до сих пор перед всем миром она стоит под белым покрывалом, подпоясанная оливковой ветвью, в платье цвета живого огня и в зеленом плаще.

Я счастлива, что в сегодняшний торжественный день могу засвидетельствовать, что вся моя сознательная жизнь прошла в сиянии этого великого имени, что оно было начертано вместе с именем другого гения человечества — Шекспира на знамени, под которым начиналась моя дорога. И вопрос, который я осмелилась задать Музе, тоже содержит это великое имя — Данте.

...И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

Для моих друзей и современников величайшим недостижимым учителем всегда был суровый Алигьери. И между двух флорентийских костров Гумилев видит, как

Изгнанник бедный Алигьери
Стопой неспешной сходит в ад.

А Осип Манделъштам положил годы на изучение творчества Данте, написал о нем целый трактат «Разговор о Данте» и часто упоминает великого флорентийца в стихах:

С черствых лестниц, с площадей
С угловатыми дворцами
Круг Флоренции своей
Алигьери пел мощней
Утомленными губами.

Подвиг перевода бессмертных терцин «Божественной комедии» на русский язык победоносно завершил Михаил Леонидович Лозинский. Эта работа была в моей стране высоко оценена критикой и читателями.

Все мои мысли об искусстве я соединила в стихах, освященных тем же великим именем;

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, —
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, нежной, долгожданной...

СЛОВО О ПУШКИНЕ

Мой предшественник П. Е. Щеголев кончает свой труд о дуэли и смерти Пушкина рядом соображений, почему высший свет, его представители ненавидели поэта и извергли его, как инородное тело, из своей среды. Теперь настало время вывернуть эту проблему наизнанку и громко сказать не о том, что они сделали с ним, а о том, что он сделал с ними.

После этого океана грязи, измен, лжи, равнодушия друзей и просто глупости полетик и неполетик, родственничков Строгановых, идиотов-кавалергардов, сделавших из дантесовской истории *une affaire de régiment* (вопрос чести полка), ханжеских салонов Нессельроде и пр., высочайшего двора, заглядывавшего во все замочные скважины, величавых тайных советников — членов Государственного совета, не постеснявшихся установить тайный полицейский надзор над гениальным поэтом, — после всего этого как торжественно и прекрасно увидеть, как этот чопорный, бессердечный («свинский», как говаривал сам Александр Сергеевич) и, уж конечно, безграмотный Петербург стал свидетелем того, что, услышав роковую весть, тысячи людей бросились к дому поэта и навсегда вместе со всей Россией там остались.

«Il faut que j'arrange ma maison Мне надо привести в порядок мой дом», — сказал умирающий Пушкин.

Через два дня его дом стал святыней для его Родины, и более полной, более лучезарной победы свет не видел. Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и именных указателях (с перевранными датами рождения и смерти) пушкинских изданий. Он победил и время и пространство.

Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то со-

всем другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин — или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно. Государь император Николай Павлович в белых лосинах очень величественно красуется на стене Пушкинского музея; рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин», и, что самое для них страшное, — они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила — право, только ваши дети
За меня вас будут проклинать.

И напрасно люди думают, что десятки рукотворных памятников могут заменить тот один нерукотворный, аеге renninus.

26 мая 1961. Комарово

<О ЛЕРМОНТОВЕ>

Все было подвластно ему

Это было странное, загадочное существо — царскосельский лейб-гусар, живший на Колпинской улице и ездивший в Петербург верхом, потому что бабушке казалась опасной железная дорога, хотя не казались опасными передовые позиции, где, кстати говоря, поручик Лермонтов был представлен к награде за храбрость. Он не увидел царские парки с их растреллиями, камеронами, лжеготикой, зато заметил, как «сквозь туман кремнистый путь блестит». Он оставил без внимания знаменитые петергофские фонтаны, чтобы, глядя на Маркизову Лужу, задумчиво произнести: «Белеет парус одинокий...»

Он, может быть, много и недослушал, но твердо запомнил, что «пела русалка над синей рекой, полна непонятной тоской...».

Он подражал в стихах Пушкину и Байрону и вдруг начал писать нечто такое, где он никому не подражал, зато всем уже целый век хочется подражать ему. Но совершенно очевидно, что это невозможно, ибо он владеет тем, что у актера называют «сотой интонацией». Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпиграммы до молитвы. Слова, сказанные им о влюбленности, не имеют себе равных ни в какой из поэзий мира.

Это так неожиданно, так просто и так бездонно:

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Если бы он написал только это стихотворение, он был бы уже великим поэтом.

Я уже не говорю о его прозе. Здесь он обогнал самого себя на сто лет и в каждой вещи разрушает миф о том, что

проза — достояние лишь зрелого возраста. И даже то, что принято считать недоступным для больших лириков — театр, — ему было подвластно.

До сих пор не только могила, но и место его гибели полны памяти о нем. Кажется, что над Кавказом витает его дух, переключаясь с духом другого великого поэта:

Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кончилось изгнание...

<1964>

ПРИМЕЧАНИЯ

Из книги «ВЕЧЕР»

Первая книга стихотворений Анны Ахматовой была издана «Цехом поэтов» в марте 1912 года тиражом 300 экземпляров. «Вечер» открывался предисловием М. А. Кузмина и содержал 46 стихотворений 1910–1911 годов. По словам Ахматовой, ко времени выхода в свет книги «Вечер» ею было написано около двухсот стихотворений, многие из которых («детские») она «не решилась никому показать». В дальнейших изданиях своих книг Ахматова исключила из состава «Вечера» слабые, по ее мнению, стихи, а в «Бег времени», наоборот, вставила в раздел «Из книги „Вечер“» шесть стихотворений 1909-го и одно 1910 года, дав им в рабочих планах заглавие «Из первой (Киевской) тетради, или Предвечерие».

Эпиграф «Цветы виноградника распускаются, и мне исполняется двадцать лет сегодня вечером» (*фр.*) из стихотворения «La vigne en Fleur» французского поэта Андре Терье (1833–1907) — впервые в сборнике «Из шести книг».

Читая Гамлета (с. 20). Стихотворения объединены в цикл впервые в сборнике 1961 года.

1. «У кладбища направо пылил пустырь...» Первоначальное заглавие — «Офелия». ...*иди в монастырь / или замуж за дурака* — слова Гамлета, сказанные Офелии («Гамлет», III, сц. 1).

2. «И как будто по ошибке...» *Я люблю тебя, как сорок / Ласковых сестер* — парафраз слов Гамлета над могилой Офелии: «...как сорок тысяч братьев любить не могут...»

Первое возвращение (с. 21). *Прошло пять лет* — Ахматова уехала из Царского Села в 1905 году, после развода родителей, и вернулась с Н. С. Гумилевым (см. примеч. к стихотворению «Царскосельские строки») летом 1910 года, после замужества и свадебного путешествия.

В Царском Селе (с. 22).

3. «Смуглый отрок бродил по аллеям...» (с. 23). Эварист *Парни* (1753–1814) — французский поэт, творчеством которого в лицейские годы увлекался Пушкин.

II

Обман (с. 28). Цикл посвящен двоюродной сестре Ахматовой Марии Александровне Эмунчилла (Наничке), которая в 1915 году вышла

замуж за старшего брата Ахматовой, Андрея Андреевича Горенко. После ее замужества посвящение было изменено на «М. А. Горенко». В семье Эмунчилла Ахматова жила, когда училась в последнем классе киевской Фундуклеевской гимназии (1906–1907).

2. «Жарко веет ветер душный...» (с. 28). *Иммортели* — бессмертники.

«Я пришла сюда, бездельница...» (с. 32). *Повилика* — вьюн, вьющееся растение.

III

Вечерняя комната (с. 33). *Саше* — мешочек с пряными травами. *Гласит*: «*Seigneur, ayez pitié de nous*» — «Господи, помилуй нас» (фр.); *северских статуэток* — изделия из фарфора знаменитого Севрского завода во Франции; *виола, клавиесин* — старинные струнный и клавишный музыкальные инструменты.

Он любил... (с. 35). *Не любил, когда плачут дети* — ср. строки из стихотворения И. Ф. Анненского «Тоска припоминания»: «Я люблю, когда в доме есть дети / И когда по ночам они плачут». (См. также стихотворение «Подражание И. Ф. Анненскому».)

Подражание И. Ф. Анненскому (с. 36). *Анненский Иннокентий Федорович* (1856–1909) — поэт, критик, филолог-классик, педагог. Был директором Царскосельской гимназии. Как поэт стал широко известен после выхода в свет посмертного сборника «Кипарисовый ларец». Ахматова, как и другие поэты-акмеисты, считала Анненского своим учителем в поэзии. Ср. стихотворение «Учитель».

«Туманом легким парк наполнился...» (с. 37). Посвящено Вере Константиновне *Шварсалон* (1890–1920), падчерице, позднее — жене В. И. Иванова, приятельнице Ахматовой.

Из книги «ЧЕТКИ»

Вторая книга стихотворений Анны Ахматовой, вышедшая в издательстве «Гиперборей» весной 1914 года тиражом 1000 экземпляров, имела огромный успех у читателей и критики. В течение 1914–1923 годов вышло девять изданий «Четок», не считая трех контрафакционных, т. е. вышедших без ведома автора.

Эпиграф — из стихотворения Е. Баратынского «Оправдание» — впервые в сборнике «Из шести книг».

I

Прогулка (с. 42). *Булонский лес* — парк на западной окраине Парижа; традиционное место отдыха парижан.

«После ветра и мороза было...» (с. 43). *Новогодний праздник длится пышно, / Влажны стебли новогодних роз* — эти строчки были взяты Ахматовой эпиграфом к Главе Первой Части первой «Поэмы без Героя».

«Все мы бражники здесь, блудницы...» (с. 44). В первой публикации стихотворение имело заглавие «Cabaret artistique» («Артистическое кабаре» — фр.). В одном из черновых автографов (РГАЛИ) —

«В „Бродячей собаке“» с зачеркнутым подзаголовком «Посвящается друзьям» и указанием «В вагоне». В стихотворении описано литературно-артистическое кабаре «Бродячая собака», открытое 31 декабря 1911 года Б. А. Прониным в подвале дома № 5 на Михайловской площади. Здесь в 1912–1914 годах собирались поэты, художники, артисты, устраивались вечера поэзии, театральные представления. Стены подвала были расписаны С. Судейкиным, его жена, актриса О. А. Глебова-Судейкина, подруга Ахматовой, исполняла свои знаменитые танцы.

«...И на ступеньки встретить...» (с. 45). *Сандрильона* — Золушка.

«В последний раз мы встретились тогда...» (с. 46). *Высокий царский дом* — Зимний дворец, расположенный на противоположном Петропавловской крепости берегу Невы.

«Покорно мне воображенье...» (с. 46). *В моем тверском уединении* — в Слепневе, тверском имении Гумилевых, где Ахматова жила с маленьким сыном каждое лето 1912–1917 годов.

Отрывок («...И кто-то, во мраке дерев незримый...») (с. 47). *Отравительницы-любви* — «Любовь-отравительница» — название пьесы-пародии Н. С. Гумилева, разыгрывавшейся молодежью слепневского и соседнего с ним имений.

«„Горят твои ладони...“» (с. 47). *Святой Антоний* — христианский подвижник (III–IV вв.), согласно его житию, испытывал от дьявола в страшных видениях тяжкие искушения. *Как волосы густые / Безумных Магдалин* — Мария Магдалина — блудница, исцеленная от грехов и злых духов Иисусом Христом. Здесь речь идет о жизни Марии Магдалины в пустыне, где ее одежды так истлели, что тело прикрывалось только длинными и густыми волосами.

«Не будем пить из одного стакана...» (с. 48). Обращено к Михаилу Леонидовичу Лозинскому (1886–1955) — поэту, переводчику, члену первого и второго «Цеха поэтов», редактору акмеистического журнала «Гиперборей», другу Ахматовой с 1910-х годов, неофициальному редактору ее книг.

«У меня есть улыбка одна...» (с. 49). *Аналой* — в православных церквях высокая подставка, на которую при богослужении кладут церковные книги, ставят иконы и крест.

II

«Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!...» (с. 54). Посвящено М. Л. Лозинскому (см. примеч. к стихотворению «Не будем пить из одного стакана...»).

Голос памяти (с. 54). Посвящено Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной (1885–1945), актрисе, танцовщице, жене художника С. Ю. Судейкина, в 1910–1920-е годы — самой близкой подруге Ахматовой. *Кто для белой смерти твой покинул плен* — поэт Вс. Князев (1891–1913), покончивший жизнь самоубийством, одно из действующих лиц («драгунский корнет») «Поэмы без Героя». В течение длительного времени вплоть до последней редакции строки *Иль того ты видишь у своих колен, / Кто для белой смерти твой покинул плен?* являлись эпиграфом к Главе Второй Части первой «Поэмы без Героя».

III

«**Помолись о нищей, о потерянной...**» (с. 57). В апреле 1912 года А. Ахматова и Н. Гумилев отправились в путешествие по Италии: в мае они посетили *Флоренцию*.

«**Вижу выцветший флаг над таможенной...**» (с. 57). Первоначальное заглавие «Возвращение», т. е. возвращение в Севастополь, где Ахматова проводила каждое лето 1896—1903 годов. *Херсонесского храма* — недалеко от развалин Херсонеса (см. примеч. к поэме «У самого моря»), на возвышенности, в 1862—1892 годах был построен Владимирский собор (в честь кн. Владимира, принявшего крещение в Херсонесе), незолоченые купола («*смуглые главы*») которого были видны из Стрелецкой бухты, где снимала дачу семья Горенко.

8 ноября 1913 (с. 58). *Милый, нынче праздник твой* — 8 ноября — День архангела Михаила.

Исповедь (с. 59). *Епитрахиль* — часть облачения священника в виде двух соединенных между собой спускающихся с плеч лент. Во время исповеди прикрывает голову исповедующегося. «*Дева! встань...*» — слова Иисуса, сказанные им при воскрешении умершей девочки (Лк. 8: 54).

«**В ремешках пенал и книги были...**» (с. 60). Обращено к Н. С. Гумилеву (см. примеч. к стихотворению «XII. Царскосельские строки» цикла «Венок мертвым»), они познакомились 24 декабря 1903 года.

«**Со дня Купальницы-Аграфены...**» (с. 60). День св. Агриппины (*простонар.* Аграфены Купальницы) совпадает с днем рождения Ахматовой — 23 июня, накануне дня Ивана Купалы. *Царь Давид* (1085—1165?) — иудейский царь, перенесший Ковчег Завета, иудейскую святыню, в Иерусалим.

IV

Стихи о Петербурге (с. 63).

1. «**Вновь Исакий в облаченьи...**» (с. 63). *Исакий* — Исаакиевский собор, построенный в честь покровителя Петра I византийского монаха Исаака Далматского, причисленного к лику святых. (Архитектор Огюст Монферран, собор строился с 1818-го по 1858 год). *Конь Великого Петра* — Медный всадник — памятник Петру I на Сенатской площади (между Исаакиевским собором и Невой).

2. «**Сердце бьется ровно, мерно...**» (с. 64). *...под аркой на Галерной* — см. примеч. к стихотворению «Как ты можешь смотреть на Неву...».

Венеция (с. 64). Весной и в начале лета 1912 года Ахматова и Гумилев путешествовали по Северной Италии. *Золотая голубятня у воды* — собор Св. Марка и площадь перед собором, куда слетается множество голубей. *С книгой лев* — изображение льва, опирающегося на Евангелие от Марка, — герб Венеции.

«**Протертый коврик под иконой...**» (с. 65). *Укладка* — небольшой сундук для одежды и других вещей.

«**Я пришла к поэту в гости...**» (с. 65). Речь идет о единственном визите Ахматовой к Александру Блоку (1880—1921): «...В одно из последних воскресений 1913 года я принесла его книги, чтобы он их над-

писал». (Дата под стихотворением — по новому стилю). *В доме сером и высоком / У морских ворот Невы.* — А. А. Блок жил на углу Офицерской улицы и наб. р. Пряжки, на последнем этаже пятиэтажного дома, из окон которого были видны устье Невы и Финский залив.

Из книги «БЕЛАЯ СТАЯ»

Третья книга Ахматовой, «Белая Стая», включавшая 83 стихотворения и первую написанную Ахматовой поэму «У самого моря», была издана в сентябре 1917 года издательством М. Л. Лозинского «Гиперборей» тиражом 2000 экземпляров. В 1918—1923 годах «Белая Стая» с изменениями переиздавалась еще три раза (есть также одно контрафакционное издание).

Эпиграф — из стихотворения И. Ф. Анненского «Милая» — впервые в сборнике «Из шести книг».

I

«Думали: нищие мы...» (с. 69). Написано на Троицком мосту по дороге в лазарет, куда Ахматова шла навестить Н. С. Гумилева. *Троицкий мост* — см. примеч. к стихотворению «Тот август, как желтое пламя...».

«Уединение (с. 69). *Так много камней брошено в меня* — переключка со словами Иисуса Христа в новозаветной притче о блуднице: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень» (Ин. 8: 7).

«Слаб голос мой, но воля не слабеет...» (с. 71). Написано во время путешествия с Н. С. Гумилевым по Италии.

«Потускнел на небе синий лак...» (с. 72). *Окарина* — керамическая флейта, итальянский народный свистковый инструмент.

«Вместо мудрости — опытность, пресное...» (с. 72). Посвящено гимназической подруге Ахматовой Валерии Сергеевне *Срезневской* (урожд. Тюльпановой, 1888—1964), дружеские отношения с которой сохранялись на протяжении всей жизни.

«Они летят, они еще в дороге...» (с. 74). О М. Л. Лозинском см. примеч. к стихотворению «Не будем пить из одного стакана...». «Белая Стая» вышла в издательстве «Гиперборей», которым заведовал М. Л. Лозинский, он был инициатором, составителем, редактором этой книги.

«Есть в близости людей заветная черта...» (с. 76). Посвящено Николаю Владимировичу Недоброво (1882—1919), поэту и литературному критику, автору лучшей, как считала Ахматова, статьи о ее творчестве, близкому другу Ахматовой в 1914—1916 годах.

«Нам свежесть слов и чувства простоту...» (с. 77). Обращено к Н. В. Недоброво.

«Ответ (с. 77). Посвящено графу Василию Алексеевичу Комаровскому (1881—1914), поэту-царскоселу. Написано в ответ на стихотворение Комаровского — поздравительное, по поводу издания весной 1914 года сборника «Четки» — «Анне Ахматовой» (1914).

«Был блаженной моей колыбелью...» (с. 78). *Солея* — ступенчатое возвышение перед алтарем.

II

«**Как ты можешь смотреть на Неву...**» (с. 79). *Черных ангелов крылья остры* — чугунные фигуры ангелов на арке, соединяющей здания Сената и Синода, где проходит Галерная улица (см. в «Поэме без Героя»: «На Галерной чернела арка...» и в стихотворении «Сердце бьет-ся ровно, мерно...»: «Ведь под аркой на Галерной...»).

«**Под крышей промерзшей пустого жилья...**» (с. 79). *Послания Апостолов* — часть Нового Завета; *Слова Псалмопевца* — Псалмы царя Давида, часть Ветхого Завета; *Песнь Песней* — часть Ветхого Завета — Книга царя Соломона, составленная в III веке до н. э. из древних свадебных песен.

«**Целый год ты со мной неразлучен...**» (с. 79). Посвящено Н. В. Недоброву.

«**Древний город словно вымер...**» (с. 80). Это и два других стихотворения («И в Киевском храме Премудрости Бога...» и «Справа Днепр, а слева клёны...») условно составляют «киевский» цикл: они написаны в Киеве летом 1914 года, когда Ахматова гостила у своей матери в Дарнице, под Киевом, и обращены к Н. В. Недоброву, с которым она встречалась в Киеве. *Над рекой своей Владимир* — памятник киевскому князю Владимиру, введшему на Руси христианство, установлен на берегу Днепра на Владимирской горке.

«**Все обещало мне его...**» (с. 82). Обращено к Борису Васильевичу Анрепу (1883—1969) — художнику-мозаичисту, близкому другу Ахматовой в 1916—1917 годах. Провожая Б. В. Анрепа на фронт в начале 1916 года, Ахматова подарила ему черный перстень (см. стихотворения цикла «Сказка о черном кольце», с. 148). В 1965 году, возвращаясь из Англии после церемонии присуждения ей звания почетного доктора литературы Оксфордского университета, Ахматова в Париже встречалась с Б. В. Анрепом.

«**Как невеста, получаю...**» (с. 82). Обращено к Н. В. Недоброву. Написано в туберкулезном санатории Хювинккя под Хельсинки, где Ахматова лечилась осенью 1915 года.

Побег (с. 85). Посвящено Ольге Александровне Кузьминой-Караваевой (1889—1987), в замужестве Оболенской, родственнице Н. С. Гумилева. С О. А. Кузьминой-Караваевой, эмигрировавшей во Францию, Ахматова переписывалась и встречалась в Париже, когда ехала из Англии после церемонии присвоения ей степени почетного доктора литературы Оксфордского университета (июнь 1965 года). *Сенат* — здание Сената, высшего государственного органа в России до 1917 года, находится на Сенатской площади в Петербурге.

«**Когда в мрачнейшей из столиц...**» (с. 86). Обращено к Б. В. Анрепу. *Я только крест с собой взяла, / Тобю данный...* — речь идет о деревянном кресте, подаренном Ахматовой Б. Анрепом (этот крест он нашел в заброшенной церкви в Карпатах). *Песочная бухта* — на берегу Черного моря, близ Севастополя.

Царскосельская статуя (с. 86). Посвящено Н. В. Недоброву. *Пред этой девушкой воспетой* — статуя, изображающая девушку с разбитым

кувшином (Пьеретта из басни Лафонтена) в Царскосельском парке, воспета Пушкиным в стихотворении «Царскосельская статуя» («Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...»).

«**Все мне видится Павловск холмистый...**» (с. 87). Посвящено Н. В. Недоброво. *Кифаред* — статуя Аполлона с кифарой (лирой) в Павловском парке. Общеизвестное название — «Фамира-Кифаред», проясняющее смысл следующей строки: *Красногрудая птичка сидит* — в античной мифологии мать Фамиры (Фамирида), прозванного за умение прекрасно играть на кифаре Кифаредом, была превращена в птицу за то, что помогла сыну услышать игру музы Эвтерпы. (Этот античный сюжет был положен в основу вакхической драмы И. Ф. Анненского «Фамира-Кифаред» и, возможно, заимствован Ахматовой в данном стихотворении.)

«**Вновь подарен мне дремотой...**» (с. 88). Обращено к Н. В. Недоброво, с которым осенью 1916 года в Крыму, в Бахчисарае, Ахматова виделась в последний раз. *И орла Екатерины / Вдруг узнали — это тот!* — Золоченой фигурой орла был украшен каждый из столбов, установленных по приказу Потемкина на пути следования Екатерины II в Крым в 1787 году; в Бахчисарае такой столб находился недалеко от ханского дворца, а в Царском Селе такая фигура орла украшала ворота Екатерининского парка.

III

Майский снег (с. 89). Эпиграф из Псалтири: «Утомлен я вздыханиями моими, каждую ночь омываю ложе мое, слезами омочаю постель мою». *Царь Давид* — см. примеч. к стихотворению «Со дня Купальницы-Аграфены...».

«**Пустых небес прозрачное стекло...**» (с. 90). Написано во время пребывания Ахматовой в Новгороде, где она навещала проходившего обучение перед отправкой на фронт Н. С. Гумилева. *Волхов* — река, на которой стоит Новгород; *Марфа-посадница* — правительница Новгорода (XV в.); *Аракчеев* — создатель военных поселений под Новгородом при Александре I.

Июль 1914 (с. 90). Появление стихотворений I—II вызвано началом Первой мировой войны и вступлением в войну России.

«**Тот голос, с тишиной великой споря...**» (с. 91). *Белег сводов Смольного Собора* — в центральном сооружении ансамбля в стиле барокко, построенном в 1748—1764 годы по проекту итальянского архитектора Б. Растрелли, — Смольном соборе, — все внутренние помещения первоначально были окрашены в белый цвет. Такой внутренний декор собора сохранен и в наше время.

Утешение (с. 92). Эпиграф — из поэмы Н. С. Гумилева «Мик» (1913—1914). *Михаил Архистратиг* — архангел Михаил, предводитель небесного воинства, покровитель воинов. Вероятно, обращено к знакомому Ахматовой по Царскому Селу Михаилу Циммерману (см. примеч. к стихотворению «Пленник чужой! Мне чужого не надо...»).

«**Для того ль тебя носила...**» (с. 92). Обращено к младшему брату Ахматовой, Виктору Андреевичу Горенко (1896—1979), которого в семье

одно время ошибочно считали погибшим. *Анатолия* — азиатская часть Турции; *Малахов курган* — возвышенная местность близ Севастополя, где в 1854—1855 годах проходили главные сражения за оборону города во время Крымской войны.

Молитва (с. 93). *Духов день* — понедельник после Троицы, 51-й день после Пасхи, знаменует сошествие Святого Духа. В 1915 году Духов день был 12 мая по ст. ст.

«**Высокомерьем дух твой помрачен...**» (с. 94). Обращено к Б. В. Анрепу, готовившемуся к отъезду в Англию.

«**Приду туда, и отлетит томленье...**» (с. 94). *Ведь капелька новгородской крови* — мать Ахматовой Инна Эразмовна Стогова (1852—1930) происходила из старинного рода новгородских бояр Стоговых.

«**Стал мне реже снится, слава Богу...**» (с. 95). *Иона* — Киевский Свято-Троицкий мужской монастырь (Ионинский); *Колокольни лаврские вдали* — колокольни Киево-Печерской лавры.

«**Будем вместе, милый, вместе...**» (с. 95). Обращено к Н. С. Гумилеву. *Где венчались мы — не помним* — венчание Ахматовой и Гумилева состоялось в Николаевской церкви села Никольская Слободка, недалеко от Киева, 25 апреля (8 мая) 1910 года.

Памяти 19 июля 1914 (с. 96). 19 июля (1 августа) 1914 года — дата вступления России в Первую мировую войну. *Мы на сто лет состарились...* — Ахматова неоднократно указывала, что XX век наступил с началом Первой мировой войны, — «календарные даты значения не имеют...».

IV

«**Перед весной бывают дни такие...**» (с. 97). В первом издании «Белой Стаи» с посвящением знакомой Ахматовой, жене писателя Г. И. Чулкова Надежде Григорьевне Чулковой (1874—1961). Однако, по словам Ахматовой, стихотворение «относится, несмотря на посвящение», к Б. В. Анрепу.

«**Выбрала сама я долю...**» (с. 97). *Благовещенье* — один из двунадесятых праздников, 25 марта ст. ст.; возвешение архангелом Гавриилом Деве Марии благой вести о зачатии ею Сына Божьего. *Риза* — парчовое, тканное золотом или серебром верхнее одеяние без рукавов для священнослужителей.

Сон (с. 98). *Царицын сад* — Екатерининский парк в Царском Селе. *Затейливый белый дворец* — возможно, Эрмитаж, двухэтажное здание в стиле барокко в нижней части Екатерининского парка; *у красных ворот* — вероятно, два здания из красного кирпича («Красная пекарня»), соединенные аркой и служащие входом в нижнюю часть Екатерининского парка. Красная пекарня расположена недалеко от Леонтьевской улицы, где находилась Мариинская царскоевская гимназия, в которой училась Ахматова; *...На озере есть островок* — в центре озера, недалеко от Екатерининского дворца, есть небольшой островок, на котором построен павильон «Концертный зал».

«**Небо мелкий дождик сеет...**» (с. 102). *Духов день* в 1916 году был 24 мая ст. ст.

«**Я знаю, ты моя награда...**» (с. 103). Обращено к Б. В. Анрепу.

Милому (с. 103). Обращено к Н. В. Недоброво. *Будки и казармы у дворца, / Надо льдом китайский желтый мост* — реалии Екатерининского дворца и парка в Царском Селе.

«Судьба ли так моя переменилась...» (с. 104). *Юния Анреп* — жена Б. В. Анрепа. С Ю. П. Анреп в 1916 году Ахматова жила на даче под Севастополем (Бельбек).

«Как белый камень в глубине колодца...» (с. 105). Посвящено Б. В. Анрепу.

V

У самого моря (с. 109). Поэма имеет автобиографическую основу. Действие ее происходит в Крыму, близ Севастополя, где Ахматова проводила каждое лето в 1896—1903 годах. «В моем детстве и юности было много моря, — вспоминала Ахматова. — Каждое лето я проводила в Севастополе, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет — древний Херсонес, около которого мы жили».

Херсонес — древнегреческая колония в Крыму, основанная в IV—III веках до н. э. на западе от Севастополя (сейчас — в черте города).

Я собирала французские пули — во время Крымской войны 1853—1856 годов под Севастополем на Малаховом кургане русские солдаты держали героическую оборону города против французской армии.

Фиолент — мыс в 14 километрах от Севастополя, рядом с Балаклавским Георгиевским мужским монастырем. «Анна Фиолентийская», — однажды назвал М. Л. Лозинский Ахматову, написав так по-латыни на титульном листе «Белой Стаи». «Фиолент» означает «полосатый», по внешнему виду мыса: если смотреть со стороны — расстояние от моря до вершины мыса состоит из чередования светлых и темных полос.

Корсунь — древнерусское название Херсонеса.

Плащаница — изображение на ткани в полный рост Иисуса Христа, воспроизводящее Его снятым с креста и положенным во гроб.

У *Константиновской батареи* — одно из укреплений, созданных во время обороны Севастополя в Крымской войне в Северной бухте.

Из книги «ПОДОРОЖНИК»

Четвертая книга стихов Анны Ахматовой вышла в свет в апреле 1921 года в издательстве «Петрополис» тиражом 1000 экземпляров. Впоследствии отдельно «Подорожник» не переиздавался, а входил дважды как третий раздел в следующий поэтический сборник Ахматовой — «Anno Domini» (1-е и 2-е издания). Многие стихи сборника обращены к Б. В. Анрепу, уехавшему из России весной 1917 года.

Эпиграф — из «Посвящения» к «Полтаве» Пушкина — впервые в первом издании «Anno Domini MCMXXI».

«Ты — отступник: за остров зеленый...» (с. 119). Обращено к Б. В. Анрепу. *Остров зеленый* — Англия, где Анреп жил постоянно

с весны 1917 года; *лихой ярославец* — генеалогические корни семьи Анрепа лежат в Ярославской губернии.

«**И в тайную дружбу с высоким...**» (с. 120). Обращено к Григорию Герасимовичу Фейгину (1885—1917) — актеру Студии В. Мейерхольда, погибшему на фронте во время Первой мировой войны.

«**Словно Ангел, возмутивший воду...**» (с. 121). Обращено к Б. В. Анрепу.

«**Пленник чужой! Мне чужого не надо...**» (с. 121). Обращено к Михаилу Михайловичу Циммерману, артисту, танцовщику.

«**Я спросила у кукушки...**» (с. 122). Ахматова указывала в авторском комментарии, что стихотворение написано «на царской ферме у Рыковых» (см. примеч. к стихотворению «Все расхищено, предано, продано...»).

«**О нет, я не тебя любила...**» (с. 123). Обращено к Г. Г. Фейгину (см. примеч. к стихотворению «И в тайную дружбу с высоким...»).

«**И вот одна осталась я...**» (с. 124). В *Екатерининском саду* — Екатерининский парк в Царском Селе.

«**По твердому гребню сугроба...**» (с. 126). Обращено к Б. В. Анрепу.

«**Ждала его напрасно много лет...**» (с. 127). *Вербная суббота* — суббота накануне Вербного воскресенья, православного церковного праздника Входа Господня в Иерусалим; вместо пальмовых листьев, которыми народ приветствовал входящего в Иерусалим Христа, в России в церковь приносят веточки вербы. *Тому три года* — Вербная суббота в 1913 году приходилась на 6 апреля.

«**Когда в тоске самоубийства...**» (с. 130). Обращено к Б. В. Анрепу. *Народ гостей немецких ждал* — во время Первой мировой войны в Петрограде ходили слухи, что немцы оккупируют город; в прижизненных изданиях Ахматовой, в том числе и в «Подорожнике», в посмертных изданиях по цензурным причинам печаталось без первых двух стрóf, которые восстановлены по первой публикации в еженедельнике «Воля народа» (12 апреля 1918) и сделанной в начале 1960-х магнитофонной записи авторского чтения.

Из книги «ANNO DOMINI MCMXXI»

Пятая книга стихотворений Анны Ахматовой, «Anno Domini MCMXXI» («В лето Господне 1921» либо «В 1921 году от Рождества Христова»), вышла в 1922 году в издательстве «Петрополис» (на обложке — «1921»). Она состояла из трех разделов: «Anno Domini», «Голос памяти» и «Подорожник». Второе издание, вышедшее в Берлине в 1923 году, отличалось от первого по структуре и составу: был включен раздел «Новые стихи» (в последующих изданиях: «После всего»), содержащий новые стихотворения 1922 года и некоторые более ранние, прежде не печатавшиеся; двумя стихотворениями был дополнен раздел «Подорожник». В дальнейшем, особенно при подготовке «Бега времени», состав «Anno Domini» был расширен, выделены циклы из писавшихся в разное время стихотворений: «Библейские стихи», «Сказка о черном кольце», «Эпические мотивы», «Три стихотворения», «Черный сон».

Эпиграф — из стихотворения Ф. Тютчева «Я знал ее еще тогда...» (1861) — впервые в книге «Бег времени». В «Anno Domini» был эпиграф «Nec sine, nec tecum vivere possum» — «Ни без тебя, ни с тобой жить невозможно» (лат.) из «Любовных элегий» Овидия. Многие стихи сборника «Anno Domini МСМХХI» посвящены памяти Н. С. Гумилева.

I. ПОСЛЕ ВСЕГО

Петроград, 1919 («И мы забыли навсегда...») (с. 133). В первой публикации (1923) — под заглавием «Согражданам». Находилось на одном листе со стихотворением «Предсказание» (см. ниже), вырванном цензурой. В последующих прижизненных сборниках стихотворений Ахматовой не перепечатывалось.

Предсказание (с. 133). В первой публикации — без заглавия. В автографе начала 1960-х годов было объединено в цикл «Над бездной (1922—23)» (I) с пятью другими стихотворениями: «И мы забыли навсегда...» (II), «Многим» (III), «Земной отрадой сердце не томи...» (IV), «Клевета» (V), «Новогодняя баллада» (VI), который не был сохранен в книге «Бег времени».

Бежецк (с. 134). *Бежецк* — уездный городок бывш. Тверской губернии, недалеко от Слепнева, имения Гумилевых. В Бежецке с 1918 года с матерью Н. С. Гумилева Анной Ивановной жил сын Ахматовой — Лева (*Там милого сына цветут васильковые очи*). Их навестила Ахматова в Рождество 1922 года (дата под стихотворением — 25 декабря 1921 — по ст. ст.), через несколько месяцев после гибели Н. С. Гумилева; *киот* — рама со стеклом или шкафчик для икон; *Книга Благая* — Библия.

Другой голос (с. 134). В первой публикации оба стихотворения напечатаны вне цикла, впервые объединены для «Бега времени», но в издание не вошли. Под «другим голосом» подразумевается, по всей видимости, голос Н. С. Гумилева.

«Не с теми я, кто бросил землю...» (с. 136). Стихотворение вызвано массовым отъездом русской интеллигенции из красной России.

Черный сон (с. 136). Цикл, составленный Ахматовой из стихотворений 1913—1940 годов для первого («зарезанного») «Бега времени». Обращен ко второму мужу Ахматовой, Владимиру (Вольдемару) Казимировичу Шилейко (1891—1930) — поэту и переводчику, выдающемуся востоковеду-ассириологу. Официальные даты их совместной жизни — 1918—1921, но Ахматова продолжала жить вместе с В. К. Шилейко — сначала в данной ей служебной квартире на Сергиевской улице, затем в предоставленной ему служебной квартире в Мраморном дворце. Годы, прожитые Ахматовой с Шилейко, были трудными для нее как с бытовой точки зрения (голод, разруха и т. п.), так и с психологической (тяжелый характер мужа, домашнее затворничество и др.), что отразилось в стихах цикла «Черный сон», имевшего первоначальное название «Дурной сон».

5. Третий Зачатьевский (с. 138). В 3-м *Зачатьевском* переулке (в центре Москвы, переулок протянулся от ул. Остоженка до Пречистен-

ской наб.) Ахматова и Шилейко жили с осени 1918-го по начало 1919 года.

«Слух чудовищный бродит по городу...» (с. 141). *Тать* — вор, грабитель. *Синяя Борода* — герой одноименной сказки Ш. Перро. Далее в тексте — переключки с сюжетом и героями этой сказки.

«А ты теперь тяжелый и унылый...» (с. 142). Обращено к другу Ахматовой художнику Б. В. Анрепу. *Слетнево* — имение Гумилевых в Тверской губернии, где Ахматова жила каждое лето 1911—1917 годов.

«Как мог ты, сильный и свободный...» (с. 143). В первой публикации, не вышедшем «Двухтомнике» (1928), сборнике «Из шести книг» — с посвящением В. К. Шилейко. В «Беге времени» — без посвящения.

Библейские стихи. Первоначальное название цикла в сборнике «Из шести книг» — «Из Книги Бытия». Каждое стихотворение цикла начинается с союза «И», как многие библейские тексты.

I. Рахиль (с. 144). *Рахиль* — дочь *Лавана*, которую полюбил *Иаков* и согласился служить за нее отцу 7 лет. По прошествии этого срока Лаван обманул Иакова, отдав вместо Рахили ее старшую сестру, слепую *Лию*. Эпиграф: Быт. 19: 20.

II. Лотова жена (с. 145). *Лот* — согласно Книге Бытия, единственный праведник, выведенный с семьей ангелами из города Содомы, на который за распутство обрушилась кара Господня. За нарушение запрета — не оглядываться назад — жена Лота была превращена в соляной столб.

III. Мелхола (с. 146). Эпиграф из Первой книги Царств (18: 20). *Мелхола* — младшая дочь царя Израиля *Саула*, одолеваемого приступами безумия, от которых его спасали только пение и игра на гуслиях пастуха *Давида*. Саул хотел отдать в жены Давиду свою старшую дочь Мерову, но Давид, не любивший Мерову, отказался от брака под предлогом, что он недостойн быть зятем царя. Младшая дочь Саула, Мелхола, полюбила Давида, и Саул, к тому времени уже возненавидевший Давида, решил отдать за него дочь, думая: «и она будет ему сетью» (18: 22). *Праматерь Лилит* — по апокрифу, первая жена Адама.

Причитание (с. 146). Валентина Андреевна *Щеголева* (1878—1931) — актриса, жена пушкиниста П. Е. Щеголева, приятельница Ахматовой. „*Господеви поклонитесь*“ — цитата из Псалтири (28: 2), надпись на фронтоне Владимирского собора в Петербурге: «Господеви поклонитесь во святем дворе Его». *Серафим* — св. Серафим Саровский (1759—1833), старец Саровской пустыни. *Анна — в Кашин* — св. Анна Кашинская, жена великого князя Тверского Михаила Ярославича (1271—1321), казненного татарами. После казни мужа постриглась в монахини и переехала в Кашин к сыну, князю Василию. 21 мая — праздник Владимирской иконы Божией Матери.

Песенка (с. 148). Единственный в творчестве Ахматовой пример акростиha: «Борис Анреп».

Сказка о черном кольце (с. 148). Цикл обращен к Б. В. Анрепу, которому Ахматова подарила золотое кольцо, покрытое черной эмалью, в феврале 1916 года в Царском Селе, в доме Н. В. Недоброво, перед его

отъездом на фронт. *Мне от бабушки-татарки...* — по воспоминаниям Ахматовой, не подтверждающимся историческими документами, ее бабушка Прасковья Федосеевна Мотовилова была из рода татарских князей Ахматовых, восходящего к последнему хану Золотой Орды — Ахмату. Фамилию бабушки-татарки Анна Горенко сделала своим литературным псевдонимом.

«Небывалая осень построила купол высокий...» (с. 150). Обращено к Н. Н. Пунину и написано в первую годовщину их близкого знакомства. *Пушин* Николай Николаевич (1888—1953) — искусствовед, один из основателей художественного образования и музейного дела в советской России в 1920—1930-е годы, исследователь и пропагандист русского авангардного искусства, погиб в лагере. С середины 1920-х по 1936 год — муж А. А. Ахматовой (официально брак не был зарегистрирован). В его квартире во флигеле Фонтанного Дома Ахматова прожила с 1926 по 1952 год. В дальнейшем до последних дней жила с семьей Н. Н. Пунина — дочерью И. Н. Пуниной и его внучкой А. Г. Каминской.

Эпические мотивы. Стихотворения объединены в цикл впервые в книге «Бег времени». Эпиграф из поэмы Б. Анрепа «Человек».

I. «В то время я гостила на земле...» (с. 150). *Анна, / Сладчайшее для губ людских и слуха* — «Анна» в переводе с древнееврейского означает «благодать».

II. «Покинув рощи родины священной...» (с. 151). *Муза Плача* — цитата из стихотворения М. Цветаевой, посвященного Ахматовой: «О, Муза Плача, прекраснейшая из Муз...». *На низком острове... в пышной невской дельте. ...Был переулочек снежным и недлинным.* — На Васильевском острове в Тучковом переулке Ахматова и Гумилев жили в 1914 году. *Храм Святой Екатерины* — церковь недалеко от Тучкова моста. *Где он, как чиж, свистал перед мольбертом; ...художник милый...* — Альгман Натан Исаевич (1889—1970) — автор знаменитого портрета Ахматовой 1914 года.

III. «Смеркается, и в небе темно-синем...» (с. 152). *...храм Ерусалимский* — Знаменская церковь, или церковь Входа Господня в Иерусалим, на углу Невского и Лиговского проспектов, напротив Николаевского вокзала (взорвана в 1938 году для строительства станции метро «Площадь Восстания»).

II. МСМХХI

«Все расхищено, предано, продано...» (с. 154). *Наталья Викторовна Рыкова* (1897—1928) — жена филолога Г. А. Гуковского, подруга Ахматовой. В семье ученого-агронома В. И. Рыкова на сельскохозяйственной ферме под Царским Селом Ахматова неоднократно гостила в 1919—1920 годах.

«Страх, во тьме перебирая вещи...» (с. 156). Тематически стихотворение связано с трагической судьбой Н. С. Гумилева, расстрелянного 25 августа 1921 года. «Об аресте Н<иколая> С<тепановича> я узнала на похоронах Блока. „Запах тленья обморочно-сладкий“ в моем стихотворении „Страх“, написанном ночью 25 авг<уста>, относится к тем похоронам», — писала Ахматова в автобиографической прозе.

«Чугунная ограда...» (с. 159). Связано с гибелью Н. С. Гумилева.

«А Смоленская нынче именинница...» (с. 159). В 1921 году в день праздника иконы Смоленской Божьей Матери, 10 августа, состоялись похороны Александра Блока на Смоленском кладбище в Петрограде.

«Пророчишь, горькая, и руки уронила...» (с. 160). Об О. А. Глебовой-Судейкиной см. примеч. к стихотворению «Голос памяти».

Клевета (с. 161). Стихотворение написано по дороге в Петроград из Бежецка, куда Ахматова ездила навещать своего сына (см. стихотворение «Бежецк» и примеч. к нему).

III. ГОЛОС ПАМЯТИ

Эпиграф к разделу — из стихотворения Н. Гумилева «Пьяный дровиш» (1919).

«Широко распахнуты ворота...» (с. 164). ...*сухая позолота / Нерушимой вогнутой стены* — мозаичное изображение Богоматери Оранты — «Стены Нерушимой» в Софийском соборе в Киеве. Мазепа — Мазепа Иван Степанович (1644—1709) — гетман Украины, выступавший за отделение Украины от России, казнен Петром I.

«Тот август, как желтое пламя...» (с. 165). Обращено к Н. С. Гумилеву. *Тот август* — август 1914 года — начало Первой мировой войны. *Корельской земли* — так Ахматова неоднократно называла окрестности Слепнева, где исконно обитали карелы. *Воин и дева* — Н. Гумилев и А. Ахматова. *Троицкий мост* — через Неву от Марсова поля до Троицкой площади, строился в 1897—1903 годах, был торжественно открыт в день 200-летия Петербурга 16 мая 1903 года. *И брат мне сказал...* — в своих стихах, обращенных к Н. С. Гумилеву, Ахматова неоднократно называла его «братом»; в 1914 году Гумилев ушел на фронт добровольцем.

Три стихотворения. Цикл, не имеющий названия. Был составлен в 1960-е годы для «Бега времени», но в издание вошло только первое стихотворение.

1. «Да, я любила их, те сборища ночные...» (с. 166). В 4-м издании «Белой Стаи» с посвящением «А. Л.» — Артуру Лурье (см. примеч. к «Решке» «Поэмы без Героя»). Речь идет об артистическом кабаре «Бродячая собака» (см. примеч. к стихотворению «Все мы бражники здесь, блудницы...»).

2. «Соблазна не было. Соблазн в тиши живет...» (с. 166). *Черница* — монахиня.

Колыбельная (с. 167). Обращено к сыну Ахматовой Л. Н. Гумилеву. *Белый крестик* — Георгиевский крест IV степени, которым был награжден Н. С. Гумилев в 1915 году. *Святой Егорий* — св. Георгий Победоносец, покровитель воинов.

«Заплаканная осень, как вдова...» (с. 168). Посвящено памяти Н. С. Гумилева.

«Буду черные грядки холить...» (с. 168). Для *Святой Софии* — Софийский собор в Киеве.

Новогодняя баллада (с. 169). *Поляне* — древние (VI—IX вв.) славянские племена. *Отчего мои пальцы словно в крови / И вино, как от-*

рава, жжет? — эти строки Ахматова цитирует в Части первой, Главе Первой «Поэмы без Героя».

Из книги «ТРОСТНИК»

Шестая книга включала стихотворения, написанные Ахматовой после «Анно Домини» с 1922 до 1940 года. Отдельным изданием книга «Тростник» не выходила. Часть стихотворений была напечатана с купюрами и иным расположением в первом разделе сборника «Из шести книг» (Л., 1940) под заглавием «Ива» — по названию первого стихотворения. Впервые как шестая книга «Тростник» был включен Ахматовой в «Бег времени», но тоже в усеченном, подцензурном виде. Название книги, возможно, восходит к двум источникам. Один из них — античный миф о превращении нимфы Сириги (букв. «свирель») в тростник в страхе перед Паном; из тростника Пан сделал пастушескую свирель, ставшую символом музыки и поэзии. О втором источнике писала Л. К. Чуковская: «Анна Андреевна рассказала мне одну восточную легенду: о том, как две сестры убили младшую на берегу реки. Убийство им удалось скрыть. Но на месте пролитой крови вырос тростник; весной пастух срезал дудочку, дунул в нее — и тростник запел песню о тайном злодействе».

Эпиграф: в сборнике «Из шести книг» — из стихотворения Б. Пастернака «Импровизация»; в «Беге времени» — из раннего варианта стихотворения «Гамлет» («Стихи доктора Живаго»).

Надпись на книге «Тростник» (с. 173). *Лозинский* Михаил Леонидович (1886—1955) — (см. примеч. к стихотворению «Не будем пить из одного стакана...»). *В тот час, как рушатся миры...* — имеется в виду Вторая мировая война, начавшаяся в сентябре 1939 года; *дар весенний* — стихотворение было записано на об. титульного листа сборника «Из шести книг», подписанного к печати 8 мая 1940 года. М. Л. Лозинский принимал участие в подготовке этой книги. *Тростник оживший зазвучал* — речь идет о легенде, пересказанной в преамбуле к примечаниям.

Муза (с. 173). *Данте* Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт, создатель своеобразной энциклопедии Средневековья — поэмы в трех частях и ста песнях «Комедия», названной потомками «Божественной»; в ней автор путешествует по девяти кругам Ада, Чистилищу и Раю.

«Здесь Пушкина изгнание началось...» (с. 174). *Сияние неутоленных глаз / Бессмертного любовника Тамары* — Демона, «изгнанника из рая», человеческого духа, наделенного бессмертием, обреченного на вечное скитание и одиночество, сеятеля зла, полюбившего земную женщину.

«Если плещется лунная жуть...» (с. 175). По всей вероятности, адресатом стихотворения является Н. В. Недоброво; похоронен в Ялте. *В тот какой-то шестнадцатый год...* — Ахматова рассталась с Н. В. Недоброво осенью 1916 года.

Заклинание (с. 176). Посвящено памяти Н. С. Гумилева. 15 апреля 1936 года ему исполнилось бы пятьдесят лет, в августе того же года была пятнадцатая годовщина со дня его гибели. *Из заохтенских болот...* — Охта — река и один из северо-западных районов Петербурга; за Охтой в болотистых лесах были расстреляны Н. С. Гумилев и другие участники «Таганцевского заговора». *Под пасхальный звон* — в 1936 году Пасха (12 апреля) почти совпала с днем рождения Н. С. Гумилева. В «Беге времени» — цензурные замены: «высоких» вместо «тюремных», «1935» вместо правильной даты.

«**Не прислал ли лебеда за мною...**» (с. 176). Посвящено памяти Н. В. Недоброво.

«**Одни глядятся в ласковые взоры...**» (с. 177). *Н. В. Н.* — Николай Владимирович Недоброво; *По древней подкапризовой дороге...* — дорога, соединяющая Екатерининский и Александровский парки в Царском Селе, проходящая под арками «Большого Каприза» и «Малого Каприза». «Большой» и «Малый» «Капризы» — две насыпные горы с тоннелями внутри.

«**От тебя я сердце скрыла...**» (с. 177). Обращено к Н. Н. Пунину (см. примеч. к стихотворению «Небывалая осень построила купол высокий...»). Связано с окончательным разрывом Ахматовой с Пуниным.

Борис Пастернак (с. 178). О Б. Л. Пастернаке см. примеч. к циклу «Венок мертвым», VII. 1–3. *Он, сам себя сравнивший с конским глазом* — Ахматова имеет в виду строки из стихотворения Б. Л. Пастернака «Ты в сумерки мне все — пансионеркою...» из книги «Сестра моя жизнь»: «Как конский глаз, с подушек, жарко, искоса / Гляжу, страшась бессонницы огромной...» *За то, что дым сравнил с Лаокооном...* — *Лаокоон* — троянский жрец, задушенный змеями вместе с двумя сыновьями. Во время Троянской войны единственный предупредил троянцев о возможном коварстве греков, оставивших у городских ворот деревянного коня, в котором укрылось несколько греческих воинов. С Лаокооном Пастернак сравнивал дым в стихотворении «Отцы» из поэмы «Девятьсот пятый год»: «Точно Лаокоон, / Будет дым / На трескучем морозе, / Оголясь, / Как атлет, / Обнимать и валить облака». Пастернаком описана скульптурная группа «Лаокоон» родосских мастеров Агесандра, Атенодора и Полидора, созданная ок. 50 года до н. э. *Кладбищенский востел чертополох* — ср. в стихотворении Б. Пастернака «Отцы»: «Облетевшим листом / И кладбищенским чертополохом / Дышит ночь». В стихотворении многие слова и фразы — реминисценции стихов Б. Л. Пастернака.

Воронеж (с. 179). Стихотворение посвящено другу Ахматовой поэту О. Э. Мандельштаму (см. примеч. к циклу «Венок мертвым», V); написано через месяц после возвращения Ахматовой из Воронежа, где О. Э. Мандельштам находился в ссылке; Ахматова ездила навещать его в начале февраля 1936 года. *А над Петром воронежским...* — В 1860 году в Петровском парке в Воронеже был установлен памятник Петру I, основателю российского флота; *И Куликовской битвой ветот склоны* — Куликовская битва (1380) происходила на р. Непрядве (Тульская обл.), притоке Дона — главной реки в Воронеже. Возможно, название реки

вызвало у Ахматовой ассоциации с Дмитрием Донским и его победой в Куликовской битве.

«**Годовщину последнюю празднуй...**» (с. 179). Первоначально стихотворение было обращено к В. Г. Гаршину и в первой строке вместо «последнюю» было «веселую»; отношения с Гаршиным, начавшиеся в 1938 году, были прерваны летом 1944-го, после возвращения Ахматовой из эвакуации (в «Беге времени» неверная дата — «1938»). *Парвалит из-под царских конюшен* — Царские конюшни на Конюшенной площади между р. Мойкой и Марсовым Полем; *Меж гробницами внука и деда* — церковь Воскресения Христова (Спас на Крови), построенная на месте, где в 1881 году был смертельно ранен Александр II, и Михайловский замок, в котором в 1801 году был убит Павел I; *...взъерошенный сад* — Михайловский сад; *Лебяжья* — Лебяжья канавка, протекает от Невы к Михайловскому саду между Марсовым Полем и Летним Садам.

Данте (с. 180). Эпиграф: «Мой прекрасный Святой Иоанн» (*ит.*) — из «Ада» (песнь XIX, стих. 17). *Сан Джованни* — церковь Иоанна Крестителя при Флорентийском соборе. *Он и после смерти не вернулся* — Данте (см. примеч. к стихотворению «Муза»), изгнанный из Флоренции и отказавшийся вернуться при условии публичного покаяния, похоронен в Равенне. *Разлив* — курортный поселок на озере Разлив недалеко от Финского залива под Ленинградом, там Ахматова отдыхала на даче, снимаемой Н. Н. Пуниным, летом 1936 года.

Клеопатра (с. 180). Эпиграф — из стихотворения Пушкина «Клеопатра» (1828). *Клеопатра* — египетская царица (69—30 годы до н. э.), жена римского полководца *Антония*; их войско потерпело поражение в борьбе против императора Октавиана Августа, Антоний был убит. Клеопатра, не желавшая быть увезенной в Рим, где ей предстояло, по римскому обычаю, пройти закованной с детьми перед победившими войсками в триумфальном шествии, покончила с собой, приложив к груди ядовитую змею. Источником для создания стихотворения Ахматовой послужила трагедия Шекспира «Антоний и Клеопатра», а не стихотворение Пушкина, из которого взят эпиграф.

Ива (с. 181). Эпиграф — из стихотворения Пушкина «Царское Село» (1823).

Маяковский в 1913 году (с. 183). Написано к десятой годовщине со дня гибели *В. В. Маяковского* (1893—1930), творчество которого Ахматова высоко ценила.

Надпись на «Подорожнике» (с. 183). *Гофмановы сны* — Э.-Т.-А. Гофман — немецкий писатель-романтик (см. примеч. к поэме «Китежанка»); *таинственный художник* — возможно, М. В. Добужинский, оформлявший книгу «Подорожник»; *Из той далекой и чужой весны / Мне чудится смиренный подорожник* — сборник Ахматовой «Подорожник» вышел в свет в апреле 1921 года; *Психея* — в греческой мифологии — олицетворение души, дыхания, одна из ролей подруги Ахматовой О. А. Глебовой-Судейкиной; *А в глубине четвертого двора* — речь идет о доме № 18 на наб. р. Фонтанки, где Ахматова жила с О. А. Глебовой-Судейкиной в год выхода «Подорожника» (1921).

Ленинград в марте 1941 (с. 184). *Cardan solaire* — солнечные часы (фр.); *Меншиков Дом* — дворец А. Д. Меншикова, сподвижника Петра I, на Университетской набережной. Часы находятся на примыкающем к дворцу зданию Кадетского корпуса; *Как щелочка, чернеет переулок...* — Соловьевский переулок, расположенный между Большим и Средним проспектами Васильевского острова недалеко от Меншикова дома, самый узкий в Петербурге.

БЕГ ВРЕМЕНИ

«**Бег времени**» — последний прижизненный сборник стихотворений Анны Ахматовой. Первоначально название предназначалось для сборника избранных стихотворений, который Ахматовой помогал готовить в 1962—1963 годах Н. Н. Глен и М. С. Петровых. Подготовка «Бега времени» началась в последние месяцы хрущевской «оттепели», поэтому в книгу должны были войти многие, ранее по цензурным причинам не печатавшиеся, стихотворения 30-х годов, цикл «Венок мертвым», поэма «Реквием» и целиком «Поэма без Героя». Однако замыслу Ахматовой выпустить полноценную, не подцензурную книгу своих стихов и в этот раз не суждено было сбыться. Уже во время подготовки книги состав ее значительно изменился, и книга появилась далеко не в том виде, в каком была задумана автором. Были отброшены антисталинские стихи из раздела «Тростник», рассыпан цикл «Венок мертвым», от поэмы «Реквием» осталось два стихотворения, «Поэма без Героя» вошла лишь своей Частью первой, самой «безобидной». Но все-таки книга увидела свет и, вышедшая за несколько месяцев до смерти, радовала Ахматову: «Такой большой книги у меня никогда не было». «Бег времени» состоял из избранных стихотворений ранних сборников Ахматовой: «Вечер», «Четки», «Белая Стая», «Подорожник», «Anno Domini», книг «Тростник», «Седьмая книга» и «Нечет», не выходивших отдельными изданиями, поэмы «Путем всея земли (Китежанка)» и Части первой «Поэмы без Героя» под заглавием «Девятьсот тринадцатый год (Петербургская повесть)». Печатный «Бег времени» при подготовке подвергся серьезной издательской цензуре. Восстановить последнюю волю автора во многом позволяют два экземпляра рукописного «Бега времени», сохранившиеся в архиве Л. К. Чуковской в ОР РНБ и личном архивном фонде А. А. Ахматовой в РГАЛИ. Однако, по замечанию Л. К. Чуковской, «рукопись „Б<ега> в<ремени>“ — тоже издательский экземпляр, откуда многие стихи были вынуты», т. е. рукописи книги подверглись авторской цензуре, которая предваряла цензуру правительственную.

«**Седьмая книга**». Впервые «Седьмой книгой» Ахматова назвала следующий по порядку после сборника 1940 года «Из шести книг» сборник своих избранных стихотворений. Он был составлен в 1946 году из стихотворений 1940—1945 годов и содержал написанные за это время новые, в том числе «военные», стихи и стихотворения более раннего времени, до этого не печатавшиеся. Машинописный экземпляр

книги, на титульном листе которой было указано: «Седьмой сборник стихотворений Анны Ахматовой. 1940—1945. Ленинград 1946», был отдан незадолго до постановления 14 августа 1946 года в Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», где пролежал целых семь лет. Неизданная книга была возвращена Ахматовой в 1952 году, а в начале 1960-х годов она записала на обороте титульного листа: «Рукопись возвращена мне „за истечением срока архивного хранения“». К возвращенной издательством рукописи Ахматова обратилась только в 1957 году, когда впервые за годы «второго антракта» появилась реальная возможность издать следующую книгу стихотворений. Именно тогда она изменила заглавие сборника, исправив на титульном листе: «Седьмая книга. Нечет. Сборник стихотворений Анны Ахматовой. 1940—1957. Ленинград — 1958». Таким образом, на этом этапе работы «Седьмая книга» и «Нечет» стали одной и той же книгой. Ахматова начала интенсивно работать с рукописью, вписывать в нее новые стихи, составлять новые циклы и переформировывать прежние. Однако эта работа не отразилась ни в издании «Стихотворения», выпущенном в 1958 году, ни в книге «Стихотворения», изданной в 1961 году, ни в «Бегах времени». До 1962 года возвращенная Ахматовой рукопись «Седьмого сборника стихотворений», переименованная в 1957 году в «Седьмую книгу. Нечет. Сборник стихотворений Анны Ахматовой», продолжала служить ей черновиком для записи неопубликованных ранее и «восстановленных» стихотворений, для изменения циклов и т. п. При подготовке к печати своей последней книги Ахматова «разделила» одно название «Седьмая книга. Нечет» на две части, сделав их заглавиями двух самостоятельных разделов книги «Бег времени»: «Седьмая книга» и «Нечет». При подготовке «Бега» обе части были составлены Ахматовой заново; по требованиям цензуры новый состав обеих частей был значительно изменен. Таким образом, печатные варианты разделов «Седьмая книга» и «Нечет» в издании «Бег времени» имеют мало общего с сохранившимися в архиве планами Ахматовой относительно состава «Седьмой книги» и «Нечета».

Состав и композиция «Седьмой книги», имевшей огромное количество планов — от простого перечня стихотворений до выделения трех разделов из восемнадцати циклов, — были окончательно определены Ахматовой при сдаче рукописи «Бега времени» в печать.

Эпиграф к книге — измененная строка из стихотворения филолога, младшего друга Ахматовой, дочери пушкиниста Б. В. Казанского Т. Б. Казанской (1916 — после 1969) «Льдины трещали, звенели морозы...».

«Нечет». «Нечет» как раздел книги был задуман еще в Ташкенте, о чем свидетельствует строка «А я дописываю „Нечет“. Опять в предпесенной тоске...» из стихотворения 1943 года «Еще одно лирическое отступление», имевшего первоначальное заглавие «Вступление к Ташкентской поэме». Впоследствии «Нечет» стал отдельным разделом в двух «зарезанных» книгах 1946 года: «Стихотворения Анны Ахматовой. 1909—1945» (М.; Л.: Гос. изд-во худож. литературы, 1946) и «Седьмой сборник стихотворений Анны Ахматовой. 1940—1946» (М.: Сов.

писатель, 1946). К заглавию «Нечет» Ахматова вернулась в 1957 году, когда на титульном листе возвращенной издательством «за истечением срока архивного хранения» рукописи «Седьмая книга. Сборник стихотворений Анны Ахматовой. 1940—1945. Ленинград — 1946» она приписала «Нечет», изменив соответственно даты на «1940—1957» и «Ленинград. 1958» (см. выше в преамбуле к «Седьмой книге»). В последнем прижизненном сборнике стихотворений Ахматовой «Бег времени» от прежнего состава «Нечета» ничего не осталось, наоборот, практически все стихотворения раннего «Нечета» (образовавшие впоследствии циклы «В сороковом году», «Ветер войны», «Луна в зените» и др.) были в «Беге времени» включены в раздел «Седьмая книга». В личном архиве поэта сохранились также планы последних лет отдельной книги «Нечет», в которых состав и последовательность расположения стихов отличны от разделов «Нечета» в книгах 1946 года и от рукописей «Нечета» I и II. Таким образом, можно говорить о нескольких известных нам вариантах состава раздела «Нечет»: в двух невышедших книгах 1946 года, в рукописях «Нечет I» и «Нечет II», в двух неосуществленных планах отдельного издания «Нечета» и, наконец, в книге «Бег времени».

Эпиграф — первая строка четверостишия Ф. И. Тютчева.

СЕДЬМАЯ КНИГА

Тайны ремесла. Как цикл оформился в 1960-е годы. Название соответствует ахматовскому представлению о поэтической деятельности как о «священном ремесле».

1. Творчество (с. 187). *И легких рифм сигнальные звоночки* — возможно, что рифмы в конце строки ассоциировались у Ахматовой со «звоночками» пишущей машинки, раздающимися в конце каждой напечатанной машинописной строки.

2. «Мне ни к чему одические рати...» (с. 187). *Одические рати* — торжественные стихотворения, прославляющие военные победы или их героев; *элегические затеи* — лирические произведения «высокого» жанра, проникнутые грустью, задумчивостью, печалью; *Таинственная плесень на стене* — переводчик стихотворений Ахматовой на немецкий язык С. С. Вейнберг отметил в письме к ней в 1962 году соотношение этих строк с высказыванием Леонардо да Винчи: «Советую поглядеть на стены, запятнанные водой и плесенью, и вы сможете узреть там божественные виды с горами, лесами, долинами, и потом вы увидите там битвы и тела и лица в громадном разнообразии». Последняя строка в первоначальном варианте имела противоположный по сравнению с окончательным смысл: «На радость вам и мне».

3. Муза (с. 188). *Оттрепет* — по свидетельству Л. К. Чуковской, специально употребленная Ахматовой простонародная форма вместо литературной («оттрепет»), была необходима ей для рифмы к слову «лепет» и стилистической близости к «...ни гу-гу».

4. Поэт (с. 188). *Скерцо* — музыкальная пьеса в быстром темпе со свободной сменой мелодий; *Комарово* — дачное место под Ленинградом на берегу Финского залива, где с 1955 года Ахматовой был

предоставлен Литфондом небольшой летний домик, прозванный ею «Будка».

5. Читатель (с. 189). *Лайм-лайт* — свет, огни ramпы (от англ. lime-light).

7. Эпиграмма (с. 190). *Биче* (полное имя: Беатриче) — возлюбленная итальянского поэта Средневековья *Данте Алигьери* (1265—1321); *Лаура* — возлюбленная итальянского поэта эпохи Возрождения Франческо Петрарки (1303—1374).

8. Про стихи (с. 191). *Нарбут* Владимир Иванович (1888 — после 7 апреля 1938) — поэт-акмеист, соратник Ахматовой по «Цеху поэтов». В некоторых ранних вариантах имя Нарбута было вынесено в заглавие («Про стихи Вл. Нарбута»), а стихотворение было посвящено Николаю Ивановичу Харджиеву (1903—1996), другу Ахматовой, искусствоведа, литературоведу, писателю. *Под черниговской луной* — В. И. Нарбут родился на хуторе Нарбутовка Черниговской губернии; *донник* — медоносное растение с сильным запахом.

«**А в книгах я последнюю страницу...**» (с. 191). Первоначальное название «Баллада». *И даже «вечность поседела», / Как сказано в одной прекрасной книге* — в «Приключениях Тома Сойера» М. Твена: «...мальчики лежали на полу, и им казалось, что время кончилось, и даже вечность успела уже поседеть» (гл. 26); *В том городе (название неясно)* — имеется в виду Ташкент, где Ахматова жила в эвакуации с 9 ноября 1941 по 14 мая 1944 года; *Остался профиль (кем-то обведенный / На белоснежной извести стены)* — в доме ташкентских друзей Ахматовой Г. Л. и А. Ф. Козловских на стене был обведен по тени сначала карандашом, затем углем профиль Ахматовой; *Уже ковром закрыт проклятый профиль* — после отъезда Ахматовой из Ташкента, когда профиль стал выпцветать, Г. Л. Козловская завесила стену куском парчи.

Пушкин (с. 192). *И ногу ножкой называть* — подразумевается строка из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (глава 1, строфа XX) «И быстрой ножкой ножку бьет» — о балерине А. И. Истоминой.

«**Наше священное ремесло...**» (с. 192). *С ним и без света миру светло* — ср. строку «От меня будет свету светло» в «Стихах о неизвестном солдате» (1937—1938) О. Мандельштама.

В сороковом году. В цикл, сформированный в середине 1940-х годов, Ахматовой включены стихотворения, написанные летом — осенью 1940 года. Первоначально порядок, в котором располагались стихотворения, был другим: 1, 3, 2, 4.

1. «Когда погребают эпоху...» (с. 193). Первоначально стихотворение имело заглавие «Август 1940». *...над позбишим Парижем* — город был оккупирован немцами 14 июня 1940 года.

2. Лондонцам (с. 193). Написано по поводу бомбардировки Лондона немецкой авиацией. Эпиграф был опущен в «Беге времени» по цензурным причинам. *Двадцать четвертую драму Шекспира* — всего Шекспиром написано 37 пьес, из них — 23 канонические драмы, последняя, 23-я, — «Генрих VIII» («Henry VIII»). Начатая Шекспиром 24-я драма «Два благородных родственника» («Two Noble Kinsmen») не была закончена. Интересное совпадение чисел 23 имеется в датах

жизни Шекспира: он родился и умер 23 апреля. *Гамлет, Цезарь, Лир, Джульетта, Макбет* — герои трагедий В. Шекспира: «Гамлет», «Юлий Цезарь», «Король Лир», «Макбет».

3. Тень (с. 194). Первоначальное название «Современница»; эпитафия из чернового варианта стихотворения О. Мандельштама «Соломинка», обращенного к Саломее Андрониковой-Гальперн (1888—1982), грузинской княжне (*дарьяльских глаз* — от Дарьяльского ущелья в долине р. Терек на Северном Кавказе). Гюстав *Флобер* (1821—1880) — французский писатель, автор повести «Иродиада», героиня которой, дочь Иродиады, падчерица Ирода, носила имя Саломея. *Флобер, бессонница и поздняя сирень* — возможно, переключка с первой строкой стихотворения О. Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» (1915).

4. «Уж я ль не знала бессонницы...» (с. 194). *Нормандия* (область на севере Франции) — цензурная замена «Финляндии», с которой в 1940 году Советский Союз находился в состоянии войны.

Ветер войны. Цикл был сформирован для сборника 1961 года из «Ленинградского цикла» и нескольких отдельных стихотворений. Первоначально назывался «Война» и имел эпитафию «Зовет меня голос войны».

Клятва (с. 196). Первое «военное» стихотворение, опубликованное в журнале «Ленинград» еще до отъезда Ахматовой в эвакуацию. Заглавие впервые — в сборнике «Стихотворения» (1958).

«Птицы смерти в зените висят...» (с. 197). *Птицы смерти* — немецкие самолеты-бомбардировщики: летавшие высоко и медленно, они словно «висели» в небе, ночью особенно казалось, что они не движутся, застыв над блокадным городом.

Мужество (с. 197). *И мы сохраним тебя, русская речь* — ср. первую строку стихотворения О. Мандельштама «Сохрани мою речь навсегда...».

1. «Щели в саду вырыты...». 2. «Постучи кулачком — я открою...» (с. 198). Посвящены памяти погибшего в блокадном Ленинграде старшего, восьмилетнего, сына соседней Ахматовой по квартире в Фонтанном Доме Вали Смирнова. В момент создания стихотворений Ахматова считала погибшим младшего, двухлетнего Вову, к которому была сильно привязана. *Щели* — узкие рвы или канавы, которые ленинградцы рыли во дворах, чтобы прятаться в них во время бомбежек.

Нох. Статуя «Ночь» в Летнем саду (с. 199). В первых изданиях — с поясняющим эпитафием: «В Ленинграде многие статуи для сохранности зарыты в землю возле своих пьедесталов». *В звездном покрывале, / В траурных маках, с бессонной совой...* — описание статуи «Ночь». *Ночь, Дионис, Любовь* — статуи работы итальянских мастеров XVIII века в Летнем саду.

Победителям (с. 199). *Сзади Нарвские были ворота* — триумфальная арка, воздвигнутая в честь подвигов русской гвардии в войне 1812 года и освободительном походе 1813—1814 годов; в непосредственной близости к Нарвским воротам проходил передний край обороны Ленинграда; *«Берты»* — немецкие дальнобойные орудия; *«Жизнь свою за други своя»* — неточная цитата из Евангелия от Иоанна (15:

13): «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

«**А вы, мои друзья последнего призыва!...**» (с. 199). В ранних публикациях под заглавием «In memoriam» («В память» — лат.) и с цензурной заменой последних четырех строк. *Святцы* (или месяцеслов) — список святых Русской православной церкви, составленный в порядке месяцев и дней года, к которым приурочено празднование каждого святого.

Памяти друга (с. 200). *С. Б. Р.* — Сергей Борисович *Рудаков* (1909—1944), литературовед, поэт, был выслан в Воронеж в 1934 году, где сблизился с О. Э. и Н. Я. Мандельштамами и познакомился с Ахматовой, приехавшей в Воронеж в феврале 1936 года навестить О. Э. Мандельштама. Рудакову в самом начале войны были оставлены на хранение материалы архивов О. Э. Мандельштама, Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой. Погиб Рудаков в штрафном батальоне под Москвой 15 января 1944 года.

Луна в зените. Цикл, связанный с пребыванием Ахматовой в Ташкенте во время эвакуации (9 ноября 1941 — 14 мая 1944), содержит стихотворения 1942—1944 годов. Формировался постепенно в середине 1950-х годов, окончательно сложился в сборнике 1961 года; первоначально имел эпиграф «Этой розы завои» (из стихотворения А. Фета «Моего тот безумства желал, кто смежал...») и название «Ташкентские наброски». К нему примыкают другие ташкентские циклы: «Смерть», «Новоселье» и отдельные стихотворения.

1. «Заснуть огорченной...» (с. 201). Посвящено Галине Лонгиновой *Герус* (1906—1991) — литератору, переводчице, жене композитора А. Ф. Козловского (см. примеч. к стихотворению «Явление луны»). *Мангалочий дворик* — в Средней Азии во дворах для приготовления еды ставили железные печки — мангалы. *Шехерезада* — восточная красавица из арабских сказок «Тысяча и одна ночь».

2. «С грозных ли площадей Ленинграда...» (с. 202). В раннем варианте — с посвящением «В. Г. Г<аршину>», снятым после их разрыва по возвращении Ахматовой из Ташкента. Владимир Георгиевич *Гаршин* (1887—1956) — врач, профессор ВИЭМа, близкий друг Ахматовой с 1938 года, за него она намеревалась выйти замуж по приезду в Ленинград.

3. «Все опять возвратится ко мне...» (с. 202). *Халима* — известная певица, сопрано, солистка Узбекского театра оперы и балета Халима Насырова (1913—2007?).

4. «И в памяти, словно в узорной укладке...» (с. 202). *Могильной чалмы благородные складки* — по-видимому, речь идет об особой форме надгробных памятников мусульман в виде чалмы или купола.

7. Явление луны (с. 203). Алексей Федорович *Козловский* (1905—1977) — композитор, близкий друг Ахматовой по Ташкенту, автор музыки к некоторым стихам Ахматовой и отдельным частям «Поэмы без Героя». *Лунная соната* Людвиг ван Бетховена (1770—1827) не просто одно из любимых музыкальных произведений Ахматовой, но и аллюзия на предстоящую скорую разлуку в связи с ожидаемым возвращением Ахматовой в Ленинград.

8. «Как в трапезной — скамейки, стол, окно...» (с. 204). Первоначально с посвящением А. Ф. Козловскому (см. выше). Пятая строка читается: «Все равно...», а не «Всё равно...». *Трапезная* — монастырская столовая; *Балахана* — верхняя пристройка дома (*узб.*), где Ахматова жила более года (ул. Жуковского, 54).

Еще одно лирическое отступление (с. 204). Первоначальное заглавие «Вступление к Ташкентской поэме» и ранние варианты строк («Моя Ташкентская поэма») свидетельствуют о том, что стихотворение не имело отношения к «Поэме без Героя», начатой в Ленинграде и писавшейся во время пребывания Ахматовой в Ташкенте, но никогда «ташкентской поэмой» не являвшейся (наоборот, в «Поэму без Героя», как это ни удивительно, не проникла ни одна ташкентская реалия). Вероятно, Ахматова намеревалась написать поэму, каким-то образом связанную с Ташкентом («Как почка набухает тема», «Мне не уехать без тебя — / Моя Ташкентская поэма», «До середины мне видна / Моя поэма...»), однако замыслу не суждено было реализоваться. И нетрудно понять почему: Ахматовой владело слишком много глобальных творческих замыслов — «Поэма без Героя», интенсивная работа над которой велась в течение всего пребывания Ахматовой в Ташкенте, подготовка «Избранного» 1943 года, работа над трагедией «Энума Элиш», многочисленные стихи ташкентского периода. После отъезда Ахматовой из Ташкента возвращение к «Ташкентской поэме» стало неактуальным, поэтому, вероятно, и было изменено первоначальное заглавие. *Мамзель Фифи* — в рукописи книги «Бег времени» Ахматова дала подстрочное примечание: «*Melle Fifi (фр.)* — в одноименном рассказе Мопассана — прозвище немецкого офицера, отличавшегося изощренной жестокостью». *Лютфи* (Лутфи) — узбекский лирический поэт (1366—1465). «*Нечет*» — в 1940-е годы являлся разделом двух запрещенных книг Ахматовой; многократно измененный, впоследствии стал разделом «Бега времени».

Смерть. Цикл сложился в середине 1950-х годов, в «Беге времени» третье стихотворение, вероятно из-за слова «самодержавный», по цензурным соображениям было выпущено.

I. «Я была на краю чего-то...» (с. 205). *Дюрмень* — санаторий недалеко от Ташкента, где Ахматова лечилась с 19 августа по 6 сентября 1942 года.

II. «А я уже стою на подступах к чему-то...» (с. 205). *А я уже стою* — текстуальная и смысловая перекличка со строкой Гумилева «А я уже стою в садах иной земли...» связана, возможно, с 21-й годовщиной гибели Н. С. Гумилева 25 августа 1921 года. *Что достается всем, но разною ценой* — ср. в стихотворении 1946 года: «Дорогою ценной и нежданной...», также обращенном к Гумилеву (с. 294).

III. «И комната, в которой я болею...» (с. 205). Стихотворение написано после переезда Ахматовой из балаханы в комнату на первом этаже того же дома. Здесь в декабре 1943 года Ахматова перенесла подряд две «смертельные», по словам Н. Я. Мандельштам, болезни: скарлатину и тяжелейший грипп с осложнениями на легкие.

«Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...» (с. 206). *Чарджуйские дыни* — знаменитый сорт дынь, выращиваемых в районе

г. Чарджоу в Туркмении; *глицинии* — крупная лиана с душистыми цветами; *рембрантовские углы* — имеется в виду мрачный, зловещий колорит картин выдающегося голландского художника Рембрандта Харменса ван Рейна (1606–1669).

«**Это рысьи глаза твои, Азия**» (с. 206). Существуют две первые строки, не включенные в «Бег времени»:

Не блистательная фантазия —
Лепесток, утонувший в вине...

Термез — город-порт на Амударье в Узбекистане.

Ташкент зацветает (с. 207). *Баранчук* — маленький мальчик, малыш (*узб.*).

Новоселье. Название цикла связано с переездом Ахматовой в мае 1943 года из писательского общежития на ул. К. Маркса, д. 7, на ул. Жуковскую, д. 54 («...и белый дом на улице Жуковской...», см. примеч. к стихотворению «Пора забыть верблюжий этот гам...» из цикла «Три стихотворения»), в комнату, где до этого жила Е. С. Булгакова.

1. **Хозяйка** (с. 208). *Колдунья* — Е. С. Булгакова (1893–1970) — вдова писателя М. А. Булгакова, прототип Маргариты в романе «Мастер и Маргарита»; Ахматова читала роман в рукописи в Ташкенте.

2. **Гости** (с. 208). *Нах хауз* — домой (*нем.*: nach Hause). *Дон-Жуан*, *Фауст* — неизменные образы, несущие черты своих литературных героев.

3. **Измена** (с. 209). *Не оттого, что зеркало разбилось* — возможная реминисценция первой строки стихотворения «Недаром зеркало разбилось...» Вс. Князева.

Вереница четверостиший. Цикл состоял из двенадцати четверостиший (три из которых в «Беге времени» были отвергнуты цензурой) и открывался последней строфой стихотворения «Кого когда-то называли люди...» («Ржавеет золото и истлевает сталь...»).

«**Что войны, что чума?...**» (с. 210). *Бег времени* — образ, заимствованный из оды Горация (65–8 гг. до н. э.) «Памятник».

Конец Демона (с. 210). *Демон* — герой одноименной «восточной повести» в стихах М. Ю. Лермонтова (1814–1841), как «дух отрицания» и «дух сомнения», наделенный исключительной зоркостью в отношении несовершенства мира. *Врубель* Михаил Александрович (1856–1910) — русский живописец, автор иллюстраций к «Демону».

«**Взоры огненной огня...**» (с. 211). *Лель* — образ юноши, созданный во второй половине XIX века драматургом А. Н. Островским («Снегурочка») и композитором Н. А. Римским-Корсаковым (одноименная опера) по мотивам славянской песенной мифологии.

«**За такую скоромшину...**» (с. 212). *От секретаря* — от Сталина (1879–1953), генерального секретаря ЦК ВКП(б).

На Смоленском кладбище (с. 213). *Смоленское кладбище* — на Васильевском острове в Петербурге, где были похоронены А. А. Блок (в 1944 году перезахоронен на Волковом) и Вс. Г. Князев — прототип драгунского корнета из «Поэмы без Героя»; «*Донон*» — название ресторана на наб. р. Мойки в Петербурге; *викторианское чванство* — высокомер-

ное поведение английской аристократии времен королевы Виктории; *канкан* — эксцентричный танец, зародившийся во Франции во второй половине XIX века, исполнявшийся на публичных балах или в кафе-шантанах.

Под Коломной (с. 214). Первоначальное заглавие «Подмосковное». *Коломна* — старинный городок под Москвой при впадении р. Москвы («...и течет московская река...») в р. Оку. *Шервинские* Сергей Васильевич (1892—1991) — поэт, переводчик и Елена Владимировна, его жена, — друзья Ахматовой. На их даче в Старках под Коломной Ахматова гостила в 1936 году, позднее — в 1952 и 1956 годах. ...*Где на четырех высоких лапах* — колокольня Кремля в Коломне (XVI в.) построена в виде шатра, имеющего в основании четыре угловых крепления.

«**Все души милых на высоких звездах...**» (с. 214). Обращено к Н. С. Гумилеву. В прижизненных изданиях — цензурные даты «1941» или «1944», скрывающие истинную дату написания.

Вторая годовщина (с. 215). Написано в канун второй годовщины возвращения Ахматовой из эвакуации в Ленинград и начала разрыва с В. Г. Гаршиным. В рукописи «Нечет I» Ахматовой были вставлены кавычки к словам «страдальческая тень», что указывает на заимствование словосочетания (источник — А. С. Пушкин. «Евгений Онегин». Глава 6, строфа XXXVII).

Последнее возвращение (с. 215). Связано с важными событиями личной жизни Ахматовой — окончательным разрывом с В. Г. Гаршиным и «возвращением» в августе 1944 года в Фонтанный Дом. Эпиграф к стихотворению оформился в конце 1950-х годов, до него был другой эпиграф: «И дальше некуда — домой / Пришел я в этот лунный холод. Ин. Анненский». *Галкин* Самуил Залманович (1897—1960) — еврейский поэт, стихи которого переводила Ахматова.

Надпись на портрете (с. 216). Посвящено *Вечесловой* Татьяне Михайловне (1910—1990) — известной ленинградской балерине. *Чингиз* (Чингисхан) — великий хан Монгольской империи, жестокий завоеватель, военные походы которого привели к установлению монголо-татарского ига в некоторых странах Азии и Восточной Европы. ...*на кровавом блюде / Голову Крестителя несла* — согласно библейской легенде, Иоанна Крестителя, проповедника столь любимого народом, что его называли пророком, люто ненавидела жена царя Ирода Иродиада за то, что тот обличал ее беззакония. На пиру в день рождения Ирода дочь Иродиады, падчерица и племянница Ирода Саломея своей пляской так покорила царя, что он обещал исполнить любое ее желание. По совету матери Саломея потребовала на блюде голову Крестителя, и царь, чтоб не показаться неверным своему слову, выполнил это требование; Саломея же передала голову своей матери.

Cinque. Цикл из пяти стихотворений (cinque: пять — *ит.*) под первоначальным заглавием «Пять стихотворений из цикла любовь». Эпиграф: «Как ты ему верна, тебе он будет верен, / И не изменит до конца» — заключительные строки стихотворения «Мученица» французского поэта Шарля Бодлера (1821—1867). Цикл обращен к англий-

скому дипломату, литературоведу, писателю сэру Исайе Берлину (1909–1998), приезжавшему в Советский Союз в конце 1945 – начале 1946 года.

4. **«Знаешь сам, что не стану славить...»** (с. 217). *...сожженной драмы* – имеется в виду драма «Энума Элиш», написанная Ахматовой в Ташкенте и сожженная после возвращения в Ленинград.

Шиповник цветет. Цикл, по-видимому, также обращен к Исайе Берлину и связан с двумя его встречами с Ахматовой (в Ленинграде в Фонтанном Доме в конце ноября 1945 года и начале января 1946 года) и «невстречей» через десять лет (в 1956 году в Москве). Эпиграф: «А ты среди живых в толпе людской...» – из поэмы «Изабелла, или Горшок с базиликом» английского поэта Джона Китса (1795–1821).

6. **Сон** (с. 220). Первоначальное название «Август» было отброшено по соображениям автоцензуры при предоставлении стихотворения для публикации в журнале «Москва» в 1959 году. Эпиграф – из стихотворения А. Блока «Шаги командора». Первоначально вместо посвящения было записано: «Никому». *Баховская Чакона* – величественная кульминация партиты ре-минор для скрипки соло Иоганна Себастьяна Баха; *...весть такую* – известие о приезде Берлина в Советский Союз; *...в годовщину страшную* – стихотворение написано в десятую годовщину августовского постановления 1946 года.

7. **«По той дороге, где Донской...»** (с. 221). В черновом автографе заглавие: «14 августа 1956». *Донской* Дмитрий (1359–1380) – великий князь; под Коломной, где написано стихотворение, проходила дорога, по которой он вел свое войско в 1380 году на Куликово поле; *моей судьбы девятый вал* – аллюзия на картину И. Айвазовского «Девятый вал» (первоначальные варианты этой строки: «Того, кто вышел из зеркала» и «Посланца белоснежных скал» ассоциируются с И. Берлиным).

8. **«Ты выдумал меня – такой на свете нет...»** (с. 221). *Мы встретились с тобой в невероятный год... – И были свежи лишь могилы...* – год окончания Второй мировой войны (1945) был годом встречи Ахматовой и Берлина. *В тот «навсегда опустошенный дом»* – автоцитата из стихотворения 1922 года «Многим» («Мой навсегда опустошенный дом», ср. также строку из стихотворения «Пусть голоса органа снова грянут...», написанного в августе 1921 года: «Война, мятеж, опустошенный дом...»). *Старки* – название дачного поселка под Коломной, где находилась дача Шервинских.

9. **В разбитом зеркале** (с. 222). *Троя* – древний город в Малой Азии; в греческой мифологии – взятие Трои положило конец десятилетней войне ахейских царей против троянцев; *несостоявшаяся встреча* – в 1956 году Ахматова отказалась встретиться с Берлиным, опасаясь за судьбу только что вернувшегося из лагеря сына, Л. Н. Гумилева.

10. **«Пусть кто-то еще отдыхает на юге...»** (с. 222). Эпиграф – первая строка стихотворения Ин. Анненского «Ты опять» из цикла «Трилистник осенний». *И, кажется, тайно глядится Суоми / В пустые свои зеркала...* – *Суоми* – финское название Финляндии, на территории которой ранее находился поселок Комарово (финское название – Келломяки), окруженный многочисленными лесными озерами.

11. «Не пугайся, — я еще похожей...» (с. 223). *Эней* — сын Анхиса и Афродиты, защищал Троию, но в ночь падения города ушел из него. Странствуя, встретил и полюбил карфагенскую царицу Дидону, но покинул ее и, следуя велению оракула, устремился к берегам Италии, чтобы основать Рим. Дидона сожгла себя на костре.

12. «Ты стихи мои требуешь прямо...» (с. 223). Возможно, первая строка стихотворения является ответом на строки из стихотворения И. Бродского, посвященного А. Ахматовой: «Опирая на ладонь свою висок, / Вы напишете о нас наискосок...»

13. «И это станет для людей...» (с. 224). *Веспасиан* Тит Флавий (9—79 гг. н. э.) — римский император, известен подавлением антиримского восстания иудеев, гонением на философов, восстановлением мощи империи, пострадавшей от междоусобных войн.

«Один идет прямым путем...» (с. 224). В отдельном беловом автографе (РНБ) — название «Pro domo mea» (лат. — «о себе, о своем доме»).

«...А человек, который для меня...» (с. 224). В стихотворении говорится о В. Г. Гаршине и прошедшем слухе о его безумии. *Оставь мне жалость хоть* — вплоть до смерти Гаршина Ахматова не могла простить ему его ухода, не говорила о нем и ничего не хотела о нем знать. Первое упоминание имени Гаршина связано с сообщением о его смерти в письме к сыну в лагерь.

При неспылке поэмы (с. 225). Речь идет о «Поэме без Героя», последняя редакция которой была закончена в 1963 году. *На свете кто-то есть, кому бы / Послать все эти строки...* — возможно, имеется в виду Исайя Берлин (при первой публикации в 1964 году стихотворение, по-видимому, не случайно находилось в подборке из пьесы «Пролог», в которой в образах Тени и Гостя угадывается Берлин); не исключено также, что подразумевается и композитор Артур Лурье, пришедший письмом Ахматовой весной 1963 года и писавший музыку к «Поэме без Героя».

Трилистник московский. Первоначальное название «Московские акварели». Форма «Трилистника» — цикла из трех стихотворений — заимствована из сборника «Кипарисовый ларец» И. Ф. Анненского.

1. Почти в альбом (с. 226). *Притин* — предел движения или стояния чего-либо.

Полночные стихи. В первоначальной редакции цикл назывался «Полуночные стихи» с ударением на «у». Эпиграф — из строфы VIII Части второй («Решка») «Поэмы без Героя».

1. Предвесенняя элегия (с. 227). Эпиграф — измененная строка (обращение «...ты, который меня утешил...» к лицу мужского рода вместо «...та, которая меня утешила...» в подлиннике) из сонета французского поэта Жерара де Нерваля (1808—1855) «Обездоленный». *Но, тьяная и без вина, / Там, словно Офелия, пела...* — *Офелия* — героиня трагедии В. Шекспира «Гамлет»; сошла с ума, узнав о смерти своего отца от руки Гамлета.

3. В Зазеркалье (с. 228). Эпиграф: «О, богиня, которая владычествует над счастливым Кипром и Мемфисом...» (лат.) из оды Горация (кн. III, ода 26) — обращение к Венере, богине любви.

5. **Зов** (с. 229). *И в предпоследней из сонат* — смысл строки раскрывался в подстрочном пояснении к эпиграфу в первой публикации, снятом впоследствии: «*Agioso dolente*. Название предпоследней сонаты Бетховена».

6. **Ночное посещение** (с. 229). Эпиграф — первая строка стихотворения Ахматовой (1930-е — 1960). *Адажио* — музыкальное произведение в медленном, спокойном темпе. *Вивальди* Антонио (1680—1743) — итальянский композитор.

НЕЧЕТ

Приморский сонет (с. 233). Первоначальные заглавия «Летний сонет» или «Последний сонет». По воспоминаниям знакомого Ахматовой В. П. Михайлова, в стихотворении описана их прогулка на Щучье озеро по дороге, проходящей мимо Комаровского кладбища.

Музыка (с. 233). Посвящено композитору Дмитрию Дмитриевичу *Шостаковичу* (1906—1975).

Летний сад (с. 234). В стихотворении названы реалии Летнего сада в Петербурге (тогда — Ленинграде): знаменитая решетка Летнего сада; статуи, затопленные водой во время наводнения 1924 года; лебеди в пруду и их отражение — обязательный атрибут Летнего сада в теплое время года; гранитная ваза у входа со стороны Михайловского замка и Летний дворец Петра I в противоположной стороне, где р. Фонтанка впадает в Неву.

«**Не страшай меня грозной судьбой...**» (с. 235). *Ярославское шоссе* — стихотворение навеяно впечатлениями от поездки в Загорск (в Троице-Сергиеву Лавру) по Ярославскому шоссе.

Городу Пушкина. Эпиграф — из стихотворения Пушкина «Чаадаеву („В стране, где я забыл тревоги прежних лет...“»)» (1821).

1. «**Мой городок игрушечный сожгли...**» (с. 235). Стихотворение написано под непосредственным впечатлением от поездки Ахматовой в разрушенное немцами Царское Село (тогда — Детское Село, г. Пушкин); *на Масленой* — последняя неделя перед началом Великого поста; *вейка* — извозчик-чухонец, промышлявший в Петербурге только на Масленой неделе.

2. «**Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...**» (с. 236). *...В беспамятстве дней* — слова из дарственной надписи О. Мандельштама на первом сборнике его стихов «Камень»: «Анне Ахматовой — вспышки сознания в беспамятстве дней». *Лета* — в греческой мифологии — река забвения в царстве мертвых.

Песенки. Впервые были собраны в цикл при подготовке к печати «Бега времени» (1965), опубликованы без двух «песенок»: «Застольной» и «Любовной». В планах «Бега времени» полностью указано расположение стихов данного цикла.

Из цикла «Ташкентские страницы» (с. 238). Возможна двойная адресация этого стихотворения. По воспоминаниям Г. Л. Герус-Козловской, стихотворение обращено к ее мужу, ташкентскому другу Ахматовой А. Ф. Козловскому (см. стихотворения цикла «Луна в зените»

и примеч. к ним). В дневниковой записи Л. К. Чуковской адресатом указан Юзеф Чапский (1896—1993) — польский художник, литератор, с которым Ахматова познакомилась в 1942 году в Ташкенте. *Фелюка* (или фелюга) — небольшое судно с парусами.

Рисунок на книге стихов (с. 240). Заглавие стихотворения имело несколько вариантов: «Портрет автора в молодости»; «Рисунок на первой книге стихов»; «В старом зеркале, или Надпись на книге „Вечер“ 1912»; «Надпись на первой книге, или Портрет автора в молодости», — казалось бы проясняющих его смысл. на фронтисписе первого сборника Ахматовой «Вечер» был рисунок художника-миriskуника Е. Е. Лансере (1875—1946). Изображенная на нем во весь рост молодая женщина с книгой в руке напоминала Ахматову, но в стихотворении описан не этот портрет.

Три стихотворения. Стихотворения, связанные с А. А. Блоком; объединены в цикл в сборнике «Стихотворения» (1961) с общей датой «1944—1960».

1. «Пора забыть верблюжий этот гам...» (с. 240). *И белый дом на улице Жуковской* — каменный белый дом на улице Жуковской (№ 54) в Ташкенте, где Ахматова жила в разных комнатах с весны 1943 по 14 мая 1944 года. *Рогачевское шоссе* — подмосковное шоссе, проходящее недалеко от имения семьи Блоков — Шахматова; в дате к стихотворению «Осенняя воля» (1905) из «Книги второй» А. Блоком указано: «Рогачевское шоссе».

3. «Он прав — опять фонарь, аптека...» (с. 241). Первоначально имело заглавие «Памяти Ал. Блока». Стихотворение было впервые прочитано на вечере памяти Блока, посвященном двадцатипятилетней годовщине со дня смерти поэта. Упоминаются два стихотворения А. Блока: «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (второе из «Плясок смерти») и «Пушкинскому Дому» (февраль 1921) — последнее написанное Блоком стихотворение. *Пушкинский Дом* — Институт русской литературы (ИРЛИ) в Ленинграде, где было последнее выступление Блока в 1921 году («О назначении поэта»).

Античная страничка

1. Смерть Софокла (с. 241). *Софокл* (ок. 496—406 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт-драматург, один из трех великих создателей античных трагедий (Эсхил, Софокл, Еврипид). В основе стихотворения легенда о смерти Софокла, рассказанная безымянным автором в его «Жизнеописании».

II. Александр у Фив (с. 242). Первоначальное название «Дом Поэта». *Александр* Македонский (356—323 гг. до н. э.) — великий полководец древности, царь Македонии. *Фивы* — древнегреческий город, завоеванный Македонским в 335 году до н. э. Согласно легенде, при разорении города Александр пощадил дом, в котором раньше жил знаменитый поэт Пиндар (518—442 гг. до н. э.). *Больница в Гавани* — в кардиологической больнице им. Ленина (Покровская больница) на Васильевском острове в Ленинграде Ахматова лечилась в октябре—январе 1961—1962 годов после третьего инфаркта. По свидетельству Л. К. Чуковской, 1 января 1962 года ей было впервые прочитано это стихотворение.

«Опять подошли „незабвенные даты“...» (с. 242). Толчком к написанию стихотворения послужил, вероятно, окончательный разрыв с В. Г. Гаршиным в конце июля 1944 года, однако Ахматова вспоминает «незабвенные даты» расставаний с другими близкими людьми: Н. С. Гумилевым и В. К. Шилейко. *Зюйд-вест (гол.)* — юго-западный ветер.

«Если б все, кто помощи душевной...» (с. 242). *Стала б я „богаче всех в Египте“*, / *Как говаривал Кузмин покойный* — отсылка к стихотворению М. А. Кузмина (1872—1936), поэта, соратника Ахматовой по «Цеху поэтов», «Если б я был древним полководцем...» из цикла «Александрийские песни» с последними двумя строками второй строфы «...и стал бы / Богаче всех живущих в Египте...».

Венок мертвым. Цикл из стихотворений разного времени, подготовленный Ахматовой для книги «Бег времени» (с одним из вариантов заглавия «Возлюбленные тени»), при жизни автора по цензурным причинам в книгу не вошел. Восстановлен по планам и рукописям «Бега времени».

I. Учитель (с. 243). *Анненский* Иннокентий Федорович (1856—1909) — поэт, критик, филолог-классик, педагог. Был директором Царскосельской гимназии. Как поэт стал широко известен после выхода в свет посмертного сборника «Кипарисовый ларец».

II. «De profundis... Мое колено...» (с. 243). *De profundis (лат.)* — из бездны. Начало 129-го псалма: «Из глубины зываю к Тебе, Господи!» Первоначально было посвящено Н. Я. Мандельштам («Н. Х.» — Надежде Хазиной), жене поэта О. Э. Мандельштама.

III. Памяти М. Булгакова (с. 244). *Булгаков* Михаил Афанасьевич (1891—1940) — писатель. Ахматова была дружна с ним и его женой Еленой Сергеевной (см. цикл стихов «Новоселье» и примеч. к ним).

IV. Памяти Бориса Пильняка (с. 244). *Пильняк* (наст. фам. Вогау) Борис Андреевич (1894—1938) — писатель, друг Ахматовой, расстрелян в 1938 году.

V. «Я над ними склонюсь, как над чашей...» (с. 245). *Мандельштам* Осип Эмильевич (1891—1938) — поэт, друг Ахматовой, соратник по «Цеху поэтов», погиб в лагере. *Это кружатся Эвридики* — в опере Глюка, поставленной в 1911 году в Мариинском театре В. Э. Мейерхольдом, Эвридики танцуют на загробном лугу. Образ восходит к древнегреческому мифу об Орфее, поэте и певце, и его жене Эвридике, за которой Орфей после ее смерти спустился в царство мертвых, вернул жену благодаря своему пению и тут же вновь и навсегда потерял, взглянув на нее вопреки запрету. *Бык Европу везет по волнам* — согласно мифу, Зевс, принявший образ быка, похитил дочь финикийского царя Европу и перевез ее по морю на остров Крит.

VI. Поздний ответ (с. 246). Написанное А. Ахматовой в 1940 году стихотворение не было прочитано М. Цветаевой при их встрече в июне 1941 года. В 1960-е годы, дорабатывая свое стихотворение, Ахматова дала ему заглавие — «Поздний ответ» и включила эпиграф из стихотворения Цветаевой «Ахматова» (1921). *М. И. Цветаева* (1892—1941) посвятила Ахматовой цикл стихотворений 1916 года. *Маринкина башня* — по преданию, место заточения Марины Мнишек, жены Лжедмит-

рия, в Коломенском кремле; *Поглотила любимых пучина* — имеются в виду трагические события в жизни М. И. Цветаевой после ее возвращения на родину: арест и гибель мужа и сына, арест и ссылка дочери. *И разграблен родительский дом* — Цветаева родилась в семье профессора И. В. Цветаева, основателя Музея изобразительных искусств в Москве, по возвращении в Советскую Россию оказалась бездомной и, уехав в начале войны в эвакуацию в Елабугу, покончила с собой. *А за нами таких миллионы, / И безмолвнее шестивия нет...* — в то же время был арестован и сослан сын Ахматовой Л. Н. Гумилев, Ахматова подразумевает судьбы миллионов женщин — жен и матерей — в годы «большого террора».

VII. Борису Пастернаку. Всего Ахматова посвятила своему другу, поэту Борису Леонидовичу *Пастернаку* (1890—1960) шесть стихотворений, три из которых (в некоторых планах — четыре) составили данный цикл.

1. «*И снова осень валит Тамерланом...*» (с. 246). *Тамерлан* (Тимур, 1336—1405) — среднеазиатский полководец, завоеватель многих стран Средней, Юго-Восточной и Центральной Азии. *Гефсиманский вздох* — ср. стихотворения Б. Пастернака «Гефсиманский сад» (1949): «Чтоб эта чаша миновала / В поту кровавом он молил отца» и «Гамлет» (1946): «Если только можно, авва отче, / Чашу эту мимо пронеси». Согласно Евангелию от Матфея (26: 36—46), в Гефсиманском саду Христос молился: «да минует Его чаша сия». *Игрушку мира — славу* — намек на Нобелевскую премию, присужденную Б. Л. Пастернаку в 1958 году за роман «Доктор Живаго». Последняя строфа существовала как самостоятельное стихотворение, была включена в текст в «Беге времени».

2. «*Умолк вчера неповторимый голос...*» (с. 247). Эпиграф — неточная строка из стихотворения Б. Пастернака «Все сбылось» (у Б. Пастернака — «Как птица, мне ответит эхо...»). *Умолк вчера...* — стихотворение датировано 1 июня 1960 года, Б. Л. Пастернак скончался 30 мая. В *больнице им. С. П. Боткина* в Москве Ахматова лечилась после второго инфаркта.

3. «*Словно дочка слепого Эдипа...*» (с. 247). *Дочка слепого Эдипа* — Антигона, дочь царя Фив Эдипа, сопровождала слепого отца, изгнанного из Фив, во всех его скитаниях.

VIII. Нас четверо (с. 248). Эпиграфы: первый — неточная цитата из посвященного Ахматовой стихотворения О. Мандельштама «Черты лица искажены...» (1913); второй — из стихотворения Б. Пастернака «Анне Ахматовой» (1928); третий — из цикла «Ахматовой» (1916) М. Цветаевой (стихотворение «О, Муза Плача, прекраснейшая из муз...»). *Воздушные пути... ветвь бузины* — отсылки к одноименным произведениям Б. Пастернака (повесть «Воздушные пути», 1925) и М. Цветаевой (стихотворение «Бузина», 1931).

IX. «Словно дальнему голосу внемлю...» (с. 248). Посвящено Михаилу Михайловичу *Зоценко* (1895—1958), писателю, имя которого навсегда слито с именем Ахматовой в постановлении 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». Стихотворение написано на следующий

день после смерти писателя. *Только ветры морские с залива* — М. Зощенко похоронен в г. Сестрорецке на кладбище, которое находится почти на берегу Финского залива.

X. Памяти Анты (с. 249). *Анта* — *Оранжевеева* Антонина Михайловна (1897—1960), знакомая Ахматовой, библиограф, сотрудница Этнографического музея.

XI. «И сердце то уже не отзовется...» (с. 249). *Пунин* Николай Николаевич — см. примеч. к стихотворению «Небывалая осень построила купол высокий...». В его квартире во флигеле Фонтанного Дома Ахматова прожила с 1926 по 1952 год. В дальнейшем до последних дней жила с семьей Н. Н. Пунина — дочерью, И. Н. Пуниной, и внучкой, А. Г. Каминской.

XII. Царскосельские строки (с. 249). Стихотворение обращено к Николаю Степановичу *Гумилеву* (1885—1921), поэту-акмеисту, главе «Цеха поэтов», первому мужу Ахматовой, расстрелянному 25 августа 1921 года по ложному обвинению (так называемое «дело Таганцева»).

Царскосельская ода (Девятисотые годы) (с. 250). Эпиграф — из стихотворения Н. С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (1921). *В кипарисный ларец* — отсылка к названию сборника стихотворений И. Ф. Анненского «Кипарисовый ларец»; *А тому переулку* — речь идет о Безымянном переулке в Царском Селе, по одной стороне которого «тянулся очень ветхий, некрашенный дощатый забор» (автобиографическая проза). «Безымянный переулок» — первоначальный вариант названия стихотворения; *не Темник, не Шуя* — провинциальные города России, «глухая провинция»; *Шагал* Марк (1887—1985) — художник и график, уроженец Витебска, изображавший неоднократно причудливо-фантастический город своего детства; *чугунка* — первая железная дорога в России, проложенная от Петербурга до Царского Села в 1837 году; *кирасир* — солдат кирасирского полка, под *Великаном-кирасиром* Ахматова подразумевала Александра III.

Петербург в 1913 году (с. 251). *Паровик идет до Скорбящей* — паровая конная дорога вела от б. Николаевского вокзала в Невскую заставу к Императорскому стеклянному заводу, при котором была часовня иконы Божьей Матери Всех Скорбящих Радости; *Тут уже до Горячего Поля* — до пустыря за Невской заставой, где обычно на месте старой петербургской свалки (Горячее — от сжигаемого на ней мусора) укрывались воры, преступники, бездомные.

Родная земля (с. 251). Эпиграф из стихотворения Ахматовой «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922). *О ней стихи навзрыд не сочиняем* (в раннем варианте: «Стихи навзрыд о ней не слагаем») — переключка со строками из стихотворения Б. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!» (1912): «Слагаются стихи навзрыд». *И мы мелем, и месим, и крошим* — ср. образ: «Аравийское месиво, крошиво...» из стихотворения О. Э. Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» (1937—1938).

Последняя роза (с. 252). Эпиграф из стихотворения И. Бродского (1940—1996), одного из молодых друзей Ахматовой, чей талант был сразу ею подмечен, «Закричат и захлопочут петухи...» (1962), посвященного Ахматовой. *Морозова* Феодосья Прокопьевна — сторонница

протопопа Аввакума, сосланная в Боровский монастырь за участие в расколе. *Падчирица Ирода* — см. примеч. к стихотворению «Надпись на портрете»; *Дидона* — см. примеч. к стихотворению «Не пугайся, — я еще похожей...»; *Жанна* — Жанна д'Арк — героическая предводительница французов времени Столетней войны с Англией; девятнадцатилетней была сожжена на костре инквизицией (1431).

Из «Черных песен» (с. 252). Эпиграф из стихотворения И. Ф. Анненского «Дальние руки». Цикл обращен к Н. В. Недоброву.

Северные элегии. Эпиграф ко всему циклу — первая строка стихотворения А. С. Пушкина без заглавия «Все в жертву памяти твоей...» (1825).

Первая. Предыстория (с. 253). Эпиграф — неточная цитата из «Домика в Коломне» (у Пушкина: «Я живу / Теперь не там...»). В *Гороховой, у Знаменья, под Смольным* — перечислены районы интенсивных застроек Петербурга в 1900-е годы: ул. Гороховая, церковь Входа Господня в Иерусалим (Знаменская) на углу Невского и Лиговского проспектов, Смольный Воскресенский собор (1749—1835, арх. Б. Растрелли, заканчивал отделку В. Стасов); в раннем варианте текста было «И трехэтажные растут громады» вместо «Пятиэтажные». *Литейный* — проспект в Петербурге от р. Невы до Невского проспекта; позади Фонтанного Дома, заслоненного в начале XX века новыми зданиями в стиле модерн, на Литейном в домах № 36 и 60 жили Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин. *Старая Русса* — город в Новгородской обл., где в 1870-е годы жил Ф. М. Достоевский, место действия «Братьев Карамазовых». *А в Оптиной мне больше не бывать* — в Оптиной пустыни (Калужская губ.) бывали Гоголь и Достоевский; возможно, что Ахматова посетила Оптину пустынь в 1920-е годы, однако документально этот факт пока не подтвержден. *Каренинской красою* — имеется в виду Анна Каренина, героиня одноименного романа Л. Н. Толстого. *Баден* — Баден-Баден — модный курорт в Германии, место действия повести Ф. М. Достоевского «Игрок». *И женщина с прозрачными глазами...* — *С редчайшим именем и белой ручкой* — мать Ахматовой Инна Эразмовна Стогова (1852—1930); *омский каторжанин* — Ф. М. Достоевский, отбывавший в Омске каторгу; *семеновский плац* — Семеновская площадь в Петербурге рядом с б. казармами Семеновского полка (у пересечения ул. Гороховой и Загородного пр.), место гражданской казни Ф. Достоевского (1849). В «Беге времени» — дата «1945».

<Вторая>. **О десятиях годах** (с. 255). *Прозертина* — дочь Деметры, похищенная властелином подземного царства Плутоном в то время, когда она играла с подругами на прекрасном цветущем лугу.

<Третья> (с. 256). Стихотворение обращено к Н. С. Гумилеву.

<Четвертая> (с. 257). Толчком к написанию этой элегии послужила, по всей вероятности, встреча с тяжело больным Н. Н. Пуниным, проезжавшим через Ташкент в Самарканд в санитарном поезде. *Пейзаж* — Ахматова произносила и писала слово именно так: с буквой «и», а не «й». *Мой бывший дом* — как вариант этих слов Ахматова указывала в подстрочном примечании: «Или: Фонтанный Дом». *Пятнадцать*

лет — годы, прожитые вместе с Н. Н. Пуниным; *морской царевны* — отсылка к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Морская царевна», строку из которого «Будет он помнить про царскую дочь...» Пунин произнес Ахматовой при их расставании.

<Пятая> (с. 257). Первоначально вместо посвящения был записан эпиграф из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон»: «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые. *Тютчев*». Посвящено Нине Антоновне *Ольшевской* (1908—1991), актрисе, близкой подруге Ахматовой, жене писателя-сатирика В. Е. Ардова. В их доме в Москве на ул. Большая Ордынка, д. 17, кв. 13, часто останавливалась и подолгу жила Ахматова. *Мое законнейшее имя носит* — вторая жена Н. С. Гумилева — Анна Гумилева (урожд. Энгельгардт, 1895—1942).

<Шестая> (с. 259). Первоначально к стихотворению был вписан эпиграф «My future is my past. Eliotte», который впоследствии был перенесен в «Поэму без Героя» (через некоторое время в поэме был заменен другим: «In my beginning is my end»). Эпиграф из стихотворения А. С. Пушкина «В степи мирской, печальной и безбрежной...», 1827 (условное название — «Три ключа»), был вписан в начале 1960-х годов. У Пушкина — название каждого ключа записано с прописной буквы: «ключ Юности», «Кастальский ключ», «ключ Забвенья». В книге «Бег времени» — даты «1943—1953».

Седьмая (с. 260). Текст последней, самой незавершенной «Седьмой» элегии Ахматовой составлен из сохранившихся черновых записей в тетрадах и на отдельных листах. Другие названия: «Последняя речь подсудимой» или элегия «О молчании» (ср. со строфой из «Решки» «Поэмы без Героя»: «А со мною моя „Седьмая“. Полумертвая и немая...»). *Цикута* — ядовитое растение, растущее у воды. *Вериги* — железные цепи, которые в качестве дополнительного послушания носили верующие на голое тело.

Памяти В. С. Срезневской (с. 261). Эпиграф из стихотворения Ахматовой «Вместо мудрости — опытность...», также посвященного Срезневской (см. примеч. к этому стихотворению).

В Выборге (с. 262). Посвящено Ольге Александровне *Ладыженской* (1922—2004) — математику, чл.-корр. Академии наук, знакомой Ахматовой, соседке по даче в Комарове. Ее рассказ о поездке в Выборг, произведший на Ахматову сильное впечатление, послужил толчком к написанию данного стихотворения.

<Земля хотя и не родная...> (с. 262). Первоначальное заглавие — «В пути». Описание поездки из Комарова в Ленинград.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1906—1966 ГОДОВ, НЕ ВХОДИВШИЕ В КНИГИ

<В промежутки между грозами...> (с. 267). *Илья* — Ильин день, праздник св. пророка Ильи 2 августа. Согласно народной примете, в Ильин день часто бывает гроза.

<Жрицами божественной бессмыслицы...> (с. 267). О В. С. Срезневской см. примеч. к стихотворению «Вместо мудрости — опытность, пресное...».

«**Загорелись иглы венчика...**» (с. 269). 18 сентября (1 октября) 1912 года у Ахматовой и Гумилева родился сын Лев.

«**В последний год, когда столица наша...**» (с. 269). *Первоначальное носила имя* — Санкт-Петербург был переименован в Петроград сразу же после объявления Германией войны России 19 июля 1914 года; *До войны великой* — до начала Первой мировой войны. *Та, что в дома всегда без строса входит / И белым закрывает зеркала* — имеется в виду смерть и православный обычай в период от смерти до похорон завешивать зеркала в доме покойника белыми полотенцами или просто белой тканью.

«**Ты первый, ставший у источника...**» (с. 270). Об Александре Александровиче Блоке см. примеч. к стихотворению «Я пришла к поэту в гости...». Данное восьмистишие — типичный пример восстановления и дописывания стихотворения в конце 1950-х — начале 1960-х годов, когда первоначальный замысел дополняется более поздним осмыслением описываемого. Впервые печатается так, как в автографе: «отчитанных», а не «отсчитанных».

«**И в Киевском храме Премудрости Бога...**» (с. 271). *Киевский храм Премудрости Бога* — Софийский собор. *Солея* — см. примеч. к стихотворению «Был блаженной моей колыбелью...»; *И в белом гробу Ярослав.* — В Софийском соборе находится гробница Ярослава Мудрого (ок. 978—1054) — великого князя Киевского; *...икона / И девять ступенек на ней.* — Икона Софии Премудрости Божией с изображением фигуры на троне с девятью ступенями.

«**Я в этой церкви слушала Канон...**» (с. 272). *...Канон Андрея Критского* — Великий покаянный канон, составленный преподобным Андреем Критским (ум. 720), вечернее богослужение в первую и пятую недели Великого поста («за семь недель до полночи пасхальной»). *...с беспорядочной стрельбой* — речь идет о Февральской революции; *Боткинская, 9* — на Боткинской ул. Ахматова жила у В. С. и В. В. Срезневских с января 1917-го по октябрь 1918 года.

«**Я горькая и старая. Морщины...**» (с. 272). *Шереметевский Дом* — дворец графов Шереметевых на наб. р. Фонтанки, построенный во второй половине XVIII века; в строительстве дворца участвовали известные архитекторы: П. Еропкин, С. Чевакинский, И. Старов, А. Воронихин. Другое название — Фонтанный Дом. В Шереметевском дворце в 1919 году Ахматова жила с В. К. Шилейко.

«**Не чудо ли, что знали мы его...**» (с. 273). Написано на 9-й день смерти А. Блока.

«**Пива светлого наварено...**» (с. 273). Дата под стихотворением записана по старому стилю. В Бежецке Ахматова была в Рождество 1922 года (см. стихотворение «Бежецк» и примеч. к нему).

«**Здравствуй, Питер! Плохо, старый...**» (с. 273). *Замятина Людмила Николаевна* (1883—1965) — медсестра, жена писателя Е. И. Замятина, приятельница Ахматовой с конца 1910-х годов до отъезда Замятиных в 1931 году за границу.

«**Я именем твоим не оскверняю уст...**» (с. 275). *Библейский куст* — согласно Библии, горящий, но не сгорающий куст терновника, увиденный Моисеем у подножия горы Божией Хорив; *Веселый человек*

с зелеными глазами, / Любимец девушек — Б. В. Анреп. Тому прошло семь лет — с отъезда Б. Анрепа в Англию весной 1917 года.

«Так просто можно жизнь покинуть эту...» (с. 275). В 1960-е годы к стихотворению было приписано заглавие «Памяти Сергея Есенина», однако оно было написано в начале 1925 года, когда С. А. Есенин был еще жив. По-видимому, первоначально было обращено к Н. С. Гумилеву.

«И ты мне все простишь...» (с. 276). Обращено к Н. Н. Пунину; вскоре началась совместная жизнь Ахматовой с Пуниным в Фонтанном Доме.

«Десять лет и год твоя подруга...» (с. 276). Десять лет и год — одиннадцать лет — время, прошедшее с последнего пребывания Ахматовой на юге — в Крыму в 1916 году.

«...Оттого, что мы все пойдем...» (с. 277). По Таганцевке — по сфабрикованному ЧК делу профессора Н. В. Таганцева за участие в контрреволюционном заговоре был расстрелян Н. С. Гумилев; по Есенинке — С. А. Есенин (1895—1925) покончил с собой; маяковским путем — В. В. Маяковский застрелился в 1930 году.

«Привольем пахнет дикий мед...» (с. 277). Наместник Рима — Понтий Пилат (см. примеч. к стихотворению «Кого когда-то называли люди...»); Шотландская королева — Мария Стюарт, прообраз леди Макбет в трагедии В. Шекспира «Макбет». По ночам леди Макбет преследовали кошмары: ей никак не удавалось смыть с рук кровь тех, кто был убит по ее подстрекательству.

«...Я знаю, с места не сдвинуться...» (с. 278). Вий — герой одноименной повести Н. В. Гоголя. С боярыней Морозовой — см. примеч. к стихотворению «Последняя роза»; Суриков Василий Иванович (1848—1916) — художник, создатель картины «Боярыня Морозова», изображающей Морозову на пути в Боровский монастырь.

Немного географии (с. 279). Посвящено О. Э. Мандельштаму (см. примеч. к стихотворению «V. Я над ними склонюсь, как над чашей...» цикла «Венок мертвым»). ...столицею европейской — имеется в виду Петербург—Ленинград; Читу... Ишим... и др. — перечислены города пересыльных тюрем и места сталинских лагерей; ...воспетый первым поэтом — Петербург, воспетый А. С. Пушкиным.

Подражание армянскому (с. 279). Под образом падишаха подразумевается Сталин. Вызвано, вероятно, вторым арестом в 1938 году сына Ахматовой Л. Н. Гумилева.

«Жить — так на воле...» (с. 280). Волково Поле — см. примеч. к «Эпилогу» «Поэмы без Героя».

(Из забытого) «Ах! — где те острова...» (с. 280). Ягода Г. Г. (1891—1938) — нарком внутренних дел СССР в 1934—1936 годах, организатора террора и массовых репрессий. Алешка Толстой — Алексей Николаевич Толстой (1882/83—1945) — писатель, ценимый советским партийным руководством.

Подвал памяти (с. 281). Эпиграф из поэмы В. Хлебникова «Жуть лесная». Когда стускаюсь с фонарем в подвал... — речь идет об артистическом кабаре «Бродячая собака»; ...тот проказник — М. А. Кузмин (см. примеч. к стихотворению «Если б все, кто помощи душевной...»).

«Уложила сыночка кудрявого...» (с. 282). *Китеж* — см. примеч. к поэме «Путем вся земля»; *схимница* — см. там же; *крин* — лилия.

«Так отлетают темные души...» (с. 282). Посвящено памяти Н. С. Гумилева. *Помнишь, мы были с тобою в Польше?* — Через неделю после свадьбы в начале мая 1910 года Ахматова и Гумилев отправились в свадебное путешествие из Киева в Париж, путь их лежал через Польшу. *Гомер* — легендарный древнегреческий поэт, которому приписывается авторство «Илиады» и «Одиссеи»; сюжеты из его произведений неоднократно встречаются в стихах Н. С. Гумилева. *Дантова дива* — речь идет о «Божественной комедии» Данте Алигьери (см. примеч. к стихотворению «Муза»). *Троя* — древний город, согласно «Илиаде» и «Одиссее», — место, где происходила десятилетняя Троянская война. *Забани* — друг героя в «Эпосе о Гильгамеше», погибающий по воле богини Иштар (в современном прочтении — Энкиду). Н. С. Гумилев и В. К. Шилейко участвовали в издании ассиро-вавилонского «Эпоса о Гильгамеше», вышедшем в издательстве «Всемирная литература» в 1919 году: В. К. Шилейко был автором предисловия, Н. С. Гумилев — автором перевода. Собственный перевод Шилейко сохранился в отрывках.

«И вот, наперекор тому...» (с. 283). Эпиграф — переиначенные Ахматовой строки из первой редакции стихотворения Н. Заболоцкого «Ночной сад» (1936): «И толпы лип вздымали кисти рук, / Все голоса против преступленья».

Стансы (с. 284). *Стрелецкая луна* — см. примеч. к поэме «Реквием» (I). *Страстная неделя* — последняя седмица Великого поста; *Преображенец* — Петр I; *Бориса дикий страх* — Борис Годунов (1551—1605) взшел на престол в результате убийства царевича Дмитрия; *всех Иванов* — шесть русских царей носили имя Иван, особой жестокостью отличался Иван IV (Грозный); *Самозванца спесь* — под именем царевича Дмитрия после смерти Годунова к власти пришел самозванец Лжедмитрий I.

«Соседка из жалости — два квартала...» (с. 284). Обращено к В. Г. Гаршину (см. примеч. к стихотворению «С грозных ли площадей Ленинграда...»).

«Мои молодые руки...» (с. 285). *Кровавой Цусимской пеной* — поражение русского флота в бою при Цусиме в 1905 году было, по словам Ахматовой, одним из самых страшных потрясений на всю ее жизнь. *От дома того — ни щетки* — дом купчихи Е. И. Шухардиной в Царском Селе, где Ахматова жила до шестнадцати лет. *То Павловского вокзала / Раскаленный музыкой купол* — в здании вокзала в Павловске в 1910-х годах еженедельно происходили концерты симфонической музыки. *Баболовский дворец* — в Царском Селе в Баболовском парке, был построен в 1782—1783 годах для Г. А. Потемкина.

«То, что я делаю, способен делать каждый...» (с. 286). Эпиграф из стихотворения В. Я. Брюсова «Прокаженный».

«Какая есть. Желая вам другую...» (с. 287). *Страдалище Марине* — М. И. Цветаева (см. примеч. к стихотворению «VI. Поздний ответ» цикла «Венок мертвым»). Стихотворение написано в день рождения Ахматовой.

В тифу (с. 288). *ТАШМИ* — клиника Ташкентского медицинского института, где Ахматова лечилась от брюшного тифа в ноябре—декабре 1942 года.

«Глаз не свожу с горизонта...» (с. 288). В. Г. — В. Г. Гаршин.

«А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет...» (с. 289). *Бурбоны* — королевская династия во Франции в XVI—XIX веках; имеется в виду характерный «горбоносый» профиль. *Пастернак Б. Л.* — см. стихотворения VII. 1—3 в цикле «Венок мертвым» и примеч. к ним.

«И ты ко мне вернулась знаменитой...» (с. 289). *Я не такой тебя когда-то знала, / И я не для того тебя спасала / Из месива кровавого тогда* — Ахматова начала писать «Поэму без Героя» в конце декабря 1940 года и увозила с собой в эвакуацию из блокадного Ленинграда ее первую редакцию, которая еще называлась «1913 год».

«Разве я стала совсем не та...» (с. 289). *Кашир* — историческая область в Центральной Азии.

«Я бы лучше по самые плечи...» (с. 290). Стихотворение вызвано разрывом с В. Г. Гаршиным после возвращения Ахматовой из эвакуации в Ленинград в июне 1944 года.

«Ленинградскую беду...» (с. 291). Некоторое время стихотворение имело заглавие «Причитание».

«И очертанья „Фауста“ вдали...» (с. 292). «*Фауст*» — центральное философское произведение немецкого поэта и писателя И.-В. Гёте (1749—1832).

«Кого когда-то называли люди...» (с. 292). *Прокуратор Рима* — Понтий Пилат, по решению которого Иисус был осужден на казнь, умыл руки перед толпой, сказав: «...не повинен я в крови праведника сего...», и передал Иисуса Христа на распятие. *Ржавеет золото и истлевает сталь...* — см. примеч. к четверостишию «Что войны, что чума?...».

«На стеклах нарастает лед...» (с. 293). Черновые варианты стихотворения относятся в «Нечете I» к циклу «Последнее возвращение» и связаны с ощущением страха перед приближающейся неожиданной и нелепой гибелью.

«Я всем прощение дарую...» (с. 293). Обращено к Б. Л. Пастернаку. В «Беге времени» обозначено 1947 годом. В одном из автографов дата — «1946. Апрель. Пасха». Пасха в 1947 году была 31 марта, а в 1946 — 8 апреля. Таким образом, правильная дата создания стихотворения — 1946 год. По-видимому, Ахматова сознательно изменила дату, так как стихотворение, созданное после постановления 14 августа 1946 года, приобретало иное звучание.

«И увидел месяц лукавый...» (с. 293). *Как свою посмертную славу / Я меняла на вечер тот.* — В стихотворении речь идет о встрече 5 января 1946 года с Исайей Берлиным (см. циклы «Шиповник цветет» и «Cinq» и примеч. к ним).

«Дорогою ценой и нежданной...» (с. 294). Стихотворение написано в двадцать пятую годовщину гибели Н. С. Гумилева. *Дорогою ценой* — вероятно, постановлением 14 августа 1946 года; *могилы моей безымянной* — реверсия на место могилы Н. С. Гумилева, которое, как

считала Ахматова, находилось недалеко от станции Бернгардовка под Ленинградом.

Два голоса (с. 294). Оба четверостишия первоначально под номером «II» входили в цикл «Памяти Ал. Блока».

Кольбельная (с. 295). Написано в день ареста Н. Н. Пунина. Ахматова была единственной свидетельницей его ареста днем 26 августа 1949 года.

Черепки (с. 295). Цикл посвящен сыну Ахматовой и Н. С. Гумилева (*Ты последний и первый, ты — наш*) Льву Николаевичу Гумилеву (1912—1992), востоковеду, историку, этнографу. В третий раз он был арестован 6 ноября 1949 года и вернулся из лагеря только в мае 1956-го. Эпиграф из произведения ирландского писателя Д. Джойса (1882—1941): «Ты не можешь оставить свою мать сиротой». *Шуан* — мятежник времен Французской революции.

«Особенных претензий не имею...» (с. 297). В 1952 году Ахматова с семьей Пуниных была выслена из Фонтанного Дома, где прожила с перерывами почти двадцать пять лет.

«Ты напрасно мне под ноги мечешь...» (с. 298). Эпиграф — из «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина.

Август (с. 299). *И всех месяцев он страшней* — Ахматова считала август роковым для нее месяцем: в августе 1915 года умер ее отец; в августе 1921 года — смерть А. Блока, расстрел Н. Гумилева, в августе 1946 года — постановление, арест Н. Пунина и т. п. *Разрешенье вина и елея* — окончание Успенского поста; *Спас* — православный праздник освящения плодов (Яблочный Спас — 1/14 августа); *Успение* — православный церковный праздник в память успения Пресвятой Богородицы (15/28 августа); *новое горе* — известие о смерти филолога, пушкиниста, друга Ахматовой Б. В. Томашевского (1890—1957), утонувшего в Черном море во время сердечного приступа.

«Не мудрено, что похоронным звоном...» (с. 300). *Флегетон* — в античной мифологии река в подземном мире, опоясывающая царство мертвых.

При музыке (с. 301). Эпиграф — слова, сказанные Н. Н. Пуниным Ахматовой при прощании во время его ареста 26 августа 1949 года.

«Ты любила меня и жалела...» (с. 303). Посвящено М. И. Цветаевой.

Наследница (с. 303). Эпиграф — из стихотворения А. С. Пушкина «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (1824). *Саркoсельских* — восходит к финскому «саари» — остров, первоначальному названию Царского Села — Саарское. *Фелица* — имя, данное Г. Р. Державиным Екатерине II в оде «Фелица» (1782), было взято из сочиненной ею для внука Александра Павловича нравоучительной «Сказки о царевне Хлоре»; *китайские затеи* — *Китайская деревня* — комплекс построек в китайском стиле (1782—1796) в Александровском парке по проекту Ч. Камерона. Задумывалось строительство восемнадцати домов, но в связи со смертью Екатерины II было построено только восемь. В одном из домов Китайской деревни жил Н. М. Карамзин.

«Это и не старо, и не ново...» (с. 305). *Отрепьев* Григорий (Лжедмитрий I) — самозванец, объявивший себя сыном Ивана IV. *Пугачев*

Емельян — предводитель крестьянского восстания 1773—1975 годов; *Так меня тринадцать лет клянут* — тринадцать лет с постановления 14 августа 1946 года имя Ахматовой, по ее словам, «предавалось анафеме».

«**Что нам разлука? — Лихая забава...**» (с. 307). В окончательной редакции посвящено Анатолию Генриховичу *Найману* (р. 1938), поэту, переводчику, литературному секретарю Ахматовой.

«**И юностью манит, и славу сулит...**» (с. 307). *Красная Конница* — на ул. Красной Конницы, д. 4, недалеко от Смольного, Ахматова переехала из Фонтанного Дома в 1952 году; в 1961 году она вместе с семьей Пуниных переехала с Красной Конницы в писательский дом на ул. Ленина, 34.

«**Шутки — шутками, а сорок...**» (с. 309). *...после операции...* — 7 июля 1960 года Ахматова перенесла операцию — удаление аппендикита.

Самой Поэме (с. 309). Эпиграф — из стихотворения О. Мандельштама «*Silentium*» (1910). *Поэма* — «Поэма без Героя» Ахматовой. Написано, вероятно, в связи с первой публикацией в США полного текста поэмы в альманахе «Воздушные пути» (1960. № 1).

Подражание Кафке (с. 310). *Кафка* Франц (1883—1924) — австрийский писатель, произведения которого были по духу очень близки Ахматовой; *Чарли* — Чарлз Спенсер Чаплин (1889—1977) — американский кинорежиссер, композитор, актер, создавший трагикомический образ «маленького человека».

Выход книги (с. 313). *Эдемский сад* — райский сад, где находились Адам и Ева до грехопадения.

Слушая пение (с. 314). *Никола Зимний* — именины св. Николая Чудотворца Мир Ликийских (6/19 декабря). *Вишневецкая* Галина Павловна (р. 1926) — певица, в 1952—1974 годах солистка Большого театра; «*Бразильская баховиана*» — сочинение композитора Э. Вила-Лобоса (1887—1959).

«**Так не зря мы вместе бедовали...**» (с. 314). Последнее четверостишие Ахматова сделала эпиграфом к поэме «Реквием» в 1962 году, когда поэма впервые была отпечатана на машинке.

Защитникам Сталина (с. 316). *Варавва* — мятежник, отпущенный толпой на свободу вместо Иисуса Христа, когда Понтий Пилат воспользовался пасхальным обычаем и предложил толпе отпустить одного из приговоренных к смерти. *Сократ* (439—399 до н.э.) — древнегреческий философ, по приговору афинского суда должен был умереть, выпив чашу с ядом.

Через 23 года (с. 317). *Я гашу те заветные свечи* — отсылка к «Поэме без Героя», начинающейся словами: «Я зажгла заветные свечи...», которую Ахматова начала писать в 1940 году, т. е. двадцать три года назад. Ср. строку О. Мандельштама из стихотворения «В Петербурге мы сойдемся снова...»: «Что ж, гаси, пожалуй, наши свечи...» *Доплывавший свое пред Ковчегом* — Ковчег Завета, иудейская святыня, был перенесен царем Давидом в Иерусалим, от радости Давид «скакал и плясал» пред Ковчегом.

«Все, — кого и не звали, — в Италии...» (с. 318). Поводом для создания стихотворения послужила поездка в Италию советской поэтессы Маргариты Алигер вместо приглашенной итальянцами Ахматовой. *Леонарδεςки* — женские портреты в стиле Леонардо да Винчи.

Пятая роза (с. 319). Посвящено Дмитрию Васильевичу *Бобышеву* (р. 1936), поэту, одному из четырех молодых друзей Ахматовой (другие — И. Бродский, А. Найман, Е. Рейн). *Soleil* — солнце (*фр.*); *A te другие* — все четыре — Д. Бобышев подарил Ахматовой букет из пяти роз.

Запретная роза (с. 321). Эпиграф — из стихотворения А. Г. Наймана «Я прощаюсь с этим временем навек...»; к нему же обращено это стихотворение (см. примеч. к «Что нам разлука? — Лихая забава...»).

Последний день в Риме (с. 322). В декабре 1964 года Ахматова ездила в Италию, где ей была вручена международная литературная премия «Этна Таормина».

ПОЭМЫ

РЕКВИЕМ (с. 325)

Цикл стихотворений 1935–1940 годов, дополненный в начале 1960-х, затем преобразованный в поэму, был напечатан в Советском Союзе только в 1987 году. Поэма, посвященная жертвам сталинских репрессий, сохранялась более двадцати лет в памяти автора и нескольких близких друзей Ахматовой. Впервые была записана на бумаге целиком только осенью 1962 года, хотя отдельные стихотворения печатались ранее под видом лирических («Распятие», «И упало каменное слово...», «Уже безумие крылом...»).

Реквием («Requiem», *лат.* — «Вечный покой») — католическая заупокойная служба; музыкальное торжественное произведение.

Эпиграф — из стихотворения Ахматовой «Так не зря мы вместе бедовали...» (1961).

Вместо предисловия — дата под текстом «Вместо предисловия» совпадает с днем вызова на допрос и посещением Ахматовой ленинградского КГБ (Большого дома).

Посвящение — «*Каторжные норы*» — цитата из стихотворения А. С. Пушкина 1827 года «В Сибирь» («Во глубине сибирских руд...»).

Вступление — *И под шинами черных марушь* — машин для перевозок арестованных.

I. «Уводили тебя на рассвете...» — обращено к Н. Н. Пунину, арестованному осенью 1935 года. *...как стрелецкие женки, / Под кремлевскими башнями выть* — жены стрельцов, казненных после подавления стрелецкого бунта (1698) Петром I, трупы стрельцов были повешены на зубцах *кремлевской* стены. В «кремлевские башни» в 1935 году Ахматова носила письмо Сталину с просьбой освободить арестованных мужа и сына — Н. Н. Пунина и Л. Н. Гумилева.

II. «Тихо льется тихий Дон...» — *Муж в могиле, сын в тюрьме* — Н. С. Гумилев был расстрелян 25 августа 1921 года; Л. Н. Гумилев был вторично арестован 10 марта 1938 года и осужден на 5 лет лагерей.

IV. «Показать бы тебе, насмешнице...» — *Кресты* — центральная тюрьма в Ленинграде на наб. р. Невы, здание крестообразной формы из красного кирпича, с маленькими окнами (ср. в «Эпилоге»: «...под красною ослепшею стеною»).

V. «Семнадцать месяцев кричу...» — *Кидалась в ноги палачу* — Ахматова говорит о написанных ею письмах Сталину с просьбами об освобождении сына; все хлопоты Ахматовой оказались тщетными.

VIII. *К смерти* — ...*верх шапки голубой* — фуражки сотрудников НКВД были голубого цвета. *И бледного от страха управдома* — при арестах в качестве понятого всегда вызывали управдома. *Клубится Енисей, / Звезда Полярная сияет* — переключка со строками из стихотворения О. Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931): «Уведи меня в ночь, где течет Енисей / И сосна до звезды достает...»

X. *Распятие*. Эпиграф — неточная цитата из ирмоса IX песни Канона Великой субботы: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе...»; *Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»* — цитата из Евангелия от Марка 15: 34 («Почто Мя оставил еси»); *Магдалина* — Мария Магдалина — блудница, исцеленная от грехов и злых духов Иисусом Христом, стала его преданной последовательницей, во время распятия стояла при кресте Его и безутешно плакала. *Ученик любимый каменел* — апостол Иоанн, любимый ученик Иисуса Христа, стоявший рядом с Марией Магдалиной у креста при распятии. Все стихотворение — аллюзия на сцену распятия Христа.

ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛИ (Китежанка) (с. 343).

Первоначально поэме был предпослан эпиграф — неточная и сокращенная цитата из Апокалипсиса: «И Ангел поклялся живущим, что времени больше не будет. Апокалипсис» (в оригинале: «И ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, который сотворил небо и всё, что на нем, землю и всё, что на ней, и море и всё, что в нем, что времени уже не будет» (10: 5–6).

В начале 1960-х годов при подготовке к изданию «Бега времени» он был заменен на другой, «цензурный» вариант: «В санех сидя, отправляясь путем всея земли. Поучение Владимира Мономаха детям», представляющий собой контаминацию двух источников: Книги Царств («Вот, я отхожу в путь всей земли...») и «Поучения Владимира Мономаха» («Сидя на санех, помыслил я в душе своей и похвалил Бога...»). В «Беге времени» поэма напечатана именно с таким эпиграфом. Однако в рукописи поэмы Ахматова зачеркнула «цензурный» вариант эпиграфа и вписала под ним «настоящий»: «Состарился царь Давид, и настало ему время отправляться путем всея земли. Книга Царств» (3 Цар. 2: 2). Таким образом, у поэмы должно быть два эпиграфа: первый — из Книги Царств, второй — из Апокалипсиса.

Китежанка — по преданию, город Китеж во время нашествия хана Батгя спасся от уничтожения татарами, погрузившись в воды озера

Светлояр. На этот сюжет Н. А. Римским-Корсаковым была написана опера «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» (1907). С героиней этой оперы — китежанкой девой Февронией — отождествляла себя Ахматова в стихотворении «Уложила сыночка кудрявого...» (1940). «Китежанкой» окрестил Ахматову в 1930-е годы поэт Н. А. Клюев.

По январям и июлям — значимые для Ахматовой временные вехи: расстрелы мирных демонстраций в Петербурге 5 января 1905 года и 3 июля 1917 года.

O salve, Regina! — О, здравствуй, Царица! (*лат.*) — католическая молитва, обращенная к Деве Марии. В 1915 году друг Ахматовой Артур Лурье (см. примеч. к «Решке» «Поэмы без Героя», с. 553 наст. изд.) написал музыку на слова этой молитвы.

И вот уже славы... В отеческий сад — по-видимому, этот фрагмент был создан позднее основного текста поэмы: в рукописи он вписан с датой «15 мая 1957 / Москва».

Пусть Гофман со мною — в произведении немецкого романтика Эрнста Теодора Амадея *Гофмана* (1776—1822) реальность переплетается с фантастикой и гротеском (см. также «Поэму без Героя» и примеч. к ней, с. 541 наст. изд.).

И кто-то «Цусима!» / Сказал в телефон — поражение русской армии около острова Цусима в Корейском море в мае 1905 года было для Ахматовой «потрясением на всю жизнь»; «*Варяг*» и «*Кореец*» — русские корабли, погибшие в неравном бою во время Русско-японской войны.

Там ласточкой реет / Старая боль — образ, впервые встречающийся в поэме «У самого моря»: «Ласточка, ласточка, как мне больно!»

Форт Шаброль — южноафриканский порт, который обороняли *бурсы* — потомки голландских, немецких и французских колонистов в Южной Африке, отстаивающие свою независимость от англичан; ироническое название дома на ул. Шаброль в Париже, где антидрейфусары (противники пересмотра дела Дрейфуса, незаконно обвиненного в шпионаже) с оружием в руках сопротивлялись попыткам полиции арестовать их.

Схима — в православии — монашеский обет особо аскетического образа жизни.

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ (с. 351).

«Поэма без Героя» — центральное произведение творчества Анны Ахматовой. Она писала поэму четверть века (1940—1965), но точка в создании окончательного текста так и не была поставлена. Поэма стала для Ахматовой вместилищем тем и образов всего ее творчества, главной поэтической книгой долгой и нелегкой жизни. Это самое сложное для понимания и комментирования произведение Ахматовой, охватывающее события полувековой истории и личной биографии; литературные истоки поэмы лежат в недрах русской литературы XVIII—XX веков, античной литературы, зарубежной классики от Шекспира до Хемингуэя и т. д.

Полный текст «Поэмы без Героя» Ахматова при жизни не могла напечатать. В разное время в печати появлялись отдельные строфы в виде самостоятельных стихов или фрагменты отдельных глав «Поэмы». При подготовке «Бега времени» Ахматова категорически настаивала на публикации полного текста, однако издательские и цензурные препоны не позволили ей осуществить свое намерение. Поскольку сохранилось большое количество списков поэмы, тексты ее имеют разночтения, иногда весьма существенные в различных изданиях. В настоящее время творческая история «Поэмы без Героя» и история ее текстов изучены и отражены в книге «„Я не такой тебя когда-то знала...“ Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: Материалы к творческой истории» (СПб., 2009. 1488 с.). Впервые опубликованный в ней критически установленный текст поэмы печатается и в данном сборнике.

Deus conservat omnia — «Бог сохраняет все» (лат.) — девиз в гербе над воротами Фонтанного Дома (бывш. дворец гр. Н. П. Шереметева на наб. р. Фонтанки, д. 34), во флигеле которого Ахматова жила с 1926 по 1952 год.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эпиграф — строка из заключительной строфы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (глава VIII, строфа LI).

прислав, как вестника, еще осенью один небольшой отрывок («Ты в Россию пришла ниоткуда...») — имеется в виду написанный осенью 1940 года фрагмент «Ты в Россию пришла ниоткуда... <...> ...И томился драгунский Пьеро» (без строфы «Оплывают венчалные свечи...», созданной позднее).

последней ленинградской зимы — зима 1940/41 года была последней мирной зимой, проведенной Ахматовой в Ленинграде. 28 сентября она вылетела в Москву, затем пароходом и поездом добиралась до Ташкента, где и находилась в эвакуации с середины ноября 1941 до середины мая 1944 года.

(в два приема) — «Эпилог» — первая запись «Эпилога» была сделана в марте 1942 года, в дальнейшем «Эпилог» был переделан и дополнен в октябре 1942 года. Об этом свидетельствует запись Л. К. Чуковской на конверте, в котором хранилась первая редакция «Поэмы без Героя», подаренная ей автором в Ташкенте в мае 1942 года.

«Еже писахъ — писахъ» (церк.-слав.) — «что я написал, то написал». Восходит к евангельскому эпизоду о Понтии Пилате, отказавшемся исправить свою надпись «Иисус Назорей, Царь Иудейский» на кресте, на котором был распят Иисус Христос (Ин. 19: 19–22).

ПОСВЯЩЕНИЕ

27 декабря 1940 — вторая годовщина смерти поэта О. Э. Мандельштама (1891–1938). После реабилитации Мандельштама с 1957 по 1963 год дата смерти поэта — «27 декабря» — была заглавием «Первого посвящения». При подготовке поэмы к печати в 1962–1964 годах, когда имя поэта вновь нельзя было называть открыто, Ахматова по

цензурным соображениям перенесла дату в подзаголовок и возвратила прежнее цензурное посвящение «Вс. К.», т.е. *Всеволод Гаврилович Князев* (1891—1913) — «драгунский корнет», вольноопределяющийся 16-го гусарского полка, расквартированного в Риге; поэт, посвятивший стихи О. А. Глебовой-Судейкиной; покончил жизнь самоубийством 5/18 апреля 1913 года в Риге, похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге. С такими инициалами посвящение напечатано, например, в кн.: *Ахматова А.* Бег времени. М.; Л., 1965. С. 309, однако ни в одной из рукописей «Поэмы» подобные исправления сделаны не были.

я на твоём пишу черновике — возможно, речь идет о рукописях стихотворений или о письмах Вс. Князева, сохранившихся в бумагах О. С. Глебовой-Судейкиной. (Свой архив, уезжая во Францию в 1924 году, актриса оставила Ахматовой.) Возможно также — и о бумагах к тому времени уже погибшего в лагере О. Мандельштама, одного из адресатов «Посвящения».

Marche funèbre — траурный марш Фредерика Шопена (1837).

ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

О. С. — Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина, см. примеч. к стихотворению «Голос памяти».

Ты ли, Путаница-Психея... — Подразумеваются роли О. А. Глебовой-Судейкиной в пьесах Ю. Беляева, которые шли в Петербургском Малом (Суворинском) театре: в 1910 году — «Путаница, или 1840 год. Святочная шутка в 1-м действии с прологом», в сезон 1912—1913 годов — «Псиша. Пьеса в 4 действиях с прологом».

Что уже миновала Лету... — *Лета* — в греческой мифологии река забвения в подземном царстве мертвых (тот, кто пил ее воду, забывал земную жизнь). Не имея никаких известий от О. А. Глебовой-Судейкиной, эмигрировавшей из России в 1924 году, Ахматова долгое время не знала, жива ли ее подруга.

Та, ЕГО миновавшая чаша — образ восходит к евангельскому эпизоду, названному позже «Моление о Чаше»: «И отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26: 39). Подразумеваются выпавшие на долю поколения страдания, которые не дано было испытать покончившему с собой «драгунскому корнету»; герою «Петербургской повести», и шире — судьба поколения.

Словно в глине чистое пламя — имеется в виду античный масляный светильник, имеющий форму закрытой плоской глиняной чаши с ручкой и отверстиями для фитиля и масла.

<Посвящение> ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

Le jour des Rois — «День царей» (*фр.*) — Крещенский сочельник, канун праздника Богоявления (Крещения) 5 января по ст. ст.

Эпиграф — первая строка баллады В. А. Жуковского «Светлана» (1808—1812).

Чакона Баха — величественная и траурная кульминация партиты ре-минор для скрипки соло Иоганна Себастьяна Баха.

ВСТУПЛЕНИЕ — 25 августа 1941 — дата, которая ассоциировалась в памяти Ахматовой с началом осадного положения Ленинграда и первых бомбардировок города. Само число «25 августа» связано в памяти Ахматовой с другим трагическим событием ее жизни — расстрелом Н. С. Гумилева 25 августа 1921 года.

Часть первая

ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД

Петербургская повесть — подзаголовок поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник»; в поэме Байрона «Беппо», на связь которой с «Поэмой без Героя» указывала Ахматова, имеется подзаголовок — «Венецианская повесть». Ср. также «Петербургские повести» Н. В. Гоголя.

Эпиграф — из либретто Л. Да Понте к опере В.-А. Моцарта «Дон Жуан» (1787).

Глава Первая

Первый эпиграф — из стихотворения Ахматовой «После ветра и мороза было...» (1914), входившего в книгу «Четки».

Второй эпиграф — из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (глава V, строфа X).

Ремарка «Белый зеркальный зал» — в примечании № 14 в «Примечаниях редактора» Ахматова дает пояснение: «Белый зеркальный зал (работы Кваренги) в Фонтанном Доме через площадку от квартиры автора». В действительности Белый зал был построен по проекту архитектора И. Д. Корсини (1808—1876), архитектор Дж. Кваренги (1744—1817) успел провести только подготовительные работы.

Но... / Господняя сила с нами! — реминисценция из стихотворения И. Ф. Анненского «— Сила господняя с нами...» (сб. «Посмертные стихи»).

Повернувшись «в пол-оборота» — Ахматова в рукописях «Поэмы без Героя» графически выделяла (подчеркивала) записанное по правилам старой орфографии слово «в пол-оборота», отсылая таким образом к стихотворению О. Мандельштама «Ахматова».

Венеция дождей — / Это рядом... — закат Венецианской республики (главой которой являлся дож) был одновременно эпохой расцвета венецианского карнавала.

Этот Фаустом, тот Дон Жуаном — *Фауст* — герой народной книги «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике» (1587), положенной в основу многих произведений мировой литературы, среди которых наиболее значительным является трагедия Гёте «Фауст». *Дон Жуан* — один из устойчивых образов мировой литературы XVII—XX веков, герой литературных произведений Мольера, Байрона, Габбе, Гофмана, Мериме, Пушкина, А. К. Толстого, Гумилева, Блока; музыкальных — Моцарта, Даргомыжского; многих театральных постановок.

Данертутто, Иоканааном — доктор *Данертутто* — герой повести немецкого романтика Э.-Т.-А. Гофмана «Приключения накануне новогодней ночи» (1815), входящей в цикл «Фантазии в манере Калло»;

литературный и сценический псевдоним В. Э. Мейерхольда, под которым он руководил театром «Дом интермедий» и издавал в 1914—1916 годах журнал «Любовь к трем апельсинам». *Иоканаан* — Иоанн Креститель (Предтеча); герой пьесы О. Уайльда «Саломея» (1893, см. примеч. к строке «Что мне вихрь Саломеиной пляски»).

Самый скромный — северным Гланом — *Глан* — главный герой романа норвежского писателя Кнута Гамсуна «Пан» (1894), необычайно популярного в России в начале XX века. По признанию Ахматовой, Кнут Гамсун, «тогдашний властитель дум», оказал на нее «большое влияние».

Иль убийцею Дорианом — *Дориан* Грей — герой романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», убивший художника — создателя своего портрета.

Что мне Гамлетовы подвязки — в трагедии В. Шекспира «Гамлет» Офелия рассказывает о казавшемся безумным Гамлете, который вышел к ней «Без шляпы, безрукавка пополам, / Чулки до пяток, в пятнах, без подвязок...» (*В. Шекспир*. Гамлет. Акт II, сцена 1. Пер. Б. Пастернака).

Что мне вихрь Саломеиной пляски — *Саломея* и *Иоканаан* — герои пьесы О. Уайльда «Саломея», в основу сюжета которой положен библейский эпизод о гибели Иоанна Крестителя (его голову требует падчерница Ирода в награду за свой танец).

Что мне поступь Железной Маски — *Le masque de fer* (*фр.*) таинственный узник (ум. 19 ноября 1703) времен Людовика XIV, осужденный на пожизненное заключение, содержащийся в различных тюрьмах, включая Бастилию, и носивший черную бархатную маску (позднее легенды превратили ее в железную).

Хвост запрятал под фалды фрака... / Как он хром и изыщен... / Однако / Я надеюсь, Владыку Мрака / Вы не смели сюда вести — *Владыка Мрака* — нечистый дух, сатана, ставший хромым после того, как был свержен с небес на землю. В трагедии Гёте «Фауст» Владыкой мрака является Мефистофель, прихрамывающий на одну ногу и одетый в изысканный костюм.

Маска это, череп, лицо ли... — **Что лишь Гойя смел передать** — маска-череп, в том числе и рисованная, неотделимая от лица, достаточно часто использовалась в театральных постановках начала XX века, в частности в «Маскараде» Вс. Мейерхольда или в популярном кабаре-номере «Танго смерти». Франсиско *Гойя* (1746—1828) — испанский художник, автор серии графических работ «Капричос», «Бедствия войны», «Диспартес» («Диспаратес»). Художественной манере Гойи свойственны сложное соединение гротеска и аллегии, реальности и фантастики, а также экспрессивность изображения мимики, жеста, движения и образа в целом. В предыдущих редакциях: «Что лишь Гойя мог передать».

Кружевную шаль не снимая — в стихотворениях А. Блока «Анна Ахматова» («„Красота страшна“ — Вам скажут...», 1913) и О. Мандельштама «Ахматова» («Вполоборота, о печаль...», 1914) шаль — деталь образа Ахматовой. В 1960-е годы Ахматова вспоминала в автобио-

графической прозе: «Гум<илев> <...> Привез всем подарки: Леве — игрушку <...>, мне — желтую восточную шаль. У меня каждый день был озноб <...> и я была рада шали. Это ее Блок обозвал испанской, Альтман на портрете сделал легкой шелковой, а женская <...> „молодежь тогдашних дней“ сочла для себя обязательной модой <...>».

В ожерелье черных агатов — ожерелье, как и шаль, является характерной деталью портретов и фотографий Ахматовой, выполненных в 1910-е — 1920-е годы.

До долины Иосафата — см. «Примечания редактора» № 6; библиография «долина суда» (Иоиш. 3: 2, 12, 14). Долгое время было принято идентифицировать «долину Иосафата» с частью долины Кедрона (Кидрона) под Иерусалимом, носящей имя иудейского царя IX века до н. э. По легенде, Мессия должен был прийти в Иерусалим со стороны Масличной горы, и тогда мертвые под его ногами воскреснут на Страшный суд, который и состоится в долине Кедрона (Кидрона).

И сигары синий дымок. / И во всех зеркалах отразился / Человек, что не появился / И проникнуть в тот зал не мог — с этими строками, вошедшими в поэму в 1945 году, текстуально соотносятся строки стихотворения «Наяву» (13 июня 1946) из цикла «Шиповник цветет (Из сожженной тетради)», предположительно обращенного к Исайе Берлину: «И сигары синий дымок, / И то зеркало, где, как в чистой воде, / Ты сейчас отразиться мог». Но возможно, и другая адресация (например, Н. С. Гумилеву или А. А. Блоку).

Что какая-то лишняя тень / Среди них «без лица и названья» — образ, связанный с представлениями Ахматовой о двойничестве и о роковой неизбежности будущего. В одном из набросков либретто по «Петербургской повести» Лишняя Тень показывает собравшимся их будущее (в либретто этот персонаж становится одним из главных действующих лиц, поэтому Ахматова писала его «имя» с прописных букв). См. также запись Ахматовой: «Во время тифа (в Ташкенте, в 1942 году) круглоголовый человек без лица сел на стул около моей кровати и рассказал мне все, что случится со мной, когда я вернусь в Ленинград» (*Хейт А.* Поэтическое странствие: Дневники, воспоминания, письма Ахматовой. М., 1991. С. 253). Образ Лишней Тени, возможно, восходит к античным представлениям об истории, согласно которым будущее бросает свою тень задолго до того, как войти.

Ту полночную Гофманиану — в произведениях немецкого романтика Э.-Т.-А. Гофмана изображение реальной действительности тесно переплетено с фантастикой. Ахматова называла свою поэму «последним звеном петербургской Гофманианы», подразумевая под предыдущими «звеньями» поэму «Медный всадник» и повесть «Пиковая дама» А. С. Пушкина, «Петербургские повести» Н. В. Гоголя, повесть «Двойник» Ф. М. Достоевского, поэму «Двенадцать» А. Блока, роман «Петербург» А. Белого.

В калиострах, магах, лизисках — Калиостро (Джузеппе Бальзамо, 1743—1795) — легендарный авантюрист, алхимик, известный своими чудесами и мнимыми пророчествами (см. также примеч. к строке «Это старый чудит Калиостро»). Лизиска — в ранней редакции 1943 года Ахматова сделала ссылку на «Сатиру XI» (в действитель-

ности — VI) древнеримского поэта Ювенала, в которой обличалась порочность императрицы Валерии Мессалины (I в. до н. э.), посещавшей притоны под именем Лизиски. Имя Мессалины сделалось нарицательным для женщин, занимающих высокое положение и отличающихся распутным поведением.

Ты... / ровесник Мамврийского дуба, / Вековой собеседник луны — согласно ветхозаветному эпизоду (Быт. 18: 1), «<...> близ дубравы Мамврийской было <...> явление трех ангелов в виде странников Аврааму, и доселе еще на этом месте растет громадный и древнейший дуб <...>, замечательный остаток глубокой древности, именно той дубравы, в которой некогда жительствоваали патриархи». *Мамврийский дуб* символизирует вечность, в том числе и непреходящее значение поэзии. Ср.: «Наше священное ремесло / Существует тысячи лет...» («Наше священное ремесло...», 1944).

Ты железные пишешь законы, / Хаммураби, ликурги, солоны / У тебя поучиться должны — *Хаммураби* — вавилонский царь (XVIII в. до н. э.), создатель законов о государственном устройстве. *Ликург* — легендарный законодатель Спарты (предположительно IX—VIII в. до н. э.). *Солон* — афинский политический деятель (VII—VI вв. до н. э.), мыслитель, поэт, законодатель.

Он не ждет, чтоб подагра и слава — аллюзии на стихотворение английского поэта Роберта Браунинга (1812—1889) «Dīs Aliter Visum; or, Le Bugon de nos Jours» (1864) («Боги судили иначе, или Байрон наших дней»), где «подагра», «слава», теплое кресло, являясь атрибутами неминуемой старости, противопоставлены красоте, любви, фантазиям — атрибутам проходящей молодости.

И ни в чем не повинен <...> Поэтам / Вообще не пристали грехи. / Проплясать пред Ковчегом Завета / Или сгинуть — согласно ветхозаветному тексту, Ковчег Завета, в котором хранились данные Богом скрижали, по решению царя Давида был торжественно перенесен в Иерусалим (2 Цар. 6). Во время шествия Давид, одетый в священнические одежды, увлеченный чувством религиозного восторга, скакал и плясал перед Ковчегом Господним, изливая свою восторженность в псалмах. Так, при вступлении Ковчега в Иерусалим пелся псалом 23, в котором говорится: «Кто взойдет на гору Господню или кто станет на святом месте Его? Тот, у которого руки невинны и кто сердцем чист, кто не клялся душою своею напрасно и не божился ложно...» (Пс. 23: 3—4).

Крик петуший нам только снится — по народным поверьям, с криком петуха прекращается власть нечистой силы. Ахматова указывала в качестве источника «Шаги Командора» А. Блока (1910—1912): «<...> стих „Крик петуший нам только снится“ надо соотносить с блоковскими: „Из страны блаженной, незнакомой, дальней / Слышно пенье петуха“ („Шаги ком<андора>“). Из контекста явствует, что в данном случае „страна блаженная“ — это просто обычная жизнь, где кричит петух и куда уже все трое никогда не вернутся. Потому в моей поэме петуший крик [может] даже не слышится, а только снится».

Не волнуйтесь: дылде на смену — имеется в виду Верстовой Столб.

На площадке две слитые тени — реминисценция из стихотворения А. Блока «На островах» (1909): «Две тени, слитых в поцелуе...»

Чистый голос: / «Я к смерти готов» — в воспоминаниях о Мандельштаме, получивших название «Листки из дневника», Ахматова описала такой эпизод: «Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 года), о чем говорили — не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: „Я к смерти готов“. Вот уже 28 лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места».

То, что вдруг мелькнуло в окне — в записях о связях и «совпадениях» «Поэмы без Героя» с произведениями русской и мировой литературы Ахматова не раз соотносила эти строки с повестью Пушкина «Пиковая дама», в которой кто-то дважды заглядывал Германну в окно: «Пушкин — Пиковая Дама (загл.<ядывает> в окно)», «1) Пушкин (I глава и витая лесенка)» и др. Ср.: «витая лестница» в «Пиковой даме» и «В стенах лесенки скрыты витые» в «Поэме без Героя».

Значит, хрупки могильные плиты, / Значит, мягче воска гранит — ср. в «Макбете» В. Шекспира (акт IV, сцена 1): «Если своды склепов / Покойников нам шлют назад...» (пер. Б. Пастернака); «Уж если тех, кто погребен, могилы / Обратно шлют...» (пер. Ю. Корнеева).

ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДКУ

Интермедия

«Вы дитя, синьор Казанова...» — Джованни Джакомо ди Казанова (1725—1798), итальянский авантюрист, известный своими мемуарами, в которых описаны многочисленные любовные похождения.

«На Исакиевской ровно в шесть...» — Исаакиевская площадь в Петербурге, на которой находится знаменитый памятник архитектуры Исаакиевский собор (1818—1858), построенный Огюстом Монферраном (1786—1858), почти 40 лет жизни отдавшим строительству собора и умершим через месяц после его освящения, основанный в честь покровителя Петра I, который родился в день византийского монаха Исаака Далматского, причисленного к лику святых.

«Как-нибудь побредем по мраку, / Мы отсюда еще в „Собаку“» — имеется в виду ночное артистическое кабаре «Бродячая собака», основанное Б. К. Прониным при Обществе Интимного театра (см. примеч. к стихотворению «Все мы бражники здесь, блудницы...»).

Санчо Пансы и Дон Кихоты / И, увы, содомские Лоты / Смертоносный пробуют сок — *Санчо Панса* и *Дон Кихот* — главные герои романа Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». Бедный идальго, нарядившийся в рыцарские доспехи, и его верный оруженосец во время странствия защищают слабых и обездоленных, искореняют зло, восстанавливают справедливость. *Лот* — в ветхозаветном тексте единственный праведник, которому была оставлена жизнь во время уничтожения города Содома, жители которого были грешны перед Господом (Быт. 13: 13, 19: 20 и др.). *Афродиты возникли из пены, / Шевельнулись в стекле Елены* — *Афродита* — в греческой мифологии богиня любви и красоты; *Елена* — героиня эпоса Гомера, прекраснейшая из смертных женщин. В споре богинь Геры, Афины и

Афродиты за право считаться прекраснейшей Парис, сын троянского царя, выступил судьей. Афродита за решение в ее пользу помогла Парису похитить Елену, что явилось причиной Троянской войны. Очевидно, что под этими именами Ахматова выводила в поэме собирательный образ своей современницы, «красавицы тринадцатого года».

И опять из Фонтанного Грота... — Через призрачные ворота — см. примеч. к № 13 «ПРИМЕЧАНИЙ РЕДАКТОРА».

И мохнатый, и рыжий кто-то / Козлоногую приволок — в древнегреческой мифологии божество стад, полей и лесов Пан (в римской — Фавн) — получеловек с ногами козла, с козлиной бородой и рогами; его спутниками были сатиры, входящие вместе с ним в свиту Диониса.

Всех наряднее и всех выше — ср. «Всегда нарядней всех, всех розовой и выше...» в стихотворении «Тень» (1940, первоначальное название «Современница»), которое Ахматова называла одним из первых «вестников» Поэмы.

Голова madame de Lamballe — Мария Тереза де Ламбаль (1749—1792) — герцогиня, считавшаяся красавицей придворная дама королевы Марии Антуанетты. Была растерзана толпой во время Французской революции, ее голову поднесли на пике к окнам Тампля, где находилась в заточении королевская семья.

«Que te veut ton Prince Carnaval?» (фр.) — «Что бы вы от меня хотели, принц Карнавал?» — обращение к лицу, выбранному «князем» карнавала в средневековой Франции. В 1913 году в Литейном Интимном театре была поставлена пьеса А. Н. Чеботаревской «Принц Карнавал», где играла О. А. Глебова-Судейкина.

в глубине залы, сцены, ада или на вершине гетевского Брокена появляется Она же (а может быть — ее тень) — в трагедии Гёте «Фауст» на горе Брокен в Гарце происходит шабаш ведьм, здесь Фауст видит призрак покинутой им Гретхен в белом саване, с тонкой красной полосой на шее, все это предвещает ее близкую смерть.

Как копытца, топочут сапожки, / Как бубенчик, звенят серезжки, / В бледных окнах злые рожки, / Окаянной пляской пьяна — имеется в виду сценический образ Козлоногой: балет-пантомима «Козлоногие» на музыку И. Саца был поставлен для О. Глебовой-Судейкиной Б. Романовым в Литейном театре миниатюр 11 октября 1912 года. Сцена «Пляс Козлоногих» с участием Глебовой-Судейкиной часто представлялась и в концертах, в том числе на вечере памяти И. А. Саца в «Бродячей собаке» 14 октября 1912 года (композитор умер в день премьеры).

Словно с вазы чернофигурной — нанесение черных фигур на красный фон — один из видов техники росписи античных ваз; для росписи характерны изображения эпизодов из повседневной жизни древних греков и греческой мифологии. Ср. в стихотворении 1941 года «Надпись на „Подорожнике“» («Совсем не тот таинственный художник...»): «И с факелом свободных песнопений / Психея возвращалась в мой придел»; в набросках балетного либретто: «Козлоногая ведет вакхическое шествие, как бы на чернофигурной вазе».

Так парадно обнажена — измененная заключительная строка стихотворения Ахматовой «Царскосельская статуя» (1916): «Такой нарядно обнаженной».

Ты, Иванушка древней сказки — увлеченный «окаянной пляской» Козлоногой поэт-драгун наделен смешанными чертами героев русских сказок Ивана-царевича и Иванушки-дурачка, которые искали свое счастье и преодолевали препятствия в поисках красавицы возлюбленной.

Глава Вторая

Этиграф — строки из стихотворения Е. А. Баратынского 1840 года «Всегда и в пурпуре, и в злате...».

Ремарка — **Козлоногая** — см. примеч. к строкам «Как копытца, топочут сапожки, / Как бубенчик, звенят сережки, / В бледных локонах злые рожки, / Окаянной пляской пьяна!»; **Путаница** — имеется в виду портрет О. А. Глебовой-Судейкиной в роли Путаницы, выполненный С. Ю. Судейкиным (1909). На нем О. А. Глебова-Судейкина изображена в окутывающем фигуру голубом плаще, отороченном горностаем (см. далее «Распахнулась атласная шубка!»); **Коломбина** — персонаж итальянской комедии масок и новейшей пантомимы, невероятно популярной в России начала XX века; одна из ролей О. А. Глебовой-Судейкиной; она отождествляется с Коломбиной в стихотворении Вс. Князева: «Вы — милая, нежная Коломбина...»; **Донна Анна (из «Шагов Командора»)** — героиня стихотворения А. Блока «Шаги Командора» (1910—1912).

Путаница оживает, сходит с портрета — ср. «Cinque» (4. «Знаешь сам, что не стану славить...», 1946): «Или вышедший вдруг из рамы / Новогодний страшный портрет?»

Мейерхольдовы аrapчата — в поставленном Вс. Мейерхольдом в Александринском театре в 1910 году спектакле «Дон Жуан» Мольера участвовали слуги просцениума, костюмированные аrapчатами.

старый город Питер, / Что народу бока повытер / (Как тогда народ говорил) — часть пословицы «Питер бока повытер, да и Москва бьет с носка».

В размалеванных чайных розах — по воспоминаниям актрисы О. Н. Арбениной, в квартире О. А. Глебовой-Судейкиной на наб. р. Фонтанки, д. 18, «чашки были самые трактирные с толстыми синими ободками с золотом, и на чашках — намалеванные розы».

Над Мариинского сценой prima, / Ты — наш лебедь непостижимый — *prima (ит.)* — прима-балерина, ведущая балерина театра. Строки относятся к балерине Мариинского театра Анне Павловой (1881—1931). Высшим образцом балетного искусства считалось исполнение Анной Павловой миниатюры «Лебедь» (1907), позднее получившей название «Умиряющий лебедь», на музыку К. Сен-Санса в постановке М. Фокина.

И опять тот голос знакомый... — ...Над страной, вскормившей его — с 1957 по 1961 год в рукописях поэмы было подстрочное примечание к последнему слову строфы: «Шалапин». В 1922 году певец Д. И. Шалапин (1873—1938) навсегда уехал во Францию. В апреле 1922 года Ахматова была в Мариинском театре: «Слушала Шалапина

в „Борисе“, когда он пел последний раз в России <...>. На вопрос литературоведа Е. Добиная, встречались ли на ее пути гениальные люди, Ахматова не задумываясь ответила: «Шалапин <...>. Давали „Бориса Годунова“. Шалапин появился на сцене, еще не начал петь. Только повел плечом, глянул царственно — и сразу стало видно: гений».

Коридор Петровских Коллегий / Бесконечен, гулок и прям — имеется в виду длинный коридор Петербургского университета, расположенный в здании Двенадцати коллегий.

Вкруг костров кучерская пляска — во время сильных морозов на улицах Петербурга разводились костры, у которых грелись извозчики. Ср. со строками А. С. Пушкина: «И кучера вокруг огней / Бранят господ и бьют в ладони» («Евгений Онегин». Глава 1, строфа XXII), а также со строками из стихотворения О. Мандельштама «Летают валькирии, поют смычки...» (1914) — «Извозчики пляшут вокруг костров...».

Над дворцом черной-желтый стяг — над Зимним дворцом поднимался императорский штандарт (черный двуглавый орел на золотом фоне), когда там находился император.

Пятым актом из Летнего Сада / Веет — по законам классической трагедии в пятом акте происходит развязка всего действия. Ср. стихотворение Ахматовой, написанное на смерть Н. С. Гумилева, цензурная дата которого 1944 год (в действительности осень 1921 года), «Царскосельские строки»: «Пятым действием драмы / Веет воздух осенний, / Каждая клумба в парке / Кажется свежей могилой». В строфе подразумевается характерное для начала века предчувствие беды, ощущение грядущих катастроф.

Призрак цусимского ада / Тут же. — Пьяный поет моряк — поражение Русского флота у о. Цусима (1905) во время Русско-японской войны (1903—1906), запомнившееся Ахматовой с детства, воспринималось ею как страшное потрясение в жизни; это трагическое событие Ахматова считала «первым ужасом» своего поколения.

Как парадно звенят полозья, / И волочится полость козья — большим куском козьей шкуры закрывались ноги сидящего в санях.

Он там один. / На стене его твердый профиль — в этих и следующих за ними строках Ахматова подразумевает А. Блока: «<...> Я заметила, — сказала она, — что трое умных читателей полагали, будто портрет в комнате героини — „на стене его твердый профиль“ — это портрет корнета, который стреляется. А не Блока».

Гавриил или Мефистофель / Твой, красавица, паладин? — Гавриил — один из архангелов в библейских текстах (Книга пророка Даниила, Евангелие от Луки, 1: 28—29 и др.). **Мефистофель** — дьявол, герой трагедии Гёте «Фауст». Двойственное отношение к образу, наделенному чертами романтического демониэзма, имеет пушкинские традиции — см. Татьяна об Онегине: «Созданье ада иль небес, / Сей ангел, сей надменный бес, / Что ж он?» («Евгений Онегин». Глава 7, строфа XXIV). **Паладин** — средневековый рыцарь, преданный даме.

Демон сам с улыбкой Тамары — **Демон и Тамара** — герои поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», олицетворяющие небесное и демоническое. Трагическая нерасторжимость этих двух начал стала основой вы-

веденного здесь (аналогично с предыдущей строфой) образа, под которым Ахматова подразумевала А. Блока.

Это он в переполненном зале / Слал ту черную розу в бокале — реминисценция из стихотворения А. Блока «В ресторане» (1910).

Он ли встретится с Командором, / В тот пробравшись проклятый дом — реминисценция из стихотворения А. Блока «Шаги Командора» (1910–1912).

Как вы были в пространстве новом, / Как вне времени были вы — реминисценция из стихотворения А. Блока «Милый брат. Завечерело...» (1906): «Словно мы в пространстве новом, / Словно в новых временах». См. также стихотворение О. Мандельштама «Вот дароносица, как солнце золотое...» (1915): «Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули / О луговине той, где время не бежит».

Я же роль рокового хора — в античной трагедии («трагедии рока») не принимавший участия в действии хор комментировал происходящее на сцене (до 1961 года было: «античного хора»).

Ведь сегодня такая ночь, / Когда нужно платить по счету — строфа «(На щеках твоих алые пятна... — Мне трудней, чем смерть, превозмочь)» была создана после 14 апреля 1943 года в Ташкенте и вписана в машинописный текст редакции поэмы 1943 года. В это время Е. С. Булгакова, в комнату которой после ее отъезда в мае 1943 переехала Ахматова, давала ей рукопись романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», где есть следующие строки: «Сегодня такая ночь, когда сводятся счета...» Ср. также «Фореель разбивает лед» М. Кузмина: «Что до страшной, как ночь, расплаты?»

Что глядишь ты так смутно и зорко — см. стихотворения Ахматовой «Голос памяти» (1913) и «Пророчишь, горькая, и руки уронила...» (1921), посвященные О. А. Глебовой-Судейкиной.

О подруга поэтов — со многими поэтами О. А. Глебова-Судейкина была в близких и дружеских отношениях; М. Кузмин, Ф. Сологуб, Вс. Князев, И. Северянин посвятили ей стихи.

И в тени заповедного кедра — имеется в виду совершенно определенный кедр (ранее было «келломягского»), посаженный около Дома творчества в Комарове (прежнее название поселка — Келломяги). Об этом кедре писали многие авторы, когда вспоминали о своих встречах с Ахматовой в Комарове. Актер и поэт В. Рецеттер о своей первой встрече с Ахматовой упоминает этот кедр в стихотворении 1978 года: «Свидание вышло при кедре. / При снеге на солнце. При ветре. / На этой прибрежной земле...»

Визу танец придворных костей — тема «danse macabre» (пляски смерти) возникла в средневековой западноевропейской культуре и была востребована искусством рубежа XIX–XX веков.

Под фатой «поцелуйные плечи» — «поцелуйные плечи» — цитата из стих. Вс. Князева «1 января 1913», посвященного О. А. Глебовой-Судейкиной:

<...> За таинственный знак и улыбчивый рот,
Поцелуйные руки и плечи —

Выпьем первый, любовный бокал в Новый год,
За пионы, за розы... за встречи!..

И топтала торцы площадей / Ослетительной ножской своей?.. — Торцы — в XIX веке улицы Петербурга были вымощены торцами — шестигранными брусками поперечно разрезанного бревна, Ахматова упоминает их в прозе: «Догнивали знаменитые петербургские торцы».

Дом пестрей комедьянтской фуры, / Облупившиеся амурь / Охраняют Венерин алтарь — речь идет о доме № 18 на наб. р. Фонтанки, где в спальне О. А. Глебовой-Судейкиной стояла огромная кровать с фигурками амуров по углам. В первой сохранившейся редакции 1942 года первоначальные «два облупленные амуря» были исправлены на «облупившиеся амурь».

Певчих птиц не сажала в клетку — строка появилась в начале 1960-х годов, когда Ахматовой, вероятно, стало известно о последних годах жизни О. А. Глебовой-Судейкиной в Париже, где Ольгу называли «La dame aux oiseaux» («Дама в окружении птиц») за ее пристрастие к птицам, которых она держала дома.

«Весна» Боттичелли — картина флорентийского живописца Сандро Боттичелли (1445—1510), на которой изображена аллегорическая фигура Весны — женщина в усыпанных цветами одеждах.

И томился драгунский Пьеро — Пьеро — персонаж старинного французского народного театра, ставший одним из главных героев новейшей пантомимы, символизирует преданную, но безответную или обманутую любовь. В. Князев в обращении к О. А. Глебовой-Судейкиной стихотворении «Вы — милая, нежная Коломбина...» отождествляет себя с Пьеро: «И разве не больно, не больно сердцу / Знать, что я только Пьеро, Пьеро?..» См. также его «Сонет»: «Пьеро, Пьеро, — счастливый, но Пьеро я! / И навсегда я быть им осужден».

Тот, с улыбкой жертвы вечерней — «Жертва вечерняя» — цитата из псалма 140, ставшего одним из красивейших духовных песнопений: «<...> ...к Тебе взываю; поспеши ко мне, внемли гласу моления моего...», «Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое, воздеяние рук моих — как жертва вечерняя», «к Тебе <...> очи мои; на Тебя уповаю <...>».

Я, к стеклу прикивавшая стужа <...> Ты не бойся — дома не мёчу — перед массовой резней гугенотов в Варфоломеевскую ночь дома их были помечены белыми крестами; образ вьюги, метели в этом контексте восходит к стихотворению Ахматовой «Чем хуже этот век предшествующих? Разве...» с датой «Зима 1919»: «А здесь уж белая дома крестами метит / И кличет воронов, и вороны летят». Возможно, в нем в свою очередь есть отголосок стихотворения Б. Пастернака «Сочельник» (1914) из книги «Поверх барьеров» (первая редакция — 1917): «Все в крестиках белых, как в Варфоломееву / Ночь — окна и двери. Метель-заговорщица!»

Глава Третья

Первый эпитаф — из стихотворения Ахматовой «Сердце бьется ровно, мерно...» (1913) с небольшим разночтением: в первоисточнике — «Ведь под аркой на Галерной...».

Второй эпиграф — первые строки стихотворения О. Мандельштама «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920).

Третий эпиграф — начало первой строки стихотворения М. Лозинского «То был последний год. Как чаша в сердце храма...» (1914).

Ремарка — Последнее воспоминание о Царском Селе — ср. со стихотворением А. С. Пушкина «Воспоминание в Царском Селе» (1829). В редакциях «Поэмы» 1944—1962 годов в тексте ремарки кавычками было выделено: «Воспоминание в Царском Селе». Только в последней редакции 1963 года этот фрагмент ремарки был изменен.

Были святки кострами согреты — *святки* — время от Рождества до Крещения Христова (25 декабря — 6 января ст. ст.), святые дни, праздничные как по христианскому, так и по народному календарю, традиционный период карнавалов, народных гуляний с ряжеными, гаданиями и т. п. Костры были, с одной стороны, частью праздничных гуляний, с другой — насущной необходимостью в дни самых сильных (рождественских и крещенских) морозов.

И валились с мостов кареты — Ахматова отмечала в записях о связях и «совпадениях» «Поэмы без Героя» с произведениями русской и мировой литературы: «Гоголь — (Валились с мостов кареты <...>)\», «Гоголь — („Кареты валяются с мостов“)\» и др. Позднее Ахматова пояснила: «Кареты валились с мостов (не в реку, конечно, а просто прыгали обратно с крутых мостиков)\».

На Галерной чернела арка — арка, соединяющая здания Сената и Синода, между которыми проходит Галерная улица.

В Летнем тонко пела флюгарка — имеется в виду Летний сад в Петербурге. *Флюгарка* — установленная на крыше вращающаяся железная фигурка, которая указывает направление ветра. Ср. в стихотворении А. Блока «Моей матери» (1905): «Только флюгарка на крыше / Сладко поет о грядущем».

И царицей Авдотьей закланый — *Евдокия* (до замужества — Прасковья) *Федоровна Лопухина* (1669—1731) — первая жена Петра I, после отстранения от престола была насильно пострижена в монахини и сослана в Покровский монастырь в Суздаль. По преданию, прокляла Петербург: «Быть пусту месту сему» (см. эпиграф к «Эпилогу»).

Как пред казнью, бил барабан — в заметках к автобиографической прозе Ахматова писала, что «Петербург 90-х годов, Петербург Достоевского <...> весь в барабанном бое, так всегда напоминающем смертную казнь». Кроме того, барабанный бой, предвещающий казнь, — мотив балета И. Стравинского «Петрушка» — Ахматова отметила его в записях об источниках образов поэмы: «Стравинский Петрушкина маска <...> барабан...»

И всегда в духоте морозной, / Предвоенной блудной и грозной, / Жил какой-то будущий гул, / Но тогда он был слышен глуше, / Он почти не тревожил души — аллюзии на статью А. Блока «Народ и интеллигенция» (1908), где этот образ — один из основных: «Над городами стоит гул <...> такой гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой <...>», «Гоголь и многие русские писатели любили представлять себе Россию как воплощение тишины

и сна; но этот сон кончается; тишина сменяется отдаленным и возрастающим гулом <...>».

А по набережной легендарной — рядом с Марсовым полем находятся Кутузовская и Дворцовая набережные, чуть далее — не менее знаменитая Английская набережная Невы.

Приближался не календарный / Настоящий Двадцатый Век — в автобиографической прозе Ахматовой есть запись, прямо относящаяся с этими строками: «XX в. начался осенью 1914 г. вместе с войной, так же как XIX в. начался Венским конгрес<сом>. Календарные даты значения не имеют».

А теперь бы домой скорее / Камероновой Галереей — в Царском Селе, где Ахматова жила с 1892 по 1905 и с 1910 по 1916 год, к Екатерининскому дворцу в 1780-х годах была пристроена галерея, названная впоследствии по имени ее создателя, шотландского архитектора Чарльза Камерона (1730-е — 1812).

Победившее смерть слово / И разгадку жизни моей — в лирическом отступлении Ахматова обращается к Н. В. Недоброву, поэту, литературному критику, близкому другу. По поводу статьи Недоброво 1915 года Ахматова замечала: «Он (Н. В. Недоброво) пишет об авторе Requiem'a, Триптиха, „Полночных стихов“, а у него в руках только „Четки“ и „У самого моря“. Вот что называется настоящей критикой».

Глава Четвертая и последняя

Этиграф — из стихотворения Вс. Князева «И нет напевов, нет созвучий» (1912):

Любовь прошла — и стали ясны
И близки смертные черты...
Но вечно в верном сердце страстны
Все о тебе одной мечты!

Ремарка — Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале XIX века братьями Адамини — Адамини — братья Леоне (1789—1854) и Доменико (1792—1847) — архитекторы, из семьи потомственных архитекторов, итальянских швейцарцев, их отец и их потомки работали в России в конце XVIII—XIX веке. Дом на углу Марсова поля и наб. р. Мойки (№ 7) построил в 1823—1827 годах архитектор Доменико (на русский манер — Дементий Фомич) Адамини. В 1916 году в подвале дома Б. Прониным было открыто литературно-художественное кабаре «Привал комедиантов», продолжившее традиции «Бродячей собаки». «Привал» существовал до 1919 года, однако Ахматова практически его не посещала: «Никогда не бывала в „Привале комедиантов“ (кроме спектакля марионеток Слонимской)». **В него будет прямое попадание авиабомбы в 1942 г.** — 26 ноября 1942 года мощной бомбой была полностью разрушена центральная часть фасада, обращенного к Мойке. Здание восстановлено в 1946 году. **Спас на Крови** — храм Воскресения Христова на Екатерининском канале (почти напротив находится дом Адамини); построен на месте, где в 1881 году был смертельно ранен народолюбцами император Александр II. В основание храма положены окровавленные плиты мостовой, отсюда название «на Крови».

На чьем сердце «палевый локон» — «палевый локон» — цитата из стихотворения. Вс. Князева «Сколько раз проходил мимо окон...» (1911):

Сколько раз видел палевый локон,
Когда ветер им нежно играл,
Сколько раз видел палевый локон,
Сколько раз его видеть желал!..

Бал метелей на Марсовом Поле — Марсово поле, до 1818 года — Царицын луг, его территория ограничена Мраморным дворцом, Летним садом, Лебяжьей канавкой и Павловскими казармами (рядом находится и дом Адамины). Переименован в связи с ежегодными весенними парадами и смотрами войск гвардейского корпуса перед их выступлением в лагерь.

И невидимых звон копыт — см. в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833): «И он по площади пустой / Бежит и слышит за собой — / Как будто грома грохотанье — / Тяжело-звонкое скаканье / По потрясенной мостовой. / И, озарен луною бледной, / Простерши руку в вышине, За ним несется всадник медный / На звонко-скачущем коне».

На обратном «Пути из Дамаска» — согласно евангельскому тексту, гонитель христиан Савл на пути в Дамаск услышал голос Иисуса, после чего, обратившись в новую веру, стал проповедовать христианство под именем апостола Павла (Деян. 9: 1—19, 23: 3—21, 26: 12—20). Выражение «путь в Дамаск» или «путь из Дамаска» в 1910-е годы употреблялось для обозначения любовного приключения, любовного свидания. Такой синтез священного и греховного характерен в целом для культуры Серебряного века; см., например, стихотворение В. Брюсова «В Дамаск» (1903), в котором чудесному преображению уподобляется чувственная страсть (та же тема в стихотворении Вс. Князева 1913 года «Я был в стране, где вечно розы...»: «Я целовал „врата Дамаска“...»). «Путь из Дамаска» — миракль (средневековое религиозно-назидательное представление), поставленный в «Бродячей собаке» при участии О. А. Глебовой-Судейкиной.

И драгунский корнет со стихами — имеется в виду Вс. Князев, единственный сборник стихотворений которого был издан посмертно его отцом (Стихи. Посмертное издание. СПб., 1914).

Он — на твой порог! / Поперек. / Да простит тебя Бог! — причины самоубийства Князева (см. примеч. к первому «Посвящению») точно неизвестны. Существовало предположение, что он застрелился из-за разрыва отношений с поэтом М. А. Кузминым и безответной любви к О. А. Глебовой-Судейкиной.

Не в проклятых Мазурских болотах, / Не на синих Карпатских высотах — места, где во время Первой мировой войны в кровопролитных сражениях погибла значительная часть русских войск: в августе в Мазурских болотах была разгромлена армия генерала Самсонова; зимой 1914—1915 годов в Карпатах русская армия понесла большие потери в боях против Австро-Венгрии.

Часть вторая

РЕШКА

Решка — оборотная сторона монеты.

Первый эпиграф — из поэмы А. С. Пушкина «Домик в Коломне» (строфа XII).

Второй эпиграф — первоначально Ахматовой был записан другой эпиграф на английском языке «My future is my past» («Мое будущее — мое прошлое») с указанием источника «Т. S. Eliot», т. е. Томас Стернс Элиот (1888—1965), английский поэт, автор поэмы «Four Quartets», в первом «квартете» которой («Burnt Norton») есть сходная по смыслу строка «Time future contained in time past» («Время грядущее во времени минувшем заключено» — ср. со строками «Поэмы без Героя» «Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет»). Затем Ахматова заменила текст самого эпиграфа на «*In my beginning is my end*» («В моем начале мой конец»), оставив тот же источник (строка из той же поэмы Элиота, но из второго «квартета» — «East Coker», его первая фраза). На самом последнем этапе, когда Ахматова узнала, что эти слова vyšила на полотенец в тюрьме Мария, королева Шотландская (1542—1587), она вычеркнула прежний источник и вписала в качестве нового источника указание «*Девиз Марии Шотландской*» (в оригинале фраза на французском языке — «En ma fin est mon commencement», ставшая девизом Марии Стюарт, имеет противоположный смысл и переводится дословно как «В моем конце мое начало»). Однако в конце ноября — начале декабря 1965 года Ахматова снова записала на английском языке эпиграф в противоречащем первоисточнику варианте «My end is in my beginning» с указанием «(Motto of Mari of Scotland)», приписав ниже: «(Подарок Т. Элиота)».

Ремарка — *спрятанные обрывки Реквиема* — имеются в виду строфы XI, XII, XIII в «Решке», которые тематически соотносятся с поэмой «Реквием».

Эпиграф — неточная цитата из стихотворения Н. А. Клюева «Я гневаюсь на Вас и горестно браню...» («Гонителям искусства», 1932, другие названия — «Хулителям искусства», «Клеветникам искусства»):

Ахматова — жасминный куст,
 Обожженный асфальтом серым.
 Тропу ль утратила к пещерам,
 Где Данте шел и воздух густ,
 И нимфа лен прядет хрустальный?
 Среди русских женщин Анной дальней
 Она как облачко сквозит
 Вечерней проседью раки!

И ворчал: «Там три темы сразу!..» — речь идет о трех главах «Петербургской повести» (столько их было ко времени написания данной строфы), т. е. о Части первой «Поэмы без Героя».

Я ответила: «Там их трое! <...> Третий прожил лишь двадцать лет» — речь идет о трех поэтах в Части первой — «Петербург-

ской повести»: Верстовом столбе (Глава Первая), Демоне (Глава Вторая) и поэте-драгуне, покончившем с собой (Глава Четвертая).

Музыкальный ящик гремел — подразумевается однообразное звучание музыкальной шкатулки или шарманки, которая могла исполнять только одну мелодию. У Ахматовой образ шарманки связан с темой судьбы, рока — см. стихотворение «Надпись на „Подорожнике“» («Совсем не тот таинственный художник...», 1941).

И над тем флаконом надбитым / Языком кривым и сердитым / Яд неведомый пламенел — образный ряд соотносится со стихотворением «Флакон» французского поэта Шарля Бодлера:

Когда же и меня забвение людское
Засунет в старый шкаф небрежною рукою,
Останусь я тогда, надтреснут, запылен,
Несчастный, никому не надобный флакон,
Гробницую твоей, чумное, злое зелье,
Яд, созданный в раю, души моей веселье,
Сжигающий нутро расплавленный свинец,
О, сердца моего начало и конец!

Пер. А. Эфрон

У Ахматовой был флакон венецианского стекла с надбитым горлышком, который был оставлен среди других вещей О. А. Глебовой-Судейкиной.

Я пишу для кого-то либретто — подразумевается Артур Лурье (1892—1966), композитор, близкий друг Ахматовой и О. А. Глебовой-Судейкиной; в 1922 году эмигрировал из России. В 1921 году Ахматова писала для А. Лурье либретто балета на текст «Снежной маски» А. Блока. В 1959 году А. Лурье написал музыку к фрагментам «Поэмы без Героя».

Soft embalmer — в переводе Ахматовой строки сонета Дж. Китса (1795—1821) «К сну» — «нежный целитель».

Синяя птица — действующее лицо одноименной драмы Мориса Метерлинка (1862—1949) — чудесная птица, в поисках которой его герои оказываются в царстве снов.

Эльсинорских террас паранет — в прозаических записях о «Поэме без Героя» Ахматова указывала на соотношение этой строки с отрывком из текста лекции «Кризис духа» (1919) французского поэта Поля Валери (1871—1945). Но не следует исключать и соотношения с трагедией Шекспира «Гамлет», которая начинается с появления в ночное время Призрака на площадке перед замком в Эльсиноре.

Это старый чудит Калиостро — / Сам изящнейший сатана — в рукописи с редакцией «Поэмы без Героя» 1944 года рядом со строкой «Это старый чудит Калиостро...» Ахматова приписала «М. К.» — Михаил Кузмин (1872—1936), поэт, композитор, соратник Ахматовой по «Цеху поэтов», автор романа «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро».

Кто над мертвым со мной не плачет, / Кто не знает, что совесть значит / И зачем существует она — известие о самоубий-

стве Вс. Князева М. Кузмин воспринял спокойно, даже равнодушно. Образ Князева занимает центральное место в цикле стихов Кузмина «Осенний май» (1910) и ряде стихотворений 1912 года. Позднее в его поэме «Форель разбивает лед» (1927) упоминается «гусарский мальчик с простреленным виском», это едва ли не единственное отражение трагического события 1913 года в поэзии Кузмина.

Напев Херувимской — Херувимская песнь является частью литургии в православной службе, получила название от начальных слов «Иже Херувимы».

Строфы IX—XIV были созданы Ахматовой в 1958—1963 годах, когда ее имя было возвращено читателям, а «потепление» в политической жизни страны позволило легализовать запретные до этого темы: антисталинскую, лагерную. При жизни Ахматовой эти строфы не печатались, в экземплярах поэмы частично или полностью их заменяли отточия. Авторские записи сохранились только в одной рукописи поэмы, в записных книжках Ахматовой и на отдельных листах, подаренных ею Л. К. Чуковской.

И со мною моя «Седьмая», / Полумертвая и немая — подразумевается «Седьмая» из «Северных элегий», главной темой которой является тема молчания, немоты. В период 1947—1952 годов Ахматова не написала ни одного стихотворения.

Стопятницы — так называли ссыльных и бывших лагерниц, которым разрешалось проживание только за пределами стокилометровой зоны от Москвы, Ленинграда и других крупных городов.

Обезумевшие Гекубы / И Кассандры из Чухломы, / Загремим мы безмолвным хором, / Мы — увенчанные позором: / «По ту сторону ада — мы» — *Гекуба* — в греческой мифологии и античных трагедиях жена троянского царя Приама, пережившая при разрушении Трои гибель почти всех своих близких. *Кассандра* — дочь Приама и Гекубы, наделенная даром провидения. *Чухлома* — город в Костромской области, удаленный от шоссе и железных дорог.

Торжествами гражданской смерти... — Отлученною быть от ложа / И стола — дата создания строфы — август 1963 года и дата правки в этой строфе — август 1964 года свидетельствуют о том, что речь идет о Постановлении 14 августа 1946 года и его последствий для автора поэмы. На следующем листе после этого чернового наброска строфы Ахматова записала: «14 августа 1964 / Сегодня минуло восемнадцать лет с того дня. И... довольно о нем». *Отлученною быть от ложа / И стола...* — формула, означающая по римскому законодательству лишение гражданства. См. также в автобиографической прозе: «Зощенко и Ахматова были исключены из Союза писателей, то есть обречены на голод»).

Я ль расту в казенном гимне? <...> — На пороге стоит — Судьба. — Я ль расту в казенном гимне! — пытаюсь спасти сына, арестованного в ноябре 1949 года и сосланного в лагерь, Ахматова написала цикл стихов «Слава миру!», прославляющих советский строй и самого Сталина. Стихи были напечатаны в журнале «Огонек» в 1950 году. Однако эти «казенные гимны» не изменили положения Л. Н. Гумилева

(из лагеря он вернулся только в мае 1956-го), а сама Ахматова в 1951 году перенесла первый тяжелый инфаркт. Эти стихи Ахматова зачеркивала или заклеивала в изданиях 1958 и 1961 годов и категорически запретила печатать их в последующих сборниках своих стихотворений.

Не дари, не дари, не дари мне / Диадему с мертвого лба — для автора поэмы начало лета 1960 года (время создания строфы) связано с известием о смерти и похоронах Б. Л. Пастернака, где она не могла присутствовать из-за болезни. Б. Л. Пастернак, многолетний друг Ахматовой, много занимался переводами Шекспира. Под впечатлением происшедшего, вероятно, и возникли строки «Не дари, не дари, не дари мне / Диадему с мертвого лба. / Скоро мне нужна будет лира, / Но Софокла уже, не Шекспира. / На пороге стоит — Судьба».

Но Софокла уже, не Шекспира — в трагедиях Шекспира человеком, как правило, руководствуют страсти, тогда как в трагедиях древнегреческого драматурга Софокла жизнь человека определяет судьба — рок, которому он не в силах противостоять. При более поздней записи этой строфы к слову «Софокла» Ахматовой было сделано примечание: «Ананкэ. — Рок, Судьба».

Расстояние, как от Луги / До страны атласных баут — Луга — город в Ленинградской области (сразу за чертой стокилометровой зоны). В нескольких редакциях «Поэма без Героя» имела примечание «Бауга — венецианская полумаска», что дает основание подразумевать под «страной атласных баут» Венецию, известную своими карнавальными представлениями.

Бес попутал в укладке рыться — образы укладки, шкатулки, сундука связаны с темой памяти в творчестве Ахматовой.

«Подорожник», «Белая стая» — сборники стихотворений Ахматовой, вышедшие в Петрограде соответственно в 1921 и 1917 годах.

Так и знай: обвиняет в плагиате — «Поэма без Героя» написана строфой, схожей (но не одинаковой) со «Вторым ударом» из поэмы М. Кузмина «Форель разбивает лед», перечитанной Ахматовой в 1940 году, незадолго до начала работы над «Поэмой».

Но сознаешь, что применила / Симпатические чернила... / Я зеркальным письмом пишу — симпатические чернила, зеркальное письмо — виды зашифрованного письма: симпатические чернила проступают на бумаге при нагревании, написанный зеркальным способом текст можно прочитать только с помощью зеркала.

Чтоб посланец давнего века / Из заветнейших снов Эль Греко — Эль Греко (Доменико Теотокопули, 1541–1614) — испанский художник греческого происхождения. Характерный для Эль Греко образ — удлинненное лицо, большие печальные глаза, — передающий скорее внутреннюю, духовную сущность человека. Первоначально в тексте было: «Что сошел с полотна Эль Греко».

А столетняя чаровница — подразумевается романтическая поэма (расцвет жанра поэмы связан с эпохой романтизма, в особенности с творчеством Байрона, Шелли, раннего Пушкина).

И брюлловским манит плечом — на портретах К. Брюллова (1799–1852) красавицы изображались с пышными открытыми плечами.

Звездная Палата — королевский суд в Англии в XV—XVII веках. На потолке в здании Вестминстерского аббатства, где проходили заседания суда, находится изображение звездного неба.

В темноту, под Манфредовы ели — в трагедии Байрона «Манфред» (1817) герой поднимается на альпийскую вершину, поросшую мрачным еловым лесом.

И на берег, где мертвый Шелли... — И факел Георг держал — *Перси Биши Шелли* (1792—1822) — английский поэт-романтик. Утонул в море 8 июля 1822 года, катаясь на яхте близ Ливорно в Италии. При сожжении тела поэта на морском берегу в Виа-Реджо присутствовал Байрон. По свидетельству Л. К. Чуковской, Ахматова в этой строфе описала не сами события, а картину французского художника Луи Эдуарда Фурньера «Похороны Шелли», созданную в 1889 году. *Георг* — Джорж Гордон Байрон (1788—1824) — английский поэт, один из основателей и яркий представитель романтизма.

И совсем не Клара Газуль — под вымышленным именем испанской актрисы Клары Газуль французский писатель П. Мериме (1803—1870) выпустил сборник романтических пьес «Театр Клары Газуль» (1825). Ахматова подчеркивает, что, несмотря на тайнопись («симпатические чернила» и т. п.), она выступает не под маской и говорит от своего лица.

А твоей двусмысленной славе, / Двадцать лет лежавшей в канаве — подразумевается период 1920-х — 1930-х годов (строфа создана в январе 1942 года), когда отношение к творчеству Ахматовой носило двойственный характер. С одной стороны, признавалось поэтическое мастерство Ахматовой (после смерти Блока ей отводилось первое место в русской поэзии). С другой — Ахматову считали фигурой из прошлого, которой нет места в новом революционном обществе, обвиняли в «комнатной интимности», «исчерпанности» сюжетов и тем, даже «враждебности». 16 лет, с 1924 по 1940 год, не было напечатано ни одного стихотворения Ахматовой.

Часть третья

ЭПИЛОГ

Первый эпиграф — слова проклятия, по преданию сказанные Евдокией Федоровной Лопухиной (см. примеч. к Главе Третьей Части первой). От этого проклятия она отреклась в письмах к Петру I с прошением о помиловании (после страшных казней ее близких по подозрению в заговоре против царя), чтобы ей «безгодной смертию не умереть». В начале XX века предсказание вошло во многие художественные тексты (Д. Мережковский, П. Соловьева и др.).

Второй эпиграф — из стихотворения И. Анненского «Петербург» (1910).

Третий эпиграф — из поэмы А. Пушкина «Медный всадник».

Ремарка — Белая ночь 24 июня 1942 г. — 24 июня — день рождения Ахматовой; в то время Ахматова находилась в Ташкенте в эвакуации. **Город в развалинах. От Гавани до Смольного видно все как на ладони** — *Гавань* — название западной части Васильевского острова

у выхода в Финский залив. **Смольный** — расположенный в противоположной части города ансамбль Воскресенского Смоленского собора. Разрушения во время осады Ленинграда были настолько огромны, что город «просматривался» от одной окраины до другой. **В Шереметевском Саду <...> Одно окно третьего этажа (перед которым увечный клен) выбито** — сад во дворе Фонтанного Дома (Шереметевского дворца); окно комнаты во флигеле Фонтанного Дома, где жила Ахматова, выходило в сад, перед окном рос большой клен, пострадавший от бомбежки; **и за ним зияет черная пустота** — ср. со строками 5, 6 и 30 из стихотворения О. Мандельштама «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920, первая строка взята Ахматовой эпиграфом к Главе Третьей Части первой): «В черном бархате советской ночи, / В бархате всемирной пустоты» и «В черном бархате всемирной пустоты»; **Кронштадт** — военный и торговый порт на острове Котлин в Финском заливе, в 50 км от Ленинграда, основанный Петром I в 1703 году. Во время Великой Отечественной войны — главная оборонительная морская крепость на подступах к городу.

Это где-то там — у Тобрука, / Это где-то здесь — за углом — подразумевается длительная осада немецко-итальянскими войсками города Тобрук в Ливии (1941) во время Второй мировой войны и блокада Ленинграда (1941—1944).

Ты не первый и не последний / Темный слушатель светлых бредней — первоначально строки «Ты, мой грозный и мой последний / Светлый слушатель темных бредней...» были обращены к В. Г. Гаршину, которому посвящались «Решка» и «Эпилог» «Поэмы без Героя». Были изменены через год после разрыва Ахматовой с Гаршиным, в 1945 году.

Ставший горстью «лагерной пыли» — как указывала Л. К. Чуковская, «лагерной пыли» — это цитата из речи одного начальника лагеря: «я из вас лагерную пыль сделаю».

За тебя я заплатила / Чистоганом, / Ровно десять лет ходила / Под наганом — в строфе говорится о последнем сталинском десятилетии (до изменения политического курса в 1956 году). За это время Ахматова пережила ждановское постановление 1946 года (которое считала результатом своей встречи с И. Берлином, см. примеч. к посвящению «Третьему и последнему»), арест и ссылку сына, первый инфаркт, невозможность печататься, постоянную слезку и т. д.

И стоит мой Город «зашитый» — во время блокады в Ленинграде окна и витрины были заколочены («зашиты») досками или фанерными щитами.

изгнания воздух горький — ср. в стихотворении Ахматовой «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922): «Но вечно жалок мне изгнанник <...> Польшью пахнет хлеб чужой».

Все вы мной любоваться могли бы, / Когда в брюхе летучей рыбы / Я от злой погони спаслась — Ахматова имеет в виду свой перелет на самолете 28 сентября 1941 года из осажденного Ленинграда в Москву. 19 февраля 1961 года она сделала пояснительную запись к этим строкам: «По слухам, в Америке очень смеялись над тем, что

автор описывает сво<й> полет „в брюхе летучей рыбы“. Для них, видите ли, самолет то же, что для нас трамвай <...>, которая в конечном итоге не вошла в текст примечаний.

«Quo vadis?» (*лат.*) — «Куда идешь?»; восходит к эпизоду из Деяний апостола Петра, книги, созданной ранними христианами и не являющейся канонической. В Деяниях рассказывается о том, как во времена гонений на христиан в период правления императора Нерона Петр хотел спастись бегством из Рима. В пути он встретил Иисуса, который на вопрос Петра: «Куда ты идешь, Господи?» — ответил: «Иду в Рим, чтобы меня снова распяли». Петру стало стыдно, он вернулся в Рим, чтобы принять мученическую смерть.

И уже предо мною прямо... — **Загремел сумасшедший Урал** — подразумевается движение вглубь России, путь, который Ахматова проделала от Москвы до Казани и от Чистополя до Ташкента по железной дороге, от Казани до Чистополя на пароходе. Отрезок пути через Урал пролегает через длинные мосты и несколько глубоких тоннелей.

По которой ушло так много — имеются в виду миллионы репрессированных и сосланных в лагерь соотечественников.

...Россия / Предо мною шла на восток — подразумевается отступление советских войск и потоки беженцев в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Притворившись нотной тетрадкой, / Знаменитая ленинградка / Возвращалась в родной эфир — ноты Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича, работа над которой была завершена им уже в эвакуации, были переправлены в Ленинград. Исполнение симфонии в осажденном городе состоялось 9 августа 1942 года.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА, составленные самой Ахматовой, являются частью текста «Поэмы без Героя». С помощью такого художественного приема автором создавался эффект игры с читателем (автор скрывается под маской редактора). Строфу IX и первые три строки строфы X, строфы XI—XIII Ахматова заменяла в подцензурных вариантах «Поэмы» отточиями и делала примечание: «Пропущенные строфы — подражание Пушкину. См. „Об Евгении Онегине“: „Смирненно сознаю также, что в «Дон Жуане» есть две пропущенные строфы“, — писал Пушкин». Оно становится бессмысленным при публикации критически установленного полного текста поэмы.

<примечание № 1> **Антиной** — **античный красавец** — любимец римского императора Адриана, утонул в Ниле в 130 году н. э., считался идеальным красавцем.

<примечание № 13> — **Фонтанный Грот** — построен в 1757 г. **Аргуновым в саду Шереметевского Дома на Фонтанке** — грот в Шереметевском саду был построен по проекту архитектора Федора Семеновича Аргунова (ок. 1732 — ок. 1768), ученика С. И. Чевакинско-го, видного представителя барокко, одного из зодчих дома Шереметева на Фонтанке в Петербурге (1750—1755).

<примечание № 14> **Зал** — см. примечание к ремарке Главы Первой Части первой.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

PRO DOMO MEA (с. 393)

Pro domo mea (лат.) — о себе, о своем доме. «Pro domo mea» не является авторским заглавием; в данный раздел книги фрагменты автобиографической прозы подобраны и включены составителем с целью «поведать» о жизни поэта его собственными словами, рассказать о том, что волновало и тревожило Ахматову в последние годы ее долгой и нелегкой жизни. Заглавие «Pro domo mea» употреблялось самой Ахматовой для объединения отдельных записей о своей биографии, о том, как она писала «Поэму без Героя», реализовывала другие свои творческие замыслы и т. п. Некоторые фрагменты прозы печатаются с подзаголовками, данными самой Ахматовой.

Ее единственным читателем оказался следовательно, кот<орый> пришел арестовать моего сына — в ордер на производство ареста и обыска, выданный Ленинградским ОГБ, фамилия следователя вписана не была; а протокол обыска был подписан тремя фамилиями. Л. Н. Гумилева в этот же день этапировали в Москву, где и был выписан ордер на его арест за подписью зам. министра КГБ и зам. генерального прокурора. Обыск продолжался с 17 до 20 часов. (Сообщено А. Я. Разумовым.)

«Пятнадцатилетние руки...» — ранний вариант первой строки стихотворения «Мои молодые руки...» (из цикла «Юность»).

мои стихи 1940 г. ...вызвали неудовольствие С<тали>на и упреки в том, что я тянусь к прошлому — имеется в виду история сборника «Из шести книг», который был запрещен после выхода из печати.

Чарли Чаплин — Чарлз Спенсер Чаплин (1889—1977) — см. примеч. к стихотворению «Подражание Кафке»; **«Крейцера соната»** — повесть Л. Н. Толстого (1887—1889); **Г<итлер>** — Адольф Шикльгрубер (1889—1945), лидер нац.-соц. фашистской партии в Германии; **Эйфелева башня** в Париже сооружена в 1889 году по проекту А. Г. Эйфеля, является символом технических достижений XIX века; **Элиот** Томас Стерн (1888—1965) — английский поэт, лауреат Нобелевской премии (1948). **«Иванова ночь»** — Ахматова родилась 11 июня 1889 года ст. ст. (24 июня н. ст.). По старому стилю в ночь с 23 на 24 июня отмечался языческий праздник Ивана Купалы, который по новому стилю празднуется в ночь с 6 на 7 июля; **(чингизидкой) татарской княжной Ахматовой** — см. ниже. **Лустдорф** (Люстдорф) — местечко близ Одессы, современное название Черноморка.

Габриела Мистраль (наст. имя Годой Алькаьяга, 1889—1957) — чилийская поэтесса, лауреат Нобелевской премии (1945). **Анна Бунина** (Анна Петровна Бунина, 1774—1829) — первая известная русская поэтесса и переводчица; **Эразм Иванович Стогов** (1797—1880) — дед Ахматовой. А. П. Бунина приходилась ему дальней родственницей. **Марфа Посадница** — в XV веке, после смерти мужа, новгородского посадника И. А. Борецкого, — правительница Новгорода, выступавшая за независимость Новгорода от Москвы. **Моего предка хана Ахмата** —

семейная легенда о татарских корнях Ахматовой по материнской линии не находит документального подтверждения. **В этот день <...> из Сретенского монастыря в Москве шел крестный ход (см. Карамзин, т. V, стр. ?) (Дата?)** — в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (СПб., 1819. Т. VI. С. 160) описываемое событие относится к 1480 году, описание крестного хода в книге отсутствует. **Чингизид** (чингисид) — потомок Чингисхана; **фероньерка** — женское украшение — обруч с драгоценными камнями.

змеиное шипение Полетики о Пушкине — Полетика Идалия Григорьевна (1806/1810—1890) — побочная дочь Г. А. Строганова, родственника Гончаровых, подруга жены Пушкина. Сначала дружеские отношения Полетики и Пушкина сменились затем на резко враждебные.

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (кот-орую> описал Золя) — Золя Эмиль (1840—1902) — французский писатель, автор 20-томной семейной хроники «Ругон-Маккары» (1871—1893), в которой описаны различные этапы застройки Парижа. Эта фраза повторена Ахматовой в воспоминаниях «Амедео Модильяни».

Страховский Леонид (псевд. Чацкий, 1898—1963) — американский литературовед, автор книги о поэтах начала XX века: «Мастера слова. Три поэта современной России: Гумилев, Ахматова, Мандельштам». Кембридж; Массачусетс, 1949. **«Кипарисовый ларец»** — сборник стихотворений И. Ф. Анненского, вышедший в свет через полгода после смерти автора. **Маковский** Сергей Константинович (1877—1962) — художественный критик, поэт, издатель журналов «Старые годы», «Аполлон», в начале 1920-х годов эмигрировал во Францию, автор мемуаров «На Парнасе Серебряного века». В № 4 журнала «Аполлон» за 1911 год были напечатаны четыре стихотворения Ахматовой: «Сероглазый король», «В лесу», «Над водой» и «Мне больше ног моих не надо...» **рецензию на сб<орник> «Арион»** — рецензия была напечатана в газете «Жизнь искусства» (1918. 1 нояб.); кроме того, Н. Гумилевым были опубликованы рецензии на книги Ахматовой «Вечер» (Гиперборей. 1912. № 2) и «Четки» (Аполлон. 1914. № 5).

к Вале Срезневской, тогда еще Тюльпановой — Срезневская Валерия Сергеевна (см. примеч. к стихотворению «Вместо мудрости — опытность, пресное...»). **«Башня» ликовала** — «Башня» — квартира В. И. Иванова на последнем этаже в угловой башне на Таврической ул., д. 25, ставшая с осени 1905 года литературным салоном. «Среды» В. И. Иванова, а после смерти его жены Л. Д. Зиновьевой-Аннибал — «Понедельники» посещал широкий круг петербургской интеллигенции — литераторы, художники, музыканты, философы. **Арагон Луи** (1897—1982) — французский писатель. Имеются в виду положительные отзывы Арагона на произведения его жены Эльзы Триоле (см. примеч. к «Листкам из дневника»).

«Цех поэтов» — см. примеч. к «Листкам из дневника». **В противовес «Академии Стиха»** — имеется в виду общество ревнителей художественного слова при редакции журнала «Аполлон». **Иванов Вяч<еслав>** Иванович (1866—1949) — поэт, переводчик, теоретик символизма, пытался преодолеть индивидуализм путем выхода к «со-

борности». **Городецкий** Сергей Митрофанович (1884–1967) — поэт, член «Цеха поэтов». **Чулков** Георгий Иванович (1879–1939) — писатель, его теория «мистического анархизма» являлась определенной формой протеста против религиозной и социальной иерархии. **Первое собрание** <...> с **Блоком и французами** — в дневнике А. Блока есть подробная запись от 20 октября 1911 года об этом собрании; **Кузьмина-Каравеева** Елизавета Юрьевна (1891–1945) — поэтесса, в монашестве мать Мария, активная участница французского Сопротивления, погибла в концлагере. Собрание происходило в Манежном пер., д. 2, кв. 2; о Михаиле Леонидовиче **Лозинском** (см. примеч. к стихотворению «Не будем пить из одного стакана...»).

Пяст (Пестовский) Владимир Алексеевич (1886–1940) — поэт, автор мемуарной книги «Встречи» (1929); **рецензией на «Cor ardens»** (см. «Аполлон» №...) — рецензия Н. С. Гумилева была напечатана в разделе «Письма о русской поэзии» в журнале «Аполлон» (1911. № 7); **встретил меня на Раевских курсах** — Высшие женские историко-литературные курсы Н. П. Раева при женском Педагогическом институте. **Толстой** Алексей Николаевич (1883–1945) — русский советский писатель и общественный деятель. **Гиппиус** Зинаида Николаевна (1869–1945) — поэтесса, прозаик, литературный критик, жена Д. С. Мережковского; **Александра Николаевна Чеботаревская** (1869–1925) — свояченица Ф. Сологуба, родная сестра его жены Анастасии Чеботаревской.

в предисловии к <...> книге моих переводов [на фр<анцузский> язык] г-жа Лаффит пишет обо мне — Лаффит (Laffitte) Софи — французская переводчица и литературовед, речь идет об издании: Anna Akhmatova. Poésies... Présentée et traduite du russe par Sophie Laffitte. Paris, 1959; **<примечание Ахматовой> — интересна только его фраза о Льве Толстом** — речь идет, вероятно, о фразе, приведенной Ахматовой в воспоминаниях о Блоке: «В тот единственный раз, когда я была у Блока, я, между прочим, упомянула, что поэт Бенедикт Лившиц жалуется на то, что он, Блок, одним своим существованием мешает ему писать стихи. Блок не засмеялся, а ответил вполне серьезно: „Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой“».

Сологуб Федор (Тетерников Федор Кузьмич, 1863–1927) — поэт-символист, писатель.

«сици живые воды» — строка из стихотворения А. С. Пушкина «Была пора наш праздник молодой...» (1836).

Верхарн Эмиль (1855–1916) — бельгийский поэт-символист.

Бестужевские курсы — высшие женские курсы, открытые в Петербурге в 1878 году (носили название от имени их официального руководителя историка К. Н. Бестужева-Рюмина). **Зоценко** — см. примеч. к стихотворению IX. «Словно дальнему голосу внемлю...» цикла «Венок мертвым». **Тараховская** Елизавета Яковлевна (1895–1968) — поэтесса. **Парнок** Софья Яковлевна (1885–1933) — поэтесса, переводчица, критик. **Северянин** Игорь (Лотарев Игорь Васильевич, 1887–1941) — поэт.

Стравинский Игорь Федорович (1882–1971) — композитор и дирижер. **Павлова** Анна Павловна (1881–1931) — балерина, см. также

примеч. к Главе Второй Части первой «Поэмы без Героя». **Скрябин** Александр Николаевич (1871–1915) — композитор. **Ростовцев** Михаил Иванович (1870–1952) — ученый, историк античности. **Шаляпин** Федор Иванович (1873–1938) — певец. **Мейерхольд** Всеволод Эмильевич — см. примеч. к Главе Первой Части первой «Поэмы без Героя». **Дягилев** Сергей Павлович (1872–1929) — театральный и художественный деятель, организатор объединения художников «Мир искусства», выставок, концертов, «Русских сезонов» и «Русского балета» за границей.

Зельманова-Чудовская Анна Михайловна (ок. 1890–1948) — художница, автор портретов А. Ахматовой (1914), О. Мандельштама (1914). **«Тучка»** — так Ахматова называет квартиру в Тучковом переулке Васильевского острова (д. 17), которую они снимали с Н. С. Гумилевым в 1914 году; **Анна Ивановна** Гумилева (1854–1942) — мать Н. С. Гумилева. **Альтман** Натан Исаевич (1889–1970) — художник, автор известного портрета Ахматовой (1914, Русский музей). **Делла-Вос-Кард<овская>** Ольга Людвиговна (1875–1952) — художница, автор портрета Ахматовой 1915 года. В книге А. Г. **Мальшикина... «Севастополь»**, вышедшей в 1933 году, на с. 192 находится портрет Ахматовой в накинутой на плечи шали (худ. В. Милашевский); **статуэтка Данько** — статуэтка работы Натальи Яковлевны Данько (1892–1942) была изготовлена в нескольких экземплярах на Ленинградском фарфоровом заводе в 1924 году.

Венский конгресс (1814–1815) положил конец войне европейских стран против Наполеона. **Манд<ельштам>** — см. примеч. к «Листкам из дневника» раздела «Мемуарная проза»; **Нарбут** Владимир Иванович (1888 — после 7 апреля 1938) — поэт-акмеист, соратник Ахматовой по «Цеху поэтов». **Зенк<евич>** Михаил Александрович (1891–1973) — поэт, участник первого «Цеха поэтов».

Мр<аморный> Дворец — находится на наб. Невы у Троицкого моста и Марсова Поля, построен в 1768–1785 годах по проекту архитектора Антонио Ринальди. Свое название получил от различных пород мрамора, примененных в облицовке его фасадов и интерьеров. В Мраморном Дворце Ахматова жила в казенной квартире, предоставленной В. К. Шилейко, в 1924–1925 годах. **Гуковский** Григорий Александрович (1902–1950) — литературовед.

видела во сне X ... «Труды и дни» — имеется в виду Н. С. Гумилев и совместная работа Ахматовой с П. Л. Лукницким в 1924–1929 годах над его биографией под названием «Труды и Дни». **Роль Георгия Иванова** — **Иванов Георгий** Владимирович (1894–1958) — поэт, участник «Цеха поэтов», автор «бульварных мемуаров», по словам Ахматовой, «Петербургские зимы» (1928), написанных в эмиграции.

Шагилян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) — писательница. **«Мы»**, роман Е. И. Замятина, **«Красное дерево»**, повесть Б. Пильняка, были впервые опубликованы за границей, за что их авторы подверглись резкой критике и были исключены из ВОСП (Всероссийского общества советских писателей). **См. критику, начиная с Лелевича** — **Лелевич** Калмансон Лабори Гилелевич (1901–1945) — критик, член РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), в начале 1920-х го-

дов резко нападал на стихи Ахматовой, обвиняя ее во враждебности революции. **Алянский** Самуил Аронович (1891–1974) и **Блох** Яков Ноевич (1892–1968) — владельцы издательств.

Марина — Цветаева Марина Ивановна (см. примеч. к стихотворению «VI. Поздний ответ» цикла «Венок мертвым») уехала из Советской России в 1922 году; **Ходасевич** Владислав Фелицианович (1886–1939) — поэт, эмигрировал в 1922 году; **две гостыи: Саломея** — Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн (1888–1982), эмигрировала в Англию вскоре после революции; **моя бедная Ольга** — Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина (см. примеч. к стихотворению «Голос памяти»), близкая подруга Ахматовой, эмигрировала во Францию в 1924 году.

в ...прюнелевом — прюнель (*фр.*) — легкая плотная ткань, используемая для изготовления верха обуви или обивки мебели. О **Делла-Вос-Кардовской** Ольге Людвиговне см. примеч. выше; **комиссия потребовала, чтобы мой портрет был снят** — речь, вероятно, идет о выставке художников общества Куинджи в 1930 году в Ленинграде; **альбом Ниппельбаума** — не альбом, а автобиографическая книга «От ремесла к искусству» (М., 1958), содержащая фотопортреты выдающихся политиков, деятелей литературы и искусства Советского государства.

Филиттов Борис Андреевич (1905–1991) — литературовед, автор вступительной статьи в первом томе американского Собрания сочинений Ахматовой, статьи о «Поэме без Героя» во втором и др. **Заболоцкий** Николай Алексеевич (1903–1958) — поэт. **Пильняк** Борис Андреевич (наст. фам. Вогау; 1894–1938) — писатель, друг Ахматовой, расстрелян в 1938 году. **Замятин** Евгений Иванович (1884–1937) — писатель. **Клюев** Николай Алексеевич (1884–1937) — поэт; Ахматова считала причиной его гибели поэму «Погорельщина».

Вовка — Владимир Смирнов, тогда двухлетний мальчик, сосед по квартире в Фонтанном Доме, ему посвящено стихотворение «Постучи кулачком — я открою...». **«Петр» Раст<релли>** — вероятно, бронзовый бюст Петра I работы скульптора Бартоломео Растрелли, хранящийся в Эрмитаже.

Ругательные статьи... не только в «Культуре и жизни» (Александровский централ) — в 1960-е годы главным редактором газеты был Г. Ф. Александров, это дало возможность сравнить газету с каторжной тюрьмой под Иркутском — Александровским централом.

моя Аня — Анна Генриховна Каминская (р. 1939), внучка Н. Н. Пунина. В семье Пуниных Ахматова жила до последних дней жизни; **Боря Ардов** — Борис Викторович Ардов (1940–2004) — сын Н. А. Ольшевской и В. Е. Ардова, близких друзей Ахматовой, в квартире которых на ул. Большая Ордынка Ахматова подолгу жила, приезжая в Москву.

Томашевская (Медведева) Ирина Николаевна (1903–1973) — друг Ахматовой, литературовед, жена пушкиниста Б. В. Томашевского.

Селивановский Алексей Павлович (1900–1938) — критик, член РАППа; **сделало бы их «res sacra» (лат.)** — «священными». **Черчилль** Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) в 1940–1945 и 1951–1955 годы премьер-министр Великобритании. Речь в **Фултоне** (США)

была произнесена 5 марта 1946 года, т. е. за полгода до постановления 14 августа 1946 года. Вероятно, Ахматова путает ее с другой программной речью Черчилля «Пробудись, Европа!», произнесенной в Цюрихе в августе 1946 года, в которой он призывал к единству европейских стран — победителей и побежденных — и ограничению влияния СССР в послевоенной Европе. **«Последний дар моей Изоры»** — цитата из «Моцарта и Сальери» А. С. Пушкина. **Прокофьев** Александр Андреевич (1900—1971) — поэт, в описываемое Ахматовой время — председатель Правления Ленинградского отделения Союза советских писателей; **статью А. Уильямса (Нью-Йорк Трибьюн)** — Алан Морей Уильямс посетил Ахматову весной 1961 года. Запись Ахматовой об этом визите находится в больничной тетради конца ноября — декабря 1961. Именно в это время в Америке вышла статья Уильямса о беседе с Ахматовой, а в Советском Союзе — критический ответ на нее Л. Никулина (Ахматовой хорошо были известны и та и другая). **Эренбург** Илья Григорьевич (1891—1967) — писатель, публицист, намеревался писать статью об Ахматовой, для которой она делала «заготовки». **В 1949, после вторичного ареста сына... была выселена куда попало из дома, где жила 30 лет** — Ахматова вместе с семьей И. Н. Пуниной была переселена из Фонтанного Дома на улицу Красной Конницы в 1952 году. Там ей действительно принадлежала одна комната. **Павленко** Петр Андреевич (1899—1951) — советский писатель, жил в Крыму. **Шагиня** Мариэтта Сергеевна — см. выше. **Тихонов** Николай Семенович (1896—1979) — поэт, прозаик, описывал свои поездки по разным республикам СССР, в том числе и по Закавказью. **Вишневский** Всеволод Витальевич (1900—1951) — писатель. **Фадеев** Александр Александрович (1901—1956) — писатель, генеральный секретарь Союза писателей СССР.

in corpore (лат.) — в полном составе.

Осмеркин Александр Александрович (1892—1953) — художник, автор портрета Ахматовой (1940).

Fata libelli (лат.) — «судьба книги» от латинской фразы «Pro carpi lectoris habent sua Fata libelli» («Смотря по тому, как их принимает читатель, имеют свою судьбу книги»), принадлежащей римскому грамматiku Теренциану Мавру.

Тихонов Александр Николаевич (псевд. Серебров, 1880—1956) — писатель. **Орлов** Владимир Николаевич (1908—1985) — литературовед.

livre de chevet (фр.) — настольная книга. **«Ярь»** — первый сборник стихотворений С. М. Городецкого. **Франсуаза Саган** (1935—2004) — французская писательница, опубликовавшая свой первый роман, когда ей было 19 лет. **Уже готовый двухтомник... Гессена** — имеется в виду невышедшее «Собрание стихотворений» А. Ахматовой в двух томах (Л., 1928). **Лелевич в журнале «На посту»** — Лелевич (см. примеч. выше) опубликовал в журнале «На посту» (1923. № 2—3) ругательную статью о поэзии Ахматовой. **Перцов** Виктор Осипович — автор статьи «По литературным водоразделам» (**Жизнь искусства**. 1925. № 3). ...**кроме писем Рубенса** — см. примеч. к воспоминаниям «Лозинский». **Однако моя первая пушкинская работа («Последняя**

сказка Пушкина») была напечатана в «Звезде» — журнал «Звезда» (1933. № 1).

Струве Глеб Петрович (1898—1985) — литературовед, переводчик, исследователь русской литературы XIX—XX веков, составитель, редактор Собрания сочинений Анны Ахматовой (Т. 1. Мюнхен: Международное литературное содружество, 1965), автор вступительной статьи, примечаний и библиографии. **Лукницкий** Павел Николаевич (1902—1973) — писатель, путешественник, в середине 1920-х годов работал вместе с Ахматовой над биографией Н. С. Гумилева. **Сергиевский** Иван Васильевич (1905—1954) — литературовед, автор статьи «Об антинародной поэзии Ахматовой» (Звезда. 1946. № 9). **Плоткин** Лев Абрамович (1906—1978) — литературовед, автор статьи «Живая связь времен» (Нева. 1966. № 11). «**Флейта Марсия**» — речь идет о журнале «Свирель пана» (1923. № 1), где стихотворение было впервые напечатано.

Кн<язь> Дмитрий Оболенский — Оболенский Дмитрий Дмитриевич (1918—2001) — английский философ, историк, литературовед. **Поинс** — герой трагедии Шекспира «Генрих IV» (1597—1598).

Поллак с женой и женой Анатоля Стерна — Северин Поллак (1907—1991?) — польский литературовед, переводчик; **Стерн Анатолий** (1899—1968) — польский писатель, кинокритик, сценарист. **Ира уходит смотреть Рубенса (Шубка) и Брейгеля** — Ира — Ирина Николаевна Пунина (1921—2003), искусствовед, дочь Н. Н. Пунина. **Рубенс Питер Пауль** (1577—1640) — фламандский живописец. В венском Музее истории искусств находится портрет второй жены художника Елены Фоумен — «Шубка». На картине изображена обнаженная женщина с ниспадающей с левого плеча черной меховой шубкой, отделанной золотой вышивкой. **Брейгель** Питер Старший (1525/1530—1569) — нидерландский живописец и рисовальщик, в Музее истории искусств в Вене хранится более десяти основных работ художника. **Н. В. Недоброво** — Недоброво Николай Владимирович (1882—1919) — см. примеч. к стихотворению «Есть в близости людей заветная черта...».

Hotel Plaza (по-испански — площадь)... Café Греко. Автограф Гоголя. («Я только в Риме могу писать о России...») — кафе Греко находится недалеко от площади Испании на улице Кондотти, являлось интернациональным клубом искусств. Кафе часто посещал Н. В. Гоголь. В глубине кафе на стене среди других портретов висит миниатюрный портрет Гоголя, чуть далее под стеклом — лист бумаги со строками из письма к Плетневу от 17 марта 1842 года: «О России я могу писать только в Риме, только там она предстает мне вся во всей своей громаде...»

Via Appia (лат.) — Аппиева дорога, первая мощеная дорога, проложенная между Римом и Капуей при Аппии Клавдии в 312 году до н. э. Сохранилась почти полностью.

Вчера стояла у другого моря — вспомнила то страшное, как бездну тумана. (А это была только Маркизова Лужа.) — **Маркизова Лужа** — ироническое название мелководной восточной части Финского залива в устье Невы. Северное побережье Маркизовой Лужи

(Лисий Нос, Морская, Ольгино) связывалось в дореволюционное время и в первые годы советской власти с местом казни.

трех парням из «Лижей <...> Тогда я дала им совсем новый «Летний сонет» и еще что-то — В газете «Литература и жизнь» («Лиж») за 5 апреля 1959 года опубликованы два стихотворения Ахматовой: «Летний сонет» (1959) и «Музыка» (1957–1958).

Я — в будке — имеется в виду предоставленный Ахматовой Литфондом летний домик в поселке Комарово.

Надо сдавать Леопарди — книга стихотворений итальянского поэта Джакомо Леопарди (1798–1837) в переводе А. Ахматовой и А. Наймана вышла в свет уже после смерти Ахматовой, в 1967 году.

ИЗ «ПОСЛЕДНЕЙ КНИГИ» (с. 424).

Гунгербург — дачный поселок в Эстонии, Ахматова жила там летом 1894 года, в Советской Эстонии — Усть-Нарва.

Одесский порт в конце сорокадневной забастовки — речь идет о забастовке 1906 года.

двоюродная сестра «Охранной грамоты» и «Шума времени» — имеются в виду книги автобиографической прозы поэтов Б. Л. Пастернака и О. Э. Мандельштама, изданные соответственно в 1931 и 1925 годах.

под действием понтапона — сильного обезболивающего лекарства.

Гамсун Кнут (1859–1952) — норвежский писатель.

Ибсен Генрик (1828–1906) — норвежский драматург.

тьнь безутешная ищет меня — строка из второй части «Эпилога» поэмы «Реквием».

«Плохая им досталась доля» — строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино».

статья Льва Успенского — речь идет о статье Л. Успенского «Из записок старого петербуржца» (Звезда. 1957. № 6).

Алеша Баталов — Алексей Владимирович Баталов (р. 1928), актер, сын Н. А. Ольшевской и В. П. Баталова.

«Царей портреты на стенах» — переиначенная строка из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (глава 2, строфа II).

и барон Брамбеус, и Руссо — цитата из стихотворения Николая Гумилева «Старые усадьбы». *Барон Брамбеус* — псевдоним русского писателя О. И. Сенковского (1800–1858).

Теля Пофи и Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (рожд. Пиленко). Неведомские, Хилковы — соседи, живущие неподалеку от имения Гумилевых. О Елизавете Юрьевне Кузьминой-Караваевой (рожд. Пиленко) см. примеч. в разделе «Pro domo mea».

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872–1916) — фаворит царской семьи, авантюрист.

МЕМОУАРНАЯ ПРОЗА

АМЕДЕО МОДИЛЬЯНИ (с. 435).

Над воспоминаниями о художнике Модильяни, с которым Ахматова познакомилась в Париже летом 1910 года, Ахматова работала в те-

чение 1958—1964 годов. При жизни автора они были опубликованы за границей (Воздушные пути. Нью-Йорк, 1965. № 4.), на родине — только после смерти автора с приложением очерка Н. И. Харджиева «О рисунке Модильяни» (День поэзии. М., 1967), в дальнейшем неоднократно переиздавались. Существует несколько вариантов текста воспоминаний, самый поздний датирован 18 апреля 1964 года, но и он не учитывает нескольких поздних поправок. Некоторые из них, известные нам по рукописи воспоминаний, внесены нами в текст, два фрагмента даны в виде «Дополнений» к основному тексту воспоминаний.

Н. И. Харджиев «О рисунке Модильяни»:

В длинном ряду изображений Анны Ахматовой, живописных, графических и скульптурных, рисунку Модильяни, несомненно, принадлежит первое место. По силе выразительности с ним может быть сопоставлен только «скульптурный» стиховой образ Ахматовой, созданный Мандельштамом (1914):

Вполоборота, о печаль,
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль...

Небезынтересно отметить, что «Ахматова» Модильяни имеет случайное, но почти портретное сходство с его первым рисунком, находившимся в собрании д-ра Поля Александра — «Maud Abrantès écrivant au lit»¹. В стилистическом отношении эти произведения чужды друг другу и характеризуют различные этапы эволюции художника. Беглый набросок с натуры, заставляющий вспомнить гениальные кроки Тулуз-Лотрека, портрет Мод Абрантес (1908) нарисован за год до встречи Модильяни со скульптором Константином Бранкюзой. Как известно, под воздействием Бранкюзи Модильяни увлекся негритянским искусством и в течение нескольких лет занимался скульптурой. Портрет Ахматовой, относящийся к этому периоду, трактован художником как фигурная композиция и чрезвычайно похож на подготовительный рисунок для скульптуры. Здесь Модильяни достигает необычайной выразительности линейного ритма, медлительного и уравновешенного. Наличие художественной формы монументального стиля позволяет этому небольшому рисунку выдержать любые масштабные вариации.

Дружба с Бранкюзой, одним из основоположников абстрактного искусства, не увела Модильяни в область отвлеченного формального экспериментаторства. В эпоху гегемонии кубизма Модильяни, не боясь упреков в традиционализме, остался верен образу человека и создал замечательную портретную галерею современников. На всем протяжении своего пути он не утратил живой связи с художественной культурой итальянского Ренессанса. Об этом можно прочесть и в воспоминаниях друзей художника, и в работах исследователей его творчества.

Поэтому нет ничего неожиданного в том, что образ Ахматовой перекликается с фигурой одного из известнейших архитектурно-скульп-

¹ «Мод Абрантес, пишущая в кровати».

турных сооружений XVI столетия. Я имею в виду аллегорическую фигуру «Ночи» на крышке саркофага Джулиано Медичи, этот едва ли не самый значительный и таинственный из женских образов Микеланджело (Микеланджело посвятил своей ночи четверостишие, переведенное на русский язык Тютчевым). К «Ночи» восходит и композиционное построение рисунка Модильяни. Подобно «Ночи», фигура Ахматовой покоится наклонно. Постамент, с которым она составляет единое конструктивное целое, повторяет дугообразную (расчлененную надвое) линию крышки двухфигурного саркофага Медичи. Но в отличие от напряженной позы «Ночи», как бы соскальзывающей со своего наклонного ложа, фигура на рисунке Модильяни статична и устойчива, как египетский сфинкс*. По свидетельству Ахматовой, у Модильяни было весьма смутное представление о ней как о поэте, тем более что тогда она только начинала свою литературную деятельность. И все-таки художнику, с присущей ему визионерской прозорливостью, удалось запечатлеть внутренний облик творческой личности.

Перед нами не изображение Анны Андреевны Гумилевой 1911 года, но «ахроничный» образ поэта, прислушивающегося к своему внутреннему голосу.

Так дремлет мраморная «Ночь» на флорентийском саркофаге. Она дремлет, но это полусон ясновидящей.

4 мая 1964

Модильяни Амедео (1884–1920) — итальянский художник, скульптор. С 1906 года жил в Париже, где и умер в крайней бедности в возрасте 36 лет.

«*On communique*» (фр.) — «О, передача мыслей».

«*Il n'y a que vous pour réaliser cela*» (фр.) — «О, это умеете только Вы».

будущее, которое, как известно, бросает свою тень задолго перед тем, как войти — по свидетельству знакомого Ахматовой, литературоведа Э. Г. Бабаева (1927–1996), эти строки, принадлежащие перу немецкого историка Теодора Моммзена (1817–1903) и процитированные в книге Вячеслава Иванова «По звездам» (1909), были сообщены им Ахматовой в одной из бесед. В источнике: «Мировые события <...> бросают вперед свои тени, идя на землю».

пугало страшным бодлеровским Парижем — Бодлер Шарль (1821–1867) — французский поэт, стоявший у истоков символизма, автор сборника «Цветы зла», поразившего современников откровенностью самовыражения автора, раздвоением личности его лирического героя между духовной красотой и красотой порока.

голова Антиноя — Антиной см. примеч. к первому «Посвящению» «Поэмы без Героя».

* По прочтении этих строк А. А. Ахматова вспомнила, что в одной из бесед с ней Модильяни упомянул Микеланджело. «Великие люди не должны иметь детей, — сказал Модильяни. — C'est ridicule d'être le fils de Michel-Ange» («Смешно быть сыном Микеланджело»).

Impasse Falguière (фр.) — Тупик Фальгьера, где в общежитии художников жил Модильяни, находится в 15-м округе Парижа, недалеко от института Пастера.

Люксембургский сад — парк близ Люксембургского дворца в центре Парижа, популярное место отдыха.

Латинский квартал — в начале XX века один из бедных кварталов Парижа, прибежище богемы.

la chose (фр.) — вещь.

Indépendants (фр.) — «Независимые» (общество молодых художников).

(tout le reste) (фр.) — все остальное.

Période negre (фр.) — негритянский период.

«*Les bijoux doivent être sauvages*» (фр.) — «Драгоценности должны быть дикарскими».

le vieux Paris derrière le Panthéon (фр.) — старый Париж за Пантеоном.

«*J'ai oublié qu'il y a une île au milieu*» (фр.) — «Я забыл, что посередине находится остров» (Святого Людовика).

le vieux palais à Italienne (фр.) — старый дворец в итальянском вкусе. Имеется в виду Люксембургский дворец, построенный по приказу вдовы короля Генриха IV Марии Медичи в начале XVII века.

Верлен Поль (1844–1896) — французский поэт-символист.

Батрица Х<естингс> — с 1915 года была гражданской женой Модильяни.

«*perle et pourceau*» (фр.) — «жемчужина и поросенок».

Первый иностранец — И. Берлин (см. примеч. к стихотворениям цикла «Cinq»).

«*ни вспомнить, ни забыть*» — 2-я строка стихотворения Н. Крандиевской (1888–1963) «Не могу я вспомнить, что мне снилось...» (1913), творчество которой было хорошо известно Ахматовой (см. еще один «заимствованный» оборот «Не с теми я, кто...»).

«*Anri de Ренье*» — Ренье Анри Франсуа Жозеф (1869–1930), французский писатель.

Об Анатоле Франсе — Анатолий Франсуа Тибо (1844–1924), французский писатель.

А Верлен в Люксембургском саду существовал только в виде памятника — в 1911 году в Люксембургском саду был установлен памятник Полю Верлену.

Гюго Виктор Мари (1802–1885) — французский писатель.

«*Mais Hugo — c'est déclamatoire?*» (фр.) — «А Гюго высокопарен?»

«*vieux Paris*» или «*Paris avant guerre*» (фр.) — «Старый Париж» или «довоенный Париж».

фиакры — легкие конные экипажи в западноевропейских городах (в России им соответствовали кабриолеты и пролетки).

«*Au rendez-vous des cochers*» (фр.) — «Встреча кучеров».

мои молодые современники, которые скоро погибли на Марне и под Верденом. — Во время Первой мировой войны в битвах на р. Мар-

не (1914) и под городом Верденом (1916), в которых немцы потерпели серьезные поражения от войск Антанты, участвовало и погибло большое число патриотически настроенных французов и русских, в том числе литературной и артистической молодежи.

Пикассо Пабло (Руис-и-Пикассо, 1881–1973) — французский живописец, испанец по происхождению.

Брак Жорж (1882–1963) — французский живописец. Пикассо и Брак — основоположники кубизма.

Ида Рубинштейн играла Саломею — Рубинштейн Ида Львовна (1885–1968) — танцовщица, балерина. Особенно известен танец «Саломея», поставленный для нее М. А. Фокиным на музыку А. К. Глазунова.

дягилевские Ballets Russes — имеются в виду сезоны «Русского балета» С. П. Дягилева (см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea»).

Стравинский Игорь Федорович — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Нижинский Вацлав Фомич (1889–1950) — исполнитель мужских партий в балетах «Русских сезонов» С. П. Дягилева, балетмейстер.

Павлова Анна Павловна — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Карсавина Тамара Платоновна (1885–1978) — балерина, исполнительница главных партий в балетах «Русских сезонов» С. П. Дягилева, адресат стихотворения Ахматовой «Как песню слагаешь ты легкий танец...».

Бакст (Розенберг Лев Самойлович, 1866–1924) — живописец, график, театральный художник, участвовал в оформлении «Русских сезонов» Дягилева.

Фокин Михаил Михайлович (1880–1942) — балетмейстер, хореограф, исполнитель мужских партий в балетах «Русских сезонов», поставил для С. П. Дягилева балеты «**Жар-птица**» и «**Петрушка**» на музыку И. Ф. Стравинского.

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) — текстуальное повторение строки из фрагмента автобиографической прозы «В 1905 году мои родители расстались...» (см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea»).

Рене Гиль проповедовал «научную поэзию» — Гиль (Гильберг Рене, 1862–1925) — французский поэт, автор манифеста о «научной» поэзии в предисловии к книге «Легенда души и крови» (1885).

Католическая церковь канонизировала Жанну д'Арк. — Жанна д'Арк (1412–1431) — национальная героиня Франции, одна из главнокомандующих французскими войсками в Столетней войне.

«Et Jehanne, la bonne Lorraine / Qu'Anglois brûlerent à Rouen...» (ст.-фр.) — «И добрая Жанна из Лотарингии, сожженная англичанами в Руане...» — строки из баллады «О дамах минувших дней» французского поэта Франсуа Вийона (1431/1432 — после 1463).

Итальянский рабочий украл Джоконду Леонардо, чтобы вернуть ее на родину. — 21 августа 1911 года из Лувра был похищен

портрет Моны Лизы («Джоконда») работы Леонардо да Винчи (1452–1519). Через три дня картина была возвращена в Лувр.

Уцелел один — в настоящее время известны еще 23 рисунка Модильяни, на которых предположительно изображена Ахматова.

Лафорг Жюль (1860–1887) — французский поэт-символист.

Малларме Стефан (1842–1898) — французский поэт-символист.

«J'ai oublié de vous dire que je suis juif» (фр.) — «Я забыл вам сказать, что я еврей».

Марк Шагал — см. примеч. к стихотворению «Царскосельская ода».

Чарли Чаплин — см. примеч. к стихотворению «Подражание Кафке».

«А далеко на севере...» — строка из трагедии А. С. Пушкина «Каменный гость».

Врубель Михаил Александрович (1856–1910) — живописец.

Коммиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910) — актриса.

Александр Блок пророчествовал в стихах... и в прозе — Ахматова приводит строки из стихотворений А. Блока «Голос из хора» (1910) и «Авиатор» (1912) и дневниковой записи за 10 ноября 1911 года («Это „американское“ проявится, когда на нас пойдет великий Китай...»).

Пруст Марсель (1871–1922) — французский писатель.

Джойс Джеймс — см. примеч. к стихотворению цикла «Черепки».

Кафка Франц (1873–1924) — австрийский писатель.

* **<примечание Ахматовой>** — строки из стихотворения Н. С. Гумилева «Родос» из сборника «Чужое небо».

** **<примечание Ахматовой>** — **Экстер** Александра Александровна (1884–1949). **Анрен** Борис Васильевич (1883–1973). **Альтман** Натан Исаевич (1889–1970).

«Les chants de Maldoror» — «Песни Мальдорора» — книга стихотворений в прозе французского поэта Лотреамона (наст. имя Изидор Дюкас, 1846–1870), предвосхитившего появление и развитие сюрреализма во французской поэзии XX века.

заседали в кабинете Александра Николаевича Тихонова — об А. Н. Тихонове см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea», в 1920-е годы он заведовал издательством «Всемирная литература».

Боттичелли — см. примеч. к Главе Второй Части первой «Поэмы без Героя».

мне много рассказывал о нем Эренбург, который... посвятил ему стихи в книге «Стихи о канунах». — И. Г. Эренбург (см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea») посвятил Модильяни стихотворение «Ты сидел на низенькой лестнице...» (1915).

Читала я о Модильяни и у Карко — **Карко** Фрэнсис (псевд. Франсуа Карко, 1886–1956) — французский писатель, автор романов о жизни творивших в разное время в Париже писателей, поэтов, художников.

Утрилло Морис (1883–1955) — французский художник, в 1910-е годы был близок к Модильяни.

«Монпарнас, 19» — фильм французского режиссера Жака Беккера вышел на экраны в 1958 году. Роль Модильяни играл Жерар Филип. Сценарий был написан по «бульварному», по определению Ахматовой, роману Мишеля Жоржа Мишеля «Монпарнасцы».

Примечания к <Дополнениям к воспоминаниям «Амедео Модильяни»>

итальянские читатели не узнают — В 1964–1965 годы Ахматова готовила «Прозу для Милана», где предполагала издать воспоминания о Мандельштаме («Листки из дневника»), новеллу «Модильяни» и др. свои прозаические вещи (см. дополнения к «Листкам из дневника»).

где через час будет убит Столыпин — П. А. Столыпин (1862–1911), министр внутренних дел и председатель Совета министров Российской империи, 1 сентября 1911 года был смертельно ранен агентом охраны Богровым в Киевском оперном театре на «Сказке о царе Салтане» Римского-Корсакова.

«Je tiens votre tête entre mes mains et je vous couvre d'amour» (фр.) — «Я держу Вашу голову в своих руках и окутываю Вас любовью».

Об Александре Блоке (с. 443).

Воспоминания об Александре Блоке написаны для телепередачи Ленинградского телевидения, которая состоялась 12 октября 1965 года. Впервые напечатаны после смерти Ахматовой (Звезда. 1967. № 12).

Верхарн Эмиль, Бестужевские курсы — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Ариадна Владимировна Тыркова-Вережская (1869–1962), более известна под фамилией второго мужа Тыркова-Вильямс, писательница, общественный деятель, мемуаристка.

Цех поэтов, Башня, Вячеслав Иванов — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

«И пьяницы с глазами кроликов» — строка из стихотворения А. Блока «Незнакомка».

Игорь Северянин — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Лившиц Бенедикт Константинович (1886–1939) — поэт, автор мемуаров «Полутораглазый стрелец» (1933).

Дельмас (Андреева-Дельмас) Любовь Александровна (1879–1969) — актриса.

Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

и я читаю только что написанные мною стихи — речь идет о стихотворении «Он прав — опять фонарь, аптека...» (1946).

Лозинский (с. 446).

Первоначальный текст воспоминаний о Лозинском, подготовленный для передачи на Ленинградской студии телевидения в мае 1965 года, Ахматова начала дополнять и изменять накануне 11-й годовщины со дня смерти М. Л. Лозинского 30 января 1966 года. «Кажется, написала все о Лозинском», — отметила она за месяц до своей смерти 6 февраля 1966 года в больничной тетради. При жизни Ахматовой сокращенный вариант был напечатан по магнитофонной записи в альманахе «День поэзии» (Л., 1966).

Эпиграф — из стихотворения Ф. И. Тютчева «Накануне годовщины 4 августа 1864 года».

* <примечание Ахматовой> — по «Дневнику» Блока устанавливается точная дата знакомства: 10 ноября 1911 года.

Лозинский Михаил Леонидович (1886—1955) — см. примеч. к стихотворению «Не будем пить из одного стакана...».

Лизиной матери... чуть ли не Нарышкиной — Пиленко София Борисовна (урожд. Делоне; 1863—1962), жила в 1911 году на Малой Московской ул., д. 4.

Митя (Дмитрий Владимирович) **Кузьмин-Каравеев** (1886—1959) — юрист, участник «Цеха поэтов», двоюродный брат Н. С. Гумилева.

«Не забывшая» — стихотворение из сборника М. Л. Лозинского «Горный ключ» (1912).

Шлейко — см. примеч. к стихотворениям цикла «Черный сон».

исправил стих «И отравительница Федра», потому что Федра никого не отравляла — строка была исправлена Мандельштамом: «И негодующая Федра».

Гум — сокр. от Гумилев, дружеское прозвище Н. Гумилева.

Рарá Масó — «папá Масó», шуточное прозвище С. К. Маковского (см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo me»).

Последняя его помощь мне: чтение рукописи «Марьон Делорм». — Трагедия «Марьон Делорм» в переводе Ахматовой вошла в 3-й том Собрания сочинений В. Гюго (М., 1956).

после работы в Публичной библиотеке. — М. Л. Лозинский работал в Императорской, затем Государственной публичной библиотеке в 1914—1938 годах. Письма Рубенса Ахматова переводила в начале 1930-х годов (вышли в свет в 1933 году).

Лозинская **Татьяна Борисовна** (1885—1955) — жена М. Л. Лозинского, историк.

он полюбил молодую девушку — речь идет о поэтессе и переводчице Аде Ивановне Оношкович-Яцыной (1897—1935).

«Divina Comedia» — «Божественная комедия», за перевод которой М. Л. Лозинский в 1946 году была присуждена Сталинская премия.

Он пригласил меня на «Валенсианскую вдову». — Речь идет о премьере спектакля, поставленного в 1939 году в Ленинградском театре комедии по пьесе Лопе де Веги «Валенсианская вдова» (перевод был сделан М. Л. Лозинским).

«Собака на сене» — спектакль по пьесе Лопе де Веги, также переведенной М. Л. Лозинским.

О переводе «Гамлета» и испанцев (с цитатой) — цитата не была вписана, невозможно установить, какой именно отрывок хотела вставить Ахматова в текст своих воспоминаний.

Судейкин Сергей Юрьевич (1882—1946) — художник, график. Рисунок сохранился в архиве И. В. Платоновой-Лозинской.

К моей Вале — к В. С. Срезневской (см. примеч. к стихотворению «Вместо мудрости — опытность, пресное...») относятся приведенные

Ахматовой строки из стихотворении Лозинского «Тебе ль не петь пэан хвалебный...» (1919).

«*И будет страшное к истлению готово*». — Строка из стихотворения М. Л. Лозинского «Так много милого, и сердцу не снести...» (1921).

«*Ах! одна в семье умеет / Грамоте она...*» — строки из стихотворения А. Н. Майкова «Картинка» (1861).

Гиппиус Василий Васильевич (1890–1942) — поэт, переводчик, литературовед.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) — поэт-символист.

Ивановский Игнатий Михайлович (р. 1932) — переводчик, ученик М. Л. Лозинского. В архиве Ахматовой сохранилось 9 писем и одна телеграмма М. Л. Лозинского к ней.

мимо огромного дома на Кировском проспекте — М. Л. Лозинский жил на Кировском проспекте (до революции и в настоящее время — Каменноостровский), д. 73/75.

<О Мандельштаме> Листки из дневника (с. 452).

Окончательного текста воспоминаний о Мандельштаме, полностью отражающего последнюю авторскую волю, не существует. Имеется значительное количество рукописей и списков «Листков из дневника», по которым можно составить некий компилятивный текст воспоминаний. В настоящем издании мы предлагаем в качестве основного текста одну из поздних рукописей произведения, имеющую дату «8 июля 1963. Комарово». Указанная Ахматовой дата, по всей видимости, является датой создания редакции, а не именно этой рукописи, поскольку в основной текст воспоминаний входит фраза, означающая более позднее обращение автора к тексту данной редакции: «<...> Но стихи люди любили (главным образом молодежь) почти так же, как сейчас, т. е. в 1964 году <...>». Не вошедшие в основной текст этой редакции фрагменты воспоминаний из других источников мы помещаем в «Дополнениях к „Листкам из дневника“». В тех случаях, когда представляется возможным установить относительно точное место вставки фрагмента, мы указываем его в основном тексте воспоминаний в угловых скобках цифрами, соответствующими порядковым номерам фрагментов в «Дополнениях». Несколько отрывочных записей Ахматовой о Мандельштаме мы помещаем в конце «Дополнений» без указания предполагаемого места в тексте воспоминаний.

Мандельштам — Осип Эмильевич *Мандельштам*, см. примеч. к стихотворению «V. «Я над ними склонюсь, как над чашей...» из цикла «Венок мертвым».

Цех поэтов — содружество поэтов, желавших отмежеваться от символизма, считавших поэзию ремеслом, которому необходимо учиться. Из числа участников «Цеха поэтов» через некоторое время выделились шесть поэтов, объявивших себя представителями нового литературного течения — акмеизма. *Акмеизм* (от греч. «акмэ») означало «расцвет», «высшая степень чего-либо». Идеей акмеистов было «соче-

тание», «равновесие» между частным и общим, бытом и бытием, возвышенным и обыденным. Первым литературным органом акмеистов стал журнал *«Гиперборей»* («Ежемесячник стихов и критики»), редактировавшийся М. Л. Лозинским (выходил в 1912–1913 годах).

«Гиперборей» — см. также в тексте воспоминаний «Лозинский».

«Шум времени» — мемуарно-биографическая книга Мандельштама, выпущенная в Ленинграде в 1925 году.

Надя — Надежда Яковлевна Мандельштам (урожд. Хазина, 1899–1980) — жена О. Э. Мандельштама.

«На грязь, горячую от топота коней, / Ложится белая одежда брата-снега...» — неточная цитата из стихотворения Тихона Чурилина «Ноябрь» (в оригинале: «На грязь, горячую от топота копыт, / Упала легкая одежда брата-снега...»).

Малларме — см. примеч. к воспоминаниям «Амедео Модильяни».

«Тучка» — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Джойс — ирландский писатель (1882–1941). «Улисс» — роман Джойса, высоко ценимый Ахматовой и ее современниками.

«Башня», Иванов Вячеслав Иванович — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Толстой Алексей Николаевич (1882/83–1945) — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Зенкевич Михаил Александрович (1891–1973) — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

*** <примечание Ахматовой> См. «Воздушные пути», № 3, стр. ... — в указанном № 3 альманаха «Воздушные пути» за 1963 год, с. 24–25, приведенные Ахматовой строки были впервые напечатаны со значительными разночтениями.

Волошин (Кириенко-Волошин Максимилиан Александрович, 1877–1932) — поэт. Мандельштам неоднократно гостил у Волошина в Коктебеле.

Кузмин — см. примеч. к Части второй «Решка» «Поэмы без Героя».

Нарбут — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Моравская Мария Людвиговна (1889–1947) — поэтесса, прозаик, участница «Цеха поэтов».

Гиппиус В. В. — см. примеч. к воспоминаниям «Лозинский».

Лева — в то время двух-трехлетний сын Ахматовой и Гумилева Л. Н. Гумилев.

Недавно найдены письма О<сипа> Э<мильевича> к Вячеславу Иванову (1909) — к рукописи «Листков из дневника», положенной в основу настоящей публикации, приложены тексты 9 писем О. Мандельштама к В. Иванову, которые впоследствии были напечатаны А. А. Морозовым в «Записках Отдела рукописей ГБЛ» (Вып. 34. М., 1973).

Воспоминания сестры Аделаиды Герцык — Аделаида Казимировна Лубны-Герцык (1874–1925), поэтесса, переводчица; ее сестра — *Евгения Казимировна Лубны-Герцык* (1878–1944), переводчица, критик, автор книги «Воспоминания», впервые опубликованной в России в 1996 году (заграничное издание YMCA-PRESS 1973 года неполное и содержит значительные ошибки).

в *«Бродячей собаке»* — см. примеч. к стихотворению «Все мы бражники здесь, блудницы...». *Харджиев* Николай Иванович (1903–1996), друг Ахматовой, искусствовед, литературовед, писатель.

стихотворение про «Черного ангела на снегу» — имеется в виду стихотворение «Как черный ангел на снегу...» (1914?), впервые опубликованное в альманахе «Воздушные пути» (1963. № 3).

Вл. К. Шилейко — см. примеч. к циклу стихотворений «Черный сон».

беседы с Шилейко вдохновили его на стихотворение «Египтянин». — У Мандельштама есть два стихотворения с одинаковым заглавием «Египтянин»: «Я выстроил себе благополучья дом...» (1913) и «Я избежал суровой пени...» с подзаголовком «Надпись на камне 18–19 династии» (1912 или 1913). Вероятно, Ахматова пишет о втором.

Но в Петербурге акмеист мне ближе, / Чем романтический Пьеро в Париже... — двустипшие из группы незавершенных шуточных стихотворений «на случай».

Анна Михайловна Зельманова-Чудовская — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea». Портреты Ахматовой и Мандельштама выполнены ею в 1914 году.

Цветаева, к которой были обращены крымские и московские стихи — в издании «Tristia» (Пб.; Берлин, 1922) из библиотеки С. Б. Рудакова рукой М. И. Цветаевой сделаны пометы «Мне» над стихотворениями «В разноголосице девического хора...», «На розвальнях, уложенных соломой...», «Не веря воскресенья чѹду...». К Цветаевой обращено еще несколько стихотворений Мандельштама.

Саломея Андроникова — см. примеч. к стихотворению «Тень» и автобиографической прозе «Pro domo mea».

сообщает Георгий Иванов — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

был одно время влюблен в актрису Александрийского театра Ольгу Арбенину, ставшую женой Ю. Юркуна — Арбенина (Гильдебрандт) *Ольга* Николаевна (1897–1979) — актриса и художница; *Юркун* (Юркунас) *Юрий* Иванович (1895–1938) — писатель, художник.

Замечательные стихи обращены к Ольге Ваксель — *Ваксель Ольга* Александровна (1903–1932) покончила с собой в Осло, а не в Стокгольме, как пишет Мандельштам. «*В холодной стокгольмской постели...*» — строка из стихотворения «Возможна ли женщине мертвой хвала?» (1935); «*Хочешь, валенки сниму*» — строка из стихотворения «Жизнь упала, как зарница...» (1925).

«*...европеянок нежных...*» — цитата из стихотворения О. Мандельштама «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (1931).

Мария Сергеевна Петровых (1908–1979) — поэт, переводчик.

Дама, которая «через плечо поглядела», — это так называемая Бяка, тогда подруга жизни С. Ю. Судейкина, а ныне супруга Игоря Стравинского — имеется в виду Шиллинг Вера Артуровна (де Боссе, 1888–1982), актриса Камерного театра. Ахматова приводит слова из стихотворения Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (1917).

Штемпель Наталья Евгеньевна (1908–1989) — учитель русско-го языка и литературы, воронежская знакомая Н. Я. и О. Э. Мандельштамов.

Легенда о его увлечении Анной Радловой ни на чем не основана. — Радлова Анна Дмитриевна (1891–1949) — поэтесса, переводчица.

**** <примечание Ахматовой>** — Чудовский Валериан Адольфович (1891–1937) — поэт и критик.

par dépit (фр.) — с отчаяния.

Виллон, Чаадаев — имеются в виду статьи Мандельштама «Франсуа Вийон» (1913) и «Чаадаев» (1915).

«Гилея» — одна из ранних наиболее радикальных футуристических группировок; см. **воспоминания Зенкевича** — по-видимому, речь идет о беллетризованных мемуарах М. А. Зенкевича «Эльга» и «Мужицкий сфинкс».

Догнивали знаменитые петербургские торцы — в XIX веке улицы Петербурга были вымощены торцами — шестигранными брусками поперечно разрезанного бревна.

Из подвальных окон «Крафта» (угол Садовой и Итальянской) еще пахло шоколадом — шоколадная кондитерская «I. Крафт» находилась по адресу: Итальянская ул., д. 10/5.

Синдики — синдиком в средневековой Европе назывался цеховой старшина.

Комаровский Василий Алексеевич (1881–1914) — см. примеч. к стихотворению «Ответ».

Гедройц Сергей (псевдоним Веры Игнатьевны Гедройц, взятый по имени умершего брата, 1876–1932) — врач-хирург, писала стихи, рассказы, мемуары.

Бруни Николай Александрович (1891–1938) — поэт.

Адамович Георгий Викторович (1892–1972) — поэт, автор литературно-критических статей о писателях старшего поколения русской эмиграции.

Чернявский Владимир Степанович (1889–1948) — поэт, артист-декламатор.

Радимов Павел Александрович (1887–1967) — поэт и художник, член Товарищества художников-передвижников.

Юнгер Владимир Александрович (1883–1918) — поэт.

Бурлюк Николай Давидович (1890–1920) — поэт, прозаик, впоследствии футурист, не провозглашавший, в отличие от членов «Гилеи», свой разрыв с предшествующими поэтическими традициями.

Хлебников Велимир (Виктор Владимирович, 1885–1922) — поэт и прозаик, впоследствии кубофутурист, художник.

на концерте Бутомо-Названовой в Консерватории, где она пела Шуберта (см. «Нам пели Шуберта...»). — Бутомо-Названова Ольга Николаевна (1888–1960), камерная певица. Строка из стихотворения «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» (1918).

ко мне относится странное, отчасти сбывшееся предсказание — Ахматова приводит строфу из стихотворения Мандельштама «Кассандре» («Я не искал в цветущие мгновенья...») (1917).

может простить Есенину что угодно за строку: «Не расстреливал несчастных по темницам» — строка из стихотворения С. А. Есенина «Я обманывать тебя не стану...» (1922).

Тынянов Юрий Николаевич (1894—1943) — литературовед, писатель, переводчик, один из основателей и теоретиков ОПОЯЗа.

Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959) — литературовед.

Гуковский Григорий Александрович — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич, 1880—1934) — поэт, писатель.

Лидия Яковлевна Гинзбург (1902—1990) — литературовед.

Борис Яковлевич Бухштаб (1904—1985) — литературовед, библиограф.

Вольпе Цезарь Самойлович (1904—1941) — литературовед, критик, редактор журнала «Звезда». «Путешествие в Армению» было напечатано в журнале «Звезда» (1933. № 5).

Бабель Исаак Эммануилович (1894—1941) — писатель, автор «Конармии» и «Одесских рассказов».

Зоценко Михаил Михайлович (1895—1958) — писатель, имя которого навсегда слито с именем Ахматовой в постановлении 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Леонов Леонид Максимович (1895—1994) — советский писатель.

Н. Ч-й написал роман — речь идет, по-видимому, об одном из романов Н. К. Чуковского (1904—1965), написанных в пер. пол. 1930-х годов: «Юность» (Л., 1930; 2-е изд. — 1934), «Слава» (Л., 1935).

«Я к смерти готов» — эта строка включена Ахматовой в кавычках в текст Главы Первой Части первой «Поэмы без Героя».

«Под собой мы не чуем» — Ахматова имеет в виду стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933).

* **<примечание Ахматовой>** — неточная цитата из стихотворения «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (1937). В оригинале: «Хочу его назвать — не Сталин, — Джугашвили!»

Пунин Николай Николаевич — см. примеч. к стихотворению «Не бывала осень построила купол высокий...».

мой орденский знак Обезьяньей Палаты, последний, данный Ремизовым в России — шутовской тайный «Орден», в который писатель А. М. Ремизов посвящал избранных.

и статуэтку работы Данько (мой портрет, 192<4> г.) — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Толстая-Есенина Софья Андреевна (1900—1957) — последняя жена С. А. Есенина.

Ягода Генрих Григорьевич (1891—1938) — генеральный комиссар гос. безопасности, нарком внутренних дел СССР.

Кирсанов Семен Исаакович (1906—1972) — поэт.

Чулковы: Надежда Григорьевна (1874—1961) и Георгий Иванович — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Бухарин Николай Иванович (1888—1938) — редактор газеты «Известия», академик АН СССР.

Евклидзе Абель Сафронович (1877–1937) – секретарь Президиума ЦИК СССР.

Русланов Лев Петрович (1896–1937) – актер театра им. Е. Б. Вахтангова.

см. «Стансы», строфа 4-я – о прыжке из окна Мандельштам писал в третьей строфе стихотворения «Стансы» («Я не хочу среди юношей тепличных...», 1935): «...Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме».

* <примечание Ахматовой> **Зина** – Зинаида Николаевна Пастернак (1894–1966), вторая жена Б. Л. Пастернака. **Триолешка** – Триоле Эльза Юрьевна (1896–1970), писательница, жена Луи Арагона, сестра Л. Ю. Брик.

Усиевич Елена Феликсовна (1893–1968) – критик, член правления Союза писателей.

Пильняк – см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873–1944) – поэт, переводчик, дипломат.

Шпет Густав Густавович (1879–1937) – философ, историк русской философии, переводчик «Феноменологии духа» Гегеля.

Прокофьев Сергей Сергеевич (1881–1953) – композитор.

Пейн Роберт – американский литературовед; Ахматова упоминает его книгу: *Рауне R. Les Trois mondes de Boris Pasternak*. Paris, 1963.

Маркиш Перец Давидович (1895–1952) – еврейский поэт и прозаик.

Нарбут Серафима Густавовна (1902–1982) – жена В. И. Нарбута. **жена Зенкевича** – Александра Николаевича Зенкевич, урожд. Гусикова (1899–1979).

Ольшевская Нина Антоновна – см. примеч. к <Пятой> «Северной элегии». **Герштейн Эмма** Григорьевна (1903–2002) – литературовед, мемуаристка, друг Ахматовой.

Булгакова Елена Сергеевна – см. примеч. к стихотворению «Хозяйка» из цикла «Новоселье»

Мандельштам Александр Эмльевич (1893–1942) – лит. работник, брат О. Э. Мандельштама.

«славных ребят из железных ворот ПТУ» – цитата из стихотворения «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» (1935).

Демян Бедный (Придворов Ефим Алексеевич, 1883–1945) – поэт.

И в голосе моем после удушья / Звучит земля – последнее оружие... – строки из стихотворения «Стансы», седьмая строфа.

«Письмо о Русской поэзии», 1922, Харьков – «Письмо» было опубликовано в Ростове-на-Дону, в газете «Советский юг».

Рудаков Сергей Борисович (1909–1944) – литературовед, поэт, был выслан в Воронеж в 1934 году, где сблизился с О. Э. и Н. Я. Мандельштамами и познакомился с Ахматовой, приезжавшей в Воронеж в феврале 1936 года навестить О. Э. Мандельштама.

Иванов Георгий Владимирович – см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Шацкий (Страховский) Леонид — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

«**Музыка на вокзале**» — речь идет о стихотворении «Концерт на вокзале».

Шенье Андре Мари (1762–1794) — французский поэт и публицист.

Сафо (Сапфо) — древнегреческая поэтесса (VII–VI вв. до н. э.).

Липкин Семен Израилевич (1911–2003) — поэт, переводчик.

Тарковский Арсений Александрович (1907–1989) — поэт, переводчик.

Лурье Артур Сергеевич — см. примеч. к Части второй «Решка» «Поэмы без Героя».

Катаев Валентин Петрович (1897–1986) — писатель, автор мемуарных фантазий на литературные сюжеты.

Пяст Владимир Алексеевич — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Миндлин Эмилий Львович (1900–1981) — автор мемуаров «Необыкновенные собеседники» (1929).

Асеев Николай Николаевич (1889–1963) — поэт.

«**Снегурочка**» — опера Н. А. Римского-Корсакова.

Сельвинский Илья (Карл) Львович (1899–1968) — поэт.

у отца Осипа Эмильевича (у «деда»)... — Мандельштам Эмилий Вениаминович (ок. 1851–1938), мастер по обработке кож.

В начале 1939 года я получила короткое письмо от московской приятельницы... — От Эммы Григорьевны Герштейн.

У подружки Лены... — Елены Константиновны Гальпериной-Осмеркиной (1903–1987), жены художника А. А. Осмеркина.

Шкловская Василиса Георгиевна (1890–1977) — жена В. Б. Шкловского.

Примечания к <Дополнениям к «Листкам из дневника»> (с. 475).

Анненский Иннокентий Федорович (1856–1909) — поэт, критик, филолог-классик, педагог. Ахматова, как и другие поэты-акмеисты, считала Анненского своим учителем в поэзии.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) — поэт-символист.

Маккавейский Владимир Николаевич (1893–1920) — поэт, переводчик.

Сологуб Федор — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Радецкий Иван Маркович (1853 — после 1919) — журналист, литератор.

Клюев Николай Алексеевич — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Пронин Борис Константинович (1875–1946) — инициатор и основатель «Бродячей собаки», актер, режиссер.

Гумилева Анна Ивановна (1854–1942) — мать Н. С. Гумилева.

мать Мандельштама — Флора Осиповна Вербловская (ок. 1866–1916) — пианистка.

А на дворе военной школы... — строка (у Ахматовой ошибочно «И на дворе...») из стихотворения «Футбол» («Рассеян утренник тя-

желый...», 1913), напечатанного в журнале «Златоцвет» (1914. № 4). В автографе Мандельштама — заглавие «Второй футбол», поскольку было еще одно стихотворение того же года с идентичным заглавием: «Телохранитель был отравлен...»

великолепного дома гр. Стенбок-Фермора — представители графского рода шведского происхождения Стенбок-Ферморы владели множеством домов в Петербурге и его окрестностях (главным образом — в Лахте). В Царском Селе было несколько домов, принадлежавших потомкам первого графа Г. Г. Стенбок-Фермора: в Бульварном пер., на Церковной ул. и на Широкой. Вероятно, речь идет об особняке на Широкой ул., д. 9 (см. примеч. ниже).

на Широкой — на Широкой ул. в Царском Селе в доме Е. И. Шухардиной Ахматова прожила почти все детские и первые гимназические годы до отъезда в Крым в 1905 году.

«Все каменные циркули да лиры...» — строки из стихотворения Пушкина «В начале жизни школу помню я...» (1830).

«...в великолепный мрак чужого сада», — самая дерзкая строчка из когда-нибудь прочитанных или услышанных мной — см. предыдущее примеч.

Однако неплохо и «священный сумрак» — строка из стихотворения Пушкина «Воспоминание в Царском Селе».

Струве Глеб Петрович — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

Наруми Кандзо (1899—1974) — японский филолог-русист.

Шервинский Сергей Васильевич (1892—1991) — поэт, переводчик.

Особняк кн. Волконского. — На Сергиевской улице находилось несколько особняков, принадлежащих представителям рода князей Волконских: дома № 7, 55 и 79. Ахматова жила в доме № 7, кв. 2, который ближе всего расположен к зданию Агрономического института, в библиотеке которого она работала в 1920—1921 годах (это была ее казенная квартира).

своей маленькой племяннице — Татьяне Евгеньевне Мандельштам (домашнее имя Тата, 1920—1943), дочери младшего брата О. Э. Мандельштама.

«Муха-Цокотуха» — популярная детская сказка в стихах К. И. Чуковского (1924).

Бонди Сергей Михайлович (1893—1983) — литературовед, пушкинист.

Федин Константин Александрович (1892—1977) — писатель.

Комиссаржевская, про которую он не говорит последнее слово: королева модерна — Комиссаржевская Вера Федоровна — см. примеч. к воспоминаниям «Амедео Модильяни». В отрывках «Из погибшей поэмы» Ахматова писала о Комиссаржевской: «И женщина с зеркальными глазами / Подростка-нищенки — властительница сцены / И королева русского модерна».

Савина — барыня, разомлевшая после Гостиного двора — Савина Мария Гавриловна (1854—1915), актриса Александринского театра. **сам Осип сообщил для помещения в книгу «Писатели советской эпохи» (цитата)** — в справочнике «Писатели современной эпохи»

Примечания

(1928) под ред. Б. П. Козьмина нет упоминаний Мандельштамом «политических манифестаций у Казанского Собора».

Макридин Николай Васильевич (1888–1942) — инженер, член «Цеха поэтов».

Митурич Петр Васильевич (1887–1956) — график; речь идет о карандашном рисунке (1915), репродукция которого появилась в 1916 году в журнале «Аполлон» (№ 4/5).

Тышлер Александр Григорьевич (1898–1980) — театральный художник, живописец, график.

Конвойные, которые везли его, читали Пушкина. Он написал о них. — Подразумеваются строки из стихотворения «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» (1935): «Где вы, трое славных ребят из железных ворот ПТУ? / Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам дармоедов, / Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкинovedов...»

Ира — Ирина Николаевна Пунина, см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Слово о Данте (с. 487). Было произнесено Ахматовой на торжественном вечере, посвященном 700-летию со дня рождения Данте, 19 октября 1965 года в Большом театре в Москве.

Эпиграф: «В венке олив, под белым покрывалом, / Предстала женщина, облачена / В зеленый плащ, и в платье огне-алом» (*Данте*. Числительнице. ХХХ, 31–33. Пер. М. Лозинского).

...И вот вошла. Откинув покрывало... — строки из стихотворения Ахматовой «Муза» (1924).

...Изгнанник бедный Алигьери... — строки из стихотворения Н. Гумилева «Флоренция» (1912–1913).

«Разговор о Данте» О. Мандельштама вышел в свет в 1933 году.

«С чертовых лестниц, с площадей...» — строки из стихотворения О. Мандельштама «Слышу, слышу ранний лед...» (1937).

Слово о Пушкине (с. 489). Было написано для журнала «Звезда» и там же напечатано (1962. № 2).

Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931) — литературовед, историк и пушкинист.

глупости полетик — Ахматова употребляет в нарицательном значении имя Италии Полетики (см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea»), участвовавшей в травле Пушкина.

родственников Строгановых — Строгановы приходились родственниками жене Пушкина Н. Н. Гончаровой.

ханжеских салонов Нессельроде — графиня М. Д. Нессельроде, жена министра иностранных дел при Николае I, была заклятым врагом Пушкина.

aere perennius (лат.) — «крепче меди» — из оды Горация «Exegi monumentum aere perennius» («Я воздвиг памятник крепче меди»).

<О Лермонтове> Все было подвластно ему (с. 491). Впервые появилось в виде юбилейной заметки в «Литературной газете» в день 150-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова — 15 октября 1964 года. Толчком к написанию заметки, вероятно, послужило письмо из редакции журнала «Вопросы литературы» от 5 мая 1964 года с просьбой ответить на несколько вопросов о Лермонтове в связи с 150-летним юбилеем со дня его рождения.

Царскоесельский лейб-гусар — в 1832—1834 годах М. Ю. Лермонтов учился в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге, находившейся на бывш. Загородном проспекте (в 1912 году был переименован в Лермонтовский). После окончания школы Лермонтов служил в Царском Селе.

живший на Колпинской улице — Колпинская — одна из главных улиц Царского Села, на ней находился Дом Китаевой, где в 1831—1832 годах жил А. С. Пушкин. В честь этого улица в дальнейшем была переименована в Пушкинскую.

Он не увидел царские парки с их растреллиями, камеронами — имеются в виду памятники архитектуры Царского Села, построенные по проектам архитекторов Бартоломео (Варфоломея) Растрелли и Чарлза Камерона.

Маркизова Лужа — см. примеч. к автобиографической прозе «Pro domo mea».

«пела русалка над синей рекой, полна непонятной тоской...» — строки из стихотворения «Русалка» (1832).

Есть речи — значенье... — первое четверостишие стихотворения без заглавия 1840 года.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет...» 289
«А в книгах я последнюю страницу...» 191
«А ведь мы с тобой...» (Любовная; Песенки, 3) 237
«А вы, мои друзья последнего призыва!...» 199
«А как музыка зазвучала...» 324
«А Смоленская нынче именинница...» 159
«...А там мой мраморный двойник...» (Из цикла «В Царском Селе», 2) 23
«А, тебе еще мало по-русски...» 316
«А тот, кого учителем считаю...» (Учитель; Венок мертвым, I) 243
«А, ты думал — я тоже такая...» 158
«А ты теперь тяжелый и унылый...» 142
«...А человек, который для меня...» 224
«А! это снова ты. Не отроком влюбленным...» 73
«А я говорю, вероятно, за многих...» 311
«А я иду, где ничего не надо...» 323
«...А я молчу, я тридцать лет молчу...» (Северные элегии, седьмая) 260
«А я росла в узорной тишине...» (Ива) 181
«А я уже стою на подступах к чему-то...» (Смерть, II) 205
Август («Он и праведный, и лукавый...») 299
Александр у Фив («Наверно, страшен был и грозен юный царь...»; Античная страничка, II) 242
Амедео Модильяни 435
«Ангел, три года хранивший меня...» 140
Античная страничка (I—II) 241
«Ах! — где те острова...» (Из забытого) 280
«Ах, дверь не запирала я...» (Белой ночью) 32

Бежецк («Там белые церкви и звонкий, светящийся лед...») 134
Без названия («Среди морозной праздничной Москвы...»; Трилистник московский, 2) 226
«Безвольно пощады просят...» 45
Белой ночью («Ах, дверь не запирала я...») 32
Белый дом («Морозное солнце. С парада...») 99
«Белым камнем тот день отмечу...» (С самолета, 2) 207
Бессонница («Где-то кошки жалобно мяукают...») 55
Библейские стихи (I—III) 144
«Божий Ангел, зимним утром...» 83
Борис Пастернак («Он, сам себя сравнивший с конским глазом...») 178
Борису Пастернаку (1—3) (Венок мертвым, VII) 246
«Будем вместе, милый, вместе...» 95
«Будешь жить, не зная лиха...» 61

- «Буду тихо на погосте...» 93
«Буду черные грядки холить...» 168
«Бухты изрезали низкий берег...» (У самого моря) 109
«Бывает так: какая-то истома...» (Творчество; Тайны ремесла, 1) 187
«Бывало, я с утра молчу...» (Песенка) 148
«Был блаженной моей колыбелью...» 78
«Был вещим этот сон или не вещим...» (Сон; Шиповник цветет, 6) 220
«Был он ревнивым, тревожным и нежным...» 71
«Была над нами, как звезда над морем...» (И последнее; Полночные стихи, 7) 230
«Было душно от жгучего света...» (Из цикла «Смятение», 1) 41
«Быть страшно тобою хвалимой...» 320
- В Выборге («Огромная подводная ступень...») 262
«В заветных ладанках не носим на груди...» (Родная земля) 251
В Зазеркалье («Красотка очень молода...»; Полночные стихи, 3) 228
«В каждом древе распятый Господь...» (Вереница четверостиший) 210
«В ней что-то чудотворное горит...» (Музыка) 233
«В последний год, когда столица наша...» 269
«В последний раз мы встретились тогда...» 46
«В промежутки между грозами...» 267
«В прошлое давно пути закрыты...» (Эхо) 240
В разбитом зеркале («Неповторимые слова...»; Шиповник цветет, 9) 222
«В ремешках пенал и книги были...» 60
В сороковом году (1—5) 193
В тифу («Где-то ночь молодая...») 288
«В то время я гостила на земле...» (Из цикла «Эпические мотивы», 1) 150
«В том доме было очень страшно жить...» (Северные элегии, <третья>) 256
«В тот давний год, когда зажглась любовь...» (Из цикла «Другой голос», 2) 135
«В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» (Из цикла «Ташкентские страницы») 238
«В углу старик, похожий на барана...» 268
В Царском Селе (1—3) 22
«В этой горнице колдунья...» (Хозяйка; Новоселье, 1) 208
«Важно с девочками простились...» 196
«Вам жить, а мне не очень...» 304
«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» 83
«Веет ветер лебединый...» 140
Венеция («Золотая голубятня у воды...») 64
Венок мертвым (I—XII) 243
Вереница четверостиший 210
«Весенним солнцем это утро пьяно...» (Из цикла «Обман», 1) 28
«Вестей от него не получишь больше...» (Утешение) 92
«Весь ты сыгранный на шарманке...» (Городу) 302
«Вечер тот казни достоин...» 274
«Вечерние часы перед столом...» 61
Вечерняя комната («Я говорю сейчас словами теми...») 33
Вечером («Звенела музыка в саду...») 43
«Взоры огненной огня...» (Вереница четверостиший) 211
«Видел я тот венец златокованный...» (Предсказание) 133

Алфавитный указатель

- «Вижу выцветший флаг над таможей...» 57
«Вместо мудрости — опытность, пресное...» 72
Вместо посвящения («По волнам блуждаю и прячусь в лесу...»; Полночные стихи) 227
Вместо послесловия («А там, где сочиняют сны...»; Полночные стихи) 230
«Вместо праздничного поздравленья...» (Шиповник цветет) 218
Вместо предисловия (Реквием) 327
«Вновь Исакий в облаченьи...» (Из цикла «Стихи о Петербурге», 1) 63
«Вновь подарен мне дремотой...» 88
Во сне («Черную и прочную разлуку...»; Шиповник цветет, 3) 219
Воронеж («И город весь стоит оледенелый...») 179
«Вот все, кого я на земле застала...» (На Смоленском кладбище) 213
«Вот и берег северного моря...» 147
«Вот и dospорился, яростный спорщик...» (Черепки, II) 295
«Вот она, плодоносная осень!...» 225
«Вот это я тебе, взамен могильных роз...» (Памяти М. Булгакова; Венок мертвым, III) 244
«Все в Москве пропитано стихами...» 317
«Все души милых на высоких звездах...» 214
«Все, — кого и не звали, — в Италии...» 318
«Все мне видится Павловск холмистый...» 87
«Все мы бражники здесь, блудницы...» 44
«Все небо в рыжих голубях...» (Еще одно лирическое отступление) 204
«Все обещало мне его...» 82
«Все опять возвратится ко мне...» (Луна в зените, 3) 202
«Все отнято: и сила, и любовь...» 76
«Все расхищено, предано, продано...» 154
«Все ушли, и никто не вернулся...» (Ночное посещение; Полночные стихи, 6) 229
«Все ушли, и никто не вернулся...» 306
«Все это разгадаешь ты один...» (Памяти Бориса Пильняка; Венок мертвым, IV) 244
«Всегда нарядней всех, всех розовой и выше...» (Тень; В сороковом году, 3) 194
«Всем обещаньям вопреки...» (Из «Черных песен», II) 253
«Вспыхнул над молом первый маяк...» (Победа, 2) 200
Встреча («Как будто страшной песенки...»; Новоселье, 4) 209
Вступление («Это было, когда улыбался...», Реквием) 329
Вторая годовщина («Нет, я не выплакала их...») 215
«Вы меня, как убитого зверя...» (Черепки, V) 296
«Вы так вели по бездорожью...» (К стихам; Вереница четверостиший) 210
«Выбрала сама я долю...» 97
«Высокие своды костела...» 53
«Высоко в небе облачко серело...» 25
«Высокомерьем дух твой помрачен...» 94
Выход книги (Из цикла «Тайны ремесла») («Тот день всегда необычаен...») 313

«...Где на четырех высоких лапах...» (Под Коломной) 214
«Где-то кошки жалобно мяукают...» (Бессонница) 55

- «Где-то ночка молодая...» (В тифу) 288
«Глаз не свожу с горизонта...» 288
«Глаза безумные твои...» 266
«Годовщину последнюю празднуй...» 179
Голос памяти («Что ты видишь, тускло на стену смотря...») 54
«Голубя ко мне не присылай...» (Милому) 103
«Город сгинул, последнего дома...» 107
Городу («Весь ты сыгранный на шарманке...») 302
Городу Пушкина (1–2) 235
«Горят твои ладони...» 47
«Господеви поклонитесь...» (Причитание) 146
Гости («...ты пьян...»; Новоселье, 2) 208
- «Да, я любила их, те сборища ночные...» (Из цикла «Три стихотворения»,
1) 166
«Дай мне горькие годы недуга...» (Молитва) 93
«Дал Ты мне молодость трудную...» 58
«Далеко в лесу огромном...» (Колыбельная) 167
«Даль рухнула, и пошатнулось время...» (Из набросков) 304
Данте («Он и после смерти не вернулся...») 180
Два голоса («Мы запретное вкусили знание...») 294
Два стихотворения (1–2) 19
«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» 101
«Двадцать четвертую драму Шекспира...» (Лондонцам; В сороковом году,
2) 193
«Дверь полуоткрыта...» 25
Двустышье («От других мне хвала — что зола...») 176
«День шел за днем — и то и сё...» (Последнее возвращение) 215
«Десять лет и год твоя подруга...» 276
«Для того ль тебя носила...» 92
«Долгим взглядом твоим истомленная...» 162
«Дорогою ценю и неожиданной...» 294
Дорожная, или Голос из темноты («Кто чего боится...»; Песенки, 1) 236
«Древний город словно вымер...» 80
Другая песенка («Несказанные речи...»; Шиповник цветет, 5) 220
«Другие уводят любимых...» (Подражание Кафке) 310
Другой голос (1–2) 134
«Думали: нищие мы, нету у нас ничего...» 69
«Дымное исчадие полнолуныя...» (Надпись на портрете) 216
«Дьявол не выдал. Мне все удалось...» 274
- «Если б все, кто помощи душевной...» 242
«Если плещется лунная жуть...» 175
«Есть в близости людей заветная черта...» 76
«Есть три эпохи у воспоминаний...» (Северные элегии, <шестая>) 259
«Еще весна таинственная мледа...» 106
Еще об этом лете («И требовала, чтоб кусты...») 315
Еще одно лирическое отступление («Все небо в рыжих голубях...») 204
Еще тост («За веру твою! И за верность мою...»; Трилистник московский,
3) 226

Алфавитный указатель

- «Жарко веет ветер душный...» (Из цикла «Обман», 2) 28
«Ждала его напрасно много лет...» 127
«Женский голос, как ветер, несется...» (Слушая пение) 314
«Жить — так на воле...» 280
«Жрицами божественной бессмыслицы...» 267
- «За веру твою! И за верность мою...» (Еще тост; Трилистник московский, 3) 226
«За заставой воеет шарманка...» (Петербург в 1913 году) 251
«...За ландышевый май...» 278
«За озером луна остановилась...» 143
«За такую скоморошину...» (Вереница четверостиший) 212
«Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...» 142
«Забудут? — вот чем удивили!...» 298
Завещание («Моей наследницею полноправной будь...») 271
«Загорелись иглы венчика...» 269
Заклинание («Из тюремных ворот...») 176
«Заключенье не бывшего цикла...» (Последний день в Риме) 322
«Запад клеветал и сам же верил...» 320
«Заплаканная осень, как вдова...» 168
Запретная роза («Ты о ней как о первой невесте...») 321
«Заснуть огорченной...» (Луна в зените, 1) 201
Застольная («Под узорной скатертью...»; Песенки, 2) 236
«Зачем вы отравили воду...» 278
«Зачем притворяешься ты...» 89
Защитникам Сталина («Это те, кто кричали: «Варавул!») 316
«Звалась Soleil ты или Чайной...» (Пятая роза) 319
«Звенела музыка в саду...» (Вечером) 43
«Здесь все меня переживет...» (Приморский сонет) 233
«Здесь девушки прекраснейшие спорят...» 277
«Здесь Пушкина изгнание началось...» 174
«Здравствуй! Легкий шелест слышишь...» 50
«Здравствуй, Питер! Плохо, старый...» 273
«Земля хотя и не родная...» 262
«Земной отрадой сердца не томи...» 135
«Знаешь сам, что не стану славить...» (Синque, 4) 217
Зов («И в предпоследней из сонат...»; Полночные стихи, 5) 229
«Золотая голубятня у воды...» (Венеция) 64
- «И анютиных глазок стая...» 312
«И было сердцу ничего не надо...» (Вереница четверостиший) 210
«И было этим летом так отрадно...» 317
«И в День Победы, нежный и туманный...» (Памяти друга) 200
«И в Киевском храме Премудрости Бога...» 271
«И в памяти, словно в узорной укладке...» (Луна в зените, 4) 202
«И в памяти черной, пошарив, найдешь...» (Три стихотворения, 2) 241
«И в пестрой суете людской...» (Первый дальнобойный в Ленинграде) 196
«И в предпоследней из сонат...» (Зов; Полночные стихи, 5) 229
«И в тайную дружбу с высоким...» 120
«И весеннего аэродрома...» (С самолета, 3) 208
«И вовсе я не пророчица...» 280

- «И вот, наперекор тому...» 283
«И вот одна осталась я...» 124
«И время прочь, и пространство прочь...» (Наяву; Шиповник цветет, 2) 219
«И все пошли за мной, читатели мои...» 301
«И встретил Иаков в долине Рахиль...» (Рахиль; из цикла «Библейские стихи», I) 144
«И всюду клевета сопутствовала мне...» (Клевета) 163
«И город весь стоит оледенелый...» (Воронеж) 179
«И жар по вечерам, и утром вялость...» 270
«И как будто по ошибке...» (Из цикла «Читая „Гамлета“, 2) 20
«И, как всегда бывает в дни разрыва...» (Разрыв, 2) 182
«И клялись они Серпом и Молотом...» 276
«И когда друг друга проклинали...» 21
«И комната, в которой я болею...» (Смерть, III) 205
«...И кто-то, во мраке деревьев незримый...» (Отрывок) 47
«И мальчик, что играет на волынке...» 23
«...И месяц, скучая в облачной мгле...» (Новогодняя баллада) 169
«...И мне показалось, что это огни...» (Отрывок) 234
«И мы забыли навсегда...» (Петроград, 1919) 133
«...И на ступеньки встретить...» 45
«...И на этом сквозняке...» (Вереница четверостиший) 211
«И наконец ты слово произнес...» (Тринадцать строчек; Полночные стихи, 4) 228
«И не дослушаю впотьмах...» 296
«И неоплаканною тенью...» 276
«И никакого розового детства...» (О десятых годах; Северные элегии, <вторая>) 255
«И осталось из всего земного...» 286
«И отрок играет безумцу царю...» (Мелхола; из цикла «Библейские стихи», III) 146
«...И отступилась я здесь от всего...» (Нас четверо; Венок мертвым, VIII) 248
«И очертанья „Фауста“ вдали...» 292
«И по собственному дому...» 306
И последнее («Была над нами, как звезда над морем...»; Полночные стихи, 7) 230
«И праведник шел за посланником Бога...» (Лотова жена; из цикла «Библейские стихи», II) 145
«И, придя в свою светлицу...» (Из цикла «Сказка о черном кольце», 3) 149
«И с тобой, моей первой причудой...» (Подражание И. Ф. Анненскому) 36
«И сердце то уже не отзовется...» (Венок мертвым, XI) 249
«И скупо оно и богато...» (Вереница четверостиший) 211
«И слава лебедью плыла...» (Вереница четверостиший) 212
«И снова осень валит Тамерланом...» (Борису Пастернаку, 1; Венок мертвым, VII) 246
«И та, что сегодня прощается с милым...» (Клятва) 196
«И требовала, чтоб кусты...» (Еще об этом лете) 315
«...и третье, что нами владеет всегда...» (Почти в альбом) 316
«И ты ко мне вернулась знаменитой...» 289
«И ты мне все простишь...» 276
«И увидел месяц лукавый...» 293

Алфавитный указатель

- «И упало каменное слово...» (Приговор; Реквием, VII) 336
«И целый день, своих пугаясь стонов...» 129
«И это станет для людей...» (Шиповник цветет, 13) 224
«И юностью манит, и славу сулит...» 307
Ива («А я росла в узорной тишине...») 181
Из «Дневника путешествия» (*Стихи на случай*) («Светает. Это Страшный суд...») 321
(Из забытого) («Ах! — где те острова...») 280
Из итальянского дневника (Мэчелли) («Мы по ошибке встретили год...») 322
Из набросков («Даль рухнула, и пошатнулось время...») 304
«Из памяти твоей я выну этот день...» 101
«Из перламутра и агата...» (Явление луны; Луна в зените, 7) 203
Из «Последней книги» 424
«Из тюремных ворот...» (Заклинание) 176
(Из цикла «В пути») («Совсем вдали висел какой-то мост...») 323
(Из цикла «Сожженная тетрадь») («Пусть мой корабль пошел на дно...») 297
Из цикла «Ташкентские страницы» («В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...») 238
Из «Черных песен» (I—II) 252
Измена («Не оттого, что зеркало разбилось...»; Новоселье, 3) 209
«Из-под каких развалин говорю...» (Надпись на книге) 305
Имя («Татарское, дремучее...»; Вереница четверостиший) 211
Исповедь («Умолк простивший мне грехи...») 59
«Истлевают звуки в эфире...» (Cinque, 2) 217
Июль 1914 (I—II) 90
- К музыке («Стала я, как в те года, бессонной...») 324
К смерти («Ты все равно придешь — зачем же не теперь?»; Реквием, VIII) 337
К стихам («Вы так вели по бездорожью...»; Вереница четверостиший) 210
«Каждый день по-новому тревожен...» 52
«Казалось мне, что песня спета...» (Наследница) 303
«Как белый камень в глубине колодца...» 105
«Как будто страшной песенки...» (Встреча; Новоселье, 4) 209
«Как в трапезной — скамейки, стол, окно...» (Луна в зените, 8) 204
«Как велит простая учтивость...» (Из цикла «Смятение», 3) 41
«Как вплелась в мои темные косы...» 63
«Как и жить мне с этой обузой...» (Муза; Тайны ремесла, 3) 188
«Как люблю, как любила глядеть я...» 81
«Как мог ты, сильный и свободный...» 143
«Как невеста, получаю...» 82
«Как площади эти обширны...» 84
«Как соломинкой, пьешь мою душу...» 27
«Как ты можешь смотреть на Неву...» 79
«Как у облака на краю...» (Cinque, 1) 216
«Какая есть. Желая вам другую...» 287
«Какие странные слова...» (Ответ) 77
«Какое нам, в сущности, дело...» (Первое предупреждение; Полночные стихи, 2) 227
Клевета («И всюду клевета сопутствовала мне...») 163

- Клеопатра («Уже целовала Антония мертвые губы...») 180
Клятва («И та, что сегодня прощается с милым...») 196
«Когда в мрачнейшей из столиц...» 86
«Когда в тоске самоубийства...» 130
«Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...» 206
«Когда о горькой гибели моей...» 121
«Когда погребают эпоху...» (В сороковом году, 1) 193
«Когда человек умирает...» 181
«Когда я называю по привычке...» 289
«Когда я ночью жду ее прихода...» (Муза) 173
«Кого когда-то называли люди...» 292
«Кое-как удалось разлучиться...» 157
Колыбельная («Далеко в лесу огромном...») 167
Колыбельная («Я над этой колыбелью...») 295
«Кому и когда говорила...» (Черепки, IV) 296
Конец Демона («Словно Врубель наш вдохновенный...»; Вереница четверостиший) 210
«Косноязычно славивший меня...» (Из цикла «Черный сон», 1) 136
«Красотка очень молода...» (В Зазеркалье; Полночные стихи, 3) 228
«Кто знает, что такое слава!..» (Пушкин) 192
«Кто чего боится...» (Дорожная, или Голос из темноты; Песенки, 1) 236

«Легкие летят недели...» (Реквием, VI) 335
Ленинград в марте 1941 («Cadran solaire на Меншиковом Доме...») 184
«Ленинградскую беду...» 291
Летний сад («Я к розам хочу, в тот единственный сад...») 234
Лишняя («Тещил — ужас. Грела — выюга...»; Песенки, 4) 237
Лозинский 446
Лондонцам («Двадцать четвертую драму Шекспира...»; В сороковом году, 2) 193
Лотова жена («И праведник шел за посланником Бога...»; из цикла «Библейские стихи», II) 145
Луна в зените (1—8) 201
«Лучше б мне частушки задорно выкликать...» 105
Любовная («А ведь мы с тобой...»; Песенки, 3) 237
Любовь («То змейкой, свернувшись клубком...») 22

«Магдалина билась и рыдала...» (Распятие; Реквием, X, 2) 339
Майский снег («Прозрачная ложится пелена...») 89
Мартовская элегия («Прошлогодних сокровищ моих...») 239
Маяковский в 1913 году («Я тебя в твоей не знала славе...») 183
«Меж сосен метель присмирела...» (Предвесенняя элегия; Полночные стихи, 1) 227
Мелхола («И отрок играет безумцу царю...»; из цикла «Библейские стихи», III) 146
«Меня, как реку...» (Северные элегии, <пятая>) 257
«Меня покинул в новолунье...» 268
Милому («Голубя ко мне не присылай...») 103
«Мне все твоя мерещится работа...» (Художнику) 174
«...Мне летние просто невнятные улыбки» (Три осени) 212
«Мне, лишенной огня и воды...» (Черепки, I) 295

- «Мне не надо счастья малого...» 106
«Мне ни к чему одические рати...» (Тайны ремесла, 2) 187
«Мне от бабушки-татарки...» (Из цикла «Сказка о черном кольце», 1) 148
«Мне с Морозовой класть поклоны...» (Последняя роза) 252
«Мне с тобою пьяным весело...» 30
Многим («Я — голос ваш, жар вашего дыханья...») 170
«Многое еще, наверно, хочет...» (Тайны ремесла, 9) 191
«Могла ли Биче словно Дант творить...» (Эпиграмма; Тайны ремесла, 7) 190
«Моей наследницею полноправной будь...» (Завещание) 271
«Моею Музой оказалась мука...» 309
«Можжевельника запах сладкий...» (Из цикла «Июль 1914», II) 91
«Мои молодые руки...» 285
«Мой городок игрушечный сожгли...» (Городу Пушкина, 1) 235
Молитва («Дай мне горькие годы недуга...») 93
«Молюсь оконному лучу...» 19
«Морозное солнце. С парада...» (Белый дом) 99
Мужество («Мы знаем, что ныне лежит на весах...») 197
Муза («Как и жить мне с этой обузой...»; Тайны ремесла, 3) 188
Муза («Когда я ночью жду ее прихода...») 173
«Муза ушла по дороге...» 73
«Муза-сестра заглянула в лицо...» (Музе) 33
Музе («Муза-сестра заглянула в лицо...») 33
Музыка («В ней что-то чудотворное горит...») 233
Музыка («Сама себя чудовищно рождая...») 324
Музыке («Ты одна разрыть умеешь...») 323
«Мурка, не ходи, там сыч...» 128
«Мы запретное вкусили знанье...» (Два голоса) 294
«Мы знаем, что ныне лежит на весах...» (Мужество) 197
«Мы на сто лет состарились, и это...» (Памяти 19 июля 1914) 96
«Мы не умеем прощаться...» 91
«Мы по ошибке встретили год...» (Из итальянского дневника (Мэчелли)) 322
«На дом Софокла в ночь слетел с небес орел...» (Смерть Софокла; Античная страничка, I) 241
«На землю саван тягостный возложен...» (Первое возвращение) 21
«На пороге белом рая...» 161
«На разведенном мосту...» 272
«На руке его много блестящих колец...» 265
На Смоленском кладбище («Вот все, кого я на земле застала...») 213
«На сотни верст, на сотни миль...» (С самолета, 1) 207
«На стеклах нарастает лед...» 293
«На шее мелких четок ряд...» 129
«Наверно, страшен был и грозен юный царь...» (Александр у Фив; Античная страничка, II) 242
Надпись на книге («Из-под каких развалин говорю...») 305
Надпись на книге «Тростник» («Почти от залетейской тени...») 173
Надпись на неоконченном портрете («О, не вздыхайте обо мне...») 35
Надпись на «Подорожнике» («Совсем не тот таинственный художник...») 183
Надпись на портрете («Дымное исчадие полнолуны...») 216

- «Нам бы только до взморья добраться...» (Побег) 85
«Нам встречи нет. Мы в разных станах...» 155
«Нам свежесть слов и чувства простоту...» 77
Нас четверо («...И отступилась я здесь от всего...»; Венок мертвым, VIII) 248
Наследница («Казалось мне, что песня спета...») 303
«Настоящую нежность не спутаешь...» 49
«Настоящую оду...» (Царскосельская ода) 250
«Наше священное ремесло...» 192
Наяву («И время прочь, и пространство прочь...»; Шиповник цветет, 2) 219
«Не будем пить из одного стакана...» 48
«Не бывать тебе в живых...» 160
«Не должен быть очень несчастным...» (Читатель; Тайны ремесла, 5) 189
«Не дышали мы сонными маками...» (Cinque, 5) 218
«Не здороваются, не рады!..» (Сосны) 312
«Не лирою влюбленного...» 297
«Не любишь, не хочешь смотреть?..» (Из цикла «Смятение», 2) 41
«Не мешай мне жить — и так не сладко...» 302
«Не мудрено, что похоронным звоном...» 300
«Не недели, не месяцы — годы...» (Разрыв, 1) 182.
«Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...» (Из цикла «Три стихотворения», 3) 167
«Не оттого, что зеркало разбилось...» (Измена; Новоселье, 3) 209
«Не повторяй — душа твоя богата...» 298
«Не прислал ли лебедя за мною...» 176
«Не пугайся, — я еще похожей...» (Шиповник цветет, 11) 223
«Не с теми я, кто бросил землю...» 136
«Не с тобой мне есть угощенье...» 302
«Не смеялась и не пела...» (Прощальная; Песенки, 5) 237
«Не столицей европейской...» (Немного географии) 279
«Не страшай меня грозной судьбой...» 235
«Не тайны и не печали...» 103
«Не чудо ли, что знали мы его...» 273
«Небо мелкий дождик сеет...» 102
«Небывалая осень построила купол высокий...» 150
«Невидимка, двойник, пересмешник...» (Поздний ответ; Венок мертвым, VI) 246
«Недуг томит — три месяца в постели...» 314
Немного географии («Не столицей европейской...») 279
«Неповторимые слова...» (В разбитом зеркале; Шиповник цветет, 9) 222
«Непогребенных всех...» 301
«Несказанные речи...» (Другая песенка; Шиповник цветет, 5) 220
«Нет, это не я, это кто-то другой страдает...» (Реквием, III) 332
«Нет, я не выплакала их...» (Вторая годовщина) 215
«Но сущий вздор, что я живу грустя...» (Подвал памяти) 281
«Но я предупреждаю вас...» (В сороковом году, 5) 195
Новогодняя баллада («...И месяц, скучая в облачной мгле...») 169
Новоселье (1—4) 208
«Ноченька!..» (Nox. Статуя «Ночь» в Летнем саду) 199
Ночное посещение («Все ушли, и никто не вернулся...»; Полночные стихи, 6) 229

Алфавитный указатель

- «Ночь моя — бред о тебе...» 266
Ночью («Стоит на небе месяц, чуть живой...») 128
- «О Боже, за себя я все могу простить...» 272
О десятиях годах («И никакого розового детства...»; Северные элегии, <вторая>) 255
- «О, есть неповторимые слова...» 108
«О, жизнь без завтрашнего дня!...» 157
«О, знала ль я, когда в одежде белой...» 169
<О Лермонтове> 491
<О Мандельштаме> 452
«О, не вздыхайте обо мне...» (Надпись на неоконченном портрете) 35
«О нет, я не тебя любила...» 123
«О своем я уже не заплачу...» (Вереница четверостиший) 212
«О, это был прохладный день...» 75
Об Александре Блоке 443
Обман (1–4) 28
«Огромная подводная ступень» (В Выборге) 262
«Один идет прямым путем...» 224
«Одни глядятся в ласковые взоры...» 177
«Одно, словно кем-то встревоженный гром...» (Последнее стихотворение; Тайны ремесла, 6) 190
«Он весь сверкает и хрустит...» (Сад) 37
«Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!...» 54
«Он и после смерти не вернулся...» (Данте) 180
«Он и праведный, и лукавый...» (Август) 299
Он любил... («Он любил три вещи на свете») 35
«Он любил три вещи на свете» (Он любил...) 35
«Он не траурный, он не мрачный...» (Рисунок на книге стихов) 240
«Он прав — опять фонарь, аптека...» (Три стихотворения, 3) 241
«Он, сам себя сравнивший с конским глазом...» (Борис Пастернак) 178
«Она сначала обожжет...» (Песня о песне) 70
«Они летят, они еще в дороге...» 74
«Опять подошли „незабвенные даты“...» 242
«Опять поминальный приблизился час...» (Эпилог; Реквием, 2) 340
«Опять проходит полонез Шопена...» (При музыке) 301
«Особенных претензий не имею...» 297
«Оставь нас с музыкой вдвоем...» 319
«От других мне хвала — что зола...» (Двустушие) 176
«От любви твоей загадочной...» (Из цикла «Черный сон», 3) 137
«От странной лирики, где каждый шаг — секрет...» 291
«От тебя я сердце скрыла...» 177
Ответ («Какие странные слова...») 77
Отрывок («...И кто-то, во мраке деревьев незримый...») 47
Отрывок («...И мне показалось, что это огни...») 234
Отрывок («Так вот где ты скитаться должна...») 311
«Отстояли нас наши мальчишки...» 290
«...Оттого, что мы все пойдем...» 277
- Памяти 19 июля 1914 («Мы на сто лет состарились, и это...») 96
Памяти Анты («...Пусть это даже из другого цикла...»; Венок мертвым, X) 249

- Памяти Бориса Пильняка («Все это разгадаешь ты один...»; Венок мертвым, IV) 244
- Памяти В. С. Срезневской («Почти не может быть, ведь ты была всегда...») 261
- Памяти друга («И в День Победы, нежный и туманный...») 200
- Памяти М. Булгакова («Вот это я тебе, взамен могильных роз...»; Венок мертвым, III) 244
- «Память о солнце в сердце слабеет...» 24
- «Пахнет гарью. Четыре недели...» (Из цикла «Июль 1914», I) 90
- Первая песенка («Таинственной невестри...»; Шиповник цветет, 4) 219
- Первое возвращение («На землю саван тягостный возложен...») 21
- Первое предупреждение («Какое нам, в сущности, дело...»; Полночные стихи, 2) 227
- Первый дальнбойный в Ленинграде («И в пестрой суете людской...») 196
- «Перед весной бывают дни такие...» 97
- «Перед этим горем гнутся горы...» (Посвящение; Реквием) 328
- «Переулочек, переул...» (Третий Зачатьевский; из цикла «Черный сон», 5) 138
- «Перо задело о верх экипажа...» (Прогулка) 42
- Песенка («Бывало, я с утра молчу...») 148
- Песенка («Я на солнечном восходе...») 31
- Песенки (1–6) 236
- Песня о песне («Она сначала обожжет...») 70
- Песня последней встречи («Так беспомощно грудь холодела...») 26
- Петербург в 1913 году («За заставой воеет шарманка...») 251
- Петроград, 1919 («И мы забыли навсегда...») 133
- «Пива светлого наварено...» 273
- «Пленник чужой! Мне чужого не надо...» 121
- «По аллее проводят лошадок...» (Из цикла «В Царском Селе», 1) 22
- «По волнам блуждаю и прячусь в лесу...» (Вместо посвящения; Полночные стихи) 227
- «По неделе ни слова ни с кем не скажу...» 122
- «По твердому гребню сугроба...» 126
- «По той дороге, где Донской...» (Шиповник цветет, 7) 221
- Побег («Нам бы только до взморья добраться...») 85
- Победа (1–3) 200
- «Победа у наших стоит дверей...» (Победа, 3) 200
- Победителям («Сзади Нарвские были ворота...») 199
- Под Коломной («...Где на четырех высоких лапах...») 214
- «Под крышей промерзшей пустого жилья...» 79
- «Под узорной скатертью...» (Застольная; Песенки, 2) 236
- Подвал памяти («Но суший вздор, что я живу грустя...») 281
- Подражание армянскому («Я приснюсь тебе черной овцой...») 279
- Подражание И. Ф. Анненскому («И с тобой, моей первой причудой...») 36
- Подражание Кафке («Другие уведят любимых...») 310
- Подражание корейскому («Приснился мне почти что ты...») 300
- «Подумаешь, тоже работа...» (Поэт; Тайны ремесла, 4) 188
- «Подушка уже горяча...» (Из цикла «Два стихотворения», 1) 19
- Поздний ответ («Невидимка, двойник, пересмешник...»; Венок мертвым, VI) 246

- «Пока не свалюсь под забором...» 161
«Показать бы тебе, насмешнице...» (Реквием, IV) 333
«Покинув рощи родины священной...» (Из цикла «Эпические мотивы», II) 151
«Покорно мне воображень...» 46
Полночные стихи (*Семь стихотворений*) 227
«Помолись о нищей, о потерянной...» 57
«Пора забыть верблюжий этот гам...» (Три стихотворения, 1) 240
Посвящение («Перед этим горем гнутся горы...»; Реквием) 328
«После ветра и мороза было...» 43
Последнее возвращение («День шел за днем — и то и сё...») 215
Последнее стихотворение («Одно, словно кем-то встревоженный гром...»; Тайны ремесла, 6) 190
Последний день в Риме («Заключенье не бывшего цикла...») 322
Последний гост («Я пью за разоренный дом...»; Разрыв, 3) 182
Последняя («Услаждала бредами...»; Песенки, 6) 238
Последняя роза («Мне с Морозовою класть поклонь...») 252
«Постучи кулачком — я открою...» (2) 198
«Погускнел на небе синий лак...» 72
«Почернел, искривился бревенчатый мост...» 164
Почти в альбом («...и третье, что нами владеет всегда...») 316
Почти в альбом («Услышишь гром и вспомнишь обо мне...»; Трилистник московский, 1) 226
«Почти не может быть, ведь ты была всегда...» (Памяти В. С. Срезневской) 261
Поэма без Героя 351
Поэт («Подумаешь, тоже работа...»; Тайны ремесла, 4) 188
«Прав, что не взял меня с собой...» (Из «Черных песен», I) 252
Предвесенняя элегия («Меж сосен метель присмирела...»; Полночные стихи, 1) 227
Предсказание («Видел я тот венец златокованный...») 133
Предыстория («Россия Достоевского. Луна...»; Северные элегии, первая) 253
При музыке («Опять проходит полонез Шопена...») 301
При непосылке поэмы («Приморские порывы ветра...») 225
«Привольем пахнет дикий мед...» 277
Приговор («И упало каменное слово...»; Реквием, VII) 336
«Приду туда, и отлетит томлень...» 94
«Приморские порывы ветра...» (При непосылке поэмы) 225
Приморский сонет («Здесь все меня переживет...») 233
«Приснился мне почти что ты...» (Подражание корейскому) 300
«Приходи на меня посмотреть...» 269
Причитание («Господеви поклонитесь...») 146
Про стихи («Это — выжимки бессонниц...»; Тайны ремесла, 8) 191
«Проводила друга до передней...» 49
Прогулка («Перо задело о верх экипажа...») 42
«Прозрачная ложится пелена...» (Майский снег) 89
«Проплывают льдины, звеня...» (Из цикла «Черный сон», 4) 138
«Пророчишь, горькая, и руки уронила...» 160
«Простишь ли мне эти ноябрьские дни?...» 66
«Просыпаться на рассвете...» 120

- «Протертый коврик под иконой...» 65
«Прошлогодних сокровищ моих...» (Мартовская элегия) 239
Прощальная («Не смеялась и не пела...»; Песенки, 5) 237
«Птицы смерти в зените висят...» 197
«Пустых небес прозрачное стекло...» 90
«Пусть голоса органа снова грянут...» 158
«Пусть грубой музыки обрушится волна...» 292
«Пусть даже вылета мне нет...» 318
«Пусть кто-то еще отдыхает на юге...» (Шиповник цветет, 10) 222
«Пусть мой корабль пошел на дно...» (Из цикла «Сожженная тетрадь») 297
«...Пусть это даже из другого цикла...» (Памяти Анты; Венок мертвым, X) 249
Путем вся земля (Китежанка) 343
«Путник милый, ты далече...» 154
Пушкин («Кто знает, что такое слава!..») 192
Пятая роза («Звалась Soleil ты или Чайной...») 319
«Пятым действием драмы...» (Царскосельские строки; Венок мертвым, XII) 249

«Разве я стала совсем не та...» 289
Разрыв (1–3) 182
Распятие 1, 2 (Реквием, X) 339
Рахиль («И встретил Иаков в долине Рахиль...»; из цикла «Библейские стихи», I) 144
Реквием 325
Рисунок на книге стихов («Он не траурный, он не мрачный...») 240
Родная земля («В заветных ладанках не носим на груди...») 251
Романс («Что тоскуешь, будто бы вчера...») 321
«Россия Достоевского. Луна...» (Предыстория; Северные элегии, первая) 253

«С грозных ли площадей Ленинграда...» (Луна в зените, 2) 202
«С Новым Годом! С новым горем!..» 281
С самолета (1–3) 207
Сад («Он весь сверкает и хрустит...») 37
«Сама себя чудовищно рождая...» (Музыка) 324
Самой Поэме («Ты растешь, ты цветешь, ты — в звуке...») 309
«Светает. Это Страшный суд...» (Из «Дневника путешествия») 321
Северные элегии (Первая—Седьмая) 253
«Семнадцать месяцев кричу...» (Реквием, V) 334
«Семь тысяч три километра...» (Черепки, III) 296
«Сердце бьется ровно, мерно...» (Из цикла «Стихи о Петербурге», 2) 64
«Сердце к сердцу не приковано...» 31
Сероглазый король («Слава тебе, безысходная боль!..») 34
«Сжала руки под темной вуалью...» 24
«Сзади Нарвские были ворота...» (Победителям) 199
«Синий вечер. Ветры кротко стихли...» (Из цикла «Обман», 3) 29
«Сказал, что у меня соперниц нет...» 135
Сказка о черном кольце (1–3) 148
«Сколько б другой мне ни выдумал пыток...» 311

- «Слаб голос мой, но воля не слабеет...» 71
«Слава тебе, безысходная боль!» (Сероглазый король) 34
«Славно начато славное дело...» (Победа, 1) 200
«Сладок запах синих виноградин...» 35
«Словно Ангел, возмутивший воду...» 121
«Словно Врубель наш вдохновенный...» (Конец Демона; Вереница четверостиший) 210
«Словно дальнему голосу внемлю...» (Венок мертвым, IX) 248
«Словно дочка слепого Эдипа...» (Борису Пастернаку, 3; Венок мертвым, VII) 247
«Словно по чьему-то повеленью...» (Ташкент зацветает, 1) 207
Слово о Данте 487
Слово о Пушкине 489
«Слух чудовищный бродит по городу...» 141
Слушая пение («Женский голос, как ветер, несется...») 314
«Смеркается, и в небе темно-синем...» (Из цикла «Эпические мотивы», III) 152
Смерть (I–III) 205
Смерть Софокла («На дом Софокла в ночь слетел с небес орел...»; Античная страничка, I) 241
«Смуглый отрок бродил по аллеям...» (Из цикла «В Царском Селе», 3) 23
Смятение (1–3) 41
«Со дня Купальницы-Аграфены...» 60
«Со шпаной в канавке...» 294
«Соблазна не было. Соблазн в тиши живет...» (Из цикла «Три стихотворения», 2) 166
«Совсем вдали висел какой-то мост...» (Из цикла «В пути») 323
«Совсем не тот таинственный художник...» (Надпись на «Подорожнике») 183
Сожженная тетрадь («Уже красуется на книжной полке...»; Шиповник цветет, 1) 218
«Солнце комнату наполнило...» (8 ноября 1913) 58
Сон («Был вещим этот сон или не вещим...»; Шиповник цветет, 6) 220
Сон («Я знала, я снюсь тебе...») 98
«Соседка из жалости — два квартала...» 284
«Сослужу тебе верную службу...» 155
Сосны («Не здороваются, не рады!...») 312
«Справа раскинулись пустыри...» 201
«Сразу стало тихо в доме...» 119
«Среди морозной праздничной Москвы...» (Без названия; Трилистник московский, 2) 226
«Стал мне реже сниться, слава Богу...» 95
«Стала я, как в те года, бессонной...» (К музыке) 324
Стансы («Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь...») 284
«Стеклянный звонок...» (Стеклянный звонок) 291
Стеклянный звонок («Стеклянный звонок...») 291
Стихи о Петербурге (1–2) 63
«Стоит на небе месяц, чуть живой...» (Ночью) 128
«Столько просьб у любимой всегда...» 50
«Страх, во тьме перебирая вещи...» 156
«Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь...» (Стансы) 284

- «Стряслось небывалое злое...» 320
«Судьба ли так моя переменилась...» 104
- «Таинственной невстречи...» (Первая песенка; Шиповник цветет, 4) 219
Тайны ремесла (1–9) 187
«Так беспомощно грудь холодела...» (Песня последней встречи) 26
«Так вот где ты скитаться должна...» (Отрывок) 311
«Так вот он — тот осенний пейзаж...» (Северные элегии, <четвертая> 257
«Так много камней брошено в меня...» (Уединение) 69
«Так не зря мы вместе бедовали...» 314
«Так отлетают темные души...» 282
«Так просто можно жизнь покинуть эту...» 275
«Там белые церкви и звонкий, светящийся лед...» (Бежецк) 134
«Там тень моя осталась и тоскует...» 101
«Татарское, дремучее...» (Имя; Вереница четверостиший) 211
Ташкент зацветает (1–2) 207
«Твой белый дом и тихий сад оставляю...» 69
Творчество («Бывает так: какая-то истома...»; Тайны ремесла, 1) 187
«Тебе покорной? Ты сошел с ума!..» (Из цикла «Чёрный сон», 6) 139
Тень («Всегда нарядней всех, всех розовой и выше...»; В сороковом году, 3) 194
«Теперь никто не станет слушать песен...» 125
«Теперь прощай, столица...» 126
«Течет река неспешно по долине...» 128
«Тешил — ужас. Грела — вьюга...» (Лишняя; Песенки, 4) 237
«Тихо льется тихий Дон...» (Реквием, II) 331
«То змейкой, свернувшись клубком...» (Любовь) 22
«То пятое время года...» 97
«То, что я делаю, способен делать каждый...» 286
«Тот август, как желтое пламя...» 165
«Тот голос, с тишиной великой спора...» 91
«Тот город, мной любимый с детства...» 175
«Тот день всегда необычаен...» (Выход книги (Из цикла «Тайны ремесла»)) 313
«Тот же голос, тот же взгляд...» (Из цикла «Два стихотворения», 2) 20
Третий Зачатьевский («Переулочек, переул...»; из цикла «Чёрный сон», 5) 138
«Третью весну встречаю вдали...» (Луна в зените, 5) 202
Три осени («...Мне летние просто невнятны улыбки») 212
«Три раза пытать приходила...» 38
Три стихотворения (1–3) 166
Три стихотворения (1–3) 240
Трилистник московский (1–3) 226
Тринадцать строчек («И наконец ты слово произнес...»; Полночные стихи, 4) 228
«Туманом легким парк наполнился...» 37
«Ты все равно придешь — зачем же не теперь?..» (К смерти; Реквием, VIII) 337
«Ты всегда таинственный и новый...» (Из цикла «Чёрный сон», 2) 137
«Ты выдумал меня — такой на свете нет...» (Шиповник цветет, 8) 221
«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» 56

- «Ты любила меня и жалела...» 303
«Ты напрасно мне под ноги мечешь...» 298
«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...» 156
«Ты мог бы мне сниться и реже...» 130
«Ты о ней как о первой невесте...» (Запретная роза) 321
«Ты одна разрыть умеешь...» (Музыке) 323
«Ты — отступник: за остров зеленый...» 119
«Ты первый, ставший у источника...» 270
«Ты письмо мое, милый, не комкай...» 59
«Ты прости мне, что я плохо правлю...» 276
«...ты пьян...» (Гости; Новоселье, 2) 208
«Ты растешь, ты цветешь, ты — в звуке...» (Самой Поэме) 309
«Ты стихи мои требуешь прямо...» (Шиповник цветет, 12) 223
«Тяжела ты, любовная память!...» 72
- «У кладбища направо пылил пустырь...» (Из цикла «Читая „Гамлета“, 1) 20
«У меня есть улыбка одна...» 49
У самого моря («I. Бухты изрезали низкий берег...») 109
«Уводили тебя на рассвете...» (Реквием, I) 330
«Угощу под заветнейшим кленом...» 312
Уединение («Так много камней брошено в меня...») 69
«Уж я ль не знала бессонницы...» (В сороковом году, 4) 194
«Уже безумие крылом...» (Реквием, IX) 338
«Уже кленовые листья...» (Царскосельская статуя) 86
«Уже красуется на книжной полке...» (Сожженная тетрадь; Шиповник цветет, 1) 218
«Уже целовала Антония мертвые губы...» (Клеопатра) 180
«Узнала я, как опадают лица...» (Эпилог, 1; Реквием) 340
«Уложила сыночка кудрявого...» 282
«Умолк вчера неповторимый голос...» (Борису Пастернаку, 2; Венок мертвым, VII) 247
«Умолк простивший мне грехи...» (Исповедь) 59
«Услаждала бредами...» (Последняя; Песенки, 6) 238
«Услышишь гром и вспомнишь обо мне...» (Почти в альбом; Трилистник московский, 1) 226
Утешение («Вестей от него не получишь больше...») 92
Учитель («А тот, кого учителем считаю...»; Венок мертвым, I) 243
- «Хвалы эти мне не по чину...» 305
Хозяйка («В этой горнице колдунья...»; Новоселье, 1) 208
«Хор ангелов великий час восславил...» (Распятие; Реквием, X, 1) 339
«Хорошо здесь: и шелест, и хруст...» 147
«Хочешь знать, как все это было?...» 26
Художнику («Мне все твоя мерещится работа...») 174
«Хулимые, хвалимые!...» 308
- Царскосельская ода («Настоящую оду...») 250
Царскосельская статуя («Уже кленовые листья...») 86
Царскосельские строки («Пятым действием драмы...»; Венок мертвым, XII) 249

- «Цветов и неживых вещей...» 52
«Целый год ты со мной неразлучен...» 79
- «Чем хуже этот век предшествующих? Разве...» 125
Через 23 года («Я гашу те заветные свечи...») 317
Черепки (I–V) 295
«Черная вилась дорога...» 80
«Чернеет дорога приморского сада...» 82
«Черную и прочную разлуку...» (Во сне; Шиповник цветет, 3) 219
Черный сон (1–6) 136
Читатель («Не должен быть очень несчастным...»; Тайны ремесла, 5) 189
Читая «Гамлета» (1–2) 20
«Что войны, что чума? — конец им виден скорый...» (Вереница четверостиший) 210
«Что нам разлука? — Лихая забава...» 307
«Что тоскуешь, будто бы вчера...» (Романс) 321
«Что ты бродишь неприкаянный...» 139
«Что ты видишь, тускло на стену смотря...» (Голос памяти) 54
«Что у нас общего? Стрелка часов...» 315
«Чугунная ограда...» 159
- «Шепчет: „Я не пожалею...“» 141
Шиповник цветет (*Из сожженной тетради*) 218
«Широк и желт вечерний свет...» 100
«Широко распахнуты ворота...» 164
«Шутки — шутками, а сорок...» 309
- «Щели в саду вырыты...» (1) 198
- Эпиграмма («Могла ли Биче словно Дант творить...»; Тайны ремесла, 7) 190
Эпилог 1, 2 (Реквием) 340
Эпические мотивы (I–III) 150
«Это — выжимки бессонниц...» (Про стихи; Тайны ремесла, 8) 191
«Это было, когда улыбался...» (Вступление; Реквием) 329
«Это и не старо, и не ново...» 305
«Это рысьи глаза твои, Азия...» 206
«Это те, кто кричали: «Варавву!...» (Защитникам Сталина) 316
«Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...» (Городу Пушкина, 2) 236
Эхо («В прошлое давно пути закрыты...») 240
- «Я буду помнить звездный кров...» (Ташкент зацветает, 2) 207
«Я бы лучше по самые плечи...» 290
«Я была на краю чего-то...» (Смерть, I) 205
«Я в этой церкви слушала Канон...» 272
«Я всем прощение дарую...» 293
«Я гашу те заветные свечи...» (Через 23 года) 317
«Я гибель накликала милым...» 162
«Я говорю сейчас словами теми...» (Вечерняя комната) 33
«Я — голос ваш, жар вашего дыханья...» (Многим) 170
«Я горькая и старая. Морщины...» 272

- «Я друзьям моим сказала...» (Из цикла «Сказка о черном кольце», 2) 149
«Я живу, как кукушка в часах...» 37
«Я знала, я снюсь тебе...» (Сон) 98
«Я знаю, с места не двинуться...» 278
«Я знаю, ты моя награда...» 103
«Я именем твоим не оскверню уст...» 275
«Я к розам хочу, в тот единственный сад...» (Летний сад) 234
«Я на солнечном восходе...» (Песенка) 31
«Я над ними склонюсь, как над чашей...» (Венок мертвым, V) 245
«Я над этой колыбелью...» (Колыбельная) 295
«Я написала слова...» (Из цикла «Обман», 4) 29
«Я научилась просто, мудро жить...» 54
«Я не была здесь лет семьсот...» (Луна в зените, 6) 203
«Я не знаю, ты жив или умер...» 100
«Я не любви твоей прошу...» 42
«Я не любила с давних дней...» (Cinque, 3) 217
«Я приснюсь тебе черной овцою...» (Подражание армянскому) 279
«Я пришла к поэту в гости...» 65
«Я пришла сюда, бездельница...» 32
«Я пью за разоренный дом...» (Последний тост; Разрыв, 3) 182
«Я с тобой, мой ангел, не лукавил...» (Из цикла «Другой голос», 1) 134
«Я с тобой не стану пить вино...» 60
«Я слышу иволги всегда печальный голос...» 124
«Я спросила у кукушки...» 122
«Я так молилась: „Утоли...“» 75
«Я тебя в твоей не знала славе...» (Маяковский в 1913 году) 183
«Я улыбаться перестала...» 74
«Я умею любить...» 265
Явление луны («Из перламутра и агата...»; Луна в зените, 7) 203
8 ноября 1913 («Солнце комнату наполнило...») 58
«Cadran solaire на Меншиковом Доме...» (Ленинград в марте 1941) 184
Cinque (1–5) 216
«De profundis... Мое поколение...» (Венок мертвым, II) 243
Нох. Статуя «Ночь» в Летнем саду («Ноченька!...») 199
Pro domo mea 393

СОДЕРЖАНИЕ

«В то время я гостила на земле...». <i>Наталья Крайнева</i>	5
---	---

Из книги «ВЕЧЕР»

«Молюсь оконному лучу...»	19
Два стихотворения	
1. «Подушка уже горяча...»	19
2. «Тот же голос, тот же взгляд...»	20
Читая «Гамлета»	
1. «У кладбища направо пылил пустырь...»	20
2. «И как будто по ошибке...»	20
«И когда друг друга проклинали...»	21
Первое возвращение	21

I

Любовь	22
В Царском Селе	
1. «По аллее проводят лошадок...»	22
2. «...А там мой мраморный двойник...»	23
3. «Смуглый отрок бродил по аллеям...»	23
«И мальчик, что играет на волынке...»	23
«Сжала руки под темной вуалью...»	24
«Память о солнце в сердце слабеет...»	24
«Высоко в небе облачко серело...»	25
«Дверь полуоткрыта...»	25
«Хочешь знать, как все это было?...»	26
Песня последней встречи	26
«Как соломинкой, пьешь мою душу...»	27

II

Обман	
1. «Весенним солнцем это утро пьяно...»	28
2. «Жарко веет ветер душный...»	28
3. «Синий вечер. Ветры кротко стихли...»	29
4. «Я написала слова...»	29
«Мне с тобою пьяным весело...»	30
«Сердце к сердцу не приковано...»	31

Содержание

Песенка («Я на солнечном восходе...»)	31
«Я пришла сюда, бездельница...»	32
Белой ночью	32

III

Музе	33
Вечерняя комната	33
Сероглазый король	34
Он любил...	35
Надпись на неоконченном портрете	35
«Сладок запах синих виноградин...»	35
Подражание И. Ф. Анненскому	36
«Туманом легким парк наполнился...»	37
«Я живу, как кукушка в часах...»	37
Сад	37
«Три раза пытаться приходила...»	38

Из книги «ЧЕТКИ»

I

Смятение	
1. «Было душно от жгучего света...»	41
2. «Не любишь, не хочешь смотреть?..»	41
3. «Как велит простая учтивость...»	41
Прогулка	42
«Я не люби твоей прошу...»	42
«После ветра и мороза было...»	43
Вечером	43
«Все мы бражники здесь, блудницы...»	44
«...И на ступеньки встретить...»	45
«Безвольно пощады просят...»	45
«В последний раз мы встретились тогда...»	46
«Покорно мне воображень...»	46
Отрывок («...И кто-то, во мраке дерев незримый...»)	47
«„Горят твои ладони...“»	47
«Не будем пить из одного стакана...»	48
«У меня есть улыбка одна...»	49
«Настоящую нежность не спутаешь...»	49
«Проводила друга до передней...»	49
«Столько просьб у любимой всегда!..»	50
«Здравствуй! Легкий шелест слышишь...»	50

II

«Цветов и неживых вещей...»	52
«Каждый день по-новому тревожен...»	52

Содержание

«Высокие своды костела...»	53
«Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!...»	54
Голос памяти	54
«Я научилась просто, мудро жить...»	54
Бессонница	55
«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»	56

III

«Помолись о нищей, о потерянной...»	57
«Вижу выцветший флаг над таможенной...»	57
«Дал Ты мне молодость трудную...»	58
8 ноября 1913	58
«Ты письмо мое, милый, не комкай...»	59
Исповедь	59
«В ремешках пенал и книги были...»	60
«Со дня Купальницы-Аграфены...»	60
«Я с тобой не стану пить вино...»	60
«Вечерние часы перед столом...»	61
«Будешь жить, не зная лиха...»	61

IV

«Как вплелась в мои темные косы...»	63
Стихи о Петербурге	
1. «Вновь Исакий в облаченьи...»	63
2. «Сердце бьется ровно, мерно...»	64
Венеция	64
«Протертый коврик под иконой...»	65
«Я пришла к поэту в гости...»	65
«Простишь ли мне эти ноябрьские дни?...»	66

Из книги «БЕЛАЯ СТАЯ»

I

«Думали: нищие мы, нету у нас ничего...»	69
«Твой белый дом и тихий сад оставлю...»	69
Уединение	69
Песня о песне	70
«Слаб голос мой, но воля не слабеет...»	71
«Был он ревнивым, тревожным и нежным...»	71
«Тяжела ты, любовная память!...»	72
«Потускнел на небе синий лак...»	72
«Вместо мудрости — опытность, пресное...»	72
«А! это снова ты. Не отроком влюбленным...»	73
«Муза ушла по дороге...»	73
«Я улыбаться перестала...»	74

Содержание

«Они летят, они еще в дороге...»	74
«О, это был прохладный день...»	75
«Я так молилась: „Утоли...“»	75
«Есть в близости людей заветная черта...»	76
«Все отнято: и сила, и любовь...»	76
«Нам свежесть слов и чувства простоту...»	77
Ответ	77
«Был блаженной моей колыбелью...»	78

II

«Как ты можешь смотреть на Неву...»	79
«Под крышей промерзшей пустого жилья...»	79
«Целый год ты со мной неразлучен...»	79
«Древний город словно вымер...»	80
«Черная вилась дорога...»	80
«Как люблю, как любила глядеть я...»	81
«Чернеет дорога приморского сада...»	82
«Все обещало мне его...»	82
«Как невеста, получаю...»	82
«Божий Ангел, зимним утром...»	83
«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»	83
«Как площади эти обширны...»	84
Побег	85
«Когда в мрачнейшей из столиц...»	86
Царскосельская статуя	86
«Все мне видится Павловск холмистый...»	87
«Вновь подарен мне дремотой...»	88

III

Майский снег	89
«Зачем притворяешься ты...»	89
«Пустых небес прозрачное стекло...»	90
Июль 1914	
I. «Пахнет гарью. Четыре недели...»	90
II. «Можжевелика запах сладкий...»	91
«Тот голос, с тишиной великой споря...»	91
«Мы не умеем прощаться...»	91
Утешение	92
«Для того ль тебя носила...»	92
Молитва	93
«Буду тихо на погосте...»	93
«Высокомерьем дух твой помрачен...»	94
«Приду туда, и отлетит томлень...»	94
«Стал мне реже снится, слава Богу...»	95
«Будем вместе, милый, вместе...»	95
Памяти 19 июля 1914	96

IV

«Перед весной бывают дни такие...»	97
«То пятое время года...»	97
«Выбрала сама я долю...»	97
Сон	98
Белый дом	99
«Широк и желт вечерний свет...»	100
«Я не знаю, ты жив или умер...»	100
«Из памяти твоей я выну этот день...»	101
«Там тень моя осталась и тоскует...»	101
«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»	101
«Небо мелкий дождик сеет...»	102
«Я знаю, ты моя награда...»	103
«Не тайны и не печали...»	103
Милому	103
«Судьба ли так моя переменялась...»	104
«Как белый камень в глубине колодца...»	105
«Лучше б мне частушки задорно выкликать...»	105
«Еще весна таинственная мледа...»	106
«Мне не надо счастья малого...»	106
«Город сгинул, последнего дома...»	107
«О, есть неповторимые слова...»	108

V

У самого моря	109
---------------	-----

Из книги «ПОДОРОЖНИК»

«Сразу стало тихо в доме...»	119
«Ты — отступник: за остров зеленый...»	119
«Просыпаться на рассвете...»	120
«И в тайную дружбу с высоким...»	120
«Словно Ангел, возмутивший воду...»	121
«Когда о горькой гибели моей...»	121
«Пленник чужой! Мне чужого не надо...»	121
«Я спросила у кукушки...»	122
«По неделе ни слова ни с кем не скажу...»	122
«О нет, я не тебя любила...»	123
«Я слышу иволги всегда печальный голос...»	124
«И вот одна осталась я...»	124
«Чем хуже этот век предшествующих? Разве...»	125
«Теперь никто не станет слушать песен...»	125
«По твердому гребню сугроба...»	126
«Теперь прощай, столица...»	126
«Ждала его напрасно много лет...»	127
Ночью	128

«Течет река неспешно по долине...»	128
«Мурка, не ходи, там сыч...»	128
«На шее мелких четок ряд...»	129
«И целый день, своих пугаясь стонов...»	129
«Ты мог бы мне снится и реже...»	130
«Когда в тоске самоубийства...»	130

Из книги «ANNO DOMINI MCMXXI»

I. После всего

Петроград, 1919	133
Предсказание	133
Бежецк	134
Другой голос	
1. «Я с тобой, мой ангел, не лукавил...»	134
2. «В тот давний год, когда зажглась любовь...»	135
«Сказал, что у меня соперниц нет...»	135
«Земной отрадой сердца не томи...»	135
«Не с теми я, кто бросил землю...»	136
Черный сон	
1. «Косноязычно славивший меня...»	136
2. «Ты всегда таинственный и новый...»	137
3. «От любви твоей загадочной...»	137
4. «Проплывают льдины, звеня...»	138
5. Третий Зачатьевский	138
6. «Тебе покорной? Ты сошел с ума!...»	139
«Что ты бродишь неприкаянный...»	139
«Веет ветер лебединый...»	140
«Ангел, три года хранивший меня...»	140
«Шепчет: «Я не пожалею...»	141
«Слух чудовищный бродит по городу...»	141
«А ты теперь тяжелый и унылый...»	142
«Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...»	142
«За озером луна остановилась...»	143
«Как мог ты, сильный и свободный...»	143
Библейские стихи	
I. Рахиль	144
II. Лотова жена	145
III. Мелхола	146
Причитание («Господеви поклонитесь...»)	146
«Вот и берег северного моря...»	147
«Хорошо здесь: и шелест, и хруст...»	147
Песенка («Бывало, я с утра молчу...»)	148
Сказка о черном кольце	
1. «Мне от бабушки-татарки...»	148
2. «Я друзьям моим сказала...»	149
3. «И, придя в свою светлицу...»	149

Содержание

«Небывалая осень построила купол высокий...»	150
Эпические мотивы	
I. «В то время я гостила на земле...»	150
II. «Покинув рощи родины священной...»	151
III. «Смеркается, и в небе темно-синем...»	152

II. МСМХХI

«Все расхищено, предано, продано...»	154
«Путник милый, ты далече...»	154
«Нам встречи нет. Мы в разных станах...»	155
«Сослужу тебе верную службу...»	155
«Страх, во тьме перебирая вещи...»	156
«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...»	156
«О, жизнь без завтрашнего дня!...»	157
«Кое-как удалось разлучиться...»	157
«А, ты думал — я тоже такая...»	158
«Пусть голоса органа снова грянут...»	158
«Чугунная ограда...»	159
«А Смоленская нынче именинница...»	159
«Пророчишь, горькая, и руки уронила...»	160
«Не бывать тебе в живых...»	160
«Пока не свалюсь под забором...»	161
«На пороге белом рая...»	161
«Я гибель накликала милым...»	162
«Долгим взглядом твоим истомленная...»	162
Клевета	163

III. Голос памяти

«Широко распахнуты ворота...»	164
«Почернел, искривился бревенчатый мост...»	164
«Тот август, как желтое пламя...»	165
Три стихотворения	
1. «Да, я любила их, те сборища ночные...»	166
2. «Соблазна не было. Соблазн в тиши живет...»	166
3. «Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...»	167
Колыбельная («Далеко в лесу огромном...»)	167
«Заплаканная осень, как вдова...»	168
«Буду черные грядки холить...»	168
Новогодняя баллада	169
«О, знала ль я, когда в одежде белой...»	169
Многим	170

Из книги «ТРОСТНИК»

Надпись на книге «Тростник»	173
Муза	173

Содержание

Художнику	174
«Здесь Пушкина изгнание началось...»	174
«Если плещется лунная жуть...»	175
«Тот город, мной любимый с детства...»	175
Двустышие	176
Заклинание	176
«Не прислал ли лебеда за мною...»	176
«Одни глядятся в ласковые взоры...»	177
«От тебя я сердце скрыла...»	177
Борис Пастернак	178
Воронеж	179
«Годовщину последнюю празднуй...»	179
Данте	180
Клеопатра	180
Ива	181
«Когда человек умирает...»	181
Разрыв	
1. «Не недели, не месяцы — годы...»	182
2. «И, как всегда бывает в дни разрыва...»	182
3. Последний гост	182
Маяковский в 1913 году	183
Надпись на «Подорожнике»	183
Ленинград в марте 1941	184

БЕГ ВРЕМЕНИ

Седьмая книга

Тайны ремесла

1. Творчество	187
2. «Мне ни к чему одические рати...»	187
3. Муза	188
4. Поэт	188
5. Читатель	189
6. Последнее стихотворение	190
7. Эпиграмма	190
8. Про стихи	191
9. «Многое еще, наверно, хочет...»	191
«А в книгах я последнюю страницу...»	191
Пушкин	192
«Наше священное ремесло...»	192
В сороковом году	
1. «Когда погребают эпоху...»	193
2. Лондонцам	193
3. Тень	194
4. «Уж я ль не знала бессонницы...»	194
5. «Но я предупреждаю вас...»	195

Ветер войны

Клятва	196
«Важно с девочками простились...»	196
Первый дальнобойный в Ленинграде	196
«Птицы смерти в зените висят...»	197
Мужество	197
1. «Щели в саду вырыты...»	198
2. «Постучи кулачком — я открою...»	198
Нох. Статуя «Ночь» в Летнем саду	199
Победителям	199
«А вы, мои друзья последнего призыва!...»	199
Победа	
1. «Славно начато славное дело...»	200
2. «Вспыхнул над молом первый маяк...»	200
3. «Победа у наших стоит дверей...»	200
Памяти друга	200
«Справа раскинулись пустыри...»	201
Луна в зените	
1. «Заснуть огорченной...»	201
2. «С грозных ли площадей Ленинграда...»	202
3. «Все опять возвратится ко мне...»	202
4. «И в памяти, словно в узорной укладке...»	202
5. «Третью весну встречаю вдали...»	202
6. «Я не была здесь лет семьсот...»	203
7. Явление луны	203
8. «Как в трапезной — скамейки, стол, окно...»	204
Еще одно лирическое отступление	204
Смерть	205
I. «Я была на краю чего-то...»	205
II. «А я уже стою на подступах к чему-то...»	205
III. «И комната, в которой я болею...»	205
«Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...»	206
«Это рысьи глаза твои, Азия...»	206
Ташкент зацветает	
1. «Словно по чьему-то повеленью...»	207
2. «Я буду помнить звездный кров...»	207
С самолета	
1. «На сотни верст, на сотни миль...»	207
2. «Белым камнем тот день отмечу...»	207
3. «И весеннего аэродрома...»	208
Новоселье	
1. Хозяйка	208
2. Гости	208
3. Измена	209
4. Встреча	209
Вереница четверостиший	
«Что войны, что чума? — конец им виден скорый...»	210

«В каждом древе распятый Господь...»	210
К стихам	210
Конец Демона	210
«И было сердцу ничего не надо...»	210
«Взоры огненной огня...»	211
«...И на этом сквозняке...»	211
Имя	211
«И скупое оно и богато...»	211
«И слава лебедью плыла...»	212
«О своем я уже не заплачу...»	212
«За такую скоморошину...»	212
Три осени	212
На Смоленском кладбище	213
Под Коломной	214
«Все души милых на высоких звездах...»	214
Вторая годовщина	215
Последнее возвращение	215
Надпись на портрете	216
Cinque	
1. «Как у облака на краю...»	216
2. «Истлевают звуки в эфире...»	217
3. «Я не любила с давних дней...»	217
4. «Знаешь сам, что не стану славить...»	217
5. «Не дышали мы сонными маками...»	218
Шиповник цветет (<i>Из сожженной тетради</i>)	
«Вместо праздничного поздравленья...»	218
1. Сожженная тетрадь	218
2. Наяву	219
3. Во сне	219
4. Первая песенка	219
5. Другая песенка	220
6. Сон	220
7. «По той дороге, где Донской...»	221
8. «Ты выдумал меня — такой на свете нет...»	221
9. В разбитом зеркале	222
10. «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...»	222
11. «Не пугайся, — я еще похожей...»	223
12. «Ты стихи мои требуешь прямо...»	223
13. «И это станет для людей...»	224
«Один идет прямым путем...»	224
«...А человек, который для меня...»	224
«Вот она, плодоносная осень!..»	225
При непосылке поэмы	225
Трилистник московский	
1. Почти в альбом	226
2. Без названия	226
3. Еще тост	226

Полночные стихи (<i>Семь стихотворений</i>)	
Вместо посвящения	227
1. Предвесенняя элегия	227
2. Первое предупреждение	227
3. В Зазеркалье	228
4. Тринадцать строчек	228
5. Зов	229
6. Ночное посещение	229
7. И последнее	230
Вместо послесловия	230
 Нечет 	
Приморский сонет	233
Музыка	233
Отрывок	234
Летний сад	234
«Не страдай меня грозной судьбой...»	235
Городу Пушкина	
1. «Мой городок игрушечный сожгли...»	235
2. «Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли...»	236
Песенки	
1. Дорожная, или Голос из темноты	236
2. Застольная	236
3. Любовная	237
4. Лишняя	237
5. Прощальная	237
6. Последняя	238
Из цикла «Ташкентские страницы»	238
Мартовская элегия	239
Рисунок на книге стихов	240
Эхо	240
Три стихотворения	
1. «Пора забыть верблюжий этот гам...»	240
2. «И в памяти черной, пошарив, найдешь...»	241
3. «Он прав — опять фонарь, аптека...»	241
Античная страничка	
I. Смерть Софокла	241
II. Александр у Фив	242
«Опять подошли „незабвенные даты“...»	242
«Если б все, кто помощи душевной...»	242
Венок мертвым	
I. Учитель	243
II. «De profundis... Мое поколение...»	243
III. Памяти М. Булгакова	244
IV. Памяти Бориса Пильняка	244
V. «Я над ними склонюсь, как над чашей...»	245
VI. Поздний ответ	246

Содержание

VII. Борису Пастернаку	
1. «И снова осень валит Тамерланом...»	246
2. «Умолк вчера неповторимый голос...»	247
3. «Словно дочка слепого Эдипа...»	247
VIII. Нас четверо	248
IX. «Словно дальнему голосу внемлю...»	248
X. Памяти Анты	249
XI. «И сердце то уже не отзовется...»	249
XII. Царскосельские строки	249
Царскосельская ода	250
Петербург в 1913 году	251
Родная земля	251
Последняя роза	252
Из «Черных песен»	
I. «Прав, что не взял меня с собой...»	252
II. «Всем обещаньям вопреки...»	253
Северные элегии	
Первая. Предыстория	253
<Вторая>. О десятих годах	255
<Третья>. «В том доме было очень страшно жить...»	256
<Четвертая>. «Так вот он — тот осенний пейзаж...»	257
<Пятая>. «Меня, как реку...»	257
<Шестая>. «Есть три эпохи у воспоминаний...»	259
Седьмая. «...А я молчу, я тридцать лет молчу...»	260
Памяти В. С. Срезневской	261
В Выборге	262
«Земля хотя и не родная...»	262

СТИХОТВОРЕНИЯ 1906—1966 ГОДОВ, НЕ ВХОДИВШИЕ В КНИГИ

«Я умею любить...»	265
«На руке его много блестящих колец...»	265
«Глаза безумные твои...»	266
«Ночь моя — бред о тебе...»	266
«В промежутки между грозами...»	267
«Жрицами божественной бессмыслицы...»	267
«Меня покинул в новолунье...»	268
«В углу старик, похожий на барана...»	268
«Загорелись иглы венчика...»	269
«Приходи на меня посмотреть...»	269
«В последний год, когда столица наша...»	269
«И жар по вечерам, и утром вялость...»	270
«Ты первый, ставший у источника...»	270
Завещание	271
«И в Киевском храме Премудрости Бога...»	271

«О Боже, за себя я все могу простить...»	272
«Я в этой церкви слушала Канон...»	272
«На разведенном мосту...»	272
«Я горькая и старая. Морщины...»	272
«Не чудо ли, что знали мы его...»	273
«Пива светлого наварено...»	273
«Здравствуй, Питер! Плохо, старый...»	273
«Дьявол не выдал. Мне все удалось...»	274
«Вечер тот казни достоин...»	274
«Я именем твоим не оскверню уст...»	275
«Так просто можно жизнь покинуть эту...»	275
«И ты мне все простишь...»	276
«И клялись они Серпом и Молотом...»	276
«И неоплаканною тенью...»	276
«Десять лет и год твоя подруга...»	276
«Ты прости мне, что я плохо правлю...»	276
«Здесь девушки прекраснейшие спорят...»	277
«...Оттого, что мы все пойдём...»	277
«Привольем пахнет дикий мед...»	277
«Зачем вы отравили воду...»	278
«...За ландышевый май...»	278
«Я знаю, с места не сдвинуться...»	278
Немного географии	279
Подражание армянскому	279
«Жить — так на воле...»	280
(Из забытого) «Ах! — где те острова...»	280
«И вовсе я не пророчица...»	280
«С Новым Годом! С новым горем!..»	281
Подвал памяти	281
«Уложила сыночка кудрявого...»	282
«Так отлетают темные души...»	282
«И вот, наперекор тому...»	283
Стансы	284
«Соседка из жалости — два квартала...»	284
«Мои молодые руки...»	285
«То, что я делаю, способен делать каждый...»	286
«И осталось из всего земного...»	286
«Какая есть. Желаю вам дружгу...»	287
В тифу	288
«Глаз не свожу с горизонта...»	288
«Когда я называю по привычке...»	289
«А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет...»	289
«И ты ко мне вернулась знаменитой...»	289
«Разве я стала совсем не та...»	289
«Отстояли нас наши мальчишки...»	290
«Я бы лучше по самые плечи...»	290
«Ленинградскую беду...»	291

Содержание

«От странной лирики, где каждый шаг — секрет...»	291
Стекланный звонок	291
«Пусть грубой музыки обрушится волна...»	292
«И очертанья „Фауста“ вдали...»	292
«Кого когда-то называли люди...»	292
«На стеклах нарастает лед...»	293
«Я всем прощение дарю...»	293
«И увидел месяц лукавый...»	293
«Дорогою ценой и неожиданной...»	294
«Со шпаной в канавке...»	294
Два голоса	294
Колыбельная («Я над этой колыбелью...»)	295
Черепки	
I. «Мне, лишеной огня и воды...»	295
II. «Вот и dospорился, яростный спорщик...»	295
III. «Семь тысяч три километра...»	296
IV. «Кому и когда говорила...»	296
V. «Вы меня, как убитого зверя...»	296
«И не дослушаю впотьмах...»	296
«Особенных претензий не имею...»	297
(Из цикла «Сожженная тетрадь»)	
«Пусть мой корабль пошел на дно...»	297
«Не лирою влюбленного...»	297
«Не повторяй — душа твоя богата...»	298
«Забудут? — вот чем удивили!..»	298
«Ты напрасно мне под ноги мечешь...»	298
Август	299
Подражание корейскому	300
«Не мудрено, что похоронным звоном...»	300
При музыке	301
«И все пошли за мной, читатели мои...»	301
«Непогребенных всех...»	301
«Не с тобой мне есть угощенье...»	302
Городу	302
«Не мешай мне жить — и так не сладко...»	302
«Ты любила меня и жалела...»	303
Наследница	303
«Вам жить, а мне не очень...»	304
Из набросков	304
«Это и не старо, и не ново...»	305
Надпись на книге («Из-под каких развалин говорю...»)	305
«Хвалы эти мне не по чину...»	305
«И по собственному дому...»	306
«Все ушли, и никто не вернулся...»	306
«Что нам разлука? — Лихая забава...»	307
«И юностью манит, и славу сулит...»	307
«Хулимые, хвалимые!..»	308

Содержание

«Шутки — шутками, а сорок...»	309
Самой Поэме	309
«Моею Музой оказалась мука...»	309
Подражание Кафке	310
«Сколько б другой мне ни выдумал пыток...»	311
«А я говорю, вероятно, за многих...»	311
Отрывок	311
Сосны	312
«И анютиных глазок стая...»	312
«Угощу под заветнейшим кленом...»	312
Выход книги (<i>Из цикла «Тайны ремесла»</i>)	313
«Недуг томит — три месяца в постели...»	314
Слушая пение	314
«Так не зря мы вместе бедовали...»	314
Еще об этом лете (<i>Отрывок</i>)	315
«Что у нас общего? Стрелка часов...»	315
Защитникам Сталина	316
«А, тебе еще мало по-русски...»	316
Почти в альбом	316
«Все в Москве пропитано стихами...»	317
Через 23 года	317
«И было этим летом так отраднo...»	317
«Все, — кого и не звали, — в Италии...»	318
«Пусть даже вылета мне нет...»	318
Пятая роза	319
«Оставь нас с музыкой вдвоем...»	319
«Запад клеветал и сам же верил...»	320
«Стряслось небывалое злое...»	320
«Быть страшно тобою хвалимой...»	320
Запретная роза	321
Из «Дневника путешествия» (<i>Стихи на случай</i>)	321
Романс	321
Последний день в Риме	322
Из итальянского дневника (Мэчелли)	322
(Из цикла «В пути») («Совсем вдали висел какой-то мост...»)	323
«А я иду, где ничего не надо...»	323
Музыке	323
К музыке	324
Музыка («Сама себя чудовищно рождая...»)	324
«А как музыка зазвучала...»	324

ПОЭМЫ

Реквием	327
Путем вся земли (Китежанка)	343
Поэма без Героя	351

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Pro domo mea	393
Из «Последней книги»	424

МЕМУАРНАЯ ПРОЗА

Амедео Модильяни	435
Об Александре Блоке	443
Лозинский	446
<О Мандельштаме>	452

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Слово о Данте	487
Слово о Пушкине	489
<О Лермонтове>	491

Примечания. <i>Н. Крайнева</i>	493
--------------------------------------	-----

Алфавитный указатель	585
----------------------------	-----

Ахматова А.

А 95 Малое собрание сочинений / Анна Ахматова. — СПб. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 624 с.

ISBN 978-5-389-02947-7

Анна Андреевна Ахматова (1889–1966) — большой русский поэт. «Меня, как реку, суровая эпоха повернула...» — так написала она о своей жизни, пришедшейся на едва ли не самый трагический период нашей истории. Поэзии Ахматовой свойственна «небывалая острота напряженного переживания, глубина скорби, выходящей за пределы личности, становящейся общечеловеческой...» (Б. Лавренев).

В настоящем томе собрана большая часть творческого наследия Анны Ахматовой, как поэтического, так и прозаического: книги «Вечер», «Четки», «Белая Стая», «Подорожник», «Anno Domini», поэмы «Путем вся земли» («Китежанка») и «Реквием».

Сюда вошли также «Поэма без Героя», автобиографическая и мемуарная проза поэта.

Этот том Малого собрания сочинений, так же как и уже вышедшие в издательстве «Азбука» книги серии «Настоящая Ахматова», отличается от всех предшествующих изданий стихотворений и поэм Ахматовой прежде всего качеством текстологической подготовки: все тексты сверены по автографам, хранящимся в государственных архивах и частных собраниях, а также по первым публикациям в периодической печати. В этом издании сохранены особенности авторского написания, сохраняется авторская пунктуация подлинников, соблюдается по возможности вид записи текстов произведений.

Том снабжен предисловием и примечаниями, выполненными Н. Крайневой.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1+6-44-5

Литературно-художественное издание

АННА АХМАТОВА
МАЛОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Александра Савастени
Корректоры Светлана Федорова, Елена Орлова,
Людмила Ни, Станислава Кучепатова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 04.05.2016.
Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 39. Заказ № 0087/16.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YAMS835505R

Жауме Кабре Я ИСПОВЕДУЮСЬ

Впервые на русском языке роман выдающегося каталонского писателя Жауме Кабре «Я исповедуюсь». Книга переведена на двенадцать языков, а ее суммарный тираж приближается к полумиллиону экземпляров.

Герой романа Адриа Ардевол, музыкант, знаток искусства, полиглот, пересматривает свою жизнь, прежде чем незримая метла одно за другим сметет из его памяти все события. Он вспоминает детство и любовную заботу няни Лолы, холодную и прагматичную мать, эрудита-отца с его загадочной судьбой. Наиболее ценным сокровищем принадлежавшего отцу антикварного магазина была старинная скрипка Сториони, на которой лежала тень давнего преступления. Однако оказывается, что история жизни Адриа несводима к нескольким десятилетиям, все началось много веков назад, в каталонском монастыре Сан-Пере дел Бургал, а звуки фантастически совершенной скрипки, созданной кремонским мастером, магически преображают людские судьбы. В итоге мир героя романа наводняют мрачные тайны и мистические загадки, на решение которых потребуются годы.

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, non-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

**ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

**Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:**

www.azbooka.ru/new_authors/

Фотопортрет на обложке работы Е. Кириллова
Серийное оформление П. Кучмы

ISBN 978-5-389-02947-7 05

9 785389 029477

www.azbooka.ru